

ИЕХУДА БУРЛА • ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЫ

ИЕХУДА БУРЛА
ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЫ

Иехуда Бурла
ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ

עבריה וצבי עופר
קבוץ יפעת

הוצא בסיוע

המרכז לשילוב מורשת יהדות המזרח
משרד החינוך והתרבות

ИЕХУДА БУРЛА

Иехуда Бурла

ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1980

Printed in Israel

יהודה בורלא
עלילות עקביה

Yehuda Burla
THE STORY OF AKAVIA

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעמים
בית אדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....

458

Перевел с иврита А. Белов
Редактор С. Шенбрунн

©

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות

לספריה-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

סודר בדפוס "אקספרס", ת.ד. 27166, ירושלים

OCR Давид Титиевский, июль 2021 г., Хайфа

ИЕХУДА БУРЛА (1886 — 1969)

Иехуда Бурла родился в Иерусалиме. Родители хотели, чтобы сын, следуя семейной традиции, стал раввином. На протяжении трехсот лет проживания в Иерусалиме — предки И. Бурлы переселились из Турции в Палестину в XVI веке — эта большая и разветвленная семья выдвинула многих известных раввинов и ученых.

Мальчиком И. Бурла учился в хедере, затем в иешивах и лишь в юношеском возрасте впервые познакомился со светской литературой — еврейской и мировой. Прочитав Льва Толстого, он сказал своему другу:

— Написать такую книгу — и умереть...

— Зачем же умирать? — возразил тот. — Написать и жить!

Не желая более довольствоваться изучением исключительно религиозных дисциплин, И. Бурла в 1909 г. обращается в иерусалимскую учительскую семинарию "Эзра", где преподавание велось на немецком языке.

— Как же ты будешь учиться у нас, не зная языка? — удивился директор.

Юноша ответил:

— Через три месяца я вернусь сюда и буду говорить по-немецки.

И действительно, через три месяца он явился снова, выдержал вступительные экзамены и был зачислен в семинарию. В дальнейшем И. Бурла в течение многих лет занимался преподавательской деятельностью.

В 1911 году он женился на девушке-репатриантке из Одессы, изучавшей живопись в художественном училище "Бецалел". Во время первой мировой войны И. Бурла был мобилизован в турецкую армию и назначен переводчиком при немецком офицере. После войны он возвращается в Иерусалим.

В 1919 году он пишет свой первый рассказ "Луна" и посылает его известному писателю Иосефу Хаиму Бреннеру. "Если Бреннер скажет, что это хорошо, —

буду писать и дальше, если же скажет, что плохо — брошу это дело раз и навсегда”.

Прочитав рассказ, Бреннер сказал друзьям:

— Сегодня в нашей литературе родился Чехов...

В 1928 г. выходит в свет первый роман И. Бурлы “Ненавистная жена”. Затем появляются романы и повести: “Метания души” (1929), “В святости или любви” (1935), “Похождения Акавы” (1939), “На горизонте” (1943), “Путешествия Иехуды ха-Леви” (1959). В 1962 г. выходит в свет собрание сочинений писателя в восьми томах.

Основная тема творчества И. Бурлы — любовь (всегда трагическая) и мессианские чаяния сефардских евреев, их стремление к возрождению еврейской жизни в Сионе.

Родной Иерусалим, переулки и дворы Старого города, его жители со своими неповторимыми характеристиками и особым укладом жизни присутствуют во всех произведениях И. Бурлы и придают им неповторимое очарование. Однако, несмотря на восточный колорит, в целом творчество писателя по своим эстетическим концепциям принадлежит литературе Запада. Романы и повести Иехуды Бурлы вот уже более полувека приковывают к себе внимание десятков и сотен тысяч читателей. Если образ жизни восточноевропейских евреев навеки запечатлен в сочинениях Шолом-Алейхема и Ш. И. Агнона, то быт и нравы, обычаи и устремления сефардов увековечены в произведениях Иехуды Бурлы.

Широко известна общественная деятельность И. Бурлы. В течение многих лет он был председателем ассоциации израильских писателей. Он никогда не жалел ни времени, ни сил на помощь молодым писателям, поддерживал и поощрял творческую молодежь, делился с ней своими знаниями и опытом.

Скончался Иехуда Бурла в Тель-Авиве в возрасте 83 лет.

Офра БУРЛА,
дочь писателя

*Нет лучше Бога, нет возвышенней Его.
Как же из хорошего вырастает зло?
Если ты видишь, что к людям пришла беда,
Значит, виноваты сами люди...*

1. АКАВЬЯ РАССТАЕТСЯ С ТОРОЙ

Конец ияра¹.

В четверг вечером жестянщик тио² Хисдай Кордове-ро, еврей лет сорока с небольшим, после недели скитаний по горным деревушкам в окрестностях Бурсы, что в Анатолии, возвращался домой, в город. Настроение у него было прекрасное. Тихонько напевая одну из тех немногих мелодий, которые знал, он улыбался и готов был сердечно приветствовать каждого, кого встретит по дороге.

На спине у него болтался ящик с инструментами, в одной руке он нес двух кур и здорового петуха, а в другой — тяжелую корзину с кабачками, морковью, огурцами и прочей зеленью, которую собственно-ручно нарвал сегодня в своем огороде в честь субботы. Во рту он уже чувствует запах хамина³. Он видит курицу, опутанную точно мягкими золотыми нитями тонкой лапшой — его супруга сеньора мастерица готовить такую лапшу. Как соскучилась его душа по субботним блюдам, пока он бродил среди гор! Особенно остро Хисдай почувствовал это сейчас, проголодавшись после долгого пути. Вот эта большая курица пойдет на субботний хамин. Когда он думал о хамине,

¹ *Ияр* — весенний месяц еврейского календаря, соответствует апрелю—маю (здесь и далее примечания переводчика).

² *Тио* (падино) — дядя. Уважительная форма обращения.

³ *Хамин* — традиционное субботнее блюдо, напоминающее *чолнт*; готовится в пятницу и выдерживается в течение суток в горячей печи.

он явственно ощущал в своих ноздрях тонкий запах лапши, пропитавшейся чистым, душистым маслом. "Райский вкус", — прошептал он, блаженно облизываясь.

Когда Хисдай проходил по улице среди многочисленных лавок, где евреи, оживленно торгуясь, перебирали груды овощей, многие знакомые тепло и любезно здоровались с ним и он всем улыбался в ответ и каждого дружески приветствовал. Кто-то сказал:

— Смотрите — вот тию Хисдай прибыл издалека, а у него уже все готово к субботе, мы же, находясь в городе, еще не закончили своих дел.

Другой добавил:

— Он всегда умеет устраивать субботу по своему вкусу и разумению, мы же довольствуемся тем, что имеем. Он пьет из источника, а мы — из колодца...

Тию Хисдай улыбнулся обоим и ответил:

— Да, клянусь жизнью, отец, вы правы!

Когда он вошел во двор своего дома, навстречу ему поднялась его жена сеньора — высокая стройная женщина с тонким красивым лицом.

— *Сея бьен венидо!*¹ — сказала она ласково, помогая мужу снять со спины ящик с инструментами.

Он присел, потом растянулся на мягком диване. Завязалась беседа о субботе, о тех жирных курах, что он принес. Жена подала ему чашку кофе и выслушала обстоятельный рассказ об удачах, которые послал им Господь в честь субботы.

А тем временем в дом вошел их единственный сын Акавья — большеголовый рыжий мальчик. Он поцеловал отцовскую руку, и отец ответил ему сердечным поцелуем. Смутившись, запинаясь, будто выплевывал с каждым словом куски кожуры, сын сказал:

— Хахам² велел: "Пусть сразу придет папа, заглянет ко мне. Так скажи ему, только сразу, немедленно". Так велел хахам.

¹ Добро пожаловать! (Ладино).

² Хахам (ивр., букв. мудрец) — раввин, учитель Торы.

В городской одежде и с ожерельем из красных кораллов в руке медленно шагает тию Хисдай к дому хахама. Меламед¹ Абрамаджи — невысокий худощавый еврей с красивой бородой. Хисдай застаёт его сидящим во дворе под ореховым деревом за чашкой кофе и курящим наргиле.

— *Хирулла*, благослови тебя Господь, хахам Абрамаджи, — говорит тию Хисдай. — Что угодно сеньору хахаму? Я готов исполнить.

— Садитесь, тию Хисдай. Отдохните. Поговорим спокойно.

— Большое спасибо. Да продлит Господь ваши дни, сеньор хахам.

— Я пригласил вас, чтобы поговорить о вашем сыне, об Акавье, но только не огорчайтесь, пожалуйста, все предопределено на небе. Наши дети, наша жизнь, наше пропитание — все от Бога. Я окончательно решил просить вас забрать сына. Изменить его невозможно. Нет никакой пользы от пребывания в кутабе. Все мои усилия оказались совершенно бесплодными. Единственное, чего он достиг, это масакар². И на этом остановился. Я делал все, что в моих силах, — ничего не получается. Мальчик не виноват. Таким создал его Творец. На то Его воля. У ребенка доброе сердце. Он жалостлив, честен, благороден. Но что поделаешь? Голова у него твердая. Очень твердая. Как скала. Не хочу даром брать деньги. Это грешно. Я не заслужил того, что дает мне по доброте душевной тию Хисдай. Четыре года возился с ним — а что проку? Потому и вызвал вас.

— Пусть скажет сеньор хахам, как же быть? — проговорил отец упавшим голосом. — Разве есть у нас хахам лучше Абрамаджи? Все ведь знают — нет равного ему во всей Бурсе. Я готов дать вам кусок своего

¹ *Меламед* (ивр.) — учитель в *хедере* или *кутабе* (у сефардов) — начальной школе, где мальчики обучались ивриту, Торе и Талмуду.

² *Масакар* (ладино) — умение читать по слогам.

сердца, только бы вы не поступали так, не бросали его. Кому я могу его передать?

— Никому не надо передавать. Ни один меламед не поможет. Через мои руки прошли, слава Богу, сотни и тысячи. Я видел всяких учеников. Но такого, как он, не доводилось встречать.

— А что я буду с ним делать? Разве это не тяжкий грех — отлучать десятилетнего от Торы? Не глядите, что он рослый, — ему всего десять лет. Вы, его наставник, это знаете. Так пусть он пробудет с вами пока не достигнет бар-мицвы¹. Пусть, по крайней мере, возложит тфиллин². Один он у меня. Я с радостью, от всего сердца буду платить. Зачем вам огорчаться из-за платы за учение? Об этом и думать не стоит. Плата за учение для меня слаще меда. Пусть мальчик будет с вами. Какой от него ущерб сеньору хахаму?

— Вы меня не поняли, тио Хисдай. Дело не в плате. Если он будет сидеть у меня еще три года — ничего не изменится. Ведь он ничего не воспринимает. Так зачем же ему сидеть?

— Может быть, помаленьку, по крохам начнет понимать... Как говорится, пушинка к пушинке, а выйдет перинка... То, что другой, может быть, схватит за месяц, он выучит за год...

— Нет, дядя Хисдай. Право, для него лучше перестать ходить в кутаб. Давайте сделаем перерыв на полгода, на год. Пусть растет без того, чтобы над ним висело ярмо Торы. Пусть поживет свободно. Возьмите его с собой на работу. Он будет хорошим помощником. Или пусть делает, что хочет. Может быть, таким образом он скорее созреет и ум его разовьется. По-

¹ *Бар-мицва* — букв. "сын заповеди"; достижение мальчиком тринадцатилетнего возраста, когда он считается взрослым и обязан соблюдать все заповеди.

² *Тфиллин* — коробочки из кожи, содержащие тексты Священного Писания, начертанные на пергаменте. Накладываются на левую руку и на голову во время ежедневной утренней молитвы; служат знаком союза между Богом и Израилем.

том я попробую взять его обратно. Я ведь сказал вам: у него чистое сердце. Всем детям он рад услужить, со всеми приветлив, охотно отдает другим все, что у него есть. Если кто-нибудь над ним подтрунивает — он терпеливо сносит. Понимает, что они смеются над ним, но не злопамятен и прощает обиды. Все это я говорю вам, дядя Хисдай, не ради утешения, а от всего сердца. Так обстоит дело. Но, может быть, с течением времени его ум обострится.

— Может быть, надо испробовать розги? Может, в голове у него немного просветлеет, если угостить его березовой кашей?

— И это я испробовал. Не знаю, чувствовал ли он боль, но мне было очень больно. Рука болела и сердце тоже. Он не уронил ни слезинки. Терпеливо сносил побои, только провел пару раз рукой, будто стирая боль, — и молчал. Но глядел так, что у меня разрывалось сердце. Не могу его бить. Да и не заслужил он наказания — нет за ним никакой вины.

— Так сеньор окончательно решил и ничего уже нельзя изменить?

— Не я решил, а Создатель. Но, пожалуйста, тию Хисдай, не принимайте это близко к сердцу. Неисповедимы пути Господни. Может быть, спустя много лет Акавье суждено стать большим знатоком Торы. Был у нас великий законоучитель, имя которого схоже с именем вашего сына — рабби Акива. Так до сорока лет он был круглый невежда, и лишь в сорок лет начал изучать Тору. А потом стал светочем знаний для всего народа.

Очень был удручен тию Хисдай, когда расстался с меламедом и возвращался домой. Он шагал медленно и тяжело, словно человек, только что поднявшийся с земли после того, как упал и разбился. "Кто знает Божий промысел?" — думал он с огорчением. Недавно, возвращаясь из горных сел, он был в таком прекрасном настроении и уже чувствовал субботнее блаженство — покой святого дня. А теперь, спустя час — сердце его опустошено, и даже радость субботы отступила.

Может, все случилось потому, что он был чрезмерно счастлив и доволен. Еврею запрещено так сильно радоваться в будний день... Но почему бы и не порадоваться? И кто в состоянии удержать свое сердце? Где граница дозволенного? Ведь его радость была праведной — в связи с субботой... Кто постигнет тайны Всевышнего?

Одно он твердо решил: свою супругу сеньору он не посвятит в это дело. Что-нибудь придумает. Зачем омрачать ей радость субботы? Он сам будет нести в своем сердце тяжесть печали. Такая хорошая женщина, как она, не должна познать такого горя. Почему на небесах решено подвергнуть их обоих столь тяжкой каре? Чем он согрешил? Простому смертному не дано уразуметь это. Если рассказать ей все, как есть, она горько заплачет, будет тяжело вздыхать и скажет, что она во всем виновата, что это ее наказывает Бог. Ведь не удостоилась она иметь сыновей, кроме одного, да и тот ущербный. Нет, он не хочет ее огорчать. А потому — молчок, ни слова.

Когда он вернулся домой, то попросил жену подать ему наргиле и, пока она возилась с приготовлениями, принялся громко рассказывать, как прошла неделя, в каких деревнях он работал. Свой рассказ он умело приправлял шутками и забавными историями.

Они сидели и пили кофе. И тогда жена сказала:

— А ты не рассказал мне, зачем тебя вызвал хахам. Или, может быть, ты к нему и не ходил?

— А, чуть было не позабыл. Ничего особенного. Хахам сказал, что ему кажется, что Акавья устал от учебы. Это дело обычное для детей — их мозг быстро утомляется. И тогда полезно сделать перерыв. Он рекомендует, чтобы я взял его с собой на некоторое время, чтобы он повзрослел и развился. Тогда он лучше и глубже будет воспринимать Тору. Наш хахам знает, что говорит.

— Такой маленький и уже устал? Не слышала я о подобном...

— Хахам сказал, что за годы его работы было много

таких случаев. Понятно, что ты не слышала, потому что это были не твои дети. Откуда же тебе знать?

— И ты его возьмешь с собой скитаться по стране и работать?

— Да. На некоторое время. Затем он вернется к хахаму Абрамаджи. Так он советует, и так мы сделаем.

Из глаз жены потекли слезы. Но она смиренно приняла приговор и сказала:

— На то Божья воля. Пусть все обернется к лучшему. Может быть, свершится чудо и мальчик потом все наверстает.

А Хисдай, чтобы успокоить ее, поведал ей историю о рабби Акиве, которую узнал из уст хахама.

2. АКАВЬЯ В ГОРАХ

Всю первую неделю мальчик шагал рядом с отцом, словно оглушенный. Величественные горы казались ему нереальными, то, что открывалось его глазам, было выше его понимания. Он весь сжался, как напуганный зайчонок, и молча шел рядом с отцом, как бы желая укрыться под его сенью. Растерянный, ошеломленный, он переставлял ноги, с опаской поглядывая по сторонам. И молчал. Все время молчал — и когда они шли пешком, и когда ехали на попутных крестьянских телегах. Отец пытался вовлечь его в разговор, но безуспешно. Акавья отвечал односложно. Случается, что во время бури кто-то на мгновение, приоткрыв дверь, высовывает голову наружу, а потом прячется. Так и Акавья, выдавив из себя два слова, снова умолкал.

Однажды, когда они поднимались по горной тропинке в село, где жестянщика поджидала работа, отец снова попытался завязать беседу с Акавьей.

— Почему ты молчишь, сын мой? В пути приятно поговорить. А ты — точно воды в рот набрал...

— А чего говорить? Не о чем говорить.

— Хорошо ли, что я взял тебя с собой?

— Хорошо.

— Не лучше было бы оставить тебя дома с мамой?

— Нет.

— Почему?

Молчание.

— Почему ты молчишь? Разве я не с тобой разговариваю?

— Да, со мной.

— Так отвечай же, скажи что-нибудь. О чем ты думаешь? Или ты не умеешь говорить? Ты ведь не грудной ребенок...

Молчание.

Отец опасался, что это безмолвное путешествие только повредит сыну. "Да, с огорчением думал он, мальчик абувадо¹. Хахам был прав". Ни он сам, ни жена не догадывались, какой их сын тугодум. Дома это было не особенно заметно. Иногда он о чем-то спрашивал, что-то говорил, просил, да и отвечал вполне нормально. А теперь Хисдай видит: если на таком простом пути Акавья перестал соображать, то каково же ему шагать по извилистым тропинкам Торы!

Когда они приходили на новое место, сразу появлялись заказчики. Одному нужны ведра, другому — кувшины, третьему — кофейник, четвертому — коробки, терки или светильники... И отец садился, резал ножницами жесть, орудовал молотком и мастерил то, что ему заказывали, а мальчик сидел молча и наблюдал. Только когда отец просил подать какой-либо инструмент или что-то сделать, он подымался, но тут же снова садился, не вымолвив ни слова. Когда кто-нибудь приходил и начинал беседовать с отцом, Акавья с удивлением глядел на говорившего (он плохо понимал турецкий язык), и на его лице было смятение. Крестьяне с недоумением поглядывали на этого странного белолицего, рыжего парнишку, молча сидевшего с открытым ртом.

— Кто этот мальчик, отец Хасда?

— Мой сынишка.

¹ Абувадо (ладино) — туповат.

— Пусть будет здоров! — бормотал собеседник и больше не интересовался Акавьей.

В конце недели они вернулись домой. Мальчик снова оказался в привычной среде, — но тут в нем вдруг проснулась тяга к просторам, ему захотелось снова уйти в горы. Родители заметили, что Акавья весь день мыслями возвращается к путешествию (раньше они не слишком пристально наблюдали за ним). Он забрасывал отца вопросами, снова и снова вспоминая то, что привлекло его внимание. Иногда это был какой-нибудь пустяк, но чаще он высказывал суждения или задавал вопросы, свидетельствующие о большой впечатлительности и глубоком понимании.

Когда Акавьи не было в комнате, отец сказал жене:

— Вот видишь, сеньора, мысль хахама Абрамаджи глубока и верна. Всю неделю мальчик вел себя, как истукан, ничего не говорил, не спрашивал, не издал ни звука, чем очень меня озаботил. А теперь он спрашивает и спрашивает. Сейчас мне все понятно: он был подобен человеку, который впервые хлебнул арака — с непривычки обжег губы и сморщился. Но когда он привыкнет к этому напитку, то будет сам тянуться за рюмкой и просить еще и еще, его не удержать. Так и наш сын. Всю неделю он ходил как пьяный, а теперь немного очухался, принялся думать обо всем, что видел, и горит желанием повидать еще.

В первые недели странствий поведение Акавьи часто казалось отцу очень странным. Порой он просто не понимал, о чем говорит его мальчик, и тогда в его сердце закрадывалась тревога: в своем ли уме сынишка?

Однажды, когда они шагали за ослом, которого нанял Хисдай, Акавья спросил:

— А куда мы сегодня придем?

— В Кучук Джиндин (Малый Джиндин. Напротив, на расстоянии трех часов ходьбы, находился Буюк Джиндин — Большой Джиндин).

— А когда мы снова пойдем в Буюк Джиндин?

— В это село мы больше не пойдем.

— Почему?

— А зачем? Я там пробыл два дня и продал все, что смог.

— Но ведь там нас просили отремонтировать водосточные трубы, в этом красивом доме, в доме сына султана.

— Сына султана?

— Да, там. В Буюк Джиндине.

— Кто просил?

— *Бин баши*¹ просил.

— Кто тебе сказал?

— Вы, сеньор папа, сказали мне. Разве вы не сказали, что сын султана хочет обновить трубы?

— Ты что... бредишь? Нет никаких труб и никакого бин баши... Откуда ты взял сына султана? Может, тебе приснилось?

Мальчик взглянул на отца и не знал, что ответить. Было видно, что он иногда путает действительность со своими грезами.

А однажды, когда под вечер после работы они присели отдохнуть напротив сельской мечети, Акавья вдруг спросил отца:

— А в том селе, где мы рвали морковь — такую крохотную — а потом мыли ее в реке и ели — такую нежную и сладкую... Как это село называется?

— Дирами. Тебе понравилась морковь? Ведь мы вчера там были.

— Да. Дирами. А куда вы дели тот большой мешок с морковью, который купили?

— Опомнись, сынок, Господь с тобою! Какой мешок? Когда мы покупали морковь?

— Разве вы не взвалили его мне на спину и не сказали, что он тяжелый? Но он не был тяжелым. Я его нес. А где... Куда мы его дели? Я не помню...

— Теперь я знаю, что ты грезишь, мой мальчик. Тебе снятся хорошие сны, но знай, что ты грезишь. Это тебе приснилось ночью. А дома у тебя были такие сновидения?

¹ *Бин баши* (турецк.) — майор.

— Не знаю...

Так отец и сын беседовали, шагая по дорогам. Иногда слова Акавы смешили Хисдая, и он безудержно хохотал, но порой они вселяли в его сердце страх.

Чем продолжительнее становились их странствия, тем живее и острее делался разум Акавы. Как человек, долгое время закованный в цепи, сбросив их, наслаждается возможностью расправить все члены и двигаться свободно, так и мальчик, вырвавшись из плена обыденной жизни, расспрашивал, допытывался, жадно вбирал в себя все, что видели его глаза во время скитаний по горным тропинкам, среди могучих скал и ущелий, погруженных в таинственное молчание.

Однажды, когда они встали с зарей и начали готовиться в путь-дорогу, чтобы подняться в село, расположенное на вершине высокой горы, мальчик вышел со двора — и остановился. Молча стоял он, вытянув шею и раскрыв рот. Там, вдали, напротив села, где они находились, виднелась могучая и широкая долина, а по склонам, справа и слева, лежали обработанные террасы, словно покрытые коврами — зелеными, серыми, золотистыми. Ступени террас, вздымавшихся с двух сторон, казались волшебной лестницей, ведущей к сказочным дворцам, терявшимся на горизонте.

Отец вышел со двора поторопить сына:

— *Айди ижо, айди Акавиаджи*¹. Возьми ослика — и в путь.

— А что там такое? Что там?

— Где, сын мой?

— Там.

— Зелень. Грядки. Очень красиво.

— Не эти грядки, а за ними, очень далеко.

— Там горы. Скалистые горы.

— Нет. Между горами... Что там?

— Между горами? Ущелье, долина.

— Нет, сеньор. Вот там... Там!..

¹ Пойдем, сын, пойдем, Акавя (ладино).

— Что ты мне дуришь голову, Акавья? Мы должны идти.

— Но что там такое?

— Где, сын мой?

— Эта мгла... Нет, не мгла... Дым... Вроде дыма... Вон, подымается, там над этими... как они называются? Над этими...

— Там, над холмами и склонами гор, висит туман.

— Поведите меня туда, сеньор... Поведите меня.

— Нет туда дороги, сын. Не будем задерживаться.

— Я вас очень прошу... Пройдем туда. Очень прошу.

— Хорошо. В другой раз.

— Если вы меня туда поведете, будет очень хорошо... Я буду очень благодарен...

От месяца к месяцу, по мере того, как расширялись границы их странствий и путешествия делались все более дальними, сын становился разговорчивее, а вопросы его более дельными. Это согревало сердце простодушного отца, служило ему утешением.

В конце лета Акавья уже помогал отцу: выплавлял из старых жестянок олово для пайки, вырезал из отходов жести металлические заплаты, навешивал дужки на ведра. Иногда он даже сам мастерил что-нибудь. Отцовские руки весь день неутомимо трудились — ведь прежде, чем наступит сезон дождей, нужно обеспечить посудой несколько сел. Когда идут дожди и выпадает снег, Хисдай отсиживается дома.

Зимой отец работал в городе в своей небольшой лавчонке. Акавья сидел рядом. Иногда помогал отцу, иногда прислушивался к его беседам с покупателями, а случалось, что он тихо дремал под мерные удары молотка. Подчас и отец, закончив дневную работу и забив до отказа все полки жестяными изделиями, опускал голову и дремал под монотонный шум дождя. Иногда их обоих будил голос покупателя, и тогда их сонные взоры встречались, и они улыбались друг другу, как бы говоря:

”Кто может в тоскливую зимнюю пору устоять перед дремотой...”

Иногда отец, завидев покупателя, неожиданно запевал:

Эн инвьерно инпрезадос,
Эн эль фрийо дормидадос,
Эн ивьерно асперамос,
Кон лос пашарос боламос¹.

Впервые услышав этот стишок из уст отца, Акавья так и застыл. Немного погодя, он сказал:

— Да, папа... Верно...

Песенка понравилась Акавье, и он часто нашептывал ее, оставаясь наедине, или потихоньку мурлыкал себе под нос, когда рядом кто-то был.

Скучные зимние дни были отмечены еще одним достижением Акавьи. Нетерпеливо дожидаясь лета, он настойчиво расспрашивал отца о праздниках и временах года. В этом вопросе в голове у него была изрядная путаница. И отец считал своим долгом в меру собственных сил разъяснить сыну порядок чередования месяцев и праздников. Шаг за шагом, подобно путнику, бредущему по бездорожью, Акавья постигал круговорот времен и ждал Пасхи. А когда прошла пасхальная неделя и наступила весенняя пора, отец и сын снова начали свои скитания среди высоких, манящих к себе гор.

3. ТАК СКАЗАЛ АКАВЬЯ

Два летних сезона, год за годом, сопровождал Акавья отца в его странствиях. Акавья заметно вытянулся и превратился в рослого парня. И в его умственном развитии произошел большой сдвиг. Ни самоуверенный ученый, меламед хахам Абрамаджи, ни отец Акавьи, который не знал ничего, кроме своей профессии — не могли предположить, что выси гор и тишина

¹“Зима нас заточает, холод усыпляет, весна — пробуждает, и пташки распевают” (вольный перевод).

ущелий, благодать зеленеющих долин и покой деревень, притаившихся на горных склонах, так благотворно действуют на душу мальчика.

И впрямь, его душа сама по себе была как бы частью творения, сродни скале и горе, ручью и дереву, волку и сове.

Может быть, в душе Акавы происходили процессы, подобные явлениям природы, все элементы которой постоянно взаимодействуют. Лучи солнца растопляют лед, капли воды долбят скалы, от прикосновения воздуха ржавеет железо. Точно так же взаимодействовали силы природы с душой этого подростка, чем-то родственной изначальным основам творения. Постепенно, шаг за шагом, они как бы сближались. Подобно тому, как материнское молоко дает силы младенцу, а солнечный луч и капли дождя превращают семя в росток — так растили и формировали силы творения Акавью.

В первые дни скитаний он был в полной растерянности. Новые пейзажи, открывавшиеся его взору, ошеломили его, потрясли сердце и ум. Все его душевные силы были в напряжении, он хотел все увидеть, услышать, осмыслить. Постепенно он учился выражать свои мысли, называть предметы своими именами, и даже пытливо расспрашивать, так что изрядно надоедал отцу. Но у Акавы не хватало слов и выражений, чтобы высказать все, что у него на душе. Уменья гладко говорить Акавя так и не постиг до конца дней своих на земле. Его речь всегда оставалась нескладной, как в детстве. Из его уст вырывались короткие и неуклюжие фразы, казалось, они застревали между зубами, и Акаве с трудом удавалось отрывать их от языка. Не найдя подходящего слова или выражения, он дважды и трижды повторял одно и то же слово.

Однажды утром в конце элула¹ (Акаве было тогда двенадцать лет) он разговорился с отцом.

¹Элул — осенний месяц еврейского календаря, соответствует сентябрю — октябрю.

— А не скажет ли мне отец, откуда берется вода там, в водопадах, вот там, напротив, — там три водопада. Как туда попала вода?

— С гор, Акавя.

— С гор... А кто привел воду на горы?

— Господь вселенной, Творец, благословен Он.

— Творец, благословен Он. Да. Но водопады текут с такой силой... с такой силой... Всегда... текут. Как же так? Как же так?

— Что значит "как же так", сынок мой? По воле Творца.

— Как? Он, Творец, всегда сидит и пускает струи водопада?... Всегда сидит там?

— Нет, не так. Не в том дело, что он там сидит и пускает струи. Таким он сотворил мир, чтобы лились водопады, светило солнце, цвели растения. Вот так-то оно.

— Да. Так-то оно. Но... но, как же Творец вселенной? Как Он? Кто Он? Чему подобен?

— Кто знает, Акавя? Кто это может знать? Мы не можем. Как говорится в изречении: "Его мы не видим, но из деяний Его познаем".

— И никто никогда Его не видел? Его, Творца вселенной? Хахам Абрамаджи не видел?

— Нет, Акавяджи. Шуточное ли дело, увидеть Творца вселенной! Праведники, такие, как сеньор Моше Рабейну¹, как сеньор царь Давид — они видели Его.

— Почему только они? Почему не все?

— Только великие праведники видели Его. Великие праведники, любимые небом.

— А кто это — праведники?

— Те, кто знают святую Тору, которая так глубока...

— А хахам Абрамаджи знает всю Тору, все святыя книги. Так почему он не видел Его, Творца?

— Истинные праведники знают Тору и не грешат. Они — святые и чистые.

¹ Моисей.

— А хахам Абрамаджи? Он грешен? Он грешен? Чем он согрешил?

— У меня нет сил отвечать на твои вопросы. Я устал, и больше не спрашивай. Я не знаю.

— Почему вы устали? И почему не знаете? Вы сказали мне, что все, все создал Господь. Горы и долины... И туман, что там клубится, и снег. И водопад, и деревья. Каштан и дуб. Волков и медведей — так вы мне сказали. Верно?

— Да, да.

— А вот вчера... Вчера... Под вечер... Вы все время спали, а я думал — Господь пришел взглянуть на эту гору и на это ущелье. Святой Господь! Так мне казалось. Я Его не видел. Я ничего не видел. Но — Он тут проходил. Да. Он тут проходил.

— Почему тебе так показалось?

— Что-то случилось. Внезапно спустился туман. Со всех сторон туман. Я сидел согнувшись, снимал ржавчину с жести. Когда поднял голову — вижу что-то вроде дыма. Дыма без запаха, без запаха. Туман заполнил весь мир. Нет ущелья, нет долины, нет горы. А снизу слышались голоса. Кто-то звал. Здесь и там. Громко кричал. Из тумана. Снизу. Почему кричал? Будто придавил его туман... Будто кто-то потерялся в тумане... Это один человек испугался... Очень испугался... Он, видно, подумал, что это такое? Что-то будет?... Что дальше?... А тем временем туман поднялся из ущелья. Открылась долина. В тумане повисла арка... Большая арка... А на вершинах гор, там, на вершинах гор, высоко, высоко, будто зажегся огонь... Огонь охватил вершины гор. Свет солнца. Стало ясно, светло. Я не видел раньше такого света. Но было красиво. Очень красиво. И я подумал: здесь сейчас в ущелье прошел Бог. Потом я сидел один. Ел. Дремал. До утра. И вот недавно проснулся.

Отцовские руки на минуту прекратили работу. Его добрые глаза любовно смотрели на мальчика, а на устах блуждала улыбка. Тихо сказал он сыну, будто размышляя вслух:

— Может быть, добродетели предков помогут стать тебе настоящим евреем... У тебя есть сердце, которое многое чувствует...

Акавья добавил:

— Люблю горы. Очень люблю. И Бога люблю, что проходит невидимый. Всегда люблю.

Так сказал Акавья.

4. ПРОПОВЕДЬ О ТФИЛЛИН

Когда Акавье пошел тринадцатый год, тио Хисдай обратился к меламеду хахаму Абрамаджи, чтобы поговорить о предстоящем празднике бар-мицва. После того, как Акавья пробыл в горах два летних сезона, Хисдай привел сына к меламеду, чтобы вернуть его в кутаб изучать Тору. При этом отец сказал следующее:

— Вот, сеньор хахам, я доставил вам мое "тесто" — Акавью. Мне кажется, что горный воздух помог ему закваситься... Теперь — дай Бог вам здоровья -- его запах хорош и он приятен на вкус... Он, "бен порат Иосеф"¹, уже разговаривает с людьми без смущения. Видно, настало время изучать Тору. Проверьте его, пожалуйста. По своему разумению.

Меламед приблизил Акавью к себе, дружески положил ему руку на плечо и спросил:

— Ты хочешь вернуться в кутаб?

— Нет, — ответил тот твердо, не колеблясь.

— Почему?

Немного помолчав, Акавья сказал:

— Хорошо в горах. Хорошо мне там.

— А что там хорошего?

— Там, в горах... Там очень хорошо...

— Это я слышал, Акавья. Но скажи мне, что ты нашел там, в горах?

¹ Букв. "росток плодоносный Иосиф" (Бытие 49:22). Это выражение, по поверью сефардов, охраняет от дурного глаза.

— Там... — он набрался духа, чтобы выразить все, как есть, — там я вижу... удивительные вещи. Каждый день. Всегда. Всегда нахожу там то, что притягивает сердце...

— Да? Очень хорошо. Но, прошу тебя, объясни мне, что именно ты видишь? Не бойся, Акавья, говори откровенно.

Акавья с трудом произнес несколько слов, будто каждое стоит золотой, а глаза его глядели куда-то в сторону, чтобы не встретиться взглядом с учителем:

— Вижу горы. Много гор. Большие горы, там и здесь. Разные, разные горы. Одна похожа на... Одна похожа на подушку... Подушку у изголовья санто-биндижо Эль, благословен Он. А вытянутая равнина — это Его жезл. А верхние небеса — Его накидка. И там туман. И в горном тумане ходит Творец...

Умолкнув, он посмотрел на учителя, и взгляд его напряженно ожидал, удалось ли ему все объяснить, или его не поняли?

— Так, так... Так тебе кажется? Это хорошо. Но Тору ты изучать не хочешь?

— Хочу.

— Когда же ты будешь учиться, если все время проводишь в горах?

— Когда подрасту... Еще немного подрасту.

— Хорошо. Обождем еще полгода.

Меламед отправил мальчика домой и дружески хлопал отца по плечу:

— Поблагодари Создателя, тию Хисдай, что, с его помощью, верным был мой совет тебе. "Тесто" заквасилось. Но пусть лучше он побудет с тобой еще сезон, чтобы оно как следует взошло и поднялось. Мальчик очень наивен — пусть еще походит, пока шире откроются его глаза, и он больше увидит и поймет.

Вторично отец привел сына к меламеду зимой. Пусть хахам позанимается с ним часок по вечерам. Но глаза Акавьи, которые так хорошо схватывали любую деталь на великих Божьих просторах, с трудом различали маленькие буковки в книге. И между строк,

усеянных буковками, он далеко не так быстро находил свой путь, как на горных тропах. Больших усилий стоило меламеду научить его медленно читать по слогам, произносить молитвы и благословения.

В конце швата¹, незадолго до дня бар-мицвы, отец снова обратился к меламеду. Он очень хочет, чтобы Акавья произнес *друш ле-тфиллин*². Пусть по доброте своей хахам окажет нам милость и научит его. Он же, отец, готов вознаградить сеньора хахама со всей щедростью.

Меламед попытался скрыть невольную улыбку и ответил отцу со всей прямоотой:

— Не надо друша, тию Хисдай. Нет в этом необходимости. Пусть наденет тфиллин без проповеди. В этом нет нужды.

— Послушайте, отец мой, что я думаю, — ответил ему Хисдай столь же откровенно. — Мне кажется, что тфиллин без проповеди — как цветок без запаха, как жирный бульон без соли. Друш дополняет тфиллин. Разве не так?

— Так, вы правы. Но — не всякий мальчик способен на это. Акавье не нужен друш. Он будет хорошим евреем и без него. Вот вы, тию Хисдай, хороший еврей, а разве вы в свое время произнесли друш?

— Да. Клянусь жизнью, отец и господин мой. У нас в Измире никто себе даже представить не мог тфиллин без друша. Каждый мальчик произносил друш, один — длинный, другой — короткий. А я, скажу вам откровенно, был *кабсика*³. Но хахам вопреки всему втиснул друш в мою голову. Понятно, что сейчас я не помню, о

¹ *Шват* — зимний месяц еврейского календаря, соответствует январю — февралю.

² Короткая проповедь, которую произносят мальчики на церемонии бар-мицвы, демонстрируя свое знание Торы, молитв, еврейской истории и т.д.

³ *Кабсика* (ладино) — тугодум.

чем говорил, но одно я знаю твердо: из этого друша я узнал, что такое *джудизмо*¹. Я помню, что этот друш вошел в меня, как кровь в жилы. Он наполнил меня кровью нашей веры. От этого друша в моем сердце любовь к Всевышнему, благословен Он, и к нашей Торе на всю жизнь. И я хочу, чтобы и Акавья выучил друш.

Слова отца очень удивили меламеда, и он спросил:

— В самом деле тию Хисдай произнес друш? А как это было? На святом языке или на ладино?

— Сейчас все вам объясню. Дело было так. Несколько месяцев, день за днем, хахам повторял мне все на ладино, и его слова запечатлелись в моем мозгу, и я их воспринял. А во время друша он задавал мне вопросы в присутствии всего *хахмана*², и я ему отвечал. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. И получился вполне приличный друш. Разве не может и Акавья выучить так?

Это объяснение показалось хахаму логичным и достойным внимания. В самом деле, почему ему не сделать то, что удалось другому меламеду? После долгих упрашиваний он согласился, можно сказать, смирился со своей участью.

Три долгих месяца меламед трудился в поте лица своего. Его можно было уподобить человеку, решившему железным зубилом прорубить отверстие в скале. Так постепенно ему удалось проделать "трещины" в голове Акавьи. Правда, и учитель, и ученик часто вздыхали от непосильного труда, сгибаясь под его тяжестью. Но мольба отца, мудрость наставника и воловья выяз Акавьи помогли довести дело до конца.

И когда все было позади и цель казалась достигнутой, Акавья одним махом едва не разрушил все, что далось ценой таких усилий. Память об этом дне жива в сердцах многих, присутствовавших на торжестве. Дело было так.

¹ *Джудизмо* (ладино) — иудаизм.

² *Хахман* (диалектизм) — совет ученых мужей.

В день праздника, часа за два до того, как солнце поднялось в зенит, комнаты дома тию Хисдая заполнили приглашенные: уважаемые хахамы, почтенные деловые люди, родственники и родственницы, друзья и приятели. Многие пришли, чтобы стать свидетелями чуда: Акавья произнесет друш!

Акавья с раннего утра был в доме меламеда, устроившего ему "генеральную репетицию". А публика терпеливо ждала. Когда вошел меламед и с ним Акавья с высоким новым тарбушем¹ на голове, в шелковом халате, схваченном широким поясом (а ростом ученик не уступал своему хахаму), на лице Акавьи отразилось неопишное удивление: зачем эти люди собрались в их доме? По наивности он полагал — так говорил ему отец, и в этом убеждал его хахам, — что свой друш он должен произнести в присутствии отца, матери и нескольких близких родственников. И вот глаза его видят множество — даже и не сосчитать — чужих людей.

Хахам вел его за руку, как ведут на заклание овцу. С трудом они пробили себе путь в глубь комнаты, и подошли к небольшому возвышению, сооруженному возле окна специально для произнесения друша. Лицо Акавьи было белым, как полотно, он искал взглядом отца. Когда тот приблизился к возвышению, Акавья вперил в него глаза, сверкавшие от гнева, и громко провозгласил:

— И это сделал мне сеньор отец? Так он обманул меня?

Сказав это, он в мгновение ока с ловкостью кошки выпрыгнул наружу через открытое окно и, подхватив полы халата, бросился бежать что было мочи.

Все были крайне огорчены тем, что произошло, но вдруг раздался уверенный голос тию Хисдая, все время добродушно развлекавшего гостей:

— Не пугайтесь, сеньоры! Вы ничего не потеряли. И друш вы услышите, и будет торжественный обед с ви-

¹ *Тарбуш* (турецк.) — головной убор, то же, что феска.

ном. Что с того, что птичка упорхнула через окошко? Не беда! Снова вернется через дверь. Поверьте мне, сеньоры! У мальчика хорошее и чистое сердце. Его гнев — это горящая солома. Быстро воспламеняется и быстро гаснет. Мы с хахамом приведем его. А тем временем пусть певцы затянут песню...

Отец и хахам отправились на телеге догонять беглеца и настигли его у подножья горы. Там, под жаркими лучами солнца, стояли обе стороны и вели переговоры. Отец говорил любовно и ласково:

— Акавья, любимый сын, что ты делаешь, зачем срамишь нас перед самым друшем? Если ты хотел удрать, мог сделать это потом. Что за геройство бежать перед сражением?

А у Акавии — два неотразимых довода. Первый — почему его обманули? Зачем ему соврали и сказали, что он будет выступать только перед близкими родственниками?

— Зачем привели всех этих людей в наш дом? А врать разрешается? Хахам и отец — в роли лгунов! Разве он раввин, что будет выступать перед всем миром?

В связи с этим справедливым доводом отец вынужден был просить прощения и снисхождения. Сеньоров ученых они обязаны были пригласить. Стыдно их обойти. А все остальные пришли без приглашения. Удобно ли их прогонять? А по существу претензии хахам сказал следующее:

— Какая тебе разница, выступать перед тремя или перед тридцатью? Разве собравшиеся потребуют от тебя новых дополнительных речей? То, что ты выучил, то и скажешь. Кто хочет — услышит, кто не захочет — пропустит мимо ушей.

Но Акавия стоял на своем: его обманули. Он не вернется. Пусть хахам прочтет друш вместо него.

Тогда отец произнес последнее слово: пусть он сделает это ради мамы. Если он не вернется, мама тяжело заболит от огорчения. Отец хорошо знал, как велика любовь Акавии к матери. И действительно, этот

довод оказался решающим. Ради матери Акавья вернулся.

Было уже довольно поздно, когда они втроем вошли в комнату. Под пенье специально приглашенных на торжество певцов Акавья облачился в большой талит¹. Потом ему помогли надеть тфиллин.

Когда он был готов к выступлению, на возвышение поднялся хахам и сел спиной к публике, лицом к Акавье.

Хахам начал говорить по-испански. Услышав его голос, Акавья подался всем телом вперед, как бы готовясь к бою. Он слушал очень внимательно, на лбу его появились складки, а глаза смотрели прямо на хахама, который вопрошал:

— Скажи нам, пожалуйста, Акавья, эти тфиллин, которые ты сегодня надел, что они обозначают?

Акавья тут же торопливо ответил:

— Тфиллин — это флаг. Они во всем подобны флагу.

— Подобны флагу, ты говоришь? Но ведь тут нет ни шеста, ни ткани. Какая же связь между флагом и тфиллин?

— На флаге каждого народа изображена его воля. Иногда флаг цвета крови — это символ войны. Иногда на флаге изображен лев — это символ мужества. То же и тфиллин. Это — наш флаг, и на нем — воля еврейского народа.

— Где она записана? И на чем?

— Вот тут слово "Шадай" — сказал Акавья, указывая на тфиллин.

— А что означает слово "Шадай"?

— *Шалом — дегел Израэль*².

— Очень хорошо, Акавья. А в честь чего каждый народ подымает свой флаг?

— В честь своего царя.

¹ *Талит* — молитвенное покрывало с кистями — *цициот* — по краям.

² Слово "Шадай" означает "Всемогущий". В то же время это аббревиатура слов: "Мир — флаг Израиля".

— А кто наш царь?
— Царь всех царей, Всевышний, благословен Он.
— А в чем важность нашего флага — тфиллин?
— Это святой флаг святого народа святого Бога.
— Очень хорошо. А чему нас это учит?
— Тому, что еврейский народ должен стараться быть святым народом.

— А может быть, ты знаешь, что находится внутри этих коробочек? Может быть, они пустые?

— Я видел, что в них спрятаны слова Торы "И возлюби Господа Бога своего"¹.

— А почему именно эта глава, а не, скажем, Десять заповедей?

— Десять заповедей даны Творцом еврейскому народу. А в главе "И возлюби..." говорится о любви Творца к Израилю и о любви Израиля к Творцу.

Таким образом меламед наводящими вопросами побуждал Акавью произносить свой друш. И Акавья говорил о любви к Создателю "всей душой твоей", даже если Он забирает душу; он разъяснил выражение "творите правосудие и возлюбите праведность", прокомментировал слова "говорите правду, отдаляйтесь от зла и бесчестия..." Лица отца и матери сияли от счастья, их глаза наполнили слезы ликования. Все собравшиеся дружно аплодировали, и громкими возгласами выражали свою радость.

В этот час все увидели, что меламед хахам Абрамаджи поистине способен творить чудеса. И в этот же час все убедились, что и ученик его, носитель этого чуда — вовсе не сухая непробиваемая скала — есть в нем и сочность, и вкус, и запах.

¹ Второзаконие 6:5.

5. ЛЮБОВЬ, РЕМЕСЛО, ГЕРОЙСТВО

Каждый, кто наблюдал Акавью во все периоды его жизни, обнаруживал одно существенное различие между ним и другими людьми. Заключалось оно в том, что развитие Акавьи не поспевало за его возрастом. Будучи подростком, Акавья по своему развитию оставался ребенком, будучи юношей — подростком, будучи взрослым человеком — юношей. Возможно, некоторые скажут: это ему не делает чести. Акавья — умственно отсталое существо, которое медленно развивается и с трудом воспринимает действительность. Это не совсем так. Это не вся правда, а только часть правды. Ведь можно рассуждать иначе: Акавья не отсталый, а медлительный. Бывает, идет человек по дороге и останавливается, оглядывается, смотрит по сторонам. В одном месте замешкался и спрашивает о чем-то, в другом — стоит и думает, и потому приходит позднее других. Таким и был Акавья; правильнее назвать его неторопливым.

Превратившись в подростка, он еще шагал по тропе детства. Не только потому, что не знал забот, печаль была ему неведома, и не было у него ни с кем никаких счетов, но главным образом потому, что он все видел и воспринимал радостно и доброжелательно. На всем, что он видел в мире Творца своего, лежала печать любви. Само его сердце было неиссякаемым источником любви ко всему (кроме женщины, для которой в ту пору еще не было места в душе Акавьи). Так познал он любовь к небу и земле, к человеку и животному, к растениям и неживой природе. Но с особой силой любил он Творца. И хотя Акавья был вспыльчив по натуре и руки его славились своей силой и крепостью, он ни с кем не задибался и ни одному живому существу не причинил зла. Исключением из правила были змеи и козлы. Змей всех пород он люто ненавидел и нещадно преследовал, безжалостно уничтожая. А козлов, этих круторогих вожаков, гордо шагающих впереди стада, он любил дразнить и жаждал сразиться с ними. Иногда

он бодался головой, как и они, иногда действовал руками, пока "противник" не покорялся ему, как об этом будет рассказано далее.

В те дни отец, по желанию сына, выбрал село Дирами основным местом работы. К этому селу Акавья привязался всем сердцем с того дня, как его узнал. Дирами расположено на перекрестке дорог, здесь всегдалюдно, и жестянщик не должен скитаться в поисках работы по деревням, разве лишь изредка выберется куда-нибудь. Хисдай снял нижнюю комнату во дворе одного крестьянина, и она служила ему и жильем, и лавкой. Главным достоинством Дирами было то, что из него хорошо просматривалась долина, по обеим сторонам которой причудливо громоздились горы. Одни были крутые, другие — покатые, и у их подножий холмы сливались с полями.

Жители села, турки и армяне, любили тио Хисдая, ибо давно знали его как человека добродушного, слово которого надежно, а руки умелы и трудолюбивы. Акавью, сильного и складного парня, приветливого и доброжелательного, они хвалили перед отцом:

— *Мишаллела*¹, каков плод, таково и семя. Каков отец, таков и сын.

Еще больше, чем отцу, полюбилось Дирами сыну — и не только само это на редкость красивое место, но и люди, его друзья-приятели — турецкие и армянские парнишки, с которыми он сдружился и был неразлучен, как пастух со своим стадом.

Как неизменно движение планет по орбитам, так неизменны были еженедельные маршруты отца и сына из села Дирами в город Бурса и обратно (в Дирами они работали даже зимой). Они отправлялись в путь с караванами крестьян, выходивших из села в четверг вечером с фруктами, овощами и зерном, нагруженным на мулов или на телеги, влекаемые быками. Их дружески провожали, а в пятницу утром они уже были в городе.

¹ *Мишаллела* (турецк.) — по воле Божьей.

В воскресенье или в понедельник они возвращались с караваном крестьян в Дирами.

Возвращение в село было таким же радостным и веселым, как и возвращение в город. Сердце Акавьи-подростка в течение этих трех-четырех лет одинаково тяготело и к городу, и к селу. В ту пору Акавья можно было уподобить (так, по крайней мере, он сам считал) трубопроводу, соединяющему две отдаленные области: в один конец втекают обильные воды, а из другого вытекают...

В селе, в часы отдыха, Акавия от души веселился с товарищами. Они носились среди гор и холмов, бродили по тропинкам среди тихих полей или дружески беседовали у многоводных, весело журчащих ручьев. Когда Акавья воодушевлялся, из его груди вылетали громкие ликующие звуки, которые ему казались песнопениями (ему, но не его товарищам), или он произносил слова хвалы и благодарности Создателю, что было по душе его друзьям.

А в городе сердце Акавьи было открыто святости субботы, проповедям, звучащим в синагоге и "царским блюдам" трех трапез¹.

Дома он был преисполнен света и ликования, когда растягивался на своем ложе между рамами. Двойное широкое окно, достигавшее пола, с мягкой подстилкой между рамами, выходило в просторный фруктовый сад, окруженный высокими домами. Этот сад принадлежал молочнику-турку. В саду росли громадные старые деревья, и где-то, в укромном уголке, под их сенью, прятались коровник и овчарня. Из сада исходили смешанные запахи навоза и поля, которые в детстве очень нравились Акавье, он и сам не знал, почему. Парнишка мог часами молча лежать у окна, глядя в сад, а разум его в это время мучительно искал ответы на загадки бытия.

Долгое время все, что происходило в этом саду, казалось ему таинственным и непонятным. Он никак не

¹ В субботу евреям полагается есть не менее трех раз.

мог догадаться, каким образом между домами появился сад. И почему этот сад всегда окружен стенами домов, словно бессловесная голубка, посаженная в клетку, вокруг которой расхаживают петухи. И где начало и где конец этого сада? А когда коровы или козы, опустив головы и объедая траву, медленно приближались к его окну, сердце Акавьи наполнялось жалостью к этим животным, которые тоже навеки заключены между каменными стенами.

Так было в детстве. А сейчас, многое повидав, Акавья, удобно покаясь на своем ложе, уподоблял себя бедняку, который внезапно разбогател и стал обладателем огромных наделов. И когда время от времени этот новоиспеченный богач возвращается в свою старую бедную обитель, она кажется ему особенно милой, и сердце его каждый раз трепещет и воздает хвалу Творцу за его милость.

А еще большая радость ждала его по субботам в синагоге, когда он слушал друш.

Отец и сын были в числе первых, старавшихся занять места поближе к проповеднику, чтобы лучше воспринять все то, что изрекут его уста. Подогнув колени и вытянув шею, Акавья напряженно ловил каждое слово. Как путник, подставивший кувшин под струи источника, чтобы наполнить его живительной влагой и утолить свою жажду и жажду других, Акавья открывал свою душу словам Торы, чтобы потом поделиться ими с товарищами из села, когда представится случай побеседовать.

Но из всех благ, ожидавших Акавью в городе по субботам, самым дорогим было общение с горячо любимой, доброй и красивой мамой.

С раннего детства, всегда и везде, глаза Акавьи молча и с каким-то душевным трепетом были обращены к матери. Как преданная собачонка заглядывает в глаза своего господина, чтобы узнать, чего он хочет, и немедленно выполнить любое желание, так маленький Акавья со своего места неотрывно следил за мамой, за каждым ее движением. И если с ним приключалась ка-

кая-либо беда, малая или большая, достаточно было материнской руке сочувственно погладить его, чтобы немедленно забылись все огорчения. Среди тумана детских лет, среди всех видений и картин детства, как бы окутанных темной вуалью, среди всех воспоминаний той поры, которые ему самому казались сомнительными и странными, выделялся своей красотой, силой и ясностью лишь один образ — образ матери, наполнявший сердце ребенка светом и добром.

Двенадцатилетним мальчиком, еще до того, как оставить кутаб, Акавья однажды открыл маме свою душу.

Сидя в уголке на подушках, лежавших на полу, он играл с маленькой сестренкой. А в это время мать надела новое шелковое платье, собираясь на свадьбу. Когда взор Акавьи упал на это нарядное одеяние, он оставил игру и начал рассматривать маму, словно какое-то чудо, источающее свет и милость. Спустя минуту он сказал:

— Ты... так красива... как царица... Да, как царица.

— Откуда ты взял, — сказала она мягко и дружелюбно, — что я красива, как царица?

— Я вижу. Ты как царица.

— Разве ты когда-нибудь видел царицу?

— Нет, не видел.

— Почему же ты говоришь, что я похожа на царицу?

— Потому что знаю. Не видел, но знаю.

— Как же ты знаешь?

— Из сердца знаю. Да, ты как царица.

А теперь, в дни отрочества, когда однажды на исходе субботы, в кругу родных, Акавья случайно услышал из уст матери рассказ о ее замужестве, он был очень доволен, как человек, который сумел разгадать странную загадку. Раньше он никак не мог понять, как это его мать, которая "красива, как царица", вышла замуж за отца, который не был ни богачом, ни ученым, ни купцом, а всего лишь простым человеком, жестянщиком. И вот сейчас все прояснилось. Мать рассказала, что ее отец торговал тканями в окрестностях Измира,

и жили они тогда в одной из высоких горных деревушек, неподалеку от города. Ее отец остановил свой выбор на Хисдае, потому что тот был "мужественным и справедливым", и она полюбила его с первого взгляда.

Тогда Акавья понял, почему и он так любит горы и почему ему кажется, что в его матери есть что-то от величия гор и их покоя.

Да, хорошо и уютно было ему дома.

А в Дирами, в первые дни своего пребывания там, Акавья думал лишь о работе, о профессии жестянщика, которая давалась ему с трудом и причиняла немало огорчений.

Изо дня в день они оба, отец и сын, просыпались с зарей, мыли руки и произносили "Шахарит"¹. Тем временем солнечные лучи взбирались на вершины гор. Акавья молился дольше отца. Закутанный в талит и украшенный тфиллин, он стоял возле окна и глядел вглубь долины. Семь раз он подымал глаза вверх и один раз опускал книзу, затем один раз подымал вверх и семь раз опускал книзу, и не двигался с места, пока вершины гор блистали и сверкали под лучами солнца, а края холмов и тропинки долин казались темными. Ему чудилось, будто они тихо о чем-то перешептываются между собой. Снимая тфиллин и складывая ремни, он покрывал их поцелуями, нежно гладил и с любовью вдыхал их запах.

Во время завтрака отец и сын то и дело поглядывали на удивительную Божью красоту, представавшую их взорам, и не уставали славить Творца и воздавать ему хвалу. Очень часто Акавья повторял:

— Смотрите... Смотрите... Какие виды!

Отец отвечал ему:

— Да, ты прав... Такие виды продлевают жизнь и веселят душу.

Однажды Акавья сказал отцу:

— Знаете, господин мой отец, каждый раз, когда по утрам я вижу это зрелище, мне очень хочется встать

¹ *Шахарит* — утренняя молитва.

и бежать... Бежать, а еще лучше взлететь... Побывать во всех местах и прикоснуться... Только прикоснуться к этой красоте...

— Верю тебе, Акавья. Да, душа стремится... Вот если бы были у нас крылья...

Акавья умолк, а затем снова обратился к отцу:

— Скажите, пожалуйста, а нельзя ли все же узнать, когда придет Мессия? Ведь сказал хахам Абрамаджи, что когда явится Мессия, будут большие чудеса и произойдут удивительные дела... Мертвые воскреснут. Будут большие войны, но мы победим. И тогда Мессия всех нас возьмет в Святую Землю. Разве не может случиться, что тогда мы все полетим в Святую Землю? Разумеется, полетим... А пока... Пока мне бы хотелось хоть разок пролететь между этими горами... И над ними, и ниже... Только один разок — и я бы сразу же вернулся... Клянусь!

Отец рассмеялся, услышав эти красивые и приятные слова, но Акавья не смеялся, он лишь погрузился в свои мысли, а затем опять заговорил:

— Да, несомненно так и будет. Когда придет Мессия, мы полетим... Ведь люди во времена Мессии будут чисты, как ангелы... Почему летают ангелы? Потому, что они чисты. Чтобы летать, нужно иметь чистое сердце... Ох, если бы пришел Мессия...

Так они беседовали. Отец был доволен сыном, сын был доволен отцом, и у обоих было хорошо на душе.

Позавтракав, они надевали фартуки и садились друг против друга, каждый на свою табуретку, и принимались за дело — с любовью и большой охотой. И тогда начинались для Акавьи часы огорчений и душевных терзаний, так как работа у него не клеилась. Мучительно боролся он с жестью, с ножницами, с молотком, с наковаленкой. А больше всего неприятностей было у него с железным циркулем, с помощью которого ведутся расчеты и измерения и делаются пометки на жести, что позволяет мастеру выполнить задуманное. Он очень сердился на этот циркуль и не раз бросал на него гневные взоры. Акавья считал

его своим смертельным врагом, ему казалось, что циркуль все время издевается над ним и радуется его неудачам. Две ножки этого инструмента представлялись ему двумя тонкими и злыми пальцами, норовящими выколоть ему глаза. Они хитрили, обманывали его, и когда он раздвигал ножки, и когда чуть сближал их. Они всегда подводили его, изменяли ему и портили тот сосуд, который он делал, так что от гнева у него темнело в глазах.

Однажды Акавья особенно усердно трудился в надежде, что на сей раз все размеры будут точными. Но он потерпел поражение: сосуд был испорчен. И воспыал Акавья гневом. Лицо его побагровело и стало почти такого цвета, как волосы, глаза налились кровью, он с силой согнул циркуль и тот сломался.

— *Ижо дон мамзер ди прейль!*¹ — в гнев прорычал Акавья.

Отец взглянул на изуродованный и погубленный инструмент и воскликнул с удивлением:

— Что ты сделал, Акавья? Ты сломал железный циркуль!

— Да, — рывкнул он, — я ломаю железо!

Отец промолчал, увидев, что сын взбешен, почти невменяем.

А затем начал ласково, доверительно:

— Не огорчайся, Акавьяжи! Таков путь к ремеслу. Исподволь, обходным путем двигайся, ибо дорогая вещь ремесло. Оно дает хлеб, а ценные вещи не так просто приобрести. И я не в один день освоил дело. И я немало попортил материалов, пока научился. С ожесточенным сердцем ничего не добьешься. Учись работать.

И действительно, много позднее, когда Акавье исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет, он наконец постиг искусство правильно измерять и рассчитывать, получать нужные размеры и формы. Он овладел ремеслом. И тогда он начал работать с ка-

¹Этот циркуль - сын ублюдка! (ладино).

ким-то особым остервенением. Когда он резал жечь и орудовал инструментами, то чем-то напоминал воина, который машет мечом во все стороны, рубя направо и налево. Как изголодавшийся человек пихает в рот любую пищу, какая только попадется ему, так и Акавья без разбора, как одержимый, делал все, что только можно было сделать из жести. Проверая свои силы, он делал всевозможные сосуды и применял различные методы работы. А когда он заканчивал трудоемкое изделие, требовавшее большой точности, и убеждался, что работа удалась, он был поистине счастлив и от радости громко смеялся, прыгал и скакал.

Справившись с какой-нибудь работой, он в восторге хлопал себя по ляжкам и громким голосом принимался рассказывать отцу, как он это сделал, какие были трудности, и как он все их одолел — и победил! Затем он вскакивал и на глазах у отца начинал прыгать. Потом ложился на землю и кувыркался... А под конец с громким, веселым смехом возвращался на свое место.

Так в дни юности он обрел профессию. Но когда Акавья был подростком, его больше всего увлекали игры и забавы. Все свободное время он проводил с сельскими ребятами.

А еще Акавья очень любил слушать рассказы и легенды. Если к ним в лавку заходил купец или прохожий, будь то еврей, турок или армянин, Акавья хватал того за рукав и просил:

— Очень прошу вас рассказать какую-нибудь историю!

И не отставал, пока гость не соглашался.

Акавья не только внимательно слушал, не только принимал на веру все приключения и чудеса, но испытывал страстное желание самому побывать на месте героя, царя или нищего, о котором шла речь в рассказе. И не раз отец вынужден был отправляться на поиски Акавьи, который вдруг надолго исчезал, и находил его или в соседней роще вместе с другом, или в укромном уголке среди гор. Но здесь его сын был

уже не Акавьей, он был царем! На голове — "тюрбан", сооруженный из свернутого талита и украшенный кусками блестящей жести — это друзья короновали Акавью, сделав своим султаном. Толстая палка — царский скипетр. Все ребята отвешивают своему повелителю земные поклоны... Иногда отец находил сына раскрашенным под миралай¹ с толстыми закрученными черными усами. Акавья ведет большую войну. Гордо, во весь рост стоит он на краю скалы и отдает по-турецки приказы двум отрядам мальчишек, ожесточенно воюющих между собой с помощью палок и камней.

Отец укорял его:

— В твоём возрасте уже думают о невесте, а ты все водишься с мальчуганами!

Но в душе он утешался: сердце Акавьи чисто, как сердце ребенка, поэтому он играет с детьми.

Чем Акавья так завоевал сердца сельских детей, что они шли за ним, куда бы он их ни повел, и выполняли все, что бы он ни приказал?

Тремя вещами он покори́л их — своей любовью к ним, подарками и геройскими делами.

Так как он очень любил детей, то и они всей душой привязались к этому большому парню, который предпочитал их обществу сверстников и придумывал всякие игры и развлечения, чтобы порадовать их и приятно провести время.

Его карманы всегда были полны сладостей, и этим он тоже привлекал детей. Выше всех остальных, с красным тарбушем на голове, Акавья напоминал петуха с красным гребешком среди цыплят, которые семечки следом за ним в ожидании зерен.

Но особенно они любили его за геройские дела, которые он творил повседневно на их глазах и по их желанию. Во время походов и игр он, как бы между прочим, устранял все преграды на пути — голыми руками ломал чурбаны, рвал толстые веревки, извлекал из

¹ *Миралай* (турецк.) — генерал.

земли глубокие корни, как будто руки его были железными. А если кто-нибудь из взрослых парней решался бороться с Акавьей, померяться с ним силой, то лишь из сострадания Акавья не ломал ему костей, сжимая руками, как железными клещами. И не ускользнуло от его друзей, хоть они и были еще детьми, что этой необычайной силе вовсе не свойственны были ни бахвальство, ни гордость, ни бесчестие, ни злые намерения. Его сила и отвага сочетались со скромностью и благочестием. И что бы он ни делал, что бы ни совершал, все видели, что его не столько радуют дела его рук, сколько возможность исполнить желания своих маленьких друзей. Как радуется женщина, кормящая ребенка грудью, видя что он сыт и весел, так радовался Акавья, когда ему удавалось потрофить своим маленьким друзьям и порадовать их.

Но особенно прославили Акавью ядовитые змеи. В его сердце пылала жажда мести коварным пресмыкающимся. Как ликует усердный и ловкий рыбак, заведя золотую рыбку, играющую среди волн, и спешит поймать ее в свои сети, так ликовал Акавья, увидев извивающуюся гадюку или какую-нибудь ее родственницу. Его глаз замечал змею издалека, точно так же, как глаз орла, парящего в поднебесье, видит свою добычу, когда она торопливо переползает дорогу или лежит неподвижно, вытянувшись во всю длину среди колючих кустарников и греясь на солнце. Случалось, что, шагая с товарищами по стерне или внимая разговору в кругу друзей, он вдруг останавливался и восклицал:

— *Йилан!*¹ Не двигаться! Каждый остается на своем месте.

И начинал действовать. Через несколько минут Акавья возвращался, и на его руке была намотана, подобно ремням тфиллин, змея с разбитой головой.

Если он натыкался на пещеру, где, по его подозрению, обитали змеи, он тут же устраивал засаду, сверху

¹ *Йилан* (турецк.) — змея.

или сбоку от входа, чтобы иметь возможность наблюдать, оставаясь незамеченным. Он мог долго, не шевелясь, беззвучно и терпеливо выжидать в укрытии, подстерегая, как дикий зверь, свою добычу. Но стоило змее высунуть голову, как Акавья хватал ее за глотку и убивал. И дети все сильнее привязывались к нему, влекомые его чудесной силой. Жители села, мужчины и женщины, приходили взглянуть на этого странного парня, который сидел на низкой скамеечке и орудовал молотком, умиряя жесть. В эти часы он выглядел простым рабочим человеком, а вовсе не сказочным героем.

Отец предупреждал Акавью об опасности и упрощивал прекратить рискованную игру, но Акавья отвечал ему как человек, который издревле ненавидит змей:

— Ничего нет лучше, чем убивать змей! Везде убивать! Разве не змея принесла на землю смерть? Если бы не змея, мы бы до сих пор жили в раю — так учил меня хахам Абрамаджи. Как же их не убивать? Только убивать! Всегда убивать!

Совсем по иной причине воевал Акавья с козлами. Если змей он люто ненавидел, то козлов любил дразнить и доводить до изнеможения. Ему нравилось состязаться с ними и выставлять их в смешном и глупом виде. И тот, кто не видел, как Акавья воюет с козлами, упустил очень забавное зрелище.

Если вечером Акавья встречался со стадом, во главе которого шествовал большой, круторогий козел, он тут же спешил ему навстречу и приветствовал ликующими возгласами, будто встретил знакомого чудака, появление которого всегда вызывает смех и радость.

И так говорил козлу Акавья:

— *Хайди*¹, братец, попляшем. Полька, мазурка, *трис пасикус сон*².

¹ *Хайди* (турецк.) — давай-ка.

² Всего три шага (ладино).

Угостив козла ударом кулака между рогов, он заставлял животное отступить, а затем начинал осторожно к нему приближаться. Он вырывал у него из бороды волосы и шлепал по носу, чтобы раздражить. Когда, наконец, опустив рога, козел в гневе бросался на Акавью, пытаясь забодать, тот опережал его и выбрасывал вперед руки — две ловких и натренированных руки, в которых была железная сила. Наткнувшись на кулаки Акавы, козел отлетал назад. И снова по своей козлиной глупости бросался на Акавью, и снова — во второй, в третий, в четвертый раз — отлетал назад. А его противник осыпал его насмешками до тех пор, пока козел не покорялся и не сворачивал в сторону, окончательно посрамленный, при ликующих возгласах Акавы и зрителей.

Иногда Акавя обматывал голову куском материи и принимался бодаться со своим рогатым противником, нанося ему меткие и весьма чувствительные удары. Акавя так преуспел в своей войне с козлами, что вскоре они стали его узнавать. Не раз случалось, что козел, возглавлявший стадо, завидев это странное существо с черными ногами и красной головой — Акавя носил широкие черные крестьянские шаровары, а на голове у него красовался, подобно петушину гребню, тарбуш, — сворачивал в сторону и пытался спастись бегством.

Но не только веселыми играми и забавами занимались мальчики в обществе Акавы. Не раз он выступал перед ними, проповедуя добрые и хорошие дела. Не раз турецкие и армянские дети узнавали от него слова Торы, которой турецкое или армянское ухо не слышало ни разу. Те слова Торы, которые Акавя воспринял из уст своего учителя хахама Абрамаджи или услышал от мудрых людей, выступавших по субботам в синагоге, он передавал своим армянским и турецким слушателям, и это были поистине удивительные речи. Потому что все им услышанное каким-то образом сочеталось с его собственными чувствами, исходящими из глубины сердца, и слушая себя, Акавя сам удивлялся

и испытывал восторг не меньший, чем внимавшие ему приятели.

Так как невозможно пересказать все приятные и поучительные слова, которые говорил Акавья по разным поводам детям деревни Дирами, то мы поведаем лишь об одной из многих его бесед.

Весенним вечером, Акавья, окруженный мальчишками, гулял в горах и очутился на сельском кладбище. С вершины горы была хорошо видна лежавшая к востоку от деревни широкая долина. Бахчи и цветущие поля покрывали ее. Тысячи цветов были рассыпаны по зеленым волнам, будто чья-то добрая богатырская рука решила украсить поля и бахчи, чтобы порадовать людей.

Осторожно шагая между памятниками, дети подошли к могиле девочки Виргин, дочери парикмахера-армянина, которая скончалась на этой неделе.

Мальчики молча остановились. Вспоминая умершую девочку, они задумались и стали печальными. Но вот заговорил Тома, армянский мальчик, самый бойкий среди приятелей:

— Господь, да прославится Он, иногда делает людям... очень плохо... Как какой-то злодей... Да, клянусь Богом!

— *Эстафирулла!*¹ — ужаснулся Ахмед Нури, турецкий мальчик. — Ты грешишь своими устами. Зачем ты так говоришь?

— Потому что Господь вдруг оборвал жизнь этой девочки, Виргин. Какая она была добрая и приятная! И единственная дочь у родителей — вы же знаете. Только три дня болела — и скончалась. Я спрашиваю во имя любви к Богу: как Он мог так поступить?

Ответил Нури Ахмед:

— Такова воля небес. Когда она еще только родилась, там, на небе, определили, что она проживет пять лет. Божье повеление, и его не избежать.

¹ *Эстафирулла* (турецк.) — прости, Господи.

— Но почему такое повеление? — вмешался в беседу еще один мальчик. Зачем такой маленькой девочке умирать?

Нури Ахмед ответил:

— Такова воля Божья. Это Его тайна. Кто может знать Его тайны!

В разговор вступил другой армянский мальчик:

— Это от Господа Иесуи¹. Он забирает к себе всех лучших на земле, чтобы искупить людские грехи. Так говорит священник Гирдан.

Тома сказал сердито:

— Перестань, *джаным*². Ведь грех убивать такую девочку, как Виргин. Тяжкий грех. Не пойму я, как можно искупать грехи, совершая такой грех.

Тогда Тома обратился к Акавье:

— Скажи ты, Акавья, что говорится об этом в учении Мусы³?

Акавья сидел у изголовья могилы, и лицо его было обращено вниз, к равнине. Он покачал головой как человек, у которого тревожно на сердце, и сказал:

— Этот вопрос, вопрос о смерти, очень трудный и очень печальный. О еврее, который умер, у нас говорят: "Алла дал, Алла взял". Всегда мы так говорим. Разве вправе человек сердиться? Скажем, дал тебе кто-то одежду (он повернулся к Томе и ухватился за его рубашку), подарил или одолжил, а потом, через некоторое время, пришел и забрал, — ты будешь сердиться? Ведь свое он забрал, не чужое. Какое ты имеешь право кричать и сердиться? Разве жизнь принадлежит тебе? Ты не имеешь права даже раскрыть рта. Он ее дал, Он ее забрал. Но понятно, что сердце болит, особенно о такой девочке, как Виргин. О, Виргин! — он глубоко вздохнул. — В тот день, когда я узнал о ее смерти, клянусь Богом, у меня что-то оборвалось внутри. "Алла, Алла! — сказал я, — ты забрал Виргин. Эту ма-

¹Иесуи (армянск.) — Иисус.

²Джаным (турецк.) — душа моя, друг мой.

³Моисей.

ленькую кроткую голубку. Как же так? Как же так?” Но что я говорю? Я говорю, что от Бога не может исходить зло. Нет, Он само добро. Не только слушаться Его, но и любить! Нет лучше Бога, нет возвышенней Его. Как же из хорошего вырастает зло? Если ты видишь, что к людям пришла беда, значит виноваты сами люди, а не Бог. Что я говорю? А вот что я говорю: когда Бог радуется, он творит добрые дела, а когда Бог гневается, делаются плохие дела, которые вредят людям. Взгляните туда, вниз, в долину. На полях зреет хлеб. Хлеб для людей. Сколько зелени! Не счесть деревьев в садах. Какое обилие цветов! Это все дает Господь. Да, Он дает. Если Бог радуется, колосятся поля и деревья усыпаны плодами. А цветы — они вырастают от Божьей улыбки. Когда Он улыбается, поля покрываются цветами. Какие они чудесные! А почему? Потому что в них — Божественная улыбка. А от гнева Божьего появляются змеи, скорпионы, всякая нечисть. И смерть приходит от Его гнева. В минуту гнева. Поэтому вдруг приходит смерть. Так я думаю. Разве не так?

Акавя помолчал, будто к чему-то прислушиваясь, а затем продолжал:

— А почему Бог гневается? Кто может его рассердить? Сыновья Его, дети Его гnevают Его. Все люди — евреи, турки, армяне, греки — все Его сыновья. Он хочет, чтобы все были добрыми, хорошими, достойными такого Отца, как Он, отец Всевышний. Но вы знаете, что есть и плохие люди. Много плохих. И в Дирами тоже есть люди... нехорошие. Нельзя говорить, нехорошо говорить. Но есть... Во всем мире, много их. И Бог сердится. Отсюда происходит все зло.

Тома ему мягко возразил:

— Ты, Акав, говоришь хорошо. У тебя доброе сердце. И ты хочешь успокоить всех словами. Но скажи: почему должна была умереть такая девочка, как Виргин? Чем она виновата? И чем согрешили ее отец и мать? Все мы знаем ее отца Фулуса. Нет человека добрее его.

Акавья опустил глаза, подумал и сказал:

— Послушай меня, Тома. Сейчас я вспомнил, что говорил мой ходжа¹ — хахам о смерти и о страданиях. Самой девочке Виргин сейчас хорошо, даже очень хорошо. Она сейчас в дженнете²... Души покойников — всегда у Божьего престола. Этот престол в тысячу раз больше вселенной. Там, в раю, деревья золотые, а плоды — алмазные. Там не едят. Там живут лишь по воле Божьей. А реки там из благовоний. Их запахи оживляют, заполняют собою все. И всегда, всегда звучат напевы ангелов. Такие напевы, подобных которым не слышало еще ухо человека. Потому что ангелы не знают, что такое смерть. И нет в их напевах и капли печали. Никакой печали. Никаких огорчений. А души там веселятся и радуются. Потому что они никогда больше не узнают смерти. Там находится Виргин. А ее отец и мать? Теперь у них горько на душе, но это лишь временно. Виргин как бы уехала от них. Они испытывают боль разлуки. Но ведь когда-нибудь и они сами последуют за ней. На том свете они снова встретятся. Нужно лишь запастись терпением.

— Да, да, — согласился с ним Ахмед Нури. — И у нас так говорят о рае. Верно. Мы это тоже знаем.

Но Тома не желал соглашаться и все время выражал тяжкие сомнения, что очень огорчало Акавью. Он счел своим долгом подробно объяснить, что такое воскрешение мертвых, приход Мессии и вызволение Израиля. Из его объяснений получалось, что будет вызволено все человечество. В тот день люди больше не будут отличаться своей верой и языком. Все будут братьями, сынами одного народа.

Надолго затянулась беседа. Солнце уже скрылось за горой. Медленно, точно взрослые рассудительные люди, спускались дети в деревню.

И много подобных добрых и приятных речей довелось выслушать мальчикам в обществе Акавии.

¹ *Ходжа* (турецк.) — господин, учитель.

² *Дженнет* (турецк.) — рай.

6. ТОМЛЕНИЯ АКАВЬИ

Кто мог подумать, кому могло прийти в голову, что Акавья, единственный сын, который со дня рождения был так привязан к отцу, так дружил с ним и так любил его, в один прекрасный день покинет его, и тот на старости лет останется в одиночестве? И кто бы поверил, что Акавья может забыть свою маму, которую он обожал и любое желание которой беспрекословно выполнял? Сам Акавья в годы отрочества, в ту пору, когда он жил в Дирами, не предполагал, что возможна такая перемена.

Но это случилось. Когда настала пора зрелости и Акавья перешагнул через второй десяток, он заметно изменился. В один из дней он взвалил на плечи ящик с инструментами и тронулся в путь-дорогу. Он странствовал несколько лет, исходил всю Анатолию вдоль и поперек, а в родительский дом, в Бурсу, возвращался лишь в конце лета на Грозные дни¹ и в конце зимы на Пасху. И все эти путешествия, во время которых Акавья достиг Эскишехира, что на реке Сакарья, большой реки Кызыл-Ирмак и Эрзерума, что в горах Арарата, он проделал пешком, с дорожным посохом в руке и ящиком с инструментами на спине, лишь изредка нанимая осла, чтобы взвалить на него свою поклажу. Дважды он плыл на парусном судне и один раз — на пароходе. Акавья сел на него в Синопе, что на Черном море, и доехал до столицы Турции Константинополя. Во всех этих поездках Акавья присматривался к местам и людям, созданным Творцом. Заработав на жизнь трудом рук своих и осмотревшись вокруг, он спешил скорее на новые места, и нигде не находил покоя, пока однажды не очутился в большом селе Гюзилик, расположенном на склонах Беад-дага (Белой горы). Там Акавья остановился — из-за армянской девушки Анахит. Там он жил долго и совершил много

¹ Грозные дни (ивр. *ямим нораим*) — десять дней от Рош ха-Шана (свр. Нового года) до Йом-Кипур (Судного дня).

великих дел, пока однажды не был вынужден бежать оттуда, спасая свою жизнь.

Но, спрашивается, каким ветром занесло Акавью в неведомые дали? Что побуждало его странствовать? Куда он стремился, куда влекло его сердце? Из множества причин и событий остановимся лишь на некоторых, уподобляясь человеку, который из амбара, где валяется немало соломы и мякины, берет лишь зерно. Так и мы из множества происшествий, которые случились с Акавьей с того дня, как он покинул отчий дом, расскажем лишь о некоторых.

Только для людей, которые видят внешнюю сторону событий, так сказать, их оболочку, все, что произошло с Акавьей, было неожиданным. В действительности же его душу давно бередили разные мысли, предчувствия, томления, смысла и сущности которых он и сам не понимал. Случается, что под могучую и неподвижную скалу проникают подземные воды. Их никто не видит, но они вторгаются все глубже, размывают и разрушают основание скалы, пока в один из дней, неожиданно для всех, она не низвергается в пропасть. Нечто подобное и произошло с Акавьей. Беспечно веселясь с друзьями детства и юности в селе Дирами или в субботние дни сидя у себя дома в кругу родных, Акавья все чаще испытывал какие-то странные чувства и непонятное томление, лишавшее его покоя. И не раз отец, случайно просыпаясь среди ночи, обнаруживал, что Акавья или сидит неподвижно в полной темноте на своей кровати, или, пристроившись у входа в лавку, глядит в густую тьму, окутавшую горы, или, задрав голову кверху, подобно звездочетам, наблюдает небо.

Первый раз отец заметил Акавью сидящим ночью на своем ложе без сна вскоре после его возвращения из Измира. Когда вдруг возникла необходимость ехать в Измир, отец послал Акавью, потому что тот был моложе, выносливее и проворнее. В самом начале зимы, вскоре после того, как Хисдай вставил стекла в доме одного из уважаемых старейшин села, он

вдруг обнаружил пропажу алмаза — крохотного драгоценного камешка, вправленного в небольшую костяную рукоятку. Алмаз — незаменимый инструмент для резки стекла. Отец все перерыл вокруг, всех расспросил — алмаз исчез бесследно. А это было начало зимы, когда всюду вставляют стекла и готовят фонари, и без алмаза он был как без рук.

Очень огорчились отец и сын, ведь алмаз этот был очень дорогой, и Хисдай хранил его как зеницу ока. Особенно сокрушался Акавья, которого с детства привлекал секрет удивительного камешка. Достаточно один раз пройти им по стеклу, лишь линию процарапать — и стекло со стоном лопається. Алмаз был предметом особой гордости жестянщика. Алмаз — царь всех инструментов, необходимых в работе. Нет иного средства или приспособления, иного способа или ухищрения, которые позволили бы придать стеклу нужную форму. Стекло подчиняется только алмазу — стонет и дает трещину, соответствующую процарапанной линии. Всегда, когда Акавья вспоминал алмаз, он говорил о нем с гордостью и уважением.

По слову отца Акавья отправился в Измир, потому что те два алмаза, которые Хисдай приобрел за свою жизнь, были куплены в Измире у родственника, торговца драгоценными камнями. Эти алмазы он продал Хисдаю недорого. Теперь поехал к нему Акавья.

Несмотря на то, что Акавья спешил и должен был как можно скорее вернуться в Дирами, поездка затянулась на десять дней. В самом Измире Акавья пробыл пять дней и с трудом расстался с ним, — так этот город ему понравился.

Вернувшись в село, Акавья не переставал рассказывать отцу (а его руки в это время прилежно орудовали молотком и прочими инструментами) обо всем, что он увидел в большом городе. Собственно говоря, ничего особенного он там не заметил (ведь Бурса — тоже большой город), если не считать моря, которое Акавья видел впервые в жизни. И море надолго покорило все его мысли и чувства.

Изо дня в день он повторял рассказ о том, как трепеща от страха и полный сомнений, он стоял перед могучим и грозным морем, по которому перекачивались большие валы. Он откровенно признавался: его обуял ужас. Он стоял у самого берега и дрожал от страха. Так в детстве он трепетал перед гневом хахама Абрамаджи, когда тот пронизывал его гневным взглядом и замахивался плеткой. Потом, когда они вместе с еще одним парнем сошли в воду и искупались, страх прошел, но воспоминание о море до сих пор волнует его сердце.

Каждый день Акавья вспоминал что-то новое и подробно, с увлечением рассказывал отцу. И снова и снова он говорил:

— Когда я, господин отец мой, спокойно сижу здесь и молчу, мне кажется, что я слышу шум и рев морских волн. И у меня трепещет сердце, честное слово! Мой господин отец знает, что пять дней я пробыл в Измире, двадцать раз выходил любоваться морем, и не мог насладиться вдосталь. Море — это одно из главных чудес Творца. Какое величие! Какое великолепие! Какая сила! Что такое человек по сравнению с мощностью вод! И вот о чем я думаю, отец мой. Я думаю так: две великие вещи сотворил Создатель в этом мире: горы и море. На море слышен голос Божий — разве шум моря это не глас Всевышнего? А в горах — тишина. Горы — это тихая обитель Творца, благословен Он, здесь тишина и слава Господня. Так мне кажется.

Отец ответил, стуча молотком по маленькой наковаленке:

— Верно ты говоришь, Акавья. А что ты сейчас любишь больше — наши горы или море?

Акавья умолк и задумался. Затем он сказал:

— Трудный вопрос вы задали мне. Что я могу сказать? Верно, я люблю и то и другое, но горы больше, горы мне больше по душе. В горах только добро и покой. А в море есть и страх, и опасность, и несчастье, и смерть. В Измире мне много рассказывали о несчастных случаях и утопленниках, о гибели больших кораб-

лей с людьми, скотом и всяким добром. В море ты как бы стоишь перед судом Божиим. В море есть страх суда. А в горах человек уверен в себе. Здесь с ним не случится зла. Горы — обитель покоя Творца. Там и человек не сердится. Там — Божий покой.

Слова Акавы понравились отцу и он сказал:

— Хорошо ты говоришь. Слава Господу, благословен Он, что дал тебе разум понимать Его деяния и чудеса. Будь и ты благословен!

Но по прошествии нескольких месяцев настроение Акавы изменилось. Он уже не находил себе места в горах и даже по ночам был чем-то встревожен. Когда отец стал замечать, что сын не спит, в сердце его закралась тревога: что произошло с Акавой, почему он лишился покоя?

Когда они по субботам возвращались в Бурсу, отец делился своими тревожными мыслями с женой и родственниками. Но те его успокаивали:

— О чем ты беспокоишься? Все это просто и понятно. Акава уже взрослый парень, и надо его женить.

Но отец знал то, чего не знали другие. Он давно заметил, что его сын не похож на своих сверстников. Он никогда не обращает внимания ни на девушек, ни на женщин, которые заглядывают к ним в лавку или проходят по улице. Много раз отец убеждался, что глаза Акавы не зрячи, а сердце бесчувственно, когда дело касается женщин. Есть у него глаза, но женщин он не видит, есть у него горячее сердце, но только не для них. Эти создания — женщины и девушки любого происхождения — турчанки, армянки, еврейки — для Акавы как бы не существуют. Он избегает встречи и разговора с ними, как какой-нибудь хасидский праведник или отшельник-монах. Если, случается, женщина хочет что-нибудь купить в их лавке, Акава молча подает ей вещь; если она о чем-то спрашивает — он отвечает "да" или "нет", даже не взглянув на ту, которая к нему обращается. А если покупательница, армянка или турчанка, вздумает о чем-то расспраши-

вать — он тотчас как человек, ищущий помощи в беде, зовет отца, пусть тот объясняется с покупательницей.

— Господин отец, узнайте, пожалуйста, что ей нужно, — говорит он на ладино и смотрит так, словно хочет сбросить с себя тяжесть и взвалить ее на плечи другого. — Избавьте меня от нее... Поговорите с ней сами...

Иногда во время работы отец пытался заговорить с сыном о помолвке и о невесте, чтобы узнать, что на душе у Акавы, но тот только злился и отвечал непочтительно:

— Не хочу никакой помолвки. Не хочу! И прошу вас об этом не вспоминать. Сколько раз я уже говорил. Почему вы ко мне пристааете?

Однажды отец заговорил с Акавьей о девушке-соседке, красивой девушке, из приличной семьи.

— Почему, сын мой, ты не хочешь прислушаться к моим словам? — молил отец. — Сколько у меня сыновей? Все наше достояние — ты и твоя младшая сестренка. Ты старший сын, и мы хотим, чтобы ты нас порадовал.

— Но я не хочу этой радости!

— Но почему, сын мой? Давай разберемся. Я хочу понять, почему. Ведь мы можем говорить, делая свое дело — что в этом плохого? Наверно, ты думаешь, что ты слишком молод и не хочешь торопиться с женитьбой? Если так, в этом есть резон. Это верно. Но о чем я толкую? Не о свадьбе. Со свадьбой можно и обождать. Можно ее отложить. Только о помолвке я говорю. А с этим надо поторопиться. Почему? Чтобы эта девушка не ускользнула от нас. Мы уже потеряли двух (помнишь, я с тобой о них беседовал). Их уже обручили и выдали замуж. А теперь — право, грех дать этой невинной голубке Клародже упорхнуть...

— О чем вы толкуете? — ответил Акавья сердито и грубо. — Что я говорю вам и что вы говорите мне? Этак можно сойти с ума. Я больше об этом и слышать не хочу. Хватит!

Но однажды произошло нечто такое, что доставило Акавье много радости. Вечером, незадолго до закрытия лавки, Акавья сам, без помощи отца, сосчитал монеты, накопившиеся в небольшой, но тяжелой коробке. Когда он окончил счет, получилось, что за две недели они заработали девять *меджидиот*¹, то есть более двух золотых наполеонов, — сумма немалая. Отец пересчитал выручку, и счет сошелся. Многие годы, когда Акавья был мальчиком и даже подростком, он не обращал особого внимания на деньги. Акавья отнюдь не был расточительным, но ему было трудно уразуметь, как из *прут* получаются *граши*, а из тех в свою очередь серебряные монеты. Каждый вид монет существовал для него особняком. Прута есть прута. Граш это граш. Как же они могут сочетаться? И какой в этом смысл? И как так получается, что *сто* прут меньше *трех* грашей? Ведь там — сто, а тут — только три!

Поэтому он имел весьма смутное представление о цене вещей, которые они изготавливали. Случалось, что отец был занят, и покупатель обращался к Акавье. Просил, скажем, большое ведро или красивый чайник. Акавья сам назначал цену — ”сто прут за все, не меньше” (в то время, когда истинная цена вещи была пять-шесть грашей, то есть в несколько раз больше, чем сто прут). Когда отец это обнаруживал, он очень огорчался и старался, чтобы Акавья без него ничего не продавал. Торговыми делами отец предпочитал заниматься сам.

Многие, многие вечера отец посвятил тому, чтобы исподволь и неторопливо разъяснить сыну секреты счета и относительную стоимость пруты. И спустя много лет настал наконец день, когда сын это постиг! Теперь, когда отец пересчитал все деньги в кассе и увидел, что Акавья не ошибся и счет сходится, его радость была двойной: он радовался большой выручке и успехам Акавьи в счете.

¹ *Меджидие* — турецкая серебряная монета.

Акавья повторял с радостью:

— Вот видите, отец, мы хорошо зарабатываем. Девять меджидиот — это очень приличная выручка!

— Благословен Господь и благословенно имя Его. Он всегда вознаграждает человека за труды его рук. Кто поступает хорошо — получает хорошо. Мы честно трудимся с утра до ночи — и Он воздает нам благословением рук Своих.

И тогда отец сказал как бы между прочим:

— И сейчас, когда ты, чтобы не сглазить, благодаря милости Всевышнего, хорошо знаешь свою работу и разбираешься в счете и в мирских делах — как хорошо было бы обвенчаться! С достойной, красивой девушкой... Как бы мы были рады. Как было бы хорошо! Ведь сказано же: "В восемнадцать лет — под свадебный балдахин"¹ Может, сейчас появилось желание?

— *А, Дио сеньор, дель мондо*²! — воскликнул Акавья в отчаянье. — И почему это вы втыкаете колючки мне в самое сердце? Я только открыл рот, чтобы сказать несколько слов, а вы меня душите. Горечь полыни вы примешиваете к моему напитку. Даже немного порадоваться вы мне не даете. Вы не можете смотреть, как я радуюсь. Почему вы всегда так поступаете со мной? Почему? Просто удивительно!

— Что ты, мой милый? Почему ты так сердишься? Не надо, сын мой. Разве я, упаси Господи, хочу тебя обидеть или огорчить? Помилуй, Боже! Но разве мы с тобой не отец и сын? Разве запрещено отцу говорить со своим сыном? С кем же я буду говорить, если не с тобой? И что я такого тебе сказал? Разве я сказал что-то обидное, упаси Господи? О чем я говорю? О том, о чем все говорят. От любящего сердца сказал я тебе это. Чем я согрешил перед тобой? Не могу понять. Если бы я понял, то промолчал бы. Я хочу только знать, почему ты так сердишься на меня, когда я говорю с тобой об этом? Объясни мне и я буду знать.

¹ Поучения предков 5:18.

² О, Господи, Творец вселенной (ладино).

— Что, что я должен вам объяснить? Разве я могу объяснить то, чего сам не понимаю? Вы говорите помолвка, свадьба. А я не знаю, что это такое. И я не знаю, зачем мне это. Как же мне вам объяснить? А разве вы, мой отец, человек, понимающий людей и мир, можете объяснить мне то, чего не знаете сами? Объясните мне, например, как движется *шимин ди-фер*¹. И как плывет по морю большой корабль? И как проходят слова по телеграфной проволоке? И как горстка пороха подымает на воздух мощные скалы? Посмотрим, как вы мне это объясните.

— Но ведь помолвка, свадьба, невеста — это такие вещи, которые знакомы каждому человеку. Так устроен мир. Каждый парень и каждый мужчина это знает. И всей душой к этому стремится. Все это понимают. Как же может быть, что ты не понимаешь?

— Я не понимаю, и не лежит мое сердце к этому. Не знаю, что это такое, да и знать не хочу.

— То, что не хочешь — можно понять. Но то, что не знаешь... Жалко... Большое огорчение для меня и для мамы, — сказал отец удрученно.

Акавя удивился, услышав эти слова, в которых звучала глубокая печаль, и спросил с любопытством:

— Почему? Что здесь огорчительного? И чем ты опечален?

Отец отложил в сторону инструмент, который держал в руке и спросил, как спрашивают о чем-то вызывающем большое удивление:

— Скажи, сынок, только откровенно, ты ничего не чувствуешь, когда видишь, например... девушку... красивую... Ведь даже я чувствую...

— Скажите мне, пожалуйста, что вы чувствуете, и я буду знать, о чем вы говорите.

— Так... Когда сердце стремится... И глаза... И всего тебя тянет, влечет... Так, в этом роде...

— Нет, меня не влечет. И сердце не стремится. Ничего. Я даже не знаю, о чем вы говорите.

¹ *Шимин ди-фер* (ладино) — поезд.

— Поклянись мне и говори только правду — ты ничего не чувствуешь? Ничего?

— Клянусь своей жизнью. Ничего.

— Пусть сжалится над тобой Господь и принесет нам спасение, — сказал отец с глубоким вздохом и погрузился в раздумье.

Так как Акавья всегда очень сердился, когда с ним заговаривали о помолвке, отец, мать и родные стали избегать этой темы. В глубине души они были опечалены, но утешали себя словами: время себя покажет. Поживем — увидим. Может быть, когда он станет взрослее — изменится и перестанет отказываться от женитьбы.

Мать стала тайно посещать ясновидцев и заклинателей: она приобрела для сына несколько амулетов и незаметно подмешивала ему в пищу разное зелье, особые травы и корни, и терпеливо ждала дни, недели и месяцы — почти целый год — в надежде увидеть какие-либо признаки исцеления, но напрасно. Весь труд ее можно было уподобить труду сеятеля, бросающего зерна на бесплодные камни.

С течением времени — Акавье уже исполнилось двадцать лет — отец стал замечать, что сын его становится все более раздражительным, мрачным и угнетенным, чего прежде никогда не было. Ведь во все годы своей жизни он отличался исключительной доброжелательностью к людям и, казалось, ничто не может его рассердить, вывести из себя. Правда, случалось, что иногда Акавья пылал гневом и готов был "перевернуть весь мир". Но это бывало лишь тогда, когда с ним или с другими (главным образом с другими) поступали бесчестно, подло. Он не был гордецом и никогда не гнался за почестями. Никогда ни над кем не насмехался сам и не умел дурно думать о других. Он даже не замечал, если кто-то над ним подтрунивал. Сколько раз друзья открыто потешались над его поступками или высмеивали его наивные суждения, но Акавья не обижался и зла не помнил.

Теперь, работая в лавке, он почти все время молчал, словно без устали о чем-то думал. Не раз случилось, что отец обращался к нему, а он не слышал. Когда отец указывал ему на его отсутствующий вид, Акавья обнаруживал, что действительно поглощен какими-то самому ему неясными мыслями.

Частенько Хисдай пытался развлечь Акавью, рассказывая ему разные потешные истории, но на душе у отца было беспокойно, и его весьма тревожило странное поведение сына. Отец напоминал человека, взявшего за руку слепого, чтобы показать ему дорогу, хотя сам он ничего не видит...

Так прошли последние дни и недели зимы. После Пасхи, когда наступила весна и земля покрылась зеленью и цветами, и люди повеселели, отец подумал: теперь, когда так светло вокруг, посветлеет и на сердце у Акавьи. Ведь он всегда любил весну, зелень полей, цветущие деревья.

Но вскоре отец убедился, что ошибся: по мере того, как на Божьем свете становилось все светлее и теплее, сердце парня черствело и леденело. С людьми он разговаривал кратко и холодно. Он не искал общества друзей, более того, становился все более подозрительным и вспыльчивым.

Отец вспоминал прошлогоднюю весну — время, когда в селе справлялись свадьбы. Тогда Акавья был весел и приветлив со всеми. Хисдай вспомнил веселую игру, во время которой Акавью ловко провели, но он даже не рассердился на того, кто его обманул. Это случилось на свадьбе Ахмеда Хилами, турецкого юноши, которого Акавья любил за добрый нрав и недюжинную силу.

Каждый вечер во время этой свадьбы сельские парни собирались на площади, что возле дома жениха, и состязались в песнях, плясках, хороводах. Чем больше собиралось зрителей, тем заразительнее было веселье. Парни старались превзойти друг друга песнями, плясками, играми и веселыми проделками. И хотя им полагось развлекать жениха, они то и дело искоса погля-

дывали на девушек и женщин, стоявших в стороне с закрытыми лицами. Акавья не отличался умением танцевать и по сторонам не поглядывал. Зато он шумно бил в ладоши и тем самым участвовал в общем веселье.

Но вот в селе появился городской парень, родственник жениха, который стал демонстрировать публике разные забавные фокусы и веселить всех занятыми и хитроумными играми. В разгар веселья он провозгласил:

— Тот, кто повторит все, что я делаю, получит золотой динар. Но если это ему не удастся, он должен будет выплатить мне два динара.

Услышав такое приглашение, все начали подозревать какой-то подвох. Кто знает, что задумал этот городской пронира? Никто не принял вызова. Люди стали понемногу расходиться.

Но слова этого парня задели Акавью, он подумал: что же такое он может сделать, чего я не могу? Уж не настолько он силен, что я должен его бояться. И Акавья сказал:

— Я готов сделать все, что ты сделаешь.

Парень тотчас усадил Акавью на стул и предупредил: тот не должен глядеть по сторонам, а только прямо ему в лицо, не отвлекаясь ни на секунду. А зрителям он наказал наблюдать за всем молча, и никак не реагировать на то, что они увидят и услышат. Затем парень вынул из своей сумки две больших тарелки, одну дал Акавье, другую взял себе и сел на стул напротив него.

— Делай все, что я, и смотри мне прямо в лицо, — сказал он.

Парень принялся водить рукой по дну тарелки с наружной стороны, будто обмазывает ее, затем провел одним пальцем над губой, будто рисует себе усы. Акавья повторил эти движения — и под носом у него появилась густая черная черта (дно тарелки, которую держал Акавья, снаружи было закопчено, но он этого не знал, ведь он не сводил глаз с лица парня). Таким

же манером Акавья, сам того не подозревая, нарисовал и второй ус. Затем парень провел три линии вдоль и поперек по лбу, щекам, подбородку, носу, и лицо у Акавы стало черным, как закоптевший горшок. Зрителей душил смех и они с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться. Забрав у Акавы тарелку, парень как бы между прочим велел вымыть обе. Тем временем принесли зеркало и подали Акавье. Увидев свое лицо, он был весьма удивлен:

— Как это случилось? Как это случилось? Просто чудо!

А когда ему объяснили, в чем дело, он громко расхохотался и похвалил хитрого парня. Хисдай вспомнил, как Акавья, умывшись, вернулся обратно и долго еще веселился вместе со всеми, ничуть не рассердившись и не обидевшись.

А теперь он стал требовательным, вспыльчивым и раздражительным, как человек, у которого разлилась желчь.

В один из летних дней Акавья отлучился из их деревенской лавки по какому-то делу и долго отсутствовал. Когда он вернулся и уселся на свое место напротив отца, тот заметил, что сын рассеян, явно не в духе и работает небрежно.

Хисдай хотел спросить, в чем дело, но побоялся, что сын снова вспылит. Он притворился, будто ничего не видит не замечает, и завел легкую и непринужденную беседу, уподобляясь человеку, осматривающему со всех сторон плотно закрытый ящик и старающемуся отыскать какую-либо щель или зазор, куда можно всунуть ломик, чтобы взломать крышку. Исподволь подводя беседу к заповеди об уважении к отцу и матери, Хисдай сказал:

— Хоть я и отец тебе, но ты скрываешь от меня свой секрет, будто я тебе чужой, и это очень обидно для меня.

Сердечные слова отца смягчили Акавью, и он не взорвался, как обычно, а ответил спокойно и сдержанно:

— Верно. Я что-то скрываю. Но нет у меня никаких секретов. Какие у меня могут быть секреты? Просто я не знаю, как говорить и о чем говорить и потому молчу. Разве я знаю, что со мной?

— Поэтому и болит мое сердце. Я вижу, что день за днем ты ходишь озабоченный и поглощен своими мыслями, словно богач, корабли которого, груженные ценными товарами, бороздят далекие моря... Хотел бы я знать, что тебя так гнетет? Чего тебе не хватает?

— Нет у меня забот. Какие могут быть у меня заботы? Но то, что вы спросили — чего мне не хватает — это правильно. Я чувствую, что мне чего-то не хватает. Именно не хватает. Чего-то недостает. Пусто у меня на сердце.

— Как это понять? Чего именно тебе не хватает? Объясни мне, растолкуй хоть немного, слегка, и я постараюсь достать все, что смогу, только открой мне, что.

— Вот вы говорите "чего именно..." Так вот... Вдруг на сердце становится тяжело. Так, будто сердце вот-вот разорвется. Вот такая беда. Так что я даже не знаю...

— Так, так... Но какая причина? Нет ничего на свете без причины. У всего есть свои причины. Если бы ты открыл нам причину...

— Причина? Не знаю. Я сам не знаю, в чем дело. Одно только знаю... одно...

— Что же ты знаешь?

— Что я хочу уйти. Уйти из этого мира подальше... Идти и идти...

— Да, это можно понять, — сказал отец спокойно, будто эти слова не показались ему странными и неожиданными. — Но куда? Куда идти? И зачем идти? Если бы мы знали, зачем и почему, мы бы высказали свое мнение. Куда ты хочешь идти?

— Туда, куда меня попросят. Туда, куда меня позовут.

— Кто тебя позовет? Есть кто-то, кто тебя может позвать? Кто он?

— Голоса. Голоса, которые у меня в сердце.

— Голоса? Какие голоса, сын мой?

— Да, честное слово, папа, голоса. Есть внутри голоса молодости. Именно голоса. Они зовут меня, они говорят мне: "Что ты делаешь здесь, Акавья? Вставай, Акавья, и выйди на простор... Поищи на белом свете... Иди во имя Бога". Так говорят эти голоса. Вот только это я скрываю, потому что сам не знаю, как эти голоса говорят внутри меня.

Отец попытался изобразить на лице веселую улыбку.

— Голоса... И охота тебе шутить... Голоса говорят внутри...

Но когда он взглянул в лицо Акавьи, слова застряли у него в гортани. На лице сына была какая-то особая сосредоточенность и удивление одновременно.

Сердце отца наполнилось жалостью и тревогой, и он произнес голосом, в котором звучали любовь и сострадание:

— Уж не болен ли ты, сын мой Акавья, упаси Господи? Может быть, ты нездоров?

— Я болен? Какая у меня болезнь? Я здоров, как бык. Слава Творцу, я не знаю никаких недугов.

— Как же это понять? Не могу я понять, о чем ты говоришь... Ты сказал: "голоса". Ты хочешь уйти из этого мира подальше... Что с тобой?

— Разве тот, кто хочет пойти посмотреть свет — больной человек?

— Но как понимать "уйти"? Куда? Зачем?

— Так. Искать. Искать...

— Но что ты хочешь найти? Что ты потерял и хотел бы найти?

Акавья замолчал и обратил свой взгляд куда-то в сторону.

Затем он сказал, как бы открывая отцу тайники своего сердца:

— Вот именно это, господин мой отец, тревожит меня. Клянусь вам, что в этом все дело. В моем сердце живет жажда что-то искать, а что именно — я не знаю. Мне чего-то недостает, а чего — не знаю. Иногда я ду-

маю: нет, у меня есть все. Чего мне не хватает? Слава Богу, все у нас есть. Но снова закрадывается мысль: а что мне делать с самим собою? Я спрашиваю себя: зачем я существую? Что я делаю на этом свете? Зря копчу небо? И тогда я чувствую, что должен идти. Искать. И познать.

— Не понимаю. Не в силах я этого понять... Какие в твоём сердце думы? Откуда они? Кто мне это объяснит? Вот бы встретить мудрого и хорошего врача или святого, который бы рассказал мне, объяснил, — проговорил отец, как бы обращаясь к постороннему.

— Не пойму, честное слово, папа, чем вы так огорчены... Если у меня появилось желание повидать мир... Что в этом плохого? Действительно, что в этом плохого?..

Акавья умолк, а затем заговорил, как бы рассуждая вслух:

— Разве я ребенок? Я взрослый, и ремесло у меня, как говорится, пить-есть не просит, а хлеб приносит. Слава Богу. Чего мне бояться? И кого мне бояться? Он, Создатель, дал мне много сил и мужества. И по Его воле я все могу. Железо я гну. Камень ломаю. Дерево вырывал с корнем. И Он, давший мне силы, вложил в мое сердце желание идти и искать. А почему мне дали на небесах так много сил? Видно для того, чтобы делать какие-то дела. Разве я создан только для того, чтобы резать жёсть и выплавлять олово? Мне кажется, что сами небеса говорят мне: вставай и иди! Делай что-то! Ищи! Вот так.

Отец ухватился одной рукой за бороду, а другую засунул за пазуху. С нескрываемым удивлением глядел он на сына и молчал. Затем промолвил:

— Не знаю, что тебе сказать. Или ты стал очень много понимать, или к тебе пристала нечистая сила... Когда вернемся в город, поговорим с мамой и с родными и посмотрим...

Так думал отец, возлагая все надежды на Бога. Но, видимо, не так было записано на небесах. В ту же

неделю, когда они пришли в Бурсу, черт попутал Акавью, и с ним случилась беда, большая беда, которая привела его, к великому огорчению всех, в тюрьму, где ему пришлось просидеть целый месяц. Дело было так.

В пятницу, когда они пришли в Бурсу, Акавья неторопливо шагал по улице, расположенной далеко от еврейского квартала. Он шел по какому-то делу. Был сезон арбузов, и возле одной из лавок лежала их целая гора — продолговатых, как громадные яйца, сладких и особенно вкусных. И вздумалось Акавье купить арбуз. Он подошел к груде и начал проверять, спелые ли они, сжимая арбузы между ладонями. Лавочник-турок сказал ему:

— Не дави! Не разрешаю. Они от этого портятся.

То же самое повторил он и другому еврею, который также решил выбрать для себя арбуз.

Акавья послушался и стал проверять их зрелость, постукивая по ним пальцами и взвешивая их на ладони. Но второй покупатель не внял предупреждению и продолжал сжимать арбузы. Лавочник снова сказал:

— Сказано тебе. Не тискай их!

Еврей перестал, но когда лавочник занялся другим покупателем, он опять принялся за свое.

Увидев это, лавочник рассвирепел, вскочил с места и с криком — *яхуди чуфут!*¹ — вонзил свой длинный нож несчастному в живот. Еврей упал, обливаясь кровью, а турок бросился бежать.

На мгновение Акавья остолбенел, но очнувшись, бросился за убийцей. Он несомненно нагнал бы его, потому что бегал как серна. Но другие турки увидели, что еврей гонится за их соплеменником, и кто-то из них задержал Акавью. Тот вырвался и продолжал погоню. Снова его кто-то задержал. Акавья рассердился, поднял этого турка, как ребенка, и отбросил в сторону. Тогда со всех сторон раздались крики:

— Держите этого еврея! Держите его!

¹ Презренный еврей! (турецк.).

Десятки людей преградили ему дорогу. Увидев, что он окружен толпой, Акавья пытался что-то объяснить, но его не стали слушать. Началась драка, в ход пошли кулаки, палки, камни. Он многих побил, но и его изрядно поколотили. Он швырял людей оземь, но и его швыряли и топтали ногами. А кончилось дело тем, что прибежали полицейские и поволокли его в каталажку.

В темноте и тишине темницы помрачнел для Акавьи весь мир. Не из-за побоев и потери денег ныло сердце (у него стащили кошелек с деньгами, висевший на шее), — его ужаснула людская низость, подлость и несправедливость. Все случившееся казалось ему каким-то кошмарным сном. Еще вчера он жил в полном согласии с Богом и людьми. Еще вчера он ощущал ласковое дуновение чистых горных ветров. Еще вчера все с ним приветливо здоровались, и он со всеми был любезен и ласков. Сегодня же эти люди превратились в диких зверей, в мерзких гадюк. Какое он совершил преступление? До этого дня он даже не подозревал, что такие нечестивые люди свободно ходят по земле.

Но Акавья утешал себя тем, что расскажет судьям об их поведении. Он обо всем поведает чистосердечно — и судьи воздадут им по заслугам.

Когда его привели в суд, в зале сидели турецкие сановники. Пришло также много турок, армян, евреев и с ними — его домочадцы. Глаза всех были устремлены на этого рыжеволосого парня в сдвинутом на затылок тарбуше, с маленькими острыми глазами, сердито глядевшими по сторонам. Многие смотрели на него с удивлением — как это ему одному удалось побить десятки людей; другие же — с неприкрытой ненавистью, злорадствуя, что он тоже весь в ранах и синяках.

Когда заговорили свидетели и полицейские, Акавья вскочил, как ужаленный — ведь все, что они твердили, было ложью!

Так как он тоже был избит и ранен, то, возможно, суд освободил бы его от наказания или дал бы ему

самое легкое наказание, учитывая, что он действовал в порядке самообороны, один против многих. Но что придумали эти иноверцы, чтобы заточить его в тюрьму? Они лжесвидетельствовали, будто он бил полицейских, выдирает с их мундиров пуговицы, рвал головные уборы (а каждый, кто покушается на представителя власти, подвергается суровому наказанию).

Услышав это, Акавья был потрясен. Он поднялся и начал кричать на свидетелей.

Его усадили на место.

Когда закончились их показания, Акавья заговорил с судьями так, будто они ему ровня:

— И вы, уважаемые господа судьи, верите им?

Судьи рассмеялись, а председатель суда сказал:

— Да, мы верим. Может быть, у тебя есть другие свидетели?

— Откуда у меня могут быть свидетели, если все на меня бросились?

— Значит, ты виноват.

— А что вы мне присудите? — полюбопытствовал он простодушно.

— Ты шесть месяцев будешь сидеть в тюрьме.

— Да? Посмотрите, уважаемые судьи, что вы делаете. Все били одного. Я гнался за убийцей. И все они помогали ему удрать. Все они врут. И за это вы посадите меня на шесть месяцев?

— Но мы считаем, что один избил многих. Один гнался за другим, будто он полицейский. И один оговаривает всех.

У Акавьи была просьба к судьям:

— Разрешите мне поговорить с полицейскими.

Ему разрешили. Акавья подошел к ним и сказал:

— Дорогие полицейские! Посмотрите мне в глаза. Неужели вы и теперь скажете, что я поднял на вас руку, отрывал пуговицы, сбивал с вас головные уборы?

— Разумеется. Мы рассказали обо всем, что ты делал.

— Господи! Господи! Это же не люди. Разве есть такие люди, что глядят тебе в лицо и врут!

Его успокоили.

Акавья попросил разрешения обратиться еще с одной лишь просьбой.

Ему разрешили.

Он встал и объяснил судьям:

— Уважаемые господа судьи, попробуем по-другому. Дайте мне, прошу вас, двенадцать месяцев тюрьмы. Запишите в приговоре: двенадцать месяцев, и я отсижу. Но попросите их, чтобы они сейчас сказали правду и перестали врать.

Судьи и весь зал громко рассмеялись.

И снова Акавья попросил разрешения сказать несколько слов. Он хочет заступиться за честь суда. Он полагал, что судьи умеют отличать правду от лжи. Ведь те, что врут, отлично знают, что они врут и издеваются над судом. И за это он особенно сердится на этих нечестивцев.

Снова все засмеялись. Судьи, посовещавшись между собой, объявили приговор: месяц заключения.

Когда Акавья вышел из тюрьмы, ему казалось, что само небо стало тяжелым и давит на него, пригибая к земле. Что с того, что он сейчас на свободе, когда дух его и сердце погружены во мрак и печаль? Нет для него здесь лекарства. Нужно уйти отсюда подальше. Это — окончательно и бесповоротно.

И в ту же неделю Акавья отправился странствовать.

7. СКИТАНИЯ

Если бы нашелся какой-нибудь астролог-звездочет, который предсказал бы Акавье, что сокровенной целью всех его грядущих странствий и скитаний окажется встреча с Анахит — этой красивой и несчастной армянской девушкой, которую он полюбит так сильно, что ради нее готов будет рисковать своей жизнью и окажется замешанным в ряд сомнительных и печальных приключений — Акавья ни за что бы не поверил. Он бы решительно опроверг такого "пророка", заявив, что тот несет нечто несусветное. Во-первых, какие у

него могут быть отношения с армянской девушкой? И какие у него вообще дела с девушками? Во-вторых, как это он влюбится в девушку, он, который в дни своей юности вообще не обращал никакого внимания на женщин, не знал, да и не хотел знать их природы, их нрава? Возможно ли, что в нем совершится такая разительная перемена, что он, как слепой, потянется за девушкой. И в-третьих, как можно вообразить, что Акавья, набожный еврейский парень, пойдет за *гойкой*¹, да еще за армянкой и сам разожжет в своем сердце греховный любовный пожар?

Но оглядываясь на многие события и происшествия, припоминая их взаимосвязь, Акавья ясно увидел, что все его шаги и действия, перемещения и скитания — все было направлено к тому, чтобы он встретился с Анахит, которая показалась ему прекраснее всех девушек на свете. И вот вскоре он оказался связанным по рукам и по ногам канатами любви и печали, так как Анахит была красива и прелестна, но горька и тяжела оказалась ее участь, и глубока, как море, была ее печаль. В конце концов, и он погрузился в пучину тоски и печали.

Но все это, как уже было сказано, открылось Акавье много времени спустя, лишь после того, как он встретил Анахит — через пять лет после его ухода из отцовского дома. Право, стоит поинтересоваться, что делал и чем занимался Акавья в течение этих лет, прежде чем на его пути появилась Анахит. Что он искал и что нашел за эти годы. А, главное, — что стало с его томлениями, которые не давали его сердцу покоя в Дирами и которые погнали его скитаться по белу свету?

Если бы мы решились всюду следовать за Акавьей, рассказать о всех его поездках, маршрутах и остановках, неприятностях и приключениях, которые ему довелось пережить в те дни — наше повествование затянулось бы безмерно. По правде говоря, все эти дела сами

¹ *Гойя* (иврит) — иноверка, нееврейка.

по себе не так уж важны. Для нас существенно лишь то, что жило в его сердце, то, что заставило его покинуть родной город, отчий дом и семью. Это — главное. И мы будем придерживаться главного и оставим в стороне второстепенное. Так действуют и рыбаки, в сети которых вместе с хорошей рыбой попадаются водоросли и странные живые существа — рыбу они выбирают, а все прочее выбрасывают в море.

Что заставляло Акавью пускаться в странствия и пересекать всю страну вдоль и поперек?

Тут мы сможем поведать читателю лишь самую малость, лишь то небольшое, что открылось Акавье во время его путешествий — ведь сердце его было загадкой и для него самого.

В пути Акавья предпочитал молчать, строго придерживаясь правила — "слово — серебро, а молчание — золото". В этом смысле его уста были полной противоположностью его рукам. Сработанные им изделия он во множестве продавал повсюду, где останавливался, не гонясь за большой прибылью. Со словами, можно сказать, обстояло наоборот — он много "покупал" и мало "продавал", предпочитая больше слушать и меньше говорить, больше видеть и меньше показывать.

Эту науку он одолел не в один день. Не раз он спотыкался, падал и набивал шишки, прежде чем усвоил, что большинство бед человека — от языка. Болтливость — главная причина оскорблений, особенно во время продолжительного пути. На себе лично он испытал это.

Но иногда, когда в каком-нибудь селе или в дороге Акавье попадался приятный собеседник — странствующий купец, пастух или охотник — один из тех людей, что так хорошо ориентируются в горах, и он убеждался, что его спутник красноречив — он тянулся к нему, как изнывающий от жажды тянется к источнику. Желая заглянуть в душу другого человека, узнать его тайны, Акавья, подчас, больше рассказывал, чем слушал, больше давал, чем брал. Его душа была настолько

переполнена новыми впечатлениями, в них было так много удивительного и вызывавшего сомнения, что Акавью можно было уподобить путнику, несущему на плече большую корзину яблок, — заметив вдруг на дороге яблоко, он нагибается, чтобы подобрать его, и в это время теряет десятки яблок, выкатывающихся из корзины... Случалось даже, что не имея собеседника, Акавья разговаривал сам с собой. Ничего удивительного — во время долгих путешествий по захолустным дорогам, ему часто по несколько дней не с кем было перемолвиться словом, а потребность высказать то, что скопилось на душе, была велика, и он невольно, сам того не замечая, начинал говорить вслух. Постепенно эта потребность стала привычкой, а привычка — вторая натура.

Но, как уже было сказано, Акавья был скуп на разговоры. Говорят, что нет умнее человека, обогащенного опытом. Путешествия Акавьи были многочисленны и длительны, так что постепенно он волей-неволей накапливал опыт. Так как он встречался со многими людьми, причем иные его задевали, а случалось, что и он кого-то задевал; и так как он видел много стран и много разных обычаев, то он постепенно учился лучше понимать людские достоинства и недостатки.

А больше всего прояснилось для него одно весьма прискорбное свойство людей, которое Акавья уподоблял проказе. О каком именно свойстве идет речь? — О зубоскальстве. Очень часто встречал он людей (особенно на первых порах своих странствий), которые высмеивали его слова. Он видел, что этим людям нравится делать его предметом насмешек и издевательств. Иногда они пытались выставить его дурачком, иногда злоумышляли против него, подстраивали ему разные пакости. И какое удовольствие получают люди, издеваясь над кем-то? Это было выше его понимания.

В самые первые месяцы своих скитаний он однажды в небольшом городке Яниси, что в окрестностях Анка-

ры, наткнулся на еврея-бездельника. Это был худой, высокий и невзрачный человек, но глаза его сверкали, словно у кошки, и непрерывно вращались, словно у птицы. Этот человек прицепился к Акавье и не желал отставать от него, пока наш герой не разозлился настолько, что снова едва не угодил в тюрьму. Дело было так.

Прибыв в Яниси, Акавья вместе со своим ослом обосновался на заезжем дворе, где останавливались обычно крестьяне и странствующие купцы. Назавтра — это было в пятницу утром — он вышел на улицу и выставил для продажи несколько хороших изделий, которые привез с собой. И он их быстро и выгодно продал. Люди были с ним обходительны и приветливы. Подходили к нему и евреи, и из их уст он услышал, что его соплеменников здесь мало, всего десятка полтора. Один из них, местный торговец, упрашивал Акавью провести субботу в его доме, и Акавья в конце концов согласился. Так что субботний день он провел в семье этого человека, доброжелательного, приветливого и гостеприимного.

В воскресенье, когда Акавья, сидя на низкой скамеечке, распродавал свои изделия на одной из улиц городка, к нему пристал тот долговязый с приятелем. Они подошли вплотную к Акавье, и долговязый спросил:

— А ну-ка, скажи, парень, как тебя зовут, только честно.

— Акавья, братец, Акавья.

— А фамилия?

— Кордоверо.

— Из каких миров ты явился сюда и что привело тебя к нам?

— Я здесь проездом. Захотелось повидать свет.

— Перестань молоть чепуху. Скажи нам правду. Кто ты? Из какой страны прибыл?

— Я сказал тебе. Я еврей. Отправился посмотреть мир. А родом я из Бурсы.

— Хватит, парень. Зачем ты секретничаешь? Не бывает, чтобы еврей просто так пустился в дальний путь, лишь бы посмотреть на мир. Особенно молодой человек. Как же так — парень оставляет отца и мать и отправляется странствовать? За этим что-то кроется. Может, ты сирота?

Эти глупые речи разозлили Акавью, но он сдерживался и молчал.

— Почему ты нам не отвечаешь, парень? Разве таковы правила вежливости в вашей Бурсе? Там что, не отвечают на вопросы?

— Зачем ты задаешь такие вопросы, на которые у меня нет никакого желания отвечать?

— А что я такого спрашиваю, парень? Самые обычные вопросы. Почему ты рассердился?

— Я не сержусь. Но что тебе до меня? У нас нет никаких общих дел, так зачем ты пристаешь ко мне с вопросами?

— Ты прав, парень. Скажу тебе всю правду. Нам очень хочется узнать, кто ты. Ты не похож на обыкновенного человека. Ты не простой парень, есть что-то странное в твоём лице. В самом деле. Может, ты только одет как обычный человек, а на самом деле ты один из святых и явился сюда посмотреть, как живут местные евреи. А вдруг ты Илья-пророк?

Так разглагольствовал этот долговязый, стоя возле Акавии, который сидел на земле подле своих сосулов. От последних слов в сердце у Акавии что-то шевельнулось, и он поднял глаза, чтобы взглянуть в лицо собеседника. В нём он прочёл ожидание. И Акавия ответил:

— Я не Илья-пророк и не святой. Но это верно, что меня тянет посмотреть мир. Просто так. Получить представление о свете, познать пути Творца жаждет моя душа. Хочется узнать, что вложит Господь мне в сердце во время странствий.

Закончив эту тираду, Акавия заметил, что длинный подмигнул своему спутнику, и оба с трудом удерживаются от смеха.

— Вот видишь, я угадал, — продолжал долговязый вкрадчиво. — Ты один из святых нашей страны. Дай мне твою руку, и я ее поцелую. И хотелось бы получить твое благословение.

Акавья снова сдержался и ответил:

— Вижу я, что ты хочешь позубоскалить. Что ж, твое дело. Пусть будет так. Ты уже высказал все, что хотел, а теперь, в добрый час, иди своей дорогой.

— Нет, упаси Господи, я и не думал зубоскалить. Сейчас я вижу, что ты один из тридцати шести скрытых праведников¹. Это совершенно ясно.

— Ладно. Пусть будет так. Иди себе в добрый час.

— Послушай, братец, я больше не стану тебе докучать, скажи только вот что, ответь на один вопрос.

— Спрашивай — посмотрим.

— А может ты один из "тех, что внизу"?² — спросил он с явным подвохом.

Услышав это, Акавья ответил коротко и ясно:

— Видишь, ты не знаешь кто я такой. Но я-то определенно знаю, что ты поганый черт.

— Откуда тебе это известно? — продолжал тот спокойно.

— Об этом говорит весь твой облик и твои уродливые глаза.

— А я полон сомнений, — не отставал долговязый, — твой облик напоминает мне козла, а язык твой изрекает глупости.

От затрешины, которую вlepил ему Акавья, он упал навзничь, и если бы люди не поспешили утащить глупца подальше от Акавьи, тот, вероятно, покалечил бы его и навлек на себя большую беду.

Сразу после этого происшествия Акавья собрал свой нехитрый скарб и в гневе покинул этот городишко.

¹Согласно народному поверью, во всяком поколении существует тридцать шесть скрытых праведников, благодаря которым держится мир.

²То есть чертей.

Разного рода неприятности часто случались с ним в пути. Иногда это были пустячные обиды, которые он стряхивал с себя, как стряхивают дорожную пыль с одежды. А случались настоящие несчастья и такие невзгоды, которые грозили низвергнуть нашего героя в пропасть... Так постепенно на собственном жизненном опыте учился Акавья видеть, наблюдать, и познавать понемногу человеческую природу. Временами он вынужден был изо всех сил сдерживать себя, а временами дурные поступки людей заставляли его принимать крутые и суровые меры и показывать людям силу своих рук. И тогда они с испугом убегали от него.

Одним из самых ужасных происшествий, что приключились с ним на дорогах, была расправа с тремя охотниками, которые, как потом выяснилось, были тремя известными разбойниками (Акавья хранил этот случай в своем сердце, как страшную тайну).

Это произошло спустя три месяца после его ухода из Бурсы.

В конце месяца элула он вышел из города Аксарай, в котором не было единоверцев, и торопился скорее добраться до большого города Конья, где имела, как ему рассказали, еврейская община. Он решил провести там Грозные дни, а также праздник Кушей¹. Из города, откуда он вышел, до Коньи было четыре дня хода среди высоких гор Хасан-даг.

Он вышел в путь в компании десяти человек — крестьян и мелких торговцев, направлявшихся в расположенные неподалеку от Коньи места. На третий день утром попутчики оставили Акавью. Одни достигли своих деревень, другие свернули в сторону. Акавье они наказали: иди по дороге, ведущей на юго-восток, и к вечеру ты доберешься до Коньи. А если, упаси Господи, тебе повстречаются *ашкия*² — не вступай

¹Через пять дней после Судного дня наступает праздник Кушей (Суккот), который отмечается в течение восьми дней.

²*Ашкия* (турецк.) — разбойники.

в переговоры и не вздумай сопротивляться. Отдай своего осла и оружие и уноси ноги.

— Они прежде сломают себе голову, чем заберут у меня осла и оружие, — ответил Акавья. — Со мной Бог, и я не боюсь ни разбойников, ни чертей.

И он продолжал свой путь — спокойно и уверенно. Небольшие караваны время от времени проходили мимо по горным тропам — в этом месте сходились многие дороги. Спустя некоторое время Акавья увидел на дороге справа группу людей с большим стадом овец и коров. Они двигались в его сторону.

Акавья хотел приблизиться к ним и спросить, как быстрее всего пройти в Конью. Направив в их сторону своего осла, он стал погонять его.

Обогнув горный уступ, он увидел трех охотников, спускавшихся по склону горы. Таких он не раз встречал в горах — они охотились на серн и лисиц.

— *Сабахларниз хаир олсун*¹. Скажите, братья, верен ли мой путь на Конью? И когда я туда прибуду?

— В Конью ведут две дороги, — ответил один из них приветливо. — Та, по которой ты идешь, короткая, но трудная. На ней много преград и тяжело будет твоему ослу. А вот по этой тропе идти значительно легче, но путь длиннее, и сегодня тебе не дойти, а придется заночевать в одном из заезжих дворов. Выбирай по своему усмотрению.

— Мне надо попасть в Конью возможно раньше.

Акавья не подозревал, что он с самого начала сбился с пути. Дорога, по которой он шел, уводила его в сторону от цели. Охотники поспешили уйти, Акавья еще несколько часов продолжал шагать по дороге, не видя никаких признаков человеческого жилья. Дорога вела вверх, в горы, и он не встретил ни одного путника. Начало темнеть, Акавья был в растерянности. Может, он заблудился? Может, охотники подшутили над ним? А может быть, они сами ошиблись, плохо рассчитав до-

¹ Утреннее приветствие (турецк.).

рогу и скорость движения осла, который шагал очень медленно? И начались дорожные муки. Если бы через три дня, по его расчетам, не наступал еврейский Новый год — Рош ха-шана, он бы так не беспокоился. Что с того, что пробудет в дороге лишний день? Но он боялся осквернить праздник.

Тем временем закатилось солнце. Акавя снял с осла поклажу, среди расселин в скале нашел защищенное от ветра место для животного, а сам уселся рядом. Всю ночь он старался бодрствовать и только под утро крепко уснул. Проснулся он, когда солнце стояло уже высоко на востоке. По мере того, как он подвигался вперед, дорога шла все выше, и он ничего не видел впереди, кроме лысых гор, а внизу были горы, заросшие рожковыми деревьями и каштанами.

Когда наступил день и он убедился, что находится в плену у гор — слева крутые склоны, а справа глубокие ущелья, — в нем закипела кровь от гнева и обиды. Ему стало ясно, что охотники его обманули. О, попадись они ему сейчас на глаза, он бы их проучил!

В полдень он достиг длинной и узкой тропинки, проходившей по склону отвесной горы, а с другой стороны тянулись глубокие ущелья и слышались далекие голоса бегущих внизу потоков. Он направил осла по этой тропинке, но вскоре убедился, что животному ее не осилить. Обнаружив на склоне некое подобие пещеры, он остановил осла, сам же решил взобраться на вершину горы, чтобы оглядеться вокруг и узнать, нет ли поблизости, или хотя бы вдалеке, какого-либо селения, а может быть, города. Некоторое время Акавя шагал по тропинке, а затем начал карабкаться вверх по скалам. Спустя четверть часа, присев передохнуть, он увидел трех путников, спускающихся с гор. За плечами у них было оружие. Увидев их, Акавя обрадовался и испугался — а вдруг это разбойники? Когда же они приблизились, он их сразу узнал: то были знакомые три охотника, но в других одеждах. Плохая примета...

Акавья подавил свой гнев и, придав своему лицу спокойный и уверенный вид, приветливо заговорил с ними:

— Здравствуйте братья! И как это случилось, что я вас не понял и, видимо, сбился с пути? Что вы на это скажете?

Вместо ответа они направили на него свои ружья, один из них закричал:

— Руки вверх!

Акавья поднял руки и сказал:

— Я сделаю, как вы скажете, братья. Но, честное слово, зачем такой грозный тон? Скажите, что вы хотите — и я вам дам, почему бы нет?

Один из них приблизился к Акавье, снял с него пистолет, прикрепленный к поясу, и прорычал:

— Давай деньги! Мигом!

— И деньги вы хотите? Хорошо. Так и быть. Но они у моего компаньона. Мои и его деньги. Он ждет меня с ослами внизу. Вот он. Видите моего осла? Бедное животное. Он еле передвигает ноги, не идет, а тащится. Но осел моего компаньона сильнее.

— Какой компаньон? Где он?

— Там, внизу. Четверть часа ходу. Я поднялся взглянуть, по какой дороге идти. Хотите — мы спустимся туда, и вы возьмете, что захотите, и оставите, что захотите.

— Кто твой компаньон? И где он был вчера? Почему мы вчера не видали его с тобой?

— Мой компаньон такой же еврей, как я. Хороший мастеровой. Вчера он немного задержался, чтобы купить олово и другие материалы для нашей работы, и вышел в путь с другим караваном, но и он заблудился в горах. Эти горы могут свести с ума человека. Семь раз на дню плутаешь в них.

— Покажи, где твой компаньон.

— *Буйрун*¹. Идемте.

¹ *Буйрун* (турецк.) — пожалуйста.

— *Илери*¹, — скомандовал один из них. — Иди впереди.

Акавья зашагал. Они вооружены, он же остался с пустыми руками. Осторожно они спускаются и Акавья не умолкая говорит — словно ничего не случилось, и хвалит Творца за то, что довелось ему встретиться с такими людьми, которые наверняка хорошо ориентируются во всех дорогах. Он охотно отдаст им все, что есть у него и его компаньона, только бы они показали им дорогу в Конью.

Так они достигли узкой тропинки, на другом конце которой ждал его осел. Акавья умолк. Тропинка была так узка, что по ней можно было двигаться лишь гуськом. Одни достигли середины тропинки. Гора была крута, как стена, а внизу зияло ущелье.

Когда спустя несколько лет Акавья решился рассказать историю "трех охотников", он поведал своим слушателям все подробности того чуда, что сотворил ради него Всевышний. Вот его рассказ:

— Когда мы начали двигаться по узкой тропке, я впереди, а три негодяя за мной, сердце у меня в груди стучало, как молот по наковальне. Кровь прилила к голове и закипела во мне ярость. А в горах — великая тишина. Ни одной живой души — ни птицы в небесах, ни гадов на земле. Я шел и повторял про себя: "Слушай, Израиль, Господь — Бог наш, Господь — один! На помощь Твою уповаю, Господи!"².

Когда мы подошли к самому узкому месту, а оно к тому же скользкое, и тропинка здесь петляет, я внезапно обернулся и дико завопил. Это был страшный нечеловеческий вопль. И один из них поскользнулся, потерял равновесие и покатился вниз. А второго я сам толкнул, что было силы, со всей накопившейся во мне яростью — и он тоже рухнул в бездну. А на третьего, который успел снять ружье, чтобы пристрелить меня, я бросился, опрокинул его навзничь, выхватил ружье

¹ *Илери* (турецк.) — вперед.

² Второзаконие 6:4; Бытие 59:18.

и так огрел его прикладом по голове, что он уже не встал. Затем я для верности выстрелил ему в грудь. И весь этот переполох длился считанные секунды. Один из тех двоих, что скатились вниз, поднялся, весь в пыли, и, громко ругаясь, сделал по мне несколько выстрелов. Но стреляя снизу, он, понятно, не мог меня задеть. Я притаился за скалой и стрелял, пока одна из моих пуль не свалила его с ног. Тогда я приблизился и всадил ему пулю в сердце. Обыскал их карманы и нашел у одного из них солидную сумму — десять золотых. Я забрал свой пистолет, а их ружья оставил. Тотчас я побежал к своему ослу, взял инструменты и часть вещей, а остальное, что не мог унести, сбросил в реку, которая текла на дне ущелья. Обняв осла, я сказал ему: "Дружище, что мне с тобой делать? Нет у меня никакой возможности взять тебя с собой. Одному Богу известно, как мне тебя жалко. Но что я могу поделать? Я должен бежать отсюда. Оставляю тебя в руках Творца, Он — владыка всех творений и подыщет для тебя другого хозяина".

Бегом я взобрался на гору. День был в разгаре, и солнце жгло немилосердно. До вечера я скитался в горах, ночью переночевал в пещере, и на завтра весь день бродил в горах.

В конце концов, после трех дней блужданий, когда уже наступал вечер, Акавья прибыл в Конью. Какой-то мальчуган показал ему еврейскую улицу и повел его прямо в синагогу, где шла новогодняя служба. Акавья был потрясен, как человек, который первый раз в жизни опрокинул в рот целую бутылку арака. К тому же он нарочно решил притвориться дурачком, потому что не знал, как отвечать на вопросы, которые ему зададут люди. Он говорил только "да" и "нет", и на него махнули рукой — видно, что скудоумный.

Слыша такие высказывания в свой адрес, Акавья молча думал: посмотрим, что мне суждено Богом. Ему одному известны все наши тайные дела и помыслы. Но в глубине сердца Акавьи разгоралась радостная уверенность — ему стало казаться, что все,

что случилось с ним, было задумано на небесах, и он поступил правильно и по воле Божьей. И вот тому доказательство: он прибыл в этот город и нашел самое драгоценное сокровище — праздник Рош хашана! Блуждая в горах, Акавья сбился со счета, и полагал, что два святых праздничных дня уже позади, и вот — он пришел сюда, прямо в синагогу, и его лицо заливают свет праздничных огней. "Да, это хорошая примета", — решил он окончательно. Небеса возложили на него то страшное дело, которое он совершил. Теперь он затаится, и после праздника узнает, что его ждет.

А назавтра, в первый день Нового года, он убедился, что все, что с ним приключилось, было начертано свыше, и что он действовал по велению Всевышнего. Но Акавья также понял, что он должен немедленно удалиться из Коньи, и возможно дальше, ибо назавтра всюду, где бы он ни появлялся, на улице ли, в кафе, среди евреев или иноверцев, он слышал одни и те же разговоры: о трех разбойниках, которых нашли убитыми в горах, и никто не знает, как это произошло. Но все были рады и благодарили Создателя, что Он избавил их от этих негодяев, так как власти были бессильны изловить их. А вот сейчас как раз отправились полицейские в горы, чтобы окончательно разгадать загадку их гибели.

Акавья, прикинувшись дурачком, расспрашивал евреев, как добраться до железной дороги и куда она ведет. И он решил уехать отсюда далеко на Восток — в Адану. Он ехал туда день и ночь и еще полдня. На ослах он добирался бы туда целую неделю.

Праздничные дни он провел в городе, где разыскал еврейскую общину, а после праздников, вооружившись своими инструментами, отправился странствовать по деревням, расположенным между Аданой и Карамано, но сейчас он был очень осторожен на дорогах.

Наступила зима, и холодные ветры, дующие в горах, изо дня в день становились все пронзительнее. Небо, молчаливое и печальное, было покрыто

серыми тучами, и ветер все гнал и гнал их с утра до вечера куда-то за горизонт. И людские сердца были охвачены тоской и невеселыми думами, так что подчас даже дышать становилось тяжело.

И когда в такие дни Акавья бродил один-одинешенек среди гор и странные мысли смущали его душу, его можно было уподобить покинутому жилищу, в окна которого врываются осенние ветры. В иные дни у него было так печально на душе, что казалось, будто горы, которые он так любил, сдвигаются и давят. И их огромные мрачные тени ложились ему на сердце, и не было сил нести эту тяжесть. А иногда вдруг им овладевало чувство великого отдохновения и покоя, и тогда он ощущал небывалую уверенность, острую радость жизни. Ликование наполняло его душу, и он шагал бодро и легко, как человек, идущий на праздник. Причина такого бурного веселья, захлестывавшего порой его сердце, была ему самому непонятна, как и причина тоски и печали, которая вдруг охватывала его. Ведь он не призывал к себе ни печали, ни веселья, ни смеха, ни скорби, так откуда же они являлись?..

И когда Акавья ловил себя на тягостных мыслях, он сам удивлялся: выходит, что он не в силах совладать с самим собой. Его сердце подобно неогороженному полю, куда каждый, кто вздумает, может войти и так же беспрепятственно удалиться? Так иногда его мучило дурное настроение, и снедала тоска по отцу и матери, по родительскому дому. А иногда у него на сердце было пусто и он не чувствовал никаких желаний, кроме вечной страсти идти вперед и вперед, глотать пространство, двигаться — дальше, дальше, странствовать еще и еще...

Однажды он пробирался вдоль большой реки Сианхенри, его новый осел шел впереди, а он неторопливо шагал следом; по небу плыли большие белые облака, двух- и трехслойные, похожие на поднятые вверх и летящие по воздуху снежные сугробы. Солнце посылало на землю теплые, ласковые лучи. И воздух был

такой чистый, что, казалось, вдыхая его, человек глотает вкусный и сладкий свет. И Акавья произнес вслух, будто рядом был собеседник:

- Да, клянусь, что я так сделаю. Это решено.
- Что именно?

— Очень просто. На этой неделе сниму на всю зиму маленькую лавку в селе Ядишир. Это место мне очень по душе. Что ты скажешь об этом селе? И об этом маленьком водоеме? Это — море, но оно игрушечное, вокруг деревья и тростник, и все отражается, как в зеркале. А какой там покой... Ни голоса, ни шума. Вода не шелохнется. Не вода, а оливковое масло. Покой в синеве небес и покой в синеве водоема. А когда по нему скользит парусная лодка, медленно движется, залитая лучами солнца, разве не кажется, что оно влечет за собой твое сердце?.. Разве не кажется, что это не лодка, а ангел спустился с неба и плывет одиноко?.. Плывет по пути, указанному на небесах. Клянусь своей жизнью, что это так. А село Ядишир, расположенное рядом... Там сниму лавку и проживу всю зиму. Найду человека, пусть напишет отцу письмо, что вернусь домой в конце зимы — на Пасху.

- Так... Да. Это решено.

— Но должен сказать тебе: у тебя жестокое сердце, Акавья. Как это можно оставить отца и мать, такую мать, как твоя, которая хороша и добра, как ангел небесный... Жестокое у тебя сердце, Акавья, ведь это девять месяцев до Пасхи, считая с того дня, как ты вышел из дому.

— А! Ты во многом прав... Но... что я могу сделать? Я должен... Я вынужден...

— Вынужден! Что значит — "вынужден"? Он вынужден... Кто тебя заставляет, Акавья? Кто повелел тебе подвергать себя опасностям на дорогах? Кто начертал тебе такую судьбу? Скажи — и мы узнаем, во имя чего ты скитаешься по стране. И что за прок от всех твоих странствий? А?

— Все зависит от сердца, милый. Разве можно объяснить кому-нибудь, что у человека на сердце?

Сердце говорит мне: иди... Иди дальше... Тебе еще много предстоит пройти... Поверь мне, такие голоса я слышу в своем сердце...

— В сердце... в сердце... Пустые слова!

— Клянусь тебе, братец, что это не пустые слова... Клянусь жизнью своего господина отца... Я говорю тебе: не спроста я разъезжаю... Я чувствую в этом великий смысл, честное слово. Чувствую, что я послан в путь... По воле Творца своего иду я. Так мне кажется. Взять хотя бы эту историю... (тут мы говорим между собой откровенно, как братья)... С этими тремя негодями. Разве мне могло прийти в голову, что я покончу с ними в одно мгновение, как это случилось на самом деле... Но я вынужден был так поступить... То была воля небес... Миссия, которую на меня возложили... И я ее выполнил...

— Да, эта история с тремя разбойниками... Это верно. Это видит каждый...

— И все же, клянусь жизнью господина моего отца, у меня беспокойно на сердце. Кто знает! Хотя это дело ясное и простое... Как сказано в нашей святой Торе? *"Иль ки мадруга амтарти. мадрага аматарло"*¹. Ясно, что они могли убить меня. И все же мне хотелось бы узнать определеннее... Потому-то я хочу еще походить по стране, повидать и другие места... Испытать и понять, какова воля моего Творца.

Мимо Акавыи прошли три крестьянских парня с упряжкой волов. Акавья, разговаривая с самим собой, имел обыкновение опускать глаза и глядеть в землю. Крестьяне остановили волов и взглянули на Акавью с изумлением. Почувяв это, он поднял голову.

— Доброе утро, братья. Почему вы остановились?

— Почему мы остановились? Потому что слышали, как ты разговариваешь. С кем это ты говоришь, парень?

¹"Того, кто пришел убить тебя, опереди и убей его" (ладино).

Акавья застыдился, что-то пробормотал в ответ и продолжил свой путь.

В полдень он прибыл в большое село, где уже останавливался однажды. Он прожил здесь два дня и изготовил несколько красивых сосудов. Сосуды понравились местным жителям, и они охотно их покупали. Затем он целую неделю просидел возле одного из крестьянских дворов, изготавливая разные изделия, и их тоже легко продал.

Однажды под вечер, завершив работу и произнеся дневную и вечернюю молитвы (хотя еще не стемнело), Акавья почувствовал, что ему хочется побродить по полям и садам. Отложив в сторону молитвенник, он взял в руки коралловое ожерелье и вышел, по своему обыкновению один, чтобы осмотреть окрестности. Так он делал всегда, прибыв на новое место.

На краю деревни, возле дверей одного из домов, что стоял на холме, он заметил человека, сидевшего рядом с плитой. Перед ним лежали инструменты жестянщика и несколько старых сосудов с заплатами. Акавья остановился в недоумении: "Выходит, в этом селе есть свой жестянщик, а я и не знал".

Приблизившись, он вежливо поздоровался, тот же ответил кратко и сухо.

— Клянусь тебе, — сказал Акавья, стараясь быть убедительным, — я понятия не имел, что здесь есть жестянщик. А почему ты работаешь так далеко от рынка? Потому-то я и не знал...

— А я знал. Видел, как быстро и легко ты распродал весь свой товар. Все исчезло мгновенно. А я потерял и тех немногих покупателей, которые у меня были. За эту неделю я не заработал ни гроша... Я старый и больной. И жена моя хворает несколько месяцев. Семеро душ должен я кормить.

— *Аман, Аман!*¹ — воскликнул огорченный Акавья. — Что ты говоришь, братец? Выходит, что я лишил тебя заработка!

¹ Возглас сочувствия (турецк.).

— Да. Клянусь Богом. И пусть он вознаградит тебя вдвойне...

— Послушай, братец. Я сразу же уезжаю отсюда. Прости меня. Я дам тебе немного товара, который есть у меня.

— Как я могу купить товар? Чем я уплачу? У меня и ломаного гроша нет в кармане. И хороших инструментов нет у меня. Все обветшало.

— Нет, братец. Тут не идет речь о покупке. Я тебе дам, а в другой раз, когда буду в этих местах, ты вернешь мне, если у тебя будет чем. Тут не идет речь о продаже.

— Кто ты? И откуда? — спросил его жестянщик с любопытством.

Акавья рассказал ему немного о себе и спросил:

— Как это односельчане оставили своего жестянщика и покупают у чужака? Разве ты не местный?

— Я не турок, а грек из Измира. В молодости женился на тамошней турчанке и принял магометанство. Но потом я раскаялся и вернулся к вере предков.

Жестянщик рассказал, что в молодости много странствовал, но в конце концов осел здесь. Это было давно. Тут семья его увеличилась. Был у него старший сын, да умер три года назад, оставив жену с тремя детьми. А теперь еще жена заболела. Но никому нет до них дела. Нельзя сказать, что здесь живут злые или недостойные люди, но у каждого свои заботы. Каждый сам по себе. "Даже если все мы умрем с голоду, никто не узнает..."

С горечью выслушал все это Акавья.

— Послушай, братец, твои слова — для меня как ножевые раны. Сердце болит за тебя. И как это я мог так поступить?.. Где были мои глаза?.. Но — ничего, дело поправимо. Бог милостив. Бог велик и он услышал... Как зовут тебя, братец?

— Никодимос.

— Послушай, Никодимос. Все, с Божьей помощью, будет хорошо. Сейчас, мне кажется, пожалуй, будет лучше, если я здесь немного задержусь. Посижу с то-

бой, и мы поработаем немного вместе. Ведь я — как птица небесная. Нет у меня никаких забот. Никого мне не надо кормить, и все мои заботы о самом себе. Один я хожу по земле. И я посижу с тобой несколько дней, если ты не возражаешь. Поработаем немного сообща, в добром содружестве, но сейчас я не возьму своей доли... В этом нет необходимости... Есть у меня, слава Богу, всего вдоволь!..

Грека поразили слова Акавьи и в душе он удивился такому чудачеству. Но как бы то ни было он сказал:

— Окажи мне честь, зайди в дом. Ведь уже начинается темнеть.

Они вошли во двор. Дом был невзрачен, и всюду виднелись следы бедности и запустения. Дети, и среди них мальчик и девочка постарше, сидели в уголке и тихо играли. Акавья подошел к ним, чтобы рассмотреть их получше. Взору его предстали бледные лица и щуплые фигурки, облаченные в отрепье.

Никодимос зашел в комнату, зажег маленькую лампу и пригласил Акавью войти.

Комната была большая, но почти пустая. Низкий потолок, пол в выбоинах... В углу лежала женщина с бледным, изможденным лицом, лоб ее был повязан платком. Она обратилась к Акавье, но слова ее звучали невнятно и тихо. Рядом сидела молодая женщина — ее невестка.

Акавья начал расспрашивать хозяина о болезни жены, поинтересовался, есть ли в этом селе лекарь. Пока тот говорил, Акавья разглядывал детей, сидевших на циновке, а они, в свою очередь, молча разглядывали его. Дети были похожи на голодных котят, которые ждут, не достанутся ли им какие-нибудь кусочки с хозяйского стола. Акавье стало нестерпимо жаль их.

Он заметил, что Никодимос шепчется с молодой, и понял, что эти люди хотели бы угостить его как это принято, да вряд ли в этом доме имелось что-либо съестное. Он тотчас поднялся и словно между прочим сказал:

— В том заезжем дворе, где я остановился, есть такой сорт кофе, что он очень хорош и для больных, и для здоровых. Если наша больная выпьет стаканчик, я уверен, ей полегчает. Пойдем, братец, со мной, возьмем и сразу вернемся.

Когда они вышли со двора, Акавья остановил Никодимоса и обратился к нему с просьбой.

— *Джаным кардашим*¹, об одном прошу и заклинаю тебя именем Бога — чтобы ты мне не перечил. Лучше стукни меня своим ботинком по голове, только не откажи мне.

— Что тебе угодно, братец? Как я могу тебе отказать, если в состоянии выполнить твою просьбу?

— Возьми, пожалуйста, золотую лиру. Это — начало нашей компании. Сейчас я вношу свою долю, а потом ты внесешь свою. А тем временем мы купим кое-какие продукты для больной и для детей и все, что нужно для дома. Прошу тебя, брат Никодимос!

— Но... но... — бормотал тот. — Божий человек ты. Кто ты такой? Посланец небес? Чудеса...

— Не нужно говорить о чудесах. Пойдем и купим все, что нужно. Дорог каждый час.

Через некоторое время в дом жестянщика вошел носильщик с большой корзиной на спине и двумя парами кур в руках.

Когда начали разбирать содержимое корзины, то нашли там всякую всячину: и хлеб, и овощи, и стручки, и большие головки сыра и много другого добра.

Домочадцы широко раскрыли глаза от удивления. Они глядели на Акавью как на спасителя, ниспосланного им с небес в час бедствия.

Акавья вошел в комнату с большой лампой, зажег ее, и дом сразу наполнился светом. Он без умолку говорил, стараясь развеселить и взрослых, и детей. Разговаривая, он готовил кофе для больной и жарил всякие вкусные вещи для детей. А пока они лакомились, он ел свою кошерную пищу: маслины, соленья и

¹ Душа моя, брат мой (турецк.).

фрукты. Так они провели весь вечер за едой и приятной беседой.

Десять дней пробыл Акавья в обществе Никодимоса. Днем он понемногу работал и понемногу ухаживал за больной. И так продолжалось до тех пор, пока ее состояние не улучшилось, и она не поднялась с постели и начала хозяйничать в доме.

Однажды утром он встал, сердечно распрощался со всеми, сказал, что очень торопится и обещал навестить их через несколько недель (но в действительности вернулся в эту деревню лишь через полтора года). Он вовсе не собирался обмануть жестянщика, но не хотел, чтобы того терзали угрызения совести — ведь Акавья потратил много денег на нужды семьи и на покупку материалов, необходимых для его работы.

Так как он обосновался в селе Ядишир, расположенном на расстоянии всего двух дней хода от той деревни, то время от времени, как бы между прочим, справлялся у приезжих о Никодимосе. И когда узнавал, что у того дела пошли на лад, есть работа и домочадцы здоровы, весьма радовался. Он убеждался, что делам его рук сопутствует удача и, следовательно, они угодны Творцу.

И действительно, Акавья всегда старался, особенно в те дни, вести свои дела так, чтобы они угодны были Богу. Чем больше он разъезжал по дорогам, чем больше видел городов и сел, чем больше разных людей встречал и чем больше обогащался знаниями, тем больше его одолевали разные мысли, и тем сильнее его сердце стремилось познать, каков же его собственный путь среди бесчисленных путей мира. Что написано ему на роду и как он сможет это выполнить? Что он должен и обязан сделать и чего делать не должен? Как сущность всех его поступков и дел сочетается с волей Творца? И на каком пути Он откроется ему?

Не раз Акавья огорчался, что лишен мудрости и понимания слов Торы. И тогда он самому себе казался презренным червем, существом с закрытыми глазами, слабым разумом и несуразными поступками.

Но иногда он ощущал в себе добрый дух чистых помыслов и дел и был счастлив своей участью. Все это происходило в те зимние дни.

Всю зиму Акавья провел в селе Ядишир, лишь изредка покидая его, потому что снежные заносы не позволяли двигаться по дорогам. Он много работал, стараясь собрать побольше денег к Пасхе, — ведь на Пасху он вернется домой. И, слава Богу, он заработал неплохо. Каким образом? Он начал изготавливать красивые плиты и большие самовары, которые всем очень нравились, и не было такого дома, где бы их не купили, и даже путники из далеких деревень приобретали их. С утра до вечера он сидел и работал с большой охотой. Люди всегда видели его занятого делом, орудующего молотком или ножницами, и тогда он походил на одного из рабочих, занятых в государственных мастерских. Беседовал с людьми он мало. Акавья не задерживался среди них и не искал их близости. Очень осторожен был он в своих речах — известно, что ожегшись на молоке, дуют на воду...

Но про себя и с самим собою Акавья много говорил и о многом думал. Не раз случалось, что во время работы в лавке он спохватывался, что громко толкует о чем-то вслух. И тогда он сразу замолкал, опасаясь, что невольно выдаст людям свои сокровенные мысли.

В глубине души он был доволен своей участью. Ему казалось, что Божья благодать нисходит ему на сердце и на все дела его рук. Это Он внушает ему разные мысли и придает смысл всем его действиям. Это Он наказал ему: иди, Акавья, скитайся по этой земле. Внимай, наблюдай — и ты увидишь много великих и поучительных дел и будешь поступать так, как велит тебе сердце. Если увидишь тернии, ты их удалишь, истребишь, уничтожишь, сживешь со свету (как тех трех разбойников). Если увидишь людей в беде и печали — в тебе проснется к ним жалость, и ты сотворишь добро и милость (как, например, с Нико-

димосом). Возьми у одних и дай другим (и так в самом деле он делал — все, что забрал у этих негодеев-разбойников, он раздал нищим). Всюду, куда он приходил, Акавья творил добро и милость. Пусть люди знают, что нет ничего лучше на этом свете, чем *гмилут хасадим*¹. Это — самая прекрасная человеческая добродетель. Попробайся, человек, творить добро каждому, кто бы он ни был — еврей, турок или грек, и ты увидишь и почувствуешь, что твое сердце наполняется радостью. Ты испытываешь огромное наслаждение. Когда ты несешь благо себе и другим, то тебе кажется, что весь мир преисполнен радости.

Однажды (это было все в ту же зиму), Акавья закончил утреннюю молитву и с большим рвением взялся за работу. И тут в сердце у него во множестве стали роиться добрые мысли, и они были подобны белым голубям, сверкающим во время полета под лучами солнца. И как белые голуби, они спускались на поля и снова взлетали ввысь, подымались и опускались, спокойно и не спеша. И чем больше он размышлял, тем большей была его радость, и ему начало казаться, что сам Господь просветил его и помог ему постичь слова Торы и знания. Работая, Акавья шептал про себя:

— Клянусь своей жизнью, что лишь сейчас я понимаю слова хахама Абрамаджи. Я вспоминаю сейчас, как он вдохновенно толковал стих, в котором говорится: "Мир милостью будет отстроен"². Это значит, что мир не может существовать без милости. Даже на основах справедливости он не может существовать, на одной справедливости — нет. "Почему, объясни, Акавьяджи?" — так он меня спрашивал. Да будет у тебя, хахам Абрамаджи, много счастливых часов! И сам, бывало, отвечал: "Потому что без милости нет и справедливости. Милость — это фундамент, справедливость — это здание. Если в сердце человека

¹ Воздаяние милостью (иврит).

² Псалмы 89:3.

нет основы — милости, падет и справедливость. Ибо это постройка без фундамента". "Справедливость, — говорил хахам Абрамаджи, — приходит от разума. Человек понимает, что не следует делать зла". Верно. Но иногда бывает так, что разум повелевает человеку делать зло. Дурные страсти совращают его, и ослабевает сила ума. Но если сердце человека полно милости, над ним не властны дурные страсти, потому что сердце его уже заполнено милостью. Так, бывало, объяснял хахам Абрамаджи, и я поминаю его добром. А сейчас я говорю: милость подобна олову, которое скрепляет отдельные части сосуда. А справедливость — это материал. Олово паяет, олово держит, придает прочность. Так и милость. На ней держится мир. И разве мой собственный пример не доказывает этого? Когда нечестивцы из Бурсы заточили меня в тюрьму — что, по сути, было тому причиной? Справедливость. Это судьи, "да не приключится с ним зла"¹, вершили правосудие якобы по справедливости. Это была их справедливость. Но если бы в сердце этих нечестивцев была милость, они ни в коем случае не могли бы совершить такую "справедливость". И в самом деле, если бы люди знали, что милость — это душа человека и душа всего мира, тогда наша жизнь была бы подобна жизни ангелов.

Весь тот день Акавья был в радостном и приподнятом настроении, потому что сподобился, чтобы в его памяти возникли святые слова Торы, и сейчас он хорошо понимал их смысл.

Всю зиму он почти безвыездно жил в том селе и посетил за все время лишь две-три близлежащих деревни. В те дни, когда прекращался снегопад и солнце светило в горах и белых долинах, Акавья направлялся в одну из деревень, затем в другую, наделю работал здесь, неделю — там и возвращался в свое село.

А когда он один бродил по дорогам и кругом все белело от снега, и снежные шапки сверкали на верши-

¹ Псалмы 91:10.

нах, и снег лежал на склонах, он верил, что сам Творец направляет его шаги и ведет его. Ведь не случайно он оказался именно в этой округе. Видимо, на то была воля Божья.

— ... как ты сможешь рассказать дома, — говорил Акавья самому себе, шагая однажды в полдень среди огромных снежных сугробов, — как ты сможешь рассказать им об этих видах, об этих чудесах, об этой чистоте, об этой святости. Да, святости, что в этой белизне... Ты не сможешь... ты не сможешь...

— Да, ты прав, Акавья... Они не поймут тебя. Они скажут тебе с усмешкой: "Снег... Мало ли мы видали на своем веку снега? Так что тут особенного?"

— Да, снег... Но пойдя объясни им, что ты чувствуешь при виде этой белизны, что у тебя на сердце... И снова они скажут тебе: разве для того, чтобы видеть снега и разные красивые места, следует оставить отца и мать, особенно мать, которую ты так любишь и которая по тебе так скучает, да и тебе без нее очень тоскливо... Разве не так? Что ты скажешь на это, сынок?

— Что я скажу? Я же говорю вам: не виды и не красота главное. Не они, столь великолепные и удивительные... Не только это. В тысячу раз важнее этой красоты то, что человек ощущает внутри... в своей душе.

— Например?

— Как мне вам объяснить? Посмотри, сеньора ма-на¹, и пойми, что люди тут окунаются в воздух. Обычно люди окунаются в воду. Это очищает тело. Но когда окунаешься в воздух, очищается душа. Вот именно: душа! Да, да, и более того...

— Да?

А в конце зимы, когда в канун Пасхи Акавья вернулся в Бурсу (девять месяцев спустя после того, как он ее покинул), велика была радость в его доме! И нет никакой необходимости подробно рассказывать об этой радости, наполнявшей сердца, начиная

¹ Госпожа мама (ладино).

от сердца матери и кончая сердцами дальних родственников. Само собой разумеется, что двери дома тío Хисдая не закрывались от наплыва родных, друзей, знакомых. Все подробно обо всем расспрашивали Акавью, а он отвечал скупο и коротко. И все удивлялись тому, что, хотя его речь по-прежнему оставалась не слишком складной, но отвечал он спокойно и вразумительно. И в чертах его чувствовалось возмужание, он вырос, раздался в плечах и был парень, что надо.

Но и в разгар праздничного веселья не обошлось без горькой минуты. Отец и мать были уверены, что кончились дни странствований, и теперь Акавья будет жить с ними, как прежде. Однако, когда отец намекнул на это, то услышал ясный и недвусмысленный ответ:

— Пусть простит меня господин отец, но я прибыл сюда на время, — повидать вас и утишить свою тоску. Потом я снова отправлюсь в путь-дорогу.

Отец сказал:

— Зачем, сынок мой? Мы было подумали — вот ты утолил жажду, которая тебя мучила — повидать свет. Ведь ты уже проглотил полный мех воды и повидал целый мир. Сколько же человек в состоянии пить?

Акавья ответил:

— Я много поездил. Это правда. Но и то правда, что я лишь слегка утолил свою жажду. Из рек этого большого мира я лишь слегка глотнул, и мне предстоит еще долго пить.

Никакие уговоры и доводы родных не могли поколебать Акавью и заставить его изменить решение. И даже когда по просьбе отца его вызвал к себе хахам Абрамаджи и с большой любовью и весьма убедительно говорил с ним, Акавья отвечал ему с великим почтением, но без малейших колебаний. Слова Акавии показались меламеру весьма сомнительными и слишком общими.

Старый учитель сказал:

— Все твои доводы теряют свою силу перед заповедью: "Почитай отца своего и мать свою". Если ты

настаиваешь на своем, значит, ты нарушаешь эту заповедь. Разве ты можешь пойти на то, чтобы нарушить Десять заповедей?

Но и Акавья ответил ему, опираясь на Тору:

— Почитание отца и матери и почитание Отца небесного — что важнее? Разве не по воле Творца я иду?

Посмеялся его учитель и спросил:

— Разве Всевышний, благословен Он, говорит с тобой с гор? Ведь... Нет, Акавья, ты преувеличиваешь. Лучше придержи язык за зубами, чтобы не посмеялись над тобой люди.

— Господин хахам, — ответил Акавья, — я уже привык к тому, что люди смеются. Из-за их смеха я не должен делать того, что Создатель приказывает мне?

— Как тебя понять? Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего я не хочу этим сказать... О чем тут говорить? Пока не о чем... Но я не делаю ничего, кроме того, что Создатель повелевает моему сердцу.

Долго беседовал с ним учитель, пытаясь выведать, что у него на сердце, пока уразумел, что этот парень очень осторожен и ни за что не выдаст того сокровенного, что спрятано в глубине его души.

Когда к хахаму пришел отец, Абрамаджи сказал ему:

— Мне ничего не удалось добиться. Невозможно изменить мысли этого парня. И хотя мне не удалось раскусить, что у него на сердце, но я видел его богобоязненность. Вера в его сердце крепка. И кто может знать, что ждет твоего сына в будущем? Ведь он так изменился! Кто мог подумать, что Акавья, который не мог постичь Торы, достигнет такой степени мудрости, что сможет говорить и понимать, что делается на свете, и познавать пути Создателя! Я слышал, что он привез с собой немного денег — это признак того, что и житейские дела ему не чужды, что он хорошо работает и честно зарабатывает. Но страсть к путешествиям еще сильна в нем, так пусть поеддит. Ведь мы убедились, что эти поездки идут ему на пользу. Его ум обострился, и кругозор расширился. Так

пусть едет с Богом. В конце концов это ему надоест — и он вернется в родное гнездо.

И после Пасхи Акавья снова отправился странствовать.

8. ВО СНЕ И НАЯВУ

Пока на пути Акавьи не встретила красавица Анахит, он продолжал странствовать по стране, забираясь в самые глухие уголки и открывая для себя все новые и новые места. Будто сидел в нем дух беспокойства, который толкал его и гнал по белу свету. Так швыряет праща камень — далеко, далеко в пространство.

Из второго тура своих странствий Акавья вернулся домой спустя пять месяцев, к Пасхе. Но в третий раз он забрел очень далеко, на северо-восток Анатолии, в районы, заселенные в основном, армянами, и вернулся домой лишь спустя полтора года. Он провел в Бурсе почти всю зиму, долгими часами просиживая возле матери и подробно повествуя об удивительных встречах и происшествиях на дорогах. Но он утаивал от нее свои сокровенные мысли, которые теснились в голове и не давали покоя. И снова родные стали насеждать, требуя, чтобы он обручился. Тут Акавья сообщил маме под строжайшим секретом, что видел сон, который намекает на женитьбу. Поэтому он обещает серьезно об этом подумать, когда в следующий раз придет домой. Он рассказал матери, что в нынешнем году во время скитаний в горах его по ночам часто навещали сновидения, да и сейчас еще не прекратились. Каждую ночь ему что-нибудь снится, но здесь в снах трудно разобраться, потому что они какие-то смутные. Там же, среди высоких гор, иные сны были настолько ясными и четкими, будто все происходит наяву, при свете дня. А бывало и так, что смысл сновидения ему становился ясным лишь на следующий день, или даже через несколько дней.

— Как же так?

— Однажды мне приснились какие-то великаны, бороды у них спускались до колен, как у древних людей. Они взяли меня и посадили верхом на какого-то зверя — не то льва, не то медведя, не то громадного волка. Я держался за его гриву, а он подымался вместе с этими людьми по горному склону, и мы достигли вершин, покрытых вечным снегом даже в летнюю пору...

Эти люди сказали Акавье, что идут к Арарату, и там он увидит праведного Ноя, потому что Ной не умер, а живет среди потомков Сима, Хама и Яфета. Так говорили эти люди, пока подымались на вершину. Потом он увидел небольшую равнину, и зверь на котором он ехал, внезапно ринулся вперед, начал прыгать и метаться. Чувствуя, что он вот-вот сбросит его на землю и искалечит, Акавья изо всех сил стукнул зверя кулаком по голове, тот упал замертво, и Акавья проснулся.

— И впрямь, в ту неделю, — продолжал Акавья рассказывать матери, — я заблудился в горах, хотя прекрасно знал все дороги.

Он повстречал странное существо с женским лицом и длинными волосами. Женщина тащила на спине большой кусок каменной соли.

Акавья попытался разговориться с ней, спросил, откуда она и куда держит путь, но не получил ответа. Та лишь кивнула ему и рассмеялась. Но его сердцу, непонятно почему, очень захотелось узнать, куда та направляется, и он несколько часов терпеливо следовал за ней, пока уставший осел не заупрямился, и, упершись ногами в землю, не отказался идти дальше. Акавья сел отдохнуть, но в течение нескольких часов продолжал наблюдать за дорогой, по которой поднималось странное существо.

Назавтра утром он пошел по следам женщины и с большим трудом достиг вершины. Там он увидел обширную впадину, окруженную прямыми, как стена, скалами, у подножия которых было много пещер и ша-

лашей. Здесь жили люди. Акавья заметил несколько странных человеческих существ. Он не знал, мужчины это или женщины, так как все были в одинаковых одеждах. Акавья заговорил с ними, и они ответили ему на странном турецком диалекте, так что он почти ничего не понял. Когда он попросил поесть, ему принесли деревянный горшок с молоком и черную мацу. Он поел и предложил им деньги. Они взяли серебряные монетки в руки и не знали, что с ними делать. Акавья понял, что они никогда не видали денег и обходятся без них. Это его очень удивило. И он продолжал объясняться с ними с помощью жестов и нескольких слов.

Вечером пришли пастухи со стадами. Люди уселись, поужинали, а с ним почти не говорили. Он сидел отдельно, и они — отдельно. Но ему тоже подали еду. И осла накормили ячменем. Ночью, хотя дело происходило в сиване¹, было прохладно. Пастухи, завернувшись в шкуры, долго сидели при лунном свете, и он сидел и ждал приглашения переночевать. В это время слышались крики. Встав на ноги, Акавья увидел, что люди бегут, схватив копыя, чтобы отогнать волка или медведя, спустившегося сюда с одного из холмов. По выражению их лиц было видно, что они напуганы появлением зверя. Акавья вынул свой пистолет, прицелился и убил хищника наповал. Все были поражены и громкими возгласами выражали свое удивление. Люди подходили к нему и дружески хлопали по спине. Его торжественно повели в одну из пещер. Там сидели три глубоких старца, они долго с ним беседовали, но он понял лишь несколько слов. Затем к нему подвели пятерых девушек (он сразу узнал, что это девушки, потому что их груди были обнажены). Из слов старцев он понял, что ему предлагают взять одну из них в жены и навсегда остаться жить здесь. Он же про себя решил, что ему надо поскорее покинуть это странное селение.

¹ Сиван — летний месяц еврейского календаря, соответствует маю — июню.

Рано утром он вышел один, чтобы лучше разглядеть местность. На другой стороне котловины он заметил небольшое озеро, очень красивое. Берег был скалистым, и громадные камни торчали из воды. Акавья довольно долго ходил вокруг озера, пытаясь выяснить, нет ли вблизи человеческого жилья, потом, прыгая с валуна на валун, добрался до середины озера, уселся на камень и принялся размышлять о том, как ему выбраться из этих мест, заселенных столь удивительными людьми.

— И вдруг из-за скалы выплыли те самые девушки... пять девушек... Они играли в воде... И все они, мама, не при вас будь сказано, были совершенно голыми. Да, да, в чем мать родила. Я хотел сразу же уйти, но они окружили меня, смеялись, заигрывали и не давали пройти... Некуда мне было деться. Они отрезали мне путь на берег, а с другой стороны была вода. Я отвернулся, чтобы не смотреть на них. Но они окружили меня, три с одной стороны, две — с другой. "Ко всем чертям!" — сказал я, и закрыл глаза рукой. Но они брызгали на меня водой и смеялись, радовались, как малые дети. Какое-то сатанинское наваждение... Но они замечательно плыли среди скал — как рыбы. Женщины-рыбы. А как они, мама, в воде переворачивались, изгибались, выпрямлялись, прыгали! Как змеи! Женщины-змеи. Только что белые. Некоторые были белыми, как мрамор. И вдруг я почувствовал, мама, что голова моя отяжелела. Все заходило вокруг... Пруд, горы... Сердце сжало, как тисками. Я упал на камень. Тогда они подошли ко мне, подняли и вынесли... не при вас будь сказано, на руках на берег. Напоили меня молоком, гладили мое лицо и при этом что-то щебетали на своем языке.

Я сразу поднялся, взял своего осла и начал спускаться вниз. Следом за мной пошла группа мужчин, они меня в чем-то старались убедить, но увидев, что я не отвечаю, остановились и умолкли. И те пять девушек тоже стояли опечаленные и глядели на меня.

Так он рассказывал матери о том, что с ним произошло, а она слушала, раскрыв от удивления рот. И еще он рассказал ей о том, как однажды видел во сне, будто находится в большом городе, и только он туда вошел, люди усадили его на белого коня, облачили в мантию, на голову надели тюрбан и назначили своим предводителем. И большая толпа провожала его с песнями, музыкой и плясками. Это был удивительный сон!

Мать спросила его:

— А что было потом, в конце?

— Во сне все это длилось очень долго, и потому конец я позабыл.

— А какова разгадка? Ты же сказал, что знаешь разгадку своих снов.

— Да, я действительно знаю его разгадку, — подтвердил Акавья, — и продолжал:

— В селе Нейарс, где я жил, произошел несчастный случай. Это большое, красивое и богатое село лежит на склоне высокой горы, а напротив вздымается гора еще выше и величественнее. Вершина ее поросла лесом, но ниже тянутся только безжизненные скалы. Лишь одна тропинка ведет к мосту, соединяющему обе горы.

Однажды в полдень Акавья увидел Тороса Кривурана — зажиточного армянского крестьянина. Тот двигался по горной тропинке, верхом на осле. Внезапно на повороте навстречу Торосу выскочил на всем скаку неизвестно откуда взявшийся конь. Осел испугался, попятился, оступился и покатился вместе с седоком вниз, в долину, по которой протекала горная река. Видели это многие жители села. Чтобы спуститься в долину, надо было обогнуть обе горы. Даже если идти кратчайшим путем, это займет не меньше часа. Ниже села Нейарс был крутой скалистый обрыв, и ни один человек не мог спуститься тут. Все были в панике и не знали, что делать. Пока они доберутся кружным путем до своего односельчанина, попавшего в беду, тот Богу душу отдаст. И вот, пока все местные жители, взрос-

лые и дети, обсуждали происшествие и спрашивали друг друга, где бы достать быстрого коня, он, Акавя, начал потихоньку спускаться с горы вниз. Никогда еще никому в голову не приходило спускаться с горы Нейарс.

Когда люди заметили Акавя, они закричали:

— Акав, что ты делаешь? Куда ты лезешь? В преисподнюю? Возвращайся!

Но он, не обращая внимания на крики, продолжал осторожно спускаться. Ощупывая каждый выступ, каждый камень, он двигался вниз, будто полз по вертикальной стене. Верно, два или три раза он повисал в воздухе, как козленок, между двумя скалами, а под ним развиралась пропасть. Но во имя Всевышнего он преодолевал страх и через четверть часа благополучно достиг цели. Он перевязал раны пострадавшего, напоил его водой, взвалил себе на спину и начал подниматься с ним по менее крутому склону противоположной горы. Так он достиг тропинки и быстро доставил раненого на мост. Там его уже ждали с телегами. Раненого отвезли в село, а Акавя начал снова спускаться в долину.

— Зачем? — кричали ему вдогонку. — Что ты собираешься делать сейчас?

— В воде остался осел. Мне кажется, он околел. Разве можно оставлять в воде падаль?

Через четверть часа все увидели, как он тащит за хвост мертвого осла. Отыскав такое место, откуда осел уже не мог скатиться в реку, Акавя оставил его.

Когда он вторично поднялся по тропинке, его встретили с ликованием, усадили на белого коня — именно такого, как он видел во сне — и с почетом доставили в село. Его приветствовали все жители Нейарса. Его благодарили, восхваляли, превозносили до небес, многие целовали ему руки. И потом, несколько дней подряд приходили мужчины из других армянских деревень, чтобы повидать его и побеседовать с ним.

Слушая эти рассказы, мать воздавала хвалу Всевышнему, благословен Он, за то, что Он наказал своим

ангелам охранять ее сына в час опасности. Затем она снова спросила:

— Но ты не рассказал мне о сне, который завершился свадьбой...

— Да, да. Хорошо, что ты мне напомнила. Множество событий произошло со мной, и некоторые вещи забываются, ускользают из сознания. А я как раз хотел рассказать тебе об этом хорошем сне... Он, этот сон, начинается, мне кажется, так. Я прихожу в очень большую долину. Она мне знакома. Я здесь бывал несколько раз, когда направлялся к Большому морю. Часть долины зеленеет. Стеной стоит пшеница. Сплошное зеленое море, от вида которого волнуется душа. А другая часть сплошь желтая — здесь давно уже все сжали. Вдоль всего поля стоят два ряда снопов. И тут же, на скирдах, сидят почетные люди из Бурсы — раввины и хахамы. Я прохожу мимо и здороваюсь с ними.

Они мне отвечают и говорят:

— Мы прибыли сюда, потому что нас пригласили от твоего имени. Не ты ли нас пригласил?

И тут, помню, я застеснялся. Застеснялся во сне. Действительно, я их пригласил. Но зачем — не могу вспомнить. И мне неудобно сказать, что не помню. Я уселся и говорю:

— Да, да... Вы правы, вы правы...

Кто-то из них спросил:

— А кого мы ждем сейчас?

Тогда один сказал... Это был хахам Абрамаджи, да, мама, хахам Абрамаджи: "Мы ждем царицу. Сейчас появится царица, и тогда начнем".

А с гор над долиной спускаются повозки, увитые цветами, и впряженные в них лошади украшены венками, как это бывает в свадебных кортежах. Много повозок... десять, двенадцать... И все приближаются ко мне. И вот с одной сходит невеста в белом платье с покрывалом на лице... И с других сходят мужчины, почтенные женщины и девушки. И среди них те пять... пять девушек, что были в том озере...

На их лицах тонкое покрывало. Но сами они... как и тогда... голые... И я этому не удивляюсь. И никто не удивляется. Во сне, как ни странно, ничему не удивляешься. И они шли и глядели на меня, как тогда... Но почтительно...

Тогда многие заговорили: "Настало время... Все готово... настало время"... — И я проснулся. Вот такой мне приснился сон.

— Да, — сказала мама, — это явный намек на свадьду... Ведь они сказали "настало время". И в самом деле, настало время, чтобы ты нас порадовал, дорогой мой сын.

Акавья ответил:

— Сейчас я совершу еще одну поездку. Только одну, не больше. Я должен отправиться в путь. Я обязан. Но не надолго, я скоро вернусь.

Мать спросила:

— Что за срочное дело, что ты обязан ехать? Что тебя толкает? Может быть, расскажешь, чтобы и я знала.

— Прошу вас, мама, не спрашивайте меня об этом. Я ведь вам только что обещал: это будет последняя поездка...

— Это твоя тайна?

— Да.

— Ее нельзя открыть даже маме?

— Ни одному существу на свете.

И действительно, своего секрета Акавья не открыл ни одному живому существу.

Лишь время от времени он разговаривал сам с собой на эту тему, когда в одиночестве бродил по дальним, пустынным дорогам.

Что же это был за секрет?

Вот как развивались события, пока Акавья сам почувствовал и осознал все.

Те три с лишним года, пока он странствовал, переходя из села в село, из края в край, ему шагалось легко и радостно. Движимый искренним стремлением узнать, что откроет ему Создатель на Своих путях,

побуждаемый горячим желанием понять, что он, раб Божий Акавья, должен сделать на этом свете по воле Творца, наш путешественник не чувствовал усталости от дорожных невзгод и приключений. Напротив! По мере того, как неведомые дороги уводили его все дальше и дальше, и он вбирал в себя все новые и новые впечатления — иногда удивительные, иногда таинственные и загадочные, приятные и отталкивающие; по мере того, как он постигал козни нечестивцев и плохих людей и ощущал чувство глубокого удовлетворения, наблюдая за добрыми делами хороших людей и наслаждаясь сиянием и благами мира, созданного Творцом, — в нем росло ощущение, что сам Бог помогает ему и находится рядом в час беды и опасности. Всевышний являет ему разнообразие свойств мира и людей, добро и зло, дабы сердце его было подготовлено воспринять волю Творца в час, когда Ему угодно будет открыть ее. И он постоянно находился в состоянии ожидания, особенно, когда что-то с ним случалось — серьезное или незначительное, простое или загадочное, на дорогах или в селах — и всегда и везде он чего-то ждал: а вдруг именно сейчас откроется ему Божья воля... Может быть, сейчас начнется самое главное... И это-то давало ему силы и укрепляло волю, побуждало его подниматься и идти дальше... В сердце Акавьи жило твердое убеждение — ясное и непреклонное — ему суждено три года скитаться. Он был уверен в этом, как человек, засыпающий с вечера, уверен, что утром проснется. Как непреложно то, что солнце заходит на западе, а по ночам на небе появляются звезды, так верно и то, что ему на роду написано три года странствовать.

Но по истечении этих трех лет (в ту пору он находился на северо-востоке Анатолии) и еще нескольких недель, а затем и месяцев, не произошло ничего, что можно было бы определенно истолковать как волю Божью. И им стала овладевать глубокая печаль. Несколько раз у него сжималось сердце и случалось, что

в разговоре с людьми он проявлял гнев и нетерпение. В ту пору он готов был отдать все, только бы узнать, каков истинный смысл его скитаний. И что будет в конце? И почему, в самом деле, почему Всевышний не дал ему познать, хотя бы отчасти, Свою волю?

Ведь это Он, Предвечный, дал ему возможность странствовать по белу свету. Ведь по Его воле, Акавья это ясно чувствовал, он забирался в такие дали, подвергая себя опасностям и невзгодам. И разве не Господь вселил эти мысли в его голову и тягу к путешествиям в его сердце?

Но потом печаль стала понемногу улетучиваться. Она покинула его и перестала тревожить с тех пор, как ему начали сниться чудесные сны, которые пленяли его сердце и доставляли ему большую радость. Эти сны и грезы, по мере того, как они множились, стали казаться ему намеком свыше. Он постоянно размышлял о них и решил так: может быть, прежде, чем открыть Свою волю, Творец намекает о ней в сновидениях... Ведь не было ночи, чтобы ему что-нибудь не снилось, и каждый сон был насыщен событиями и встречами, одна интереснее другой. И он, сновидец, сам их растолковывал. Чаще всего, как потом выяснилось, хорошо и правильно. Казалось, будто в его душе живет искорка души праведного Иосифа¹. Говоря по правде, в те дни Акавье очень хотелось проверить и испытать себя в умении разгадывать не только свои, но и чужие сновидения. И когда он сидел в мастерской и к нему заходил покупатель, юноша или старик, он обычно спрашивал:

— Что тебе снилось? Расскажи, и я растолкую твой сон.

Он так настойчиво расспрашивал, что многие рассказывали ему о своих сновидениях. Правда, попада-

¹ Иосиф, сын Иакова. Проданный братьями в рабство и брошенный по ложному доносу в тюрьму, Иосиф благодаря своему умению разгадывать сны стал первым министром египетского фараона.

лись люди, которым вовсе не снятся сны... Но если уж встречался сновидец, то Акавья долго выспрашивал его о всех подробностях сна, пока не находил толкования. Он был счастлив, как ребенок, если спустя некоторое время тот приходил к нему снова и сообщал, что он "хорошо растолковал". Случалось, что в порыве радости Акавья дарил пришедшему какое-нибудь свое изделие.

Особенно часто стали посещать его сны после двухдневного пребывания там, у того озера, где он повстречал пять девушек... И они нередко являлись в его сновидениях... Как-то с удивлением он даже сказал самому себе: "Смотри, Акавья, почти в каждом твоём сне они приходят к тебе... То в начале сна, то в самом конце или посередине, но они вдруг обнаруживаются... Будто поднимаются из чрева земли, или опускаются с небес, или приплывают на морской волне... Это же чудо! Что им нужно? Какой смысл в их появлении? Видно, следует еще раз посетить это озеро... Там, возможно, тебе откроется нечто важное. Да, надо подумать. Ты обязан там побывать и выяснить..."

И в конце лета Акавья проделал долгий и утомительный путь, чтобы достичь горной вершины, за которой жили те люди.

Но когда он добрался до цели, то был весьма удивлен и опечален: на этом месте теперь жили другие люди. Они тоже были странными и говорили на столь же непонятном языке, носили звериные шкуры, как и те, но это были другие люди. Он не знал их. Среди них было немало женщин и девушек, но Акавья не обнаружил тех пяти...

Однако вечером, когда пастухи вернулись со стадами, он сразу повеселел. Среди них оказались двое, которые знали его и которых он знал. Они встретили его очень приветливо и долго с ним беседовали. Немало усилий он приложил, чтобы объясниться с ними и растолковать, что он хотел бы узнать, где же те старцы, юноши и девушки. И в конце концов он понял, что

они ушли в горы Арарата, среди которых есть гора Беад-даг — Белая гора. Еще они ему рассказали, что старейшины просили передать Акавье, когда он вернется сюда, чтобы он присоединился к ним. Они долго ждали здесь его возвращения. И вот он в самом деле пришел. И если он пойдет туда, к Беат-Дагу, ему будет хорошо. Очень хорошо. Акавья понял из их слов, что эта гора считается у них священной. И его знакомые много раз повторяли, что старцы, мужчины и девушки ждут его там.

Все это показалось Акавье очень странным и удивительным.

И он решил прежде, чем направиться к Арарату, вернуться домой. Грозные дни и всю зиму он провел в родительском доме, храня и лелея в своем сердце секрет — намерение подняться на далекие горы — Арарат и Беад-Даг — и найти тех людей, повидать их и узнать, чего они хотят...

И сразу же после Пасхи, Акавья в четвертый раз отправился в путь-дорогу, и достиг села Нейарс, где прежде провел целый год. Там он расспрашивал людей о разных местах и дорогах, ведущих к Эрзуруму, и узнал, что добраться туда можно за три-четыре недели.

Спустя несколько дней он вышел с караваном, направлявшимся на север.

В конце недели, в полдень, когда он ехал на своем осле в компании нескольких крестьян, турок и армян, их догнал красивый парень на великолепном скакуне. Он со всеми поздоровался, а затем обратился к Акавье, и лицо его при этом светилось радостью:

— Не ты ли Акав, что из села Нейарс?

— Я Акав, — ответил Акавья, и сердце его дрогнуло... Он подумал: может быть сейчас все начнется? Ведь я никогда раньше не видел этого красивого и приятного парня. Откуда же он узнал меня?

Акавья молчал, а парень сказал ему:

— Ты удивлен, что я назвал тебя по имени?

— Да, я, признаться, очень удивлен.

— Итак, послушай, что я тебе скажу. Я прибыл в село Нейарс, и там мне сказали, что ты отправился на север по этой дороге. Вот я и поехал следом, чтобы повидать тебя и познакомиться. Я — Воскан Кривуран, племянник Тороса Кривурана, жизнь которого ты спас в прошлом году. Мой дядя и его односельчане рассказывали мне много хорошего о тебе, и мне очень захотелось познакомиться с тобой и побеседовать. Я расспрашивал о тебе во всех селах и городах, которые ты миновал, и вот сегодня, слава Богу, нагнал тебя.

— Всех благ тебе за то, что ты так старался познакомиться со мной. Но зачем это тебе и стоило ли так утруждать себя?

— Хочу поблагодарить тебя от имени отца и от своего имени за геройство и за милость, которую ты оказал моему дяде. Отец повелел мне передать тебе маленький подарок на память: крестьянский костюм — он тут, со мной.

Говоря это, Воскан нагнулся и вынул из мешка дорогой кафтан, красивые брюки и передал их Акавье. К ним он присоединил две золотые лиры и сказал:

— А это — от меня.

— Что это, братец? Деньги? Нет. Упаси Господи. Костюм я должен принять. Подарок — это подарок. Нельзя возвращать вещь, которую дарят на память. Но сверх того — нет. Не сердись на меня, эфенди.

Услышал парень слова Акавьи, и хотя они были сказаны не совсем внятно, он понял их смысл по решительному тону, и молча положил деньги в свой кошелек. Внимательно рассматривал он Акавью, задавал вопросы, и с видимым удовольствием выслушивал ответы.

Затем Акавья спросил его:

— А куда ваша честь держит путь?

Парень рассказал Акавье, что отец его ведет оптовую торговлю зерном, продовольствием и фруктами, его караваны ходят в Измир и Константинополь и даже в другие страны. Много у него и его родичей имений в

разных местах Анатолии, отец связан торговыми отношениями со многими людьми, которые поставляют ему зерно и фрукты. И в нефтяном промысле отец играет видную роль. А он, Воскан, второй его сын, контролирует продажу нефти в Трапезунте и Батуме. Сейчас он направляется по делам отца на восток Анатолии. По пути он свернул в село Нейарс, проведать дядю Тороса и увидеть его спасителя, героя Акава.

И все те часы, что они провели вместе в пути, парень рассказывал Акавье о своих поездках по свету, о странах, которые лежат далеко на западе, и таких городах, как Вена, Париж, Лондон. Он рассказал Акавье, что научился понимать французский и английский. И еще много удивительных вещей он поведал ему о больших городах, в которых побывал. И Акавья убедился, что его новый знакомый умен, образован и хорошо воспитан.

А когда Воскан спросил Акавью, куда тот держит путь и какова цель его поездки, Акавья поведал ему свою тайну, сказав следующее:

— Я простой жестянщик. Один из тех, что не блещут ни умом, ни знаниями. Но меня одолевает страсть к путешествиям, мне хочется повидать свет и познать дела Господа. Не люблю жить в больших городах. Там я себя чувствую плохо. В городах я теряюсь. Меня влекут к себе горы. Сердце мое стремится в даль, на просторы, в такие места, которые открыты всем ветрам, радуют глаз и заставляют трепетать сердце.

— Хорошо, Акав, хорошо. А сейчас в какие края ты держишь путь?

— В горы Эрзурума. В села и города, которые там есть.

— Но куда именно? Там так много поселений, что человек может месяцами бродить в горах Эрзурума.

— Я еще не знаю точно своего пути, эфенди, Аллах направит мои стопы. Когда приду на место, там разберусь. Если мне понравится какое-либо село, я там проживу некоторое время, занимаясь своим делом. Потом

начну ходить по округе, пока не найду другое место, которое мне покажется еще более привлекательным... И так до тех пор, пока Господь не скажет мне: хватит!

— Мой путь тоже пролегает через горы Эрзурума. Если хочешь, я тебя поведу и покажу тебе армянские села. Их там немало, они многолюдны, красивы и привлекательны. В особенности одно, что лежит в самом сердце гор и называется Гюзилик. "Гюзилик" — значит красота. Это название ему очень подходит. Из всех сел, что есть на свете, даже в Европе, это самое красивое, лучшего я не видал. Село большое, как город, и там много жителей. Есть высокие двух- и трехэтажные дома. Крестьяне богаты, владеют большими наделами земли. У нас там много родных и друзей. Я познакомлю тебя с ними, и они полюбят тебя, как родного брата. И там я с тобой расстанусь, пойду своим путем. В Гюзилике мы будем через шесть-семь дней.

— Как же так? Мне сказали, что путь в Эрзурум занимает пять-шесть недель.

— Но через три дня мы прибудем в город К-р, а там есть железная дорога, которая ведет на восток Анатолии. И за три-четыре дня мы проделаем путь двух недель. Согласен?

— Очень хорошо. Благодарю за добрый совет.

Они подружились и несколько дней шли вместе. Воскан весьма удивлялся этому парню, о котором ему так много рассказывали. Ему говорили о нем, как о герое, силы которого безмерны, а он не приметил никаких признаков геройства. Правда, у него широкие плечи и руки его действуют уверенно, но он не кажется исключительно сильным, и ничем особенно не выделяется среди других людей. А о героических делах даже не заикается. Как ни пытался Воскан вытянуть из Акавы какие-либо подробности его подвигов, это ему не удалось. Но зато в дальнейшем, во время их путешествия, Воскан увидел собственными глазами, как силен и добр его новый друг.

В первую же ночь они свернули в заезжий двор большого села на перекрестке дорог, чтобы с рассветом тронуться дальше.

Занялась заря. Легкие облака плыли по небу и таяли в его синеве, а некоторые, зацепившись за выступы гор, оставались неподвижными. Открыв глаза, Воскан увидел через окно, выходящее во двор, что Акавья сидит на большом камне в укромном уголке двора и наматывает на руку черные кожаные ремни. Такой же ремень с черной коробочкой он укрепил на голове, и коробочка оказалась в центре лба, над глазами.

Воскан встал, умылся, оделся, вышел во двор и спросил Акавью:

— Что это такое, Акав?

Акавья даже не повернул к нему лица. И Воскан понял, что Акавья молится.

Помолившись, он попросил у Воскана прощения: человеку, стоящему перед Творцом, запрещено с кем-либо беседовать, здороваться и отвечать на приветствия. Разве только, если мимо пройдет король, ему можно поклониться, но не больше.

— Понятно, понятно, Акав. Я только хотел спросить тебя, что это за ремни, которыми ты обмотался?

Акавья объяснил ему, как мог, что эти ремни, которыми укрепляют тфиллин на руке возле груди и на голове, как бы говорят: я, мое сердце и мой разум с Тобю, Господи.

— А какую молитву ты читал так долго?

Акавья огорчился, что не может рассказать, о чем он молится — ведь он сам не знает смысла многих слов, которые произносит на святом языке.

— Понимаешь, Воскан-эфенди, я — неуч и немного понимаю в наших книгах. Мои знания невелики. Но я молюсь так... Каждый день я молюсь так: люблю Тебя, Творец мира, всем своим сердцем и всей душой, готов отдать душу за Тебя. И еще я говорю: не буду делать зла ни сегодня и ни в один из других дней ни единому человеку. Не буду врать и обманывать, не оскверню себя ни делом, ни словом, даже если меня будут соблаз-

нять богатствами всего мира. И вновь и вновь я говорю: люблю каждого человека, как самого себя. Ведь если каждый человек будет делать добро и милость другим, тогда будет хорошо всем людям. И мы верим, что придет один, истинный властелин, придет с небес, и тогда воцарится мир, покой и благодать во всем мире. Вот так мы, евреи, молимся.

Во время долгой дороги они много друг другу рассказывали. Когда говорил Воскан, Акавья внимательно слушал, стараясь не проронить ни слова из умных речей этого образованного парня. А когда начинал говорить Акавья, Воскан радовался, ибо все его слова были хороши, чистосердечны и правдивы.

На третий день утром они шли по горной дороге, направляясь к городу, лежавшему в долине. Мимо них двигались вереницы крестьянских телег, груженных плодами земли. В телеги были впряжены волы. Но вот они достигли крутого склона, по которому вилась узкая тропа, петлявшая, как змея. Пройдя половину пути, они увидели внизу город, к которому направлялись. Но тут, на узком повороте, дорогу им преградила крестьянская телега, в которую была впряжена лошадь. Телега была нагружена множеством тяжелых корзин. Крестьянин, стоявший возле, глядел угрюмо, и лицо его скривилось от боли.

Воскан приблизился к нему и спросил:

— Почему, братец, ты загородил проезд?

— Лошадь споткнулась, эфенди. Подвернула ногу, упала и сбросила меня на землю. Я сильно ушиб ногу, не могу ступить ни шагу. Слава Богу еще, что мы не скатились с горы. Теперь лошадь не может тронуться. Видишь, стоит, как вкопанная. Мне кажется, что и она повредила ногу.

Тем временем подкатило еще несколько крестьянских телег с грузом. Они остановились, крестьяне сошли и начали осматривать лошадь. Оказалось, что передняя нога у нее повреждена и болит, — несчастная не позволяет даже притронуться к ней. Надо было прежде всего выпрячь лошадь. Но даже если бы уда-

лось повернуть телегу, которая стояла поперек дороги, что делать дальше? Кроме скакуна Воскана не было ни одной свободной лошади. А скакун не знал упряжки, и если бы его вздумали запрячь, он тотчас перевернул бы телегу и сбросил ее в пропасть.

Акавья спросил крестьянина:

— Какова длина пути до города?

— До подножия горы — полчаса езды и затем до города еще около получаса.

— Если так, то я спущусь, с помощью Аллаха, с горы. Распрягите, братцы, лошадь.

Лошадь распрягли, хотя никто и не понимал, что задумал Акавья. Почувствовав свободу, лошадь пошла, прихрамывая, Акавья же встал между оглоблями и аккуратно укрепил постромки на спине и плечах. Все смотрели и дивились, а он спокойно, не торопясь делал свое дело.

— А теперь, — сказал Акавья, — возьмитесь за телегу и помогите мне развернуть ее.

Когда телегу повернули, Акавья напрягся, шагнул вперед, и телега покатила за ним со всем своим грузом. Все смотрели и не верили своим глазам.

Через несколько минут Акавья скрылся за поворотом. Вскоре дорога стала шире и идти по ней сделалось легче. Акавья тащил телегу не хуже, чем хороший битюг.

Расстояние между караванами и Акавьей все увеличивалось. Люди смотрели издали на Акавью, который достиг покатого склона, выпрямился и уперся в телегу, чтобы удержать ее. Потом дорога пошла в гору, он согнулся до земли, но продолжал тащить телегу за собой. Казалось, что вот-вот он не выдержит и остановится, но он медленно, но уверенно подымался в гору вместе с телегой, в которую был впряжен.

Воскан наблюдал за действиями Акавьи, как наблюдают за цирковым фокусом. Он впервые встретил человека, обладавшего такой силой. Если бы он не слышал об Акавье раньше и не провел с ним последние четыре дня с утра до вечера, то, наверно, не поверил бы,

что это человеческое существо, рожденное женщиной. Воскану Акавья казался не евреем и не турком, а чудесным существом, принявшим человеческий облик. Как бы то ни было, Воскана все сильнее влекло к этому парню, и он чувствовал, что любит его все больше.

Спустя час, когда Воскан и крестьяне достигли первого заезжего двора на окраине города, они увидели телегу, спокойно стоящую возле стены, и Акавью, растянувшегося на земле и спавшего сном праведника. Воскан оберегал его покой, пока тот не проснулся.

По истечении трех суток они достигли железной дороги и сели в поезд. На четвертый день, в полночь они были в селе Гюзилик.

Когда жители села увидели эфенди Воскана, своего родственника и друга, в обществе простого парня, со странными повадками и неуклюжей речью, они удивились. Многие шептались за его спиной: что за человека он привел?

Воскан сказал им по-армянски:

— Клянусь вам, что когда вы узнаете этого парня поближе, вы его полюбите так же, как полюбил я. В пути я наблюдал его мужество, увидел его сердце и узнал ему цену. Да, по внешнему виду он прост и неказист. Но у него мудрое сердце, чистые помыслы. Вы видели белый снег на вершинах гор? Такой чистоты его сердце. Душа у него добрая и честная, как спокойная вода в водоеме. Будьте с ним приветливы и не вздумайте, упаси Господи, обидеть словом или насмешкой, потому что его руки крепче ваших рук всех вместе взятых.

И Воскан рассказал о делах Акавьи — как тот геройски спас от смерти его дядю и как тащил телегу, — все, что видел своими глазами, и все, что говорили про него жители Нейарса, он передал слушателям.

В Гюзилике Акавья провел много радостных дней.

С первого взгляда это село ему очень понравилось. Воскан пробыл в Гюзилике несколько дней, вместе с друзьями водил Акавью по округе и показывал краси-

вые места. И чем больше Акавья бродил по окрестностям, и чем лучше узнавал местных жителей, тем оживленней и веселей он становился. Акавья, так много скитавшийся, повидал немало красивых мест. Он напоминал человека, который томясь жаждой, выпил столько воды, что его организм не в состоянии принять больше ни капли. К тому же не ради села Гюзилик он прибыл сюда, оно было лишь пунктом на его пути — пути, который должен был привести к познанию тайны. Отсюда он собирался двинуться дальше — к Арарату. Там он надеялся найти разгадку своих снов и грез. Но Гюзилик и его жители показались Акавье настолько замечательными, что он полюбил их и позабыл на время свои планы.

Село лежало на вершине горы. Три больших улицы образовывали своеобразный амфитеатр. Из земли тут и там били ключи. Дома прятались в тени высоких деревьев — каштановых, миндальных, рожковых. Вдали высилась величественная гора, вершина которой весь год была покрыта белым, сверкающим на солнце снегом. Два пенных водопада, шум которых не утихал ни днем, ни ночью, низвергались с горы. Казалось, что течение вод все ускоряется. И чем больше Акавья приглядывался к этим водопадам, тем очевиднее ему становилось, что единственное их назначение — прославлять и возвеличивать Творца: как вечно бурлят эти воды, так и величие Творца пребудет на веки веков.

А слева, почти вплотную к этой горе, примыкала другая, чуть пониже — плещивая, и угрюмая. Причудливые скалы напоминали сказочных зверей.

Однажды, еще в первые дни своего пребывания в этом селе, Акавья, прочитав молитву "Минха"¹, вышел на крышу своей лавки-мастерской, уселся на табурет и стал любоваться окрестностями. По улице в это время проходил Вартан, родственник Воскана, славный парень. Можно предположить, что, покидая Гюзилик,

¹ *Минха* — вечерняя молитва.

Воскан именно ему поручил опекать Акавью. Вартан поднялся к Акавье на крышу. Они разговорились. Акавья сказал:

— Смотри, Вартан, даже эта дикая и пустынная гора свидетельствует о силе и власти Творца, управляющего миром милостью и гневом, строгостью и жалостью, благословением и проклятием. И оба качества — добро и зло — связаны по Его воле, как эти две горы.

Вартан внимательно слушал, стараясь вникнуть в сокровенный смысл слов, а это было нелегко, потому что Акавья говорил по-турецки отрывочно и не совсем ясно.

Справа от села лежала широкая долина, превращенная в поля, которые постепенно опускались по склонам, сливаясь внизу с нижним краем далеких гор. Душа Акавии не могла насытиться красотой и великолепием этой картины.

Не только местность, но и здешние люди нравились ему. Тут жили армяне, но также и турки, и курды. Акавья обнаружил в этом селе двух жестянщиков, но они были ремесленниками средней руки и делали лишь самые простые изделия. Когда они увидели изделия Акавии, — то признали в нем мастера, стоящего вне конкуренции, тем более, что он охотно помогал им и одалживал свои инструменты.

Прошло несколько недель — люди узнали его, и он узнал людей. Местные жители быстро смекнули, что этот еврейский парень не похож на обычных ремесленников. Он с увлечением работал с утра до вечера, но не потому, что был жаден до денег. Иной раз, когда к нему приходили люди бедные, Акавья отдавал им суд за полцены и при этом шутил:

— Звезды говорят, что твоя монета не простая, она способна принести семь таких монет, и поэтому я беру ее с радостью.

А одному бедняку он сказал:

— Ты у меня сегодня седьмой покупатель, а еще мой дед наказывал продавать седьмому за полцены — это приносит большую прибыль в дальнейшем.

Однажды он сказал бедной старушке:

— Дай мне за этот сосуд десять *прутот*¹, — а стоил он все сто, — но прежде семь раз пошепчи: "Монета, монета, будь, как опара в тесте". И я уверен, что после этого она стократно умножится.

Слушали люди и не могли нарадоваться на этого простодушного и доброго еврейского парня. Многие, закончив свои дела, приходили к нему и садились послушать его рассказы. Он говорил обычно не прекращая работы.

Случалось, что к нему в лавку заглядывали девушки. Однажды побывав в мастерской Акавьи, они возвращались снова — не столько за новыми покупками, сколько поболтать с этим парнем. Многие из них были из очень уважаемых семейств. Но когда девушки появлялись в лавке, Акавья не мог спокойно работать. Что-то его тревожило.

Разговоры с ними были для Акавьи непривычны. В турецких селах девушки избегали мужчин. Хотя их лица и не были закрыты, как у городских жительниц, но им не следовало ни показываться мужчине, ни, тем более, вступать с ним в беседу. А тут были иные обычаи. Тут девушки работали в поле, стайками бродили по улицам, что-то покупали и продавали, и их голоса звенели по всему селу. Особенно много высыпало их на улицы во время праздников. Тогда их можно было встретить на каждом шагу. Армянские парни живут дружно и любят повеселиться. Вечно они смеются и поют песни. Иногда специально собираются, чтобы петь под звуки флейты, мандолины и гармоники. И девушки тоже участвуют в спевках.

Когда девушки заходили к Акавье в мастерскую, он вдруг менялся. Их нехитрые речи звучали у него в ушах, как звуки песни, волнующей и радующей сердце. Помимо воли грудь его расширялась. Сердце начинало биться сильно и учащенно, все тело заливало жаркой волной. Он чувствовал, как лицо его

¹ *Прута* — мелкая монета.

покрывается румянцем, а руки — слабеют и становятся беспомощными. Изделие, которое он собирался показать девушке, выскальзывало из них и падало на пол. Он поднимал его — и оно падало вторично... Язык делался непослушным. Он хотел сказать одно, а говорил совсем другое. То, что он хотел высказать, застревало, как кость, в горле, а то, что он и не думал говорить — вылетало наружу. Когда он беседовал с девушками, он не узнавал своего голоса и не понимал, что говорит.

И так повторялось несколько раз. Акавья пугался, стыдился и опасался самого себя.

Он закрывал лавку, чтобы собраться с мыслями. Ему хотелось побывать в других селах, разузнать побольше про Арарат, прежде чем отправляться в Беад-Даг. Но новые друзья и знакомые приглашали его на чашку кофе, и вечерние часы пролетали в дружеских беседах. Чаше других посещал его Вартан и уводил за околицу, где парни играли и дурачились, состязаясь в силе и ловкости. Акавья охотно принимал участие в их забавах, поражая всех своей удивительной силой и сноровкой. Приятели подходили и щупали его руки и ноги, отказываясь верить своим глазам. Часто и девушки приходили взглянуть на эти игры, и тогда Акавья особенно отличался, будто кто-то неведомый побуждал его выставить напоказ всю свою силу и ловкость. Он радовался, что участвует в этих состязаниях, но в то же время и смущался. Иногда он отказывался идти с парнями, хотя на самом деле ему очень хотелось пойти. Уста его произносили "нет", а сердце говорило "да". Акавья напоминал любителя перченой пищи: известно, что она остра и обжигает рот, но уж очень хочется ее попробовать.

Пребывание в этом селе было для него столь приятным, что он все задерживался, уподобляясь камню, который попал в болотистую почву и она засасывает его все глубже.

А тем временем приближался веселый праздник, напоминающий еврейский Пурим (такого праздника

Акавья не видел в турецких деревнях). За неделю до праздника все начали тайком готовить смешные маски, чучела, костюмы и украшения. Побывав в некоторых домах и увидев эти приготовления, Акавья тоже захотел участвовать в празднике и решил сам сделать для себя костюм. Он долго думал, какой именно, вспоминал еврейские маски праздника Пурим — и начал готовиться, никому не открывая своего замысла.

Вечером в день праздника на улицах села появились ряженые. Одни расхаживали пешком, другие ехали верхом или на телегах.

И вот неожиданно из крестьянского двора, в котором жил Акавья, вышла великолепная маска, громадная и не похожая на все остальные. Она тотчас привлекла всеобщее внимание. Все сразу догадались, что это еврей-жестяник. И единодушно согласились, что это самая лучшая и самая красивая маска.

Что же было в ней замечательного? А то, что она состояла из четырех разных масок.

Как так? А вот послушайте.

Акавья сговорился с тремя местными парнишками и закутал каждого из них в белую простыню, покрыл их лица золотой пудрой и приделал им ангельские крылья из новой блестящей жести. Их головы он тоже украсил блестящими коронами из жести и на каждой установил семь горящих свечей. Сам же он облачился в плащ небесного цвета и на лицо надел голубую маску. В каждую руку он взял большой шест — для опоры. На плечи к нему взобрались два "ангела", а третий встал между ними. Крылья их вздымались к небесам. И Акавья уверенно и степенно зашагал по улице, слегка опираясь на шесты. Так он прошел вдоль всего села до "Сада радостей", где собирался народ. И все дивились красоте этой маски и физической силе Акавьи, который нес на плечах троих, а ступал так легко, будто прогуливался. А когда стемнело, Акавья попросил зажечь свечи на коронах "ангелов", и в темноте они сверкали как звездочки. И всем казалось, будто эта маска спустилась на землю с неба.

Вокруг плясали, кричали, веселились. Старейшины села присудили первый приз Акавье. А он об этом и не знал.

Приз преподнесли ему три девушки. Одна подала бархатный жилет, какие носят богатые крестьяне, и широкий красный шерстяной кушак. Другая поднесла кинжал с рукояткой, украшенной серебром. Третья вручила флакон благовоний с нежным запахом.

Акавью очень обрадовала награда, а еще больше любовь и уважение крестьян. Кроме того, у него была особая причина радоваться. Готовя маску, Акавья втайне надеялся развеселить и обрадовать трех девушек, дочерей знатных жителей села, которые ему казались самыми красивыми и приятными среди сверстниц — Сатиник, Гохарик и Неват. И Акавья, который во всем, что с ним происходило, склонен был видеть приметы и знаменья, выражающие волю Творца, был потрясен, когда оказалось, что именно эти три девушки преподнесли ему приз. Они угощали его вином и фруктами и дружески с ним беседовали. И хотя Акавья был смущен и не знал, о чем с ними говорить, он был счастлив слышать их веселый смех и щебетание и смеялся вместе с ними, испытывая блаженство, какого не знал никогда раньше. Эти девушки напоминали ему своей красотой его мать и знакомых девушек из Бурсы. На празднике было много девушек, но эти три заслоняли для него всех остальных. И всю эту радость и ликование, пляски, хороводы юношей и девушек он воспринимал сердцем, как воспринимают зрением зеленеющие луга, усеянные цветами. Высокая и сильная Сатиник, полногрудая, широколицая, всегда улыбающаяся, напоминала Акавье подсолнечник, который возвышается над всеми остальными растениями и радостно на всех глядит. Вторая девушка, Неват, кудрявая, среднего роста, с черными блестящими глазами, напоминала свежую пахучую веточку душистого махрового левкоя. А тоненькая, быстрая Гохарик, которая покорила всех своим танцем с мечами, казалась ему нежной лилией. Остальные девушки —

Регин, Соня и другие — тоже были красивы, и казались Акавье милыми изящными полевыми цветами, наполняющими землю светом и радостью.

Девушки расхаживали по саду, беседовали, смеялись, пели и играли. Потом они принялись угощаться сладостями и вином. Акавья пировал вместе со всеми, однако остерегался недозволенной пищи и не пил вина, боясь захмелеть. А когда парни и девушки пустились в пляс, он не отставал от других, плясал и прыгал до изнеможения. Первый раз в жизни участвовал он в таком празднике.

Но в полночь, когда веселье было в самом разгаре, он вдруг неизвестно от чего почувствовал на сердце страшную тяжесть. Им овладела такая печаль, что он оставил праздник, ушел к себе и заперся в своей комнате. Там он сидел в темноте, дивясь себе и жалея себя... И чем дольше он сидел в одиночестве, тем сильнее становилась его печаль. Ему даже начало казаться, что вот-вот рухнут стены его комнаты... Эта тяжесть, давившая на сердце, и ощущение безысходности исчезли лишь тогда, когда из глаз хлынули слезы. Рыдая в темноте, он не переставал удивляться, ибо никогда в своей жизни не проронил ни одной слезы. Но обнаружив, что слезы приносят облегчение и успокаивают боль (так, если проколоть в нескольких местах полный мех, со струйками воды уходит и тяжесть) он понемногу успокоился и уснул как был, в одежде.

После этого происшествия Акавья начал походить на человека, бредущего в потемках. Шаг его нетверд, в сердце страх. Он решил ускорить свой отъезд из села в горы, и лишь ожидал попутчиков. И тут, после того, как он пробыл в Гюзилике всю зиму, внезапно взошла на его небосклоне Анахит, как восходит на горизонте среди гор луна, свет которой проникает повсюду, заполняя собой весь мир.

9. АНАХИТ

Однажды, в начале весны, Акавья работал в верхнем дворе одного из крестьян, обивая жестью кровлю и устанавливая водосточные трубы. Днем приходилось работать под палящими лучами солнца, зато вечером, когда жара спадала и с гор начинал дуть прохладный ветерок, дело спорилось.

Он стоял на краю крыши, когда в доме напротив, на третьем этаже, неожиданно увидел девушку, которая вышла на балкон подышать свежим воздухом. Он взглянул на нее и замер, как человек, узревший ангела небесного.

Руки его замерли, дыхание остановилось, и губы невольно прошептали:

— Благословен Творец и возвеличен за то, что создал такое...

Глаза Акавьи жадно вбирали в себя ее образ — светлые золотые кудри, очи небесной голубизны, чистую белизну лица с легким румянцем. Опираясь на перила, она наклонила голову и походила на ангела, взиравшего с небес на мир Божий.

Акавья был потрясен. Кто она? Откуда?

Ясно, что эта девушка не из местных. Он хорошо знал всех жителей села. Уже десять месяцев он здесь и ни разу не видел ни ее, ни ей подобных.

Прошло несколько минут, прежде чем Акавья вспомнил о работе. Он должен закончить сегодня крышу. Но руки его ослабели, а глаза были в плену этой царицы. Он машинально колотил молотком по жести, продолжая смотреть на девушку.

Наконец, он собрал всю свою волю и заставил себя закончить работу. Пришло время молитвы. Он пытался сосредоточиться на словах, которые произносил, и ему было стыдно, что он оскверняет молитву думами о девушке, но он не мог превозмочь себя. Всю ночь и все следующее утро он терзался, стараясь прогнать из головы порочные мысли.

Но они были как клубок спутанных ниток. Чем больше стараешься его распутать, тем хуже запутываешь.

Так прошло несколько дней, и Акавья чувствовал себя прескверно. Ничего подобного он не испытывал никогда прежде. Душа его словно разделилась надвое, в нем жили два Акавьи. Один сокрушается и доказывает, что не пристало ему быть в плену этого видения, сделаться рабом своих страстей. Но в это же самое время другой Акавья прогуливался возле ее дома в надежде, что она выглянет на минутку и он снова увидит ее. Он испытывал непреодолимое желание видеть ее. Иногда у него даже появлялась мысль под каким-нибудь предлогом пойти туда, в этот дом, увидеть ее и успокоиться. Но в следующую минуту он говорил себе:

— Горе тебе, Акавья, ты рехнулся. Акавья, Акавья! Ты ухаживаешь за женщиной? Ты отдал свое сердце *гойе*? Скорее уходи отсюда, покинь это место и отправляйся в путь по воле Божьей. Подымись в горы, побывай в Беад-Даге — ты многое увидишь и узнаешь. Что случилось с тобой, Акавья?

Он жестоко упрекал себя, но в то же время ему казалось, что чья-то невидимая рука хватается его за волосы и тащит к этой девушке.

— А может быть, это от Бога? — думал Акавья, — Может быть, это и есть начало... Первопричина Божьей воли. Может, твой Беад-Даг здесь? И это видение — от Всевышнего. Разве может быть что-нибудь прекраснее этого ангела? Голос Бога зовет к тебе. Она зовет тебя к себе. Вся твоя кровь зовет к ней. Может быть, это голос Творца? Разве мало ты повидал во время своих многочисленных путешествий, разве мало было у тебя приключений? Но ничто не взволновало тебя так, как ее красота...”

— Но подумай, Акавья, — размышлял он дальше, — подумай хладнокровно и трезво, и скажи, зачем Богу толкать тебя к этой *гойе*? Какая связь между грехом и волей Божьей? Ты глуп, Акавья, ты очень глуп.

Да, я глуп. Верно, я глуп. Я насквозь испорчен. Я согрешил. Свернул на дурной путь”.

Так казнил себя Акавья, работая в мастерской. Собственно, это была лишь видимость работы. Миновала неделя. Внешне все шло, как обычно, — он бил молотком по жести, резал ее ножницами, плавил олово. В действительности же он бил себя по голове тяжкими словами раскаяния, резал на части свою душу и жег ее стыдом и печалью.

И несмотря на все свои горестные размышления, целую неделю он искал возможности увидеть девушку, хотя бы мельком взглянуть на нее, и это ему удалось.

Но потом он окончательно лишился покоя.

Акавья понял: это бесовское наваждение. Все его страдания происходят от того, что он о ней ничего не знает. Если он узнает, кто она и откуда, буря в его душе утихнет, он обретет покой. И Акавья решил поговорить с Вартаном. Просто поговорить с человеком умным и знающим, который всегда выказывал ему свое расположение, и которого Акавья искренне любил и уважал.

Однажды вечером Акавья направился к дому Вартана. Тот встретил его приветливо и очень ему обрадовался. Они сидели и пили кофе. Потом Акавья предложил:

— А не хочешь ли немного пройтись?

— С удовольствием, Акавья. Сейчас переоденусь и пойдем. Они направились в западную часть села, к верхней улице, где в могучей скале были выбиты ступеньки. С вершины скалы можно было любоваться прекрасным видом.

Прятели уселись, Акавья завел речь о том о сем, но не знал, как подойти к тому, что его волнует. Он умолк.

Вартан, который успел узнать своего друга, понял, что Акавью что-то мучает и нужно прийти ему на помощь.

— Что нового, Акав? — спросил он. — Мне кажется, у тебя какая-то печаль на сердце.

Акавья смущенно пробормотал:

— Да благословит тебя, Вартан, Всевышний, ибо верны твои слова. Как скрыть то, что на сердце? Если сердце скрывает, лицо выдает. Я должен кое-что узнать.

— Что именно?

— Сейчас тебе открою. Дней десять назад примерно, да, точно десять дней назад, в доме по соседству с домом Гохарик Надеян, я заметил девушку. Я удивился, что ни разу не видел ее раньше. Может быть, ты ее знаешь? Она местная?

Вартан удивился и некоторое время молча о чем-то размышлял. Глядя на него, Акавья уже раскаивался, что открыл свою тайну.

Вартан почувствовал, что молчание затянулось, и поспешил ответить:

— Нет, она не местная. Ты угадал. Но я ее хорошо знаю.

— Да, — сказал Акавья, не зная, что прибавить.

— Да, — повторил Вартан, и осекся.

Неожиданно для себя Акавья спросил:

— Чья она дочь? И как ее зовут?

— Анахит. Она славная и красивая девушка. Разве не так?

— Верно. Она красива, как ангел небесный.

Вартан сказал:

— Если хочешь, подойдем со мной в дом ее тети. Мне как раз нужно туда. У меня есть к ней дело.

Сердце Акавы затрепетало от радости. Слова Вартана показались ему гласом небес. Такой милости он не ожидал. Он не знал, что и ответить. Оказаться рядом с Анахит — ведь от этого можно лишиться разума...

Заметив, как взволнован его друг, Вартан сказал:

— Да, Акав, пойдем со мной. Почему бы тебе в самом деле не заглянуть к ним? Я тебя познакомлю с хозяевами дома. Они добрые и милые люди.

— Хорошо, как тебе угодно.

И они пошли туда. Хозяйку и трех ее сыновей они

застали за ужином. Вскоре появился и хозяин — Тома Харидеан. Акавью и Вартана пригласили присесть, и Вартан заговорил с хозяевами по-армянски.

Через минуту в дверях показалась Анахит. Когда девушка неторопливо вошла в комнату, Акавье показалось, что он спит и видит один из самых удивительных снов. Перед глазами у него все завертелось, ему почудилось, будто могучий огненный столп спустился с небес и осветил все сущее.

Анахит поздоровалась со всеми, а Вартану и Акавье протянула руку.

И уселась напротив Акавии.

В сердце своем он обратился с горячей молитвой к Богу, чтобы Тот наделил его спокойствием и выдержкой и дал ему силы узреть и понять все, что его глаза видят и уши слышат.

Вартан попросил у Акавии извинения за то, что он скажет несколько фраз по-армянски. Акавья, как бы пробудившись от сна, произнес:

— Что? Да, да. Конечно...

Они говорили, а Акавья не отрывал глаз от Анахит, которая молча прислушивалась к разговору; и лицо ее в это время дышало радостью и неизъяснимой прелестью.

Увидев вблизи ее голубые глаза, Акавья подумал: "Не иначе, как райский свет сияет в этих глазах. Так, вероятно, пробивается в наш мир сияние Эдема". Она тихо рассмеялась, и он подумал: "Такой смех может исцелить тяжело раненого".

А когда Акавья услышал звучание ее голоса, сердце его затрепетало. Ему показалось, будто мир наполняется псалмами и гимнами.

Принесли кофе. Завязался разговор. Акавья отвечал, когда к нему обращались, но не был уверен, то ли он говорит, что надо. Вартан принялся его расхваливать (Акавья застенялся, как ребенок), и Анахит посмотрела на него с интересом. Ему показалось, что благословение небес спустилось на его голову.

Спустя некоторое время они распрощались и ушли.

Акавья направился к скале, в которой были выбиты ступени, они поднялись на третью улицу, и тут он с мольбой обратился к Вартану, как нищий к богачу:

— Погуляем еще немного. Вечерний ветерок так приятно освежает...

Вартан охотно согласился и спросил:

— Как тебе, Акав, понравилась Анахит?

— Дочь небес, сошедшая на землю! — ответил Акавья с волнением.

— Хорошо ты сказал, — заметил Вартан и умолк.

Акавья набрался смелости и спросил:

— А ты не сказал мне, дружище, откуда она и кто такая.

Замаялся Вартан, а затем заговорил шепотом.

— Понимаешь, Акавья, об этом нельзя говорить вслух. Нужно соблюдать большую осторожность.

Приблизившись к скале, они уселись на одну из ступеней.

Вартан нагнулся и продолжал шепотом:

— История Анахит — это тайна. О ней не говорят посторонним. Но я знаю, что сердце у тебя верное и ты умеешь хранить тайны. И еще я знаю, что душа твоя будет болеть так же, как наша, когда ты узнаешь эту историю. Если ты обещаешь сохранить все в своем сердце, я расскажу тебе.

— Все, что я услышу, буду хранить, как зарытый в землю клад.

— Хорошо. Так вот, — сказал Вартан, еще более понизив голос. — Анахит — не из нашего села. Она родом из далекого Самсуна, что на востоке Анатолии, на берегу Черного моря. Ее отец — простой торговец, у него есть табачная лавка. Он родственник Тома Харидеана.

В тех краях живет Махмуд Казем Хага, из царского дома, двоюродный брат султана Абдул-Хамида. Он уже в летах, ему сорок, если не все пятьдесят. Это подлец и изверг. Говорят, что султан Абдул Хамид обманным путем присвоил себе права его отца на

престол и сжил того со свету, а Махмуд Казема и всю его семью навеки изгнал из столицы. Но он наделил их большим имуществом и землями на востоке Анатолии. И он, Хага — так его называют в округе, — располагая большими деньгами, постоянно кутит и бесчинствует. Он испорченный человек, насильник и отпетый негодяй. Никаких властей не признает, сам султан теперь боится его. Хага делает все, что вздумает. Он любит скитаться в горах, но время от времени спускается в города, чтобы выбрать себе очередную жену. Говорят, что сейчас у него семь жен — турчанки, гречанки, армянки и даже одна еврейка из Халеба, и он щедро одаряет их драгоценными украшениями и благовониями. Однажды он надумал взять в свой гарем наложницу турецкого правителя из Синишар. Правитель подал на него в суд. Но Хага подослал к нему наемных убийц, и его прикончили. Он держит в страхе несколько провинций.

Два года назад Хага увидел в Самсуне Анахит — она гуляла с подругами возле пристани. Ей было тогда пятнадцать или шестнадцать лет, но она выглядела, чтоб не сглазить, вполне взрослой. На следующий день Хага прислал ее отцу двести золотых лир и просил, чтобы тот отдал ему дочь в жены. Разумеется, отец отказался. Тогда он приказал правителям города всячески притеснять его, чинить ему убытки и неприятности. В зимние месяцы этот негодяй уезжает обычно в теплые края, весной же возвращается в горы. Он продолжает домогаться девушки. Совсем недавно он послал гонца сообщить отцу, что если тот не отдаст ему дочь добровольно, он возьмет ее силой, прямо из дома.

Тогда было решено отправить Анахит подальше от дома. Она уже находилась некоторое время в одном укрытии, а сейчас ее тайно переправили к нам. Наше село далеко от Самсуна, в двух неделях пути. Хаге отец сказал, будто отвез дочь в Константинополь, — тому запрещено появляться в столице. Те-

перь Хага измышляет всякие издевательства над отцом.

Так обстоят дела. Мы тут бережем ее, ждем и надеемся на Божью помощь. Пусть Всевышний хранит ее и оберегает от когтей этого изверга.

В темноте Вартан не мог видеть лица Акавьи. Акавья слушал, широко раскрыв глаза и стараясь не проронить ни звука. Весь этот рассказ, поведенный шепотом, очень взволновал Акавью. Кровь его закипела от возмущения, а сердце будто сжали тисками.

Долго сидел он, не в силах вымолвить ни слова. Никогда раньше не приходилось ему слышать ничего подобного.

Глубокая тоска, мрачная и холодная, охватила Акавью, будто большая и черная туча внезапно надвинулась из-за горизонта, и грозит обрушиться и поглотить и село, и горы вокруг.

Заговорил Вартан:

— Мое сердце разрывается на части и обливается кровью, когда я смотрю на эту девушку. Она говорит и смеется, как все, будто ничто не печалит ее, но случается, что во время беседы она вдруг умолкает и лицо ее каменеет. В глазах ее неизбывная скорбь, будто страх смерти витает над ее головой. Я несколько раз наблюдал, как ее лицо внезапно бледнеет, в нем нет ни кровинки, а потом его снова заливают румянец. О, такую нежную и прелестную птичку преследует похотливая гадюка!

— Нежную и прелестную птичку преследует похотливая гадюка! — повторил Акавья, будто эти слова родились в его душе, а Вартан лишь выразил их вслух.

— Знаешь, Вартан, я бы отдал за нее свою душу. Понимаешь? Чтобы она была спокойна и весела, я готов отдать свою душу. И то, что я говорю — правда. Это не просто слова.

— Знаю, Акав, знаю. У тебя доброе и чистое сердце. Ты не можешь видеть зло и несправедливость. Но что ты можешь и что могут сделать такие люди, как мы, чтобы помочь в беде? Мы — как солома, которую но-

сит ветром. В чем наша сила? В чем сила одного, двух или сотни? — Вартан понизил голос до еле слышного шепота. — Против этого хищного зверя — и против других хищников-турок — мы должны выйти все вместе, как опытные охотники.

Акавя молчал и думал. Он мысленно повторял поразившие его слова Вартана. Затем он произнес:

— Ты правильно сказал — это хищный зверь. Но я хочу понять: как это Бог на небесах может посылать печаль и горе такому созданию, как Анахит? Ведь Он все видит и все знает. Это странно и удивительно.

— Ты говоришь, Бог? О, Акав, Он хочет, чтобы люди не были жалкими рабами. Ты понимаешь, Акав? Бог требует, чтобы каждый постоял за себя, чтобы каждый спас самого себя. Такова воля Божья. Каков смысл жизни? Чтобы каждый человек боролся за нее, чтобы каждый народ боролся за нее. Бог посылает беды и несчастья людям, потому что они не борются за свое существование, не сражаются за свое достоинство. Бог на небесах любит добро и справедливость. Он не терпит бесчестия и позора. И он не любит тех, кто мирится с бесчестием и позором.

— Кто тебе это сказал? Откуда ты знаешь, что такова воля Творца?

— Это известно. Многие это знают. Но наша беда в том, что мы только говорим и ничего не делаем. Нет у нас вожаков, которые бы встали и что-то предприняли. Мы — как стадо без пастыря.

— Послушай, Вартан, я этого не знаю. Когда я был мальчиком, то учился у нашего хахама. Но об этом он ни разу не проронил ни слова.

— Вы, евреи, тоже покоряетесь и молчите. Вы даже не чувствуете, что вы... вы, как черви... как мы... Разве и вас не топчут турки? А в России — разве там не режут евреев? А они молчат.

— Верно, я об этом слышал. Ты говоришь правду. Я понимаю. И я должен хорошенько об этом подумать.

Но сейчас скажи — что будет с Анахит? Сердце мое обливается кровью...

— Не знаю. Время покажет. Увидим, что делать.

— А я говорю: и днем, и ночью я буду думать об этом. Днем и ночью не буду знать покоя.

Воцарилось молчание. Его прервал Акавья.

— Об одном попрошу тебя, и ты, пожалуйста, не сердись на меня.

— С какой стати я буду сердиться на тебя? Ты добрый и хороший человек. В чем твоя просьба?

— Я тебя прошу, я тебя умоляю — когда будешь посещать Тому Харидеана, бери меня с собой.

— Разумеется, Акав! Почему бы нет? Ты нам — как родной. Мы никогда не забудем, что рассказал о тебе эфенди Воскан. Только храни тайну и можешь приходить к ним, когда захочешь — не обязательно со мной, можешь приходить и сам. Я рассказал им о тебе, они будут рады видеть тебя.

В ту же неделю Вартан дважды брал с собой Акавью в дом Тома. Акавья сидел, как рассудительный и воспитанный юноша, внимательно слушал все, о чем говорили, но сам почти не участвовал в беседе. Он следил за каждым шагом Анахит — как она входит, садится, встает, а когда она говорила, ее слова звучали в его ушах божественной песней. И Акавья восхвалял, благодарил и возвеличивал в сердце своем Творца за то, что тот сподобил привести его сюда.

Но когда Акавья не видел ее, в душе его снова просыпалось смятение. Он ни к кому не обращался, ни с кем не говорил. Мысли захлестывали его, как бурные волны, и желания словно ураганные ветры бушевали в груди.

Он по-прежнему сидел в своей мастерской, но душа его не лежала к работе и руки не желали браться за инструмент. Прежде, когда он приходил сюда по утрам и садился на мягкую подстилку, незаконченные изделия словно глядели на него и говорили: "Доброе утро, Акавья! Мы тебя ждали. Возьми нас в руки и придай нам надлежащий образ. А то мы валяемся в углу, как

калеки — однорукие, безносые, незавершенные. Наверху, на полках, чинно стоят наши братья — готовые, блестящие и довольные. Пожалей нас, Акавья, мы хотим быть, как они...”

И тотчас сердце Акавьи наполнялось желанием работать, руки обретали мудрость, с охотой и любовью он приступал к делу, изделия получались красивыми и совершенными, радовали глаз и привлекали покупателей.

А теперь Акавья или сидел неподвижно, или работал так, будто его неволили. В сердце его не было радости, а в руках привычной сноровки и ловкости. Лавка со всеми изделиями и инструментами, стенами и углами опостылела ему.

В один из таких дней Акавья не вытерпел, в полдень закрыл мастерскую и пошел в горы — так он всегда поступал, когда ему было не по себе. Он поднялся на третью улицу и решил уйти далеко-далеко, к самым вершинам. Дойдя до скалы со ступенями он стал подниматься вверх. Он смотрел на горы, что высились впереди, на плавно скользящие вниз белые водопады.

И вдруг на одном из поворотов он услышал девичий голос, звавший его по имени:

— Акав, *акшамларниз хаир олсун*¹, куда ты держишь путь? Подойди, пожалуйста, к нам.

Это была Гохарик, а рядом с ней стояла Анахит! Он не решился поверить своим глазам — как человек, узревший чудо. Впервые он видел ее под открытым небом. Здесь, высоко в горах, среди деревьев, под синью неба, ее сияние показалось ему еще прекрасней. Оно затмевало красу мира, белизну водопадов, розовое зарево облаков, величие гор.

Акавья подошел к девушкам, сидевшим на скале. Глаза Анахит — голубые шатры, озаренные отсветом вечерней зари, полыхающей на облаках. Кожа ее свежа и нежна, как роза, золотые кудри ниспадают,

¹ Акавья, добрый вечер (турецк.).

как расплавленное золото. Стройное тело, высокая грудь — все прелестно.

Никогда ничего подобного он не видел.

Акавья молчал. Улыбка застыла у него на устах. Он не отводил глаз от девушки и не замечал, что молчание затянулось.

Глядя на него, подружки едва не рассмеялись, и Гохарик заговорила:

— Братец Акав, ты сердишься, что мы тебя задержали? Прости, пожалуйста.

— Нет, нет, да хранит вас Господь. Зачем сердиться? Напротив...

Гохарик протянула ему руку, а вслед за ней и Анахит.

Девушки заметили, что Акавья вдруг побледнел. Он опустил голову и медленно провел рукой по лицу, как человек, который едва не потерял сознания.

— Что с тобой, Акав? — спросили обе испуганно.

— Ничего, — ответил он тихо. — Я гляжу на ханум, я гляжу на вас... И пусть хранит вас Господь.

— Тебе нравится Анахит?

— Да, она очень красивая. Она... больше, чем красивая. Много больше, — сказал он, и в глазах его светилась невысказанная мысль и тайное желание.

— Что значит, "больше, чем красивая"? — удивилась Гохарик. — Я тебя не понимаю. Объясни, что ты имеешь в виду...

— Я не умею, Гохарик, объяснить... Но я так говорю...

— Ты не знаешь, что это значит, и все же говоришь? Но люди обычно знают, что они говорят. Когда не знают — не говорят.

— Ты права, Бог свидетель. Но я не умею сказать как надо. Я не умею красиво говорить... если надо что-нибудь сделать — я сделаю...

— Меня удивляют твои слова. Я их не понимаю, — ответила Гохарик.

Тогда прозвучал мягкий и нежный голос Анахит. Она сказала:

— Оставь, сестрица, я его понимаю. Случается, что человек не может высказать, что у него на сердце.

— Да, — ответил Акавья радостно. — Вот Анахит меня поняла.

Он осекся и как-то странно поглядел по сторонам.

— Что ты, Акав? — спросила Гухарик.

— Вот... Так я думаю... И чувствую... — Голос его трепетал от волнения. — Если бы Анахит пожелала, — он повернулся к Гохарик, — я бы мог... сделать что-нибудь такое... не знаю, как и сказать...

— Что ты имеешь в виду?

Но прежде чем Гохарик закончила фразу, Акавья опустился на колени, протянул к Анахит руки и, коснувшись ее ступней, поцеловал их.

— Ты дочь небес... Дочь небес... Ты больше, чем красивая... Ты дочь Творца.

Засмеявшись от смущения, Анахит отступила на шаг, невольно отстраняя Акавью. Он выпрямился и сказал:

— Прости... Прости... Не подумай обо мне плохо... Прощай... Прощай...

И повернувшись, быстро зашагал в горы.

Девушки остались на месте. Им показалось, будто они видели странный волшебный сон. Явился Акав, этот добрый и простодушный парень, и произошло что-то необыкновенное. Потом видение исчезло, растаяло. Но так же, как после дивного сна остаются какие-то знаки и намеки, так и после слов Акава остался тайный след в девичьих душах.

Звонко смеясь, Гохарик говорила подруге:

— Бедный Акав! Он такой наивный и простодушный! Ты слышала, как дрожал его голос? А как он побледнел! Но глаза его светились чудным светом. Никогда я не видела таких глаз. Он глядел на тебя, как счастливая мать на своего ребенка в колыбели. Если бы он не был таким странным, в него можно было бы влюбиться.

Анахит сказала:

— О! Почему не дает Господь добро полной мерой? В добре заключено зло. К радости примешивается печаль. Почему так превратны и странны дела Господни? На пути хороших и честных людей Он раскидывает сеть, и они не могут ступить ни шагу, а перед негодьям и подлецом открыты все дороги. К мольбам несчастных Он глух, а к мучителям благосклонен... Палачам, проливающим кровь, Он дает власть и царство, а нас, народ Тургана¹, превратил в бесправных рабов. Душа моя в смущении. Но видно, неисповедимы пути Господни, и не следует удивляться тому, что Господь дает душу, сверкающую, как алмаз, такому простому и наивному парню, как Акав.

Акавья же, покинув их, направился к вершинам гор. Солнце клонилось к западу. В широкой долине между двумя стенами гор громоздились облака, — точно стада огромных белых овец, безмолвно застывшие в воздухе.

Так лежат они здесь весь день, заполняя собой пространство, не двигаясь, словно замыслив сложное и тайное дело. К вечеру, будто решившись на что-то, они трогаются с места, плавно поднимаются вверх и постепенно исчезают за вершинами гор. Словно могучая рать, готовая вступить в опасное сражение, карабкаются они в гору и повисают над полем боя. А с исходом дня — исчезают, растворяются, будто их и не было.

Акавья долго наблюдал эту величественную картину. В горах он любил бывать один. Дружеские беседы и шутки уместны в лавке, в кафе, но не в горах. Горы требуют уединения. С широко раскрытыми глазами, с сердцем, обуреваемым смутными желаниями, Акавья мог часами сидеть на скале, погруженный в свои мечты и грезы. Случалось, что друзья, гуляя, натыкались на него, а он, глубоко задумавшись, даже не замечал их приближения.

¹ Родоначальник древних армянских царей. — *Прим. автора.*

Но сегодня, после неожиданной встречи с девушками и бегства от них, все его чувства были напряжены, он дрожал всем телом. Ему казалось, что скалы давят ему на плечи, на грудь, на голову. А что случилось с его глазами? Горные вершины, долина и даже небесный купол — все вдруг стало необычайно далеким. Будто сдвинулось со своих обычных мест и переместилось вдаль. Ноги его спотыкаются и дух в смятении. Он весь во власти Анахит. Она — во всем и над всем. Она повсюду. Свет ее улыбки, — о, этот свет! Он сильнее и ярче сияния солнца!..

Акавья продолжал шагать, не различая дороги и не задумываясь над тем, куда идет. Так незаметно достиг он вершины. Даже в надвигавшихся сумерках отсюда открывался изумительный вид. Но сердце его сжималось, он ощущал мучительную боль. О, что случилось с ним? Не раз случалось и раньше, что грудь его теснило от нахлынувших чувств, но такого он никогда прежде не испытывал. Он чувствовал, что сердце его готово выпрыгнуть из груди. Оно кричало, зывало, жаждало излиться криком. Акавья понял, что не в силах более сдерживаться.

— А — на — хит! — закричал он.

Горное эхо, сильное и чистое, многократно повторяло звук его голоса. Ласточки затрепетали в своих гнездах и испуганно выпорхнули наружу, филины вылетели из расселин и растаяли в вечернем мраке.

Акавья стоял недвижимо и прислушивался.

Он не думал, что имя Анахит сорвется с его уст, он вовсе не собирался произносить его вслух, но он потерял власть над собой. Да, Акавья уже вовсе не Акавья. Из рук Акавьи ускользнул Акавья. В самом деле.

Назавтра он не в состоянии был вспомнить, как и когда добрался домой. Но он очень хорошо помнил, что долго не мог заснуть и что проснулся, вопреки обыкновению, очень поздно — солнце уже стояло высоко в небе.

В эти дни жизнь Акавьи делилась на две части:

с Анахит и без Анахит. Он рад был любой возможности видеть ее.

По вечерам он вместе с Вартаном и другими парнями из богатых уважаемых семей — и с их сестрами: Гохарик, Сатиник и Неват — гулял в горах. И Анахит, которую здесь все любили, тоже была с ними.

Иногда они сидели в тени деревьев и читали журнал. Из местных девушек по-турецки умела читать лишь Гохарик. Остальные читали только по-армянски. Армянский журнал "Новости мира" Анахит читала не хуже, чем парни. Акавья, правда, не столько прислушивался к новостям, происходившим в мире, сколько к голосу Анахит.

Иногда они затевали игры и дурачились, и Акавья в присутствии Анахит готов был на любые подвиги. Никогда он так не гордился собой, как в те мгновения, когда Анахит говорила:

— *Афарум*¹, Акав! Да хранит тебя Господь, Акав!

Парни забирались в лес и принимались охотиться на птиц и зайцев, но Акавья в таких забавах никогда не участвовал. Он оставался сидеть в одиночестве. Приятели возвращались с добычей.

Сердце Акавьи наполнялось жалостью, когда он видел убитых птиц и зверьков, бездыханных, со свернутыми головами.

— Ведь это же убийство! — пытался он усовестить приятелей. — Что за доблесть — лишить жизни беспомощное существо? Раздробить голову змее — я понимаю! Или убить хищника... Но эти зверьки и птицы — чем согрешили?..

А про себя он думал: "Эти парни — достойные люди, а все же они из рода Исава. И дела их — дела Исава!"

Друзья смеялись над ним и говорили:

— Вот так герой! Сердце у него жалостливое, как у женщины.

В те дни, когда Акавья не находился в обществе Анахит, он старался собраться с мыслями. Много, мно-

¹ *Афарум* (армянск.) — очень хорошо.

го разных мыслей роилось у него в голове — без начала и без конца. Только сейчас Акавья почувствовал, как он одинок. Очень одинок. Один-одинешенек, вдалеке от любимой матери и дорогого отца. Вдалеке, вдалеке. Нет никого, с кем он мог бы поговорить о той, что перевернула его душу. Никому об этом не скажешь. Случалось, однако, не раз, что слова невольно срывались с его уст, но он даже не замечал этого.

Однажды, идя по улице, он сказал вслух:

— Акавья, Акавья, для этого супа нужно слишком много воды... Тебе захотелось достать луну с неба. Ты идешь, задрав голову кверху, а ноги твои — на краю пропасти. Чем все это кончится?

Так он разговаривал сам с собой, пока не заметил, что прохожие обращают на него внимание. Он очень смутился (слава Богу, что он говорил на *джудизмо* — на ладино).

В один из субботних дней парни отправились в полдень на охоту. Они знали, что по субботам Акавья далеко не ходит. "По субботам, — говорили они, — Акав превращается в дервиша. Шагает неторопливо, ничем не занимается, ничем не интересуется, только считает кораллы в четках. Не иначе, как по субботам и еврейским дервишам является Аллах".

Вечером Акавья вышел подышать свежим воздухом и направился в ближайшую рощу. Он сидел один, наслаждаясь субботним покоем, когда увидел девушек, и среди них Анахит. Сердце его возликовало.

Увидев Акавью, девушки поспешили к нему, но поскольку они знали, что в субботу он не станет участвовать в их играх, то вскоре попрощались и пошли дальше. Только Анахит задержалась. Она села напротив Акавьи, и они начали беседовать. И каждое слово, которое произносила Анахит, заставляло трепетать его сердце.

Она спросила:

— Скажи, Акав, где ты родился в самом деле?

— В Бурсе, сестрица. А почему ты думаешь, что не там?

- А есть у тебя отец и мать?
- Есть, слава Богу. Пусть они долго живут и здравствуют.
- Пусть живут и здравствуют. А братья есть у тебя?
- Только две сестры. Старшая замужем. А другая моложе меня.
- А что делает твой отец?
- Он жестянщик, как и я.
- Он бедняк, верно?
- Слава Богу, у него все есть. Он даже сумел накопить немного денег. И у меня тоже, благословенно имя Божье, есть кое-что.
- Они любят тебя?
- Конечно. Очень любят. Я у них единственный сын.
- Ты живешь с ними в мире?
- Понятно, Анахит, я живу с ними в мире. Как же может быть иначе?
- Я хотела спросить, как они согласились, чтобы ты покинул дом? Они разрешили тебе уйти в такую даль?
- Они не хотели, чтобы я ушел. Это верно. Но так как я очень настаивал, они согласились.
- Сколько времени уже ты живешь так, вдали от дома?
- Я возвращаюсь домой каждый год, по большим праздникам.
- И долго ты путешествуешь?
- Почти четыре года.
- Четыре года? Удивительно! И ты не тоскуешь по отцу и матери?
- Тоскую... Очень часто. Сейчас бы я отдал все, что у меня есть, лишь бы повидать их и побеседовать с ними.
- Так кто же заставил тебя оставить родителей и отчий дом?
- Никто меня не заставлял. По велению сердца и по воле Творца я хожу.
- А зачем ты ходишь? Чего ты ищешь, расхаживая по стране?

— Ищу... Просто так... Ищу... Я хочу знать, в чем воля Божья... Знать, чего Он ждет от меня.

— Не пойму я тебя, Акав. Что же именно ты ищешь?

— Трудно сказать, Анахит. Но мне всегда кажется, что Бог чего-то требует от меня...

— А ты не знаешь, чего он хочет?

— Не знаю, Анахит, точно — не знаю... Но теперь мне кажется...

— Что тебе кажется?

— Что, может быть, я понял. Может быть, именно это. Возможно. Но полной правды — не знаю. И от этого в смущении...

— Может быть, ты откроешь мне, в чем дело?

Акавья замолчал и опустил глаза, будто ожидая, что из-под земли явится ответ... Потом произнес тихо:

— Тебе... я могу... Тебе скажу... Я должен сказать...

— Говори, Акав. Что же тебя тревожит?

— Ты, Анахит.

— Я?

— Так я думаю. Мне кажется... Что все мои поездки и скитания были только... чтобы увидеть тебя... Увидеть такую, как ты.

— Приятно слышать, Акав. Спасибо на добром слове. Но это уж слишком... Скитаться четыре года, чтобы увидеть девушку.

— Ты говоришь, слишком. Может быть... А может, и очень мало.

Анахит замолчала. Но потом снова спросила:

— А твоя мама — какая она? Как она выглядит?

Удивился Акавья этому вопросу, но и обрадовался. Он сразу же ответил.

— Моя мама? Она мне очень дорога. Она добрая. И красивая. Красивая, как царица.

Ему захотелось подробно рассказать Анахит о матери. И он стал описывать ее рост, внешность, черты характера.

Анахит молчала, как бы погруженная в свои думы. Акавья ждал, что она снова заговорит. Но она молчала.

Тогда заговорил Акавья.

— Ты простишь мне, сестрица, если я задам тебе один вопрос?

— Спрашивай, Акавья.

— Мне бы очень хотелось узнать, почему ты меня об этом расспрашивала.

— Так, просто так, Акав. Когда видишь, например, плод... неведомый... но прекрасный... хочется знать, где он взращен. Потому я и спрашивала.

— Да? Выходит, что я тебе кажусь таким плодом?

— Да, Акав. Ты... прекрасный плод...

— Премного благодарен... Премного благодарен... Мир тебе... И твоим устам...

Акавья хотел поговорить еще, но Анахит заторопилась. Она вспомнила о подружках, о том, что приближается вечер и пора возвращаться домой.

В эту ночь Акавья не заснул. Его одолевали думы. И на следующий день он не мог избавиться от мыслей, которые ворочались в голове, подымались и опускались, как корабль в бурю. Одна мысль казалась хорошей и вздымала его высоко, высоко, но внезапно возникала другая — и бросала его в мрачную пучину. Были мгновения, когда ему казалось: вот он извлекает оттуда, из глубин, важную и значительную мысль — как рыбак тянет из бездны тяжелую сеть. Это именно те слова, которые ему хотелось ухватить и поднять на поверхность. Но вдруг сеть цепляется за что-то там, в темной бездне, и никакими силами ее не освободить.

И так все это его угнетало, что однажды среди бела дня он запер лавку и направился в горы, что лежали к югу от села. Здесь были только крутые безжизненные скалы, совсем не подходящие для прогулок.

С трудом взобрался Акавья на одну из вершин. Он тяжело дышал, и настроение его было таким же тяжелым. Он присел отдышаться, потом растянулся на скале, чтобы остудить кипевшую кровь.

Когда он открыл глаза, было уже темно. Он так устал от подъема, что незаметно заснул. Проснувшись и взглянув на звезды, Акавья понял, что солнце уже часа два как зашло.

Он поспешил прочитать "Маарив" и дважды произнес "Шмоне-эсре"¹, так как проспал дневную молитву "Минха". Потом он сел, глубоко вздохнул и сказал:

— Что будет с Акавьей, Отец небесный? Я устал. Клянусь именем Твоим, я устал. Ведь ты знаешь, несомненно ты знаешь все, что я передумал за эти дни. С Твоего ведома я думаю. От Тебя я не отхожу и не отстраняюсь ни на минуту. Ты все знаешь... Я здесь один. Далеко от отца и матери, не с кем посоветоваться, не с кем поговорить. Но — Ты со мной. С Тобой я беседую. И хотя Ты знаешь все мысли в моем сердце, я хочу говорить с Тобой. Взгляни сейчас на меня и вложи совет в мое сердце. Ответь мне, как считаешь нужным.

В небе сверкали звезды и холодный ветер гулял меж скал.

— Да, она вошла в мое сердце, — продолжал Акавья. — Ничего нет сейчас в моем сердце, кроме Тебя и Анахит. Ты и она. Но ведь она армянка... Да, она армянка. Но Ты знаешь, как много я думал об этом. Сто раз я думал и понял, что она должна стать еврейкой... Внуши ей, вложи в ее сердце желание стать еврейкой. И я из нее сделаю настоящую еврейку...

Разве речь идет о гойе? Никто не говорит о гойе! Я говорю в надежде, что она захочет стать еврейкой. А если не захочет? Не согласится? Это уже Твое дело. Внуши ей, пусть она захочет. В Твоих руках сердце человека, все людские сердца. Разве не Ты их сотворил? Что значит для тебя одно сердце Анахит? Сделай по Своей великой милости, чтобы она захотела.

Как я смею просить об этом? Значит и Ты, Отец Всевышний, говоришь так? "Кто заставил тебя со здоровой головой дружить с необрезанными и жить среди них?" Я думал, что только мой отец и мать будут так говорить. Но и Ты заодно с ними?.. Ты тоже так говоришь? Но чем же я виноват? Давай, Отец небесный, разберемся в этом деле по-существу, с само-

¹ "Шмоне эсре" — "восемнадцать бенедикций" — молитва, которую читают трижды в день — утром, днем и вечером.

го начала. Разве я ходил искать ее? Разве у меня была такая мысль? Кто привел меня сюда, в деревню Гюзилик? Разве я сам сюда пришел? Кто так повел дело, что я очутился здесь? Ведь я должен был идти в Беад-Даг. Чтобы узнать Твою волю... Услышать Твое слово... Но я пришел сюда, и вот она передо мной...

Зачем Ты позволил ей овладеть моим сердцем? Зачем Ты лишил меня разума? Но разве разум помог бы здесь? Неужели Ты считаешь, Отец Небесный, что кто-то в состоянии думать и рассуждать при виде подобной красоты, творения рук Твоих?.. Но я скажу Тебе, хотя Ты это сам знаешь, клянусь Тебе жизнью, которую Ты мне дал: когда я стал на колени и преклонился там, на скале... перед нею, по сути, я преклонился перед Тобою — за то, что такую Ты ее сотворил! Такая красота! Такое очарование! Благословен Ты, сотворивший это! Нет слов, чтобы восхвалять имя Твое. Это я говорю, а ты спрашиваешь меня — зачем!..

Разве я когда-нибудь заглядывался на девушек? Разве знал я этот грех? Я о нем ничего не знал. Разве я любил хоть одну из них? Нет. Я не знал, что такое любовь. Я любовался малютками на руках у матерей. Я любил детей, которые играли во дворе. Мне нравилось целовать их. Но на девушек я никогда не смотрел. И их избегал. Но она, Анахит — вырвала мое сердце. Вырвала — и заняла его место. Теперь я это знаю. Ее я люблю. Люблю как свою мать. Как люблю Тебя. И еще больше. В тысячу раз больше. Я сознаюсь во всем, и не засчитается это мне грехом. Я произношу вслух, устами то, что у меня на сердце. Это любовь, Отец небесный, и сила этой любви — разве не от Тебя? Разве не Ты Бог всех душ и сердец?

И если у меня не будет этой любви, у меня не будет жизни. Я не захочу жить. Я верну Тебе свою душу. Возьми ее у меня...

Сейчас, Отец Небесный, что Ты прикажешь Акавье? Ты поможешь мне?

Не понимаю... Не чувствую... Не слышу... Ни одного ясного слова. Что Ты сказал?

Да?..

Нет?..

Может быть? Может быть, поможешь?..

Несомненно поможешь? Не понимаю. Не ясно мне...

Молчание. Темнота.

Подожду еще. Может, все же сподоблюсь знака милости.

Акавья оперся об утес и умолк.

Долго он сидел, не шевелясь. Издалека, из долины, где лежало село, донеслось пение петуха. Ему вторил другой, третий... Звезда сорвалась со своего места и понеслась куда-то, спеша выполнить волю Творца. К кому и зачем она послана?

Падающая звезда заставляет Акавью встrepенуться. Ледяной ветер терзает его тело, рвет в куски живую плоть. Акавья поднимается и тихо произносит:

— Буду ждать Тебя. Каждый день буду ждать, что Ты сжалишься надо мной. Если Ты любишь раба Своего Акавью — ответь мне. Я ничего не сделаю, упаси Господи, ничего не сделаю, пока не узнаю Твоей воли. Но я узнаю ее. Отец Небесный, все дни моей жизни я не переставал думать о Тебе. На всех моих путях я шел за Тобою. С Тобой я всегда. Я не уклонялся от Твоих заповедей и не осквернял своих рук дурными делами. Я не грешил. Не делал зла. Твою волю я хочу исполнить. Так пожелай же на сей раз то, чего я желаю. Не ради меня — сделай это ради моего отца — пусть он живет долгие годы — ведь он честный еврей. Сделай это ради моей матери — ведь нет ей подобной по доброте и чистоте.

Ответь мне, Отец мой, сделай милость...

В густом мраке спустился Акавья с гор.

В последующие дни он старался не видеть никого, кроме Вартана, с которым ходил по вечерам в дом Томы. Когда он видел Анахит, излучающую свет, и слышал ее голос, он немного успокаивался. В осталь-

ное время он направлял свои мысли к Отцу небесному, который находится так далеко, и к Анахит, которая находится так близко. И все, что бы он ни делал — шагал по улице, трудился в своей лавке или сидел по ночам на крыше своей комнаты, он делал в молчанье.

Он прятался от людей, дабы они своими разговорами не отвлекали его. Ибо не было такого человека, который сумел бы помочь ему. Это не в силах человеческих. Все тут зависит только от Создателя. Только от него можно ждать помощи.

Но Вартан и еще кое-кто из друзей и знакомых знали, что на сердце у Акавьи. Он был наивен, когда думал, что никто ничего не видит и не замечает. Глаза есть не только у Акавьи, но и у других людей. И когда Акавья глядел на Анахит — в доме у Томи или на прогулке, — все взоры были устремлены на него. Акавья не знал, что его глаза говорят больше, чем сто уст. И по тому, как он внимал каждому слову Анахит, и по тому, как он старался угадать и выполнить малейшее ее желание, еще до того, как она его высказала, все прекрасно догадывались, что у него на сердце. Но в присутствии Акавьи они деликатно обходили эту тему. Зато в его отсутствие люди много об этом толковали. И удивлялись: что нашел он в ней такого, из-за чего можно лишиться рассудка? Правда, у Анахит красивые глаза. Но разве они красивее, чем у всех других девушек? Неват, например, красивее ее. Гохарик — тем более. А Сатиник нежна, как свет луны. Все дело в том, что он очень наивен, этот Акавья. Он видит вещи не такими, как все люди, и вкус у него странный.

Один сказал:

— Но ведь и Анахит к нему благосклонна, вот что удивительно!

Другой сказал:

— А ведь он еврей. Правда, хороший и честный. Но в конце концов, все-таки еврей.

Вартан сказал :

— Анахит в растерянности и печали цепляется за соломинку. Ей страшно, и она готова обратиться за помощью к любому.

— Как бы то ни было, — покачал головой четвертый, — он наивен и смешон в своей влюбленности.

Однажды утром мимо лавки Акавы прошли Гохарик и Неват. С ними была и Анахит. Они остановились и поздоровались с Акавьей.

Его лицо засветилось и приятное тепло заструилось по всему телу. Он не знал даже, что сказать девушкам и чем объяснить эту внезапную радость, которая охватила его.

Поболтав немного, девушки удалились.

Но вскоре они снова оказались возле лавки Акавы. Снова помахали ему и пошли дальше. Через несколько минут они в третий раз вернулись, и Акавя видел, как Гохарик с волнением говорила о чем-то Анахит. Потом Гохарик подошла к Акавье и сказала:

— Послушай, братец Акав, я вспомнила сейчас сон, который мне приснился, и должна тебе его рассказать. Я слышала, что ты толкуешь сны. А этот сон касается тебя. Он весь о тебе. Да, клянусь, что я тебя не дурачу, а говорю сущую правду.

— Хорошо, хорошо, сестрица Гохарик. Все к лучшему. Расскажи и мы слушаем.

— Во сне ты был одет в белую форменную одежду, как сын баши или генерал. И ты был красив. Клянусь своей жизнью, очень красив. Твоя борода была подстрижена, усы выровнены, на голове большой тюрбан, а на поясе — сабля. Много, много солдат было в селе. И был там еще один генерал — турок. И была протянута веревка с Верхней улицы до большого фисташкового дерева — в двадцать локтей длиною. И ты с обнаженным мечом прошел по натянутой веревке, с одного конца до другого, и благополучно вернулся. Тогда второй генерал решил тоже показать свое геройство. Он прошел половину пути, но больше не смог, потерял равновесие и упал... Не помню, что было дальше, но еще помню много, много

буханок хлеба, целые груды хлеба. Они лежали на земле рядом с большой мельницей, внизу, на Нижней улице. Подходили солдаты, брали хлеб и тут же ели. И еще что-то было... Но не удержалось в памяти. Скажи, пожалуйста, что это значит?

Акавя внимательно слушал, от удивления приоткрыв рот. На его устах блуждала улыбка, как у ребенка, увидевшего нечто поразительное.

Он пробормотал:

— *Хейрула... Хейрула...* благо от Господа... Хлеб... Хлеб во сне... Это хорошо. Очень хорошо. Примета хорошей жизни, изобилия. Форменная одежда... форменная одежда... Это признак почестей, величия... хотя, по правде говоря, мне не приходилось раньше слышать об этом. Во всяком случае, это значительный сон... Надо подумать... Все хорошенько взвесить... Но, может, ты вспомнишь: домашних животных не было во сне? Коров? Овец?

— Нет, этого не было.

— А зелени? Деревьев, цветов?

— Да. Напротив большой мельницы тянулись грядки... Я вспомнила — много людей толпилось возле зелени...

— Все это хорошо.

— Для кого?

— Для всех нас.

— А что хорошо?

— Этого я пока не знаю... Это ведомо только Создателю. Но достаточно того, что сон предвещает добрые перемены...

— Но, послушай, Акав, в моем сне ты был так красив... Я подумала — если ты сбреешь бороду, подстрижешь усы и сменишь свой тарбуш — ты станешь совсем другим человеком. Клянусь своей жизнью!

— Сбрить бороду невозможно. Это у нас запрещено.

— А если не все сбрить — только подравнять, подстричь немного. Это тоже запрещено?

— Это, пожалуй, можно. Но настоящий еврей никогда не станет пользоваться ножницами, чтобы стричь

бороду. Отец никогда не подстригал, и дед, и я тоже.

Гохарик рассмеялась и сказала:

— Почему тебе так дорога твоя борода? Какая в ней красота? С одной стороны — жидковато, с другой — слишком густо...

— Оставь его в покое, — сказала Анахит. — Когда у него появится красивая невеста, он обязательно подстрижет, это точно.

Акавья засмеялся, и девушки ушли.

Весь тот день и несколько последующих дней Акавья думал о сне Гохарик и не мог найти подходящего решения. Удивительный это был сон. Все в нем было ясно и определено, но в его тайный смысл трудно было проникнуть. Генерал, форменная одежда, хождение по натянутой веревке — что это должно означать? И неясно, почему о нем снилось не ему самому, а постороннему человеку. В чем сущность сна, в котором кто-то видит не себя, а другого?

Он, как и Гохарик, ухватился за самое простое звено этого сна — за свою внешность.

В эти дни, когда много разных мыслей роилось у него в голове, он то и дело вспоминал о своей внешности. И когда он впервые об этом задумался — им овладела глубокая печаль.

”Какой же ты глупец, — говорил он самому себе, — ни о чем не думаешь, кроме своей любви. А может, она тебя вовсе и знать не хочет. Может, ты ей безразличен? Она красива, как полная луна на небосводе, а ты простой жестянщик, серый и ничем не примечательный. Она и ты — это небо и земля! Может быть, ты ей противен? А вдруг нет, вдруг я кажусь ей красивым? Ведь и отец, который с детства был жестянщиком, взял в жены девушку красивую, как царица. Но, может быть, и он в молодости был красив?”

Акавья страстно желал узнать, как он выглядит и что думают люди — красив он или урод? Но кто же об этом скажет... Никогда в жизни Акавья не заботился о своей внешности. Он стремился лишь к тому, чтобы дела его были справедливыми и сердце добрым.

А о том, какое у него лицо, он никогда не задумывался. И это нехорошо. А вдруг Анахит скажет: "Не хочу тебя! Не хочу, чтобы ты ко мне прикасался!" Тогда весь мир для него померкнет.

Из слов Гохарик он понял, что вид у него невзрачный, и в конце концов решил: пройдут три недели *бейн хамцарим*¹, и он займется своими волосами, бородой и одеждой.

В пятницу, предшествовавшую Субботе утешения², он пошел к цирюльнику и долго с ним беседовал, определяя размеры своей бороды: отрезанная часть не должна превысить длины одного сустава. И все, ни миллиметром больше. Он попросил брадоброя быть предельно точным. Ножницы требуют осторожности, ведь то, что они отхватят, обратно не пришьешь... Акавья отдался в руки цирюльника и чувствовал себя бараном, подставившим горло резнику.

В Субботу утешения он отправился по своему обыкновению в ближайшую рощу. Он полагал, что никого там не встретит, ведь все еще трудятся. Но оказалось, что в этот день у армян был какой-то свой праздник, и еще издали Акавья услышал звучное пение.

Подойдя к месту, где веселилась молодежь, он заметил своих друзей — Вартана, Тороса, Воскана, Медорана. Девушки тоже были здесь, и среди них — Анахит.

Когда те в свою очередь увидели Акавью — с подстриженной бородой, аккуратно причесанного, с новым наглаженным тарбушем на голове, то принялись тормозить его и расспрашивать: уж не спешит ли он на свидание с невестой? Или, может, приглашен на какое-то торжество?

¹"В теснине" — три недели между Семнадцатым таммуза (день, когда были проломлены стены Иерусалима) и Девятым ава (день разрушения Иерусалимского храма).

²Первая суббота после 9 ава — дня поста и траура. В эту субботу в синагогах читают 40-ю главу книги пророка Исайи, которая начинается словами: "Утешайте, утешайте народ Мой..."

Так же, как все были рады ему, он был рад им. Парни и девушки пели армянские песни наподобие тех, которые он несколько раз слышал в их церквях, и которые очень походили на еврейские *пютим*¹. Акавье приятно было их слышать. Но пока его уши внимали звукам песен, глаза были обращены к Анахит.

Затем все пошли гулять в горы. Акавья шел рядом с Анахит, и постепенно все скрылись, они же остались вдвоем.

Анахит начала расспрашивать Акавью о том дне на этой неделе, когда он постился. Акавья объяснил ей значение Девятого ава, рассказал заодно и о Десяти мучениках² (о них обычно говорили в синагоге Девятого ава). Девушка внимательно слушала и затем сказала:

— У вас хорошие обычаи и приятные нравы. Участь армян во многом схожа с участью евреев.

Она очень удивлялась: как это он знает и помнит даты всех еврейских праздников? Ведь он сейчас так далеко от отчего дома, и евреев здесь нет.

Акавья объяснил ей, что у него есть еврейский календарь. Ежедневно он делает на нем пометку. Верно, в первый год своих странствий он иногда ошибался в счете. Но с тех пор, как обзавелся календарем, заранее все точно знает.

— А что это за праздники, когда ты возвращаешься домой?

— Вот через месяц я уеду, потому что приближается такой праздник.

— Уедешь в Бурсу? Так далеко?

— Нет, на этот раз я поеду в ближайший город, где живут евреи. Это, примерно, неделя пути отсюда.

¹ *Пютим* (иврит) — синагогальные гимны и песнопения.

² Десять мучеников — выдающиеся законоучители II века, среди которых были рабби Акива, Ханина Бен-Традион, Иехуда Бен-Бава, Эльзар Бен-Шамуа и другие. Их пытали и казнили по приказу римского императора Адриана за приверженность к еврейской религии и учению Моисея.

— Неделя туда, неделя обратно. А сколько времени ты собираешься там пробыть?

— Три недели.

— *Бра!*¹ Пять недель будешь отсутствовать? Пять недель?

— Ничего не поделаешь. Но, — спросил Акавья, — ощущая тайную радость в душе, — почему ты так огорчена?

Анахит промолчала. Она опустила глаза и продолжала медленно шагать. Потом, утомившись от подъема, она присела на выступ скалы. Акавья сел рядом на землю. Он еще раз спросил:

— Ты не ответила, почему тебя огорчает то, что я уезжаю.

Она взглянула на него и сказала:

— Как бы мне хотелось, чтобы ты не уезжал отсюда до зимы...

— Почему, сестрица?

— Я объясню тебе. Если Варган не сказал, я скажу. Разве не говорил он тебе о письмах, которые мы получили?

— Нет.

— Мы получили письмо месяц назад. И на этой неделе пришло второе — от папы, что он, этот пес, Хага, всюду рыщет, выслеживает меня. Это уже третье место, где я прячусь. Я боюсь, что он узнает, где я нахожусь. Уж лучше бы мне умереть. Если я попаду к нему в руки, то всажу нож себе в сердце.

— Душа болит слушать это, Анахит. Не следует даже произносить такие слова. Живи долго и счастливо. Пусть подохнут сто таких псов, как он, но с твоей головы не упадет и волос.

— "Подохнут..." Но они не подышают! Они живы. Никто не в силах их одолеть. Если Господь не убедит его вскорости — я погибла. Конец пришел моей жизни.

¹ *Бра* (армянск.) — возглас удивления — *Прим. автора.*

— Разве нет у тебя среди родных парня, который бы встал и заступился за тебя? Разве нет среди армян смелых парней?

— Разумеется, есть такие, которые готовы рискнуть жизнью. Но... если они сделают это открыто — горе армянам!.. Турки уничтожат десятки, сотни людей! Он же, да сгинет его имя, из правящей династии. Я не хочу, чтобы из-за меня гибли люди...

— Если так... если так... Пусть прикончат его тайно. Почему бы не прикончить его тайком?

— Если его прикончат в одном из армянских сел, турки перережут всех жителей. Есть лишь один путь, лишь один — прикончить этого изверга в таком месте, где живут только турки. Если бы удалось заманить его туда и прикончить так, будто он погиб в результате несчастного случая. Тогда я была бы спасена. Но как выполнить такое сложное дело? И кто за это возьмется?

Анахит подняла глаза и взглянула прямо в лицо Акавье.

У Акавы в голове завертелись какие-то мысли, но он запутался в них, как баран рогами в лесной чаще, и молчал.

Анахит настойчиво спросила:

— Почему ты молчишь, Акав? Что ты об этом думаешь?

— Сестра моя Анахит, клянусь тебе, что у меня голова идет кругом. За тебя я готов отдать жизнь. Да, это так. Ради тебя мне не жалко сложить голову. Но отнимать чужую жизнь — запрещено. О, если бы было мне позволено...

— Я тебя не понимаю. Что запрещено и что позволено?.. Я не уловила твоей мысли.

— Я думаю так. Этот изверг заслуживает смерти, если к тебе прикоснется. Но мне запрещено его убить. Я не имею права казнить его. Хочу сейчас признаться: да будет тебе известно, что я люблю тебя великой любовью. Все дни я думаю только о тебе. Нет такой минуты, чтобы я о тебе не думал. Но нам запрещено

убивать. Тебя я люблю и Бога я люблю. И еще я тебе скажу: я боюсь за тебя. И я страшусь Бога. Я — как стекло между двумя камнями. Как же я могу шевельнуться?

— А разве ты мне только что не говорил, что его надо уничтожить, что хорошо, если бы кто-то погубил его? Почему же, по-твоему, кому-то можно, а тебе нельзя?

— Тому, кто тебе ближе, чем я, — можно. Тот, кому ты принадлежишь, обязан тебя спасти. У нас написано: "Если кто-то пришел убить тебя — опереди его". Но не каждому разрешено выносить смертный приговор другому человеку.

— Ты прав. Теперь я понимаю тебя. Все говорят, что у тебя сердце чистое, как золото, но ты очень наивен. Однако ты вовсе не так уж наивен. Ты рассуждаешь верно и с понятием. Ты прав. Но, — продолжала она, — сейчас я хочу все это хорошенько обдумать. Только не уезжай отсюда. Не оставляй меня. Не знаю почему, но у меня замирает сердце при мысли, что ты от нас уедешь. Обожди, пока наступит зима. Это ты можешь сделать ради меня?

Акавья помолчал, а затем сказал:

— Да. Эти праздники у нас самые главные. Но если нет другого выхода, человек может отпраздновать их в одиночестве. Бог простит мне, ведь не по своей воле и не ради своего блага я так поступаю, а ради тебя.

— Ты не уедешь?

— Нет. Господь меня простит.

Анахит протянула ему руку, посмотрела в лицо и сказала:

— Ко мне ни разу не прикасался ни один парень... Но... Если хочешь, можешь меня поцеловать...

Акавья поднял глаза на Анахит и по его телу прошла дрожь. Лицо его побледнело.

— Чтобы я... чтобы я сподобился... — бормотал он и в его голосе звучала мольба... — поцеловать такую царицу, как ты... Боже, Боже!

Анахит обернулась и приблизила к нему свою голову, Акавья дрожащими руками коснулся ее щек, принялся целовать волосы и лицо.

Анахит поднялась и сказала:

— Все, о чем мы говорили, должно оставаться между нами.

— Понятно, понятно, — ответил Акавья. — Никто не должен видеть нашей радости, чтобы не сглазить.

Они пошли, и сердца их бились сильно и трепетно.

10. СПАСЕНИЕ И СКОРЬБЬ

Утром, едва открыв глаза, Акавья почувствовал себя безмерно счастливым. Как царь, проснувшийся на следующий день после коронации; как бедняк, внезапно получивший огромное состояние; как узник, долгие годы проведенный в заключении с цепями на руках и ногах и проснувшийся в одно прекрасное утро свободным человеком. Никогда еще Акавья не молился так горячо, как в тот день.

Когда он вышел из дому, направляясь в свою лавку, в его воображении рисовалась картина великой сердечной любви, спускающейся с небесных высот, украшающей и обновляющей мир, как в ту пору, когда он только был создан Творцом. И походка его была чуть небрежной и величественной, как у изнеженного царевича, проходящего благоуханным садом и направляющегося во дворец к отцу. Он первым здоровался со всеми встречными, радостно приветствовал их и сиял улыбкой. Он чувствовал, что ему хочется сделать что-нибудь очень хорошее, ободрить и утешить людей, дать каждому напиться из того источника благодати, который он ощущал в себе.

Работа кипела у него в руках, и радость переполняла сердце.

— Клянусь, — сказал Акавья вслух, — что если бы существовал Иерусалимский Храм, то ты, Акавья, должен был бы принести жертву Творцу, жертву бла-

годарности. Как же так получается, что Отец Небесный дает тебе такое великое счастье Своей щедрой рукой, а ты не приносишь жертвы? Ты, Отец, даешь, а я беру и молчу... О, если бы существовал Храм!.. А если бы я сейчас был в Бурсе, меня бы вызвали в синагоге к Торе и я пожертвовал бы сто граш, двести граш, раздал бы подарки бедным.

Вспомнив мать и отца, Акавья умолк и загрустил. Никогда прежде он так не огорчился из-за своего неумения писать. Как правило, раз в два-три месяца он обращался к грамотному человеку с просьбой написать несколько строк отцу. Но кто бы сумел описать родителям ту великую радость, что наполняла сердце Акавьи? Мысленно он писал им целые свитки. Но продиктовать такие слова чужому человеку он не мог. Не было никого, кому он решился бы доверить свою великую тайну. И это омрачало его радость.

Где бы ни встречались Акавья и Анахит, взгляды, которые она дарила ему, говорили о симпатии и дружбе. Он ловил их и копил в своем сердце, подобно скупцу, тайно собирающему золотые динары и каждый день пересчитывающему свои сокровища. Он благодарил Бога, возносил горячие молитвы, изливал свои чувства в славословиях и благодарениях. На родном ладино говорил он так:

... Ты, Отец Небесный, взял меня из отчего дома и был всегда со мной. Четыре года Ты направлял мои стопы и привел меня сюда, к ногам Анахит... Она была на Востоке, а я на Западе — и Ты нас сблизил! Я — еврей, она — армянка, а Ты между нами!

... Да будет благословенно Имя Твое за то, что Ты позволил мне понять волю Твою и исполнил мои желания. Я буду рассказывать людям обо всем, что Ты сделал для меня. О том, что Ты воздаешь каждому по его делам. За любовь платишь любовью, за верность — верностью. Кто еще так верен, как Ты!

... Если бы у меня не было Тебя, — что бы я значил? Невежда-жестящик, бредущий по дорогам. А сейчас высшее счастье — мой удел. То, что я получил, превы-

шает труды и заслуги мои. Да будет благословенна рука Твоя, обильная и щедрая!

...Одно я знаю, очень хорошо знаю — не по моим заслугам сделал ты это. Видимо, зачислил заслуги рабы Твоей, любимой моей матери, и отца моего, верного еврея, любящего Твою Тору. Теперь я знаю, что Ты сотрешь все препоны на моем пути.

... Ты — Отец мой, всегда к Тебе взывал я — и ты внимал. Прикажи — и я исполню. Позови меня — и я явлюсь...

Все дни слились для него в сплошной праздник. Человек отстраняется от будничных забот, тревог, размышлений и всецело предается веселью.

И еще одна радость ждала Акавью и его дружков в те дни: шли приготовления к свадьбе Неват — сестры Вартана. И она, и ее брат, и ее жених Никола, заведовавший местной почтой, пользовались в селе любовью и уважением.

Начали сажать, как было принято в этих краях, аллею из молодых деревьев — их выкопали в лесу и посадили двумя рядами вдоль дороги, ведущей из дома невесты к дому жениха. Все три дня свадьбы улица была украшена коврами, шелковыми занавесями, цветами и картинами.

Свадьбу сыграли в середине осеннего месяца Элула, в пору полнолуния.

На четвертый день жениха и невесту пригласил, по обычаю тех мест, богатый родич, имевший поместье в долине, и веселье продолжалось там. Когда молодые вернулись в село, гостей пригласили на праздничную вечернюю трапезу. И еще день, и еще ночь пировали люди, вкушая обильные яства и ароматные напитки, наслаждаясь веселыми песнями и плясками.

Вечером, в фиговой роще, возле дома, развели костер, который горел всю ночь и бросал красные блики на лица гостей.

Парни и девушки плясали при свете луны. Музыканты играли на флейтах и скрипках, на барабанах и цимбалах, а десятки людей танцевали и веселились.

И вдруг в полночь прискакал на лошади родственник Воскана, человек весьма почтенный. Торопливо спешившись, он начал о чем-то шептаться с главой семьи. Потом подозвал Анахит, усадил ее на лошадь позади себя и скрылся в ночи.

Тотчас явился Вартан и сказал:

— Каждый остается на своем месте. Все должно продолжаться по-прежнему — поющий пусть поет, танцующий — танцует, будто ничего не произошло. Он, этот злодей Хага, приближается к селу и с ним его люди. Они, конечно, явятся сюда, так пусть они увидят, что мы ничего не знаем. Анахит мы не видели и про их приезд не слышали.

Начался переполох. В сердца проникли страх и смятение, тревога и стыд.

Акавя пришел в ярость, когда узнал, в чем дело. Кровь закипела у него в жилах, кулаки сами собой сжались. Но выслушав объяснения Вартана и поняв всю серьезность опасности, нависшей над Анахит, он заставил себя быть спокойным и рассудительным. Приблизившись к Вартану, он сказал:

— Не бойся, Вартан! Надейся на Бога в небесах. Хага к ней не прикоснется. Дни его сочтены. Он вскоре погибнет. Не здесь. Далеко отсюда. Положись на Бога и на меня.

— Хорошо, Акав! Я нем, как рыба.

Акавя сказал:

— Я спрячусь. Они не должны меня видеть здесь, если придут.

Он незаметно удалился и скрылся за толстыми стволами финиковых пальм, что росли возле площади. Выбрав укромное местечко, Акавя сел так, чтобы наблюдать за всем, что происходит на площади, оставаясь невидимым.

Полчаса спустя показались четыре всадника и с ними толстый вельможа в дорогом плаще и высокой шапке. Это и был Хага. Колючие усы торчали кверху, злобный взгляд выражал высокомерие. Весь его вид был крайне неприятным и отталкивающим.

Всадники подъехали к танцующим и принялись ошупывать взглядами девушек и молодых женщин. Некоторые продолжали танцевать, другие выжидающе смотрели на всадников, желая узнать, что им угодно.

Вартан приблизился к туркам и сказал:

— Добрый вечер, дорогие гости. Прошу вас, привяжите ваших коней и примите участие в нашем веселье.

— Благодарим... Мы недолго задержимся здесь.

— И все же... Окажите нам честь... Выпейте чашечку кофе...

Всадники не удостоили Вартана ответом. Сдвинув коней, они принялись о чем-то шептаться. Потом один подъехал к Вартану и сказал, что Хага хочет с ним говорить. Вартан предстал перед нечестивцем.

— Где родители жениха и невесты? Пусть выйдут сюда.

Тотчас позвали отца Вартана и отца Никола. Хага сказал:

— Мы не собираемся мешать вашему веселью, но скажите: где Тома Харидеан?

— Тома Харидеан? Его здесь нет...

— Дайте нам провожатого, пусть покажет путь к его дому.

— Разумеется. Его не трудно найти.

Послали с турками двух парней.

Тома сам открыл дверь и почтительно пригласил всех войти. Турки спешили и вошли в дом. А войдя, принялись рыскать и обыскивать дом, словно явились к преступнику.

Не найдя никого ни вверху, ни внизу, снова призвали Тому.

— Слушай, баши бузук! Мы знаем, что девица Анахит у тебя... Ты ее прячешь. Отдай нам ее по-хорошему, иначе пожалеешь. Даем тебе три дня срока. Если не скажешь, где она, мы будем знать, что делать.

— Эта девушка и вправду гостила у меня. Но месяц назад приехали родные и забрали ее. Они скрыли от меня место, куда ее увезли. Если веришь — хорошо, если не веришь — поступай, как тебе угодно.

— Ты свое сказал. И я свое сказал. Три дня буду ждать.

Турки снова уселись на лошадей и выехали из села. На одном из ближайших холмов они поставили два шатра, большой, квадратный — для Хаги и его друзей, и маленький — для слуги и разной утвари.

На следующее утро несколько парней потихоньку обошли все дома (включая и те, что принадлежали здешним туркам), и предупредили всех мужчин, женщин и детей, что когда их станут спрашивать про Анахит, они должны отвечать, что месяц назад она уехала отсюда.

Акавья не вернулся в село. С той минуты, как турки появились на свадьбе, он понял, что должен что-то предпринять. Он еще не знал, как будут разворачиваться события, но на всякий случай решил не показываться туркам на глаза. Пусть даже не подозревают о его существовании. Он поселился в шалаше при винограднике (здесь хозяин сушил фрукты). Каждый день кто-нибудь приходил к нему и сообщал, что происходит в селе и как ведут себя турки. С того часа, как Вартан сообщил ему о трехдневном сроке, Акавья не мог думать ни о чем другом, кроме спасения Анахит.

Утром зашел к нему Вартан, и Акавья долго расспрашивал его обо всем, что его тревожило. Как этим негодьям удалось узнать, что Анахит прячется у Томи Харидеана?

Вартан сказал, что ему известно имя доносчика. Это Андрус, негодяй, которого ненавидит все село за его мерзкий характер и подлые делишки, донес Хаге про Анахит (Акавья знал этого Андруса).

— Неужели? Чтобы армянин так поступил?

— К нашему стыду, этот мерзавец за деньги готов продать родную мать.

— А где сейчас этот Андрус?

— Он думает, что мы ничего не знаем и спокойно разгуливает в селе П., — словно ничего не случилось. Сегодня утром мне сообщили об этом. Трое наших парней пошли туда, выследили его, схватили, связали и

спрятали в укромном местечке. Его мать и сестру мы удалили из села.

Когда Вартан ушел, Акавья снова начал думать. В полдень он послал за Вартаном мальчика. Сейчас, после бессонной ночи и поста (он не вкусил сегодня ни крошки хлеба и не выпил ни капли воды), Акавья наконец успокоился и решил во всем уповать на Творца.

Вартан тотчас явился на зов Акавьи, но тот не открыл ему своего замысла, а лишь попросил предупредить всех жителей села, взрослых и детей, чтоб не проговорились, что он, Акавья, живет здесь уже несколько месяцев. Пусть говорят о нем, как о странствующем ремесленнике.

— Что ты задумал, Акав? Неужели даже мне не откроешь своего плана?

— Прости, брат Вартан. Ты знаешь, как я люблю тебя. Не было у меня друга более верного и преданного. Но если тайна известна двоим, это уже не тайна. Я не открою ее даже птицам небесным. Иначе весь мой замысел провалится. Господь, благословен Он, надумил меня, как вывести турок из вашего села. Завтра я явлюсь к Хаге, будто только сейчас прибыл сюда. Кое-что скажу ему, и уверен, что, с Божьей помощью, мне удастся выманить их отсюда. И когда они уберутся прочь из села, Всевышний будет со мной. Но прежде, чем предстать перед Хагой, я должен повидать Анахит. Всего на несколько минут.

Вартан задумался. Затем сказал:

— Хорошо. В полночь я зайду за тобой и мы пойдем туда.

Когда Вартан ушел, Акавья обратился к Богу с молитвой и молился весь день. Он просил Всевышнего об одном — чтобы Господь помог его устам и языку. Акавья был уверен, что Бог наделил его достаточной силой и умением, чтобы действовать. Мышцы у него крепкие, они не подведут. Но что касается речи, тут он нуждается в Божьей помощи. Говорить Акавья не мастер, никогда он не отличался красноречьем, а те-

перь, когда придется врать и притворяться, изворачиваться, лстить, убеждать и обманывать, может и вовсе растеряться. Ведь впервые в жизни он должен говорить не то, что думает, — на сердце одно, на языке другое. Справится ли он? Он надеется, что да. Ведь все это — по Божественному велению. То, что ему сейчас предстоит — это прямое продолжение всего случившегося с ним по воле Господа. Тут — начало вызволения Анахит, а "там" — конец этих нечестивцев.

Главное — выманить их за собой "туда"... к горам Ардус-даг... Там однажды Господь Бог уже позволил ему отомстить негодьям... Тем трем грабителям... Там — "Бог мщения Господь"¹. Там однажды уже свершилось чудо. Эти скалы создал Господь, чтобы сжигать тернии и губить негодяев. И живут там только турки. Анахит хотела, чтобы именно в таком месте Хага нашел свой конец. Теперь Господь, благословен Он, заповедал ему снова подняться и действовать. Пора действовать. Господь, благословен Он, несомненно поможет ему и вложит в его уста нужные слова. Да будет воля Его. Он надо всеми. Он прокладывает пути. Он начинает, он и завершает. В сердце Акавьи уверенность и покой. Две великие силы поддерживают его — любовь к Творцу и любовь к Анахит.

В руках у него четки из пятидесяти кораллов. Тысячу раз перебирали в тот день его пальцы каждую бусинку. И бесконечному числу кругов соответствовал круговорот его мыслей. Так, неподвижно, просидел он до полуночи.

Наконец, крадучись, вошел Вартан и повел Акавью за собой. Долго шагали они в ночи, пока не достигли небольшого крестьянского поля в узком ущелье к югу от села. На краю поля стоял деревянной сарай, у стены громоздились поленицы. В углу двора, окруженного деревьями, лежала в кровати Анахит. Акавья увидел ее, и сердце его затрепетало. Он не мог скрыть

¹94-й Псалом начинается стихом "Бог мщения Господь, Бог мщения, яви Себя!"

слез. Стал перед нею на колени, опустил голову, взял ее руку в свои и проговорил:

— С тобой не случится зла. Все будет хорошо. Спасение близко, с Божьей помощью.

Вартан отошел в сторону. Они остались вдвоем. Акавья поднялся и сказал:

— Уповай на Господа. Скоро негодяю придет конец. Бог отца моего со мной. Он поможет и спасет.

Анахит спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Сердце мое не в праве открыться моим устам. Но верь в Творца и знай, что дни этого подлеца сочтены и имя его сотрется из памяти людей. Будет так, как ты сказала — это случится в таком месте, где живут только турки. Далеко отсюда. С Божьей помощью.

— Ты так уверен?

— Совершенно уверен. По воле Господа, благословен Он.

— Да пребудет с тобой Господь. Я верю в Него и в тебя. Ты хочешь еще что-то сказать мне?

— Нет, сестрица. Я пришел только повидать тебя. Может быть, мне больше никогда не придется видеть тебя. Все в Божьей воле. Жизнь и смерть человека — в Его руках.

— Зачем ты так говоришь, Акав? Прежде ты сказал, что уверен...

— Верно, я уверен, что Хага погибнет. Но я — кто знает, что будет со мной? Ведь я иду сражаться...

Анахит сжала руку Акавье и прошептала:

— Знай, Акавья, — если Господь будет с нами и все кончится благополучно — я пойду за тобой, куда бы ты ни пошел, и буду твоей, где бы ты ни был.

Сердце Акавьи распахнулось, и в нем забили ключи радости. Он обнял Анахит и поцеловал ее, и она тоже поцеловала его. Он поспешил уйти.

Назавтра утром Акавья появился в селе — запыленный с головы до ног, будто после долгого пути. На нем был *шерваль* — крестьянская одежда, которую носят

на западе Анатолии, а на голове *така*. На плече он нес ящик с инструментами, в руке держал посох. Молча Акавья прошел по улице, издали наблюдая за турками. Увидев, что Хага и его дружки вошли в большой шатер, он неторопливо зашагал в их сторону, Приблизившись, он поклонился и заговорил заискивающе:

— *Сабахаларниз хаир олсун*¹. Может быть, господам нужны кувшины для кофе, посуда для елеса, красивый футляр для кальяна? Все делаю хорошо и дешево.

— Ничего не нужно, — ответил один из дружков Хаги.

— *Зерар юк*². *Салам алейкум*. Не хочу никого затруднять. А может быть, можно вам услужить? Я хорошо знаю это село. Был здесь три месяца назад. Может, принести водицы из нижнего источника? Может, подмести в шатрах?

— Кто это такой? — спросил Хага.

— *Тенекеджи*³. Бедный парень. Странствующий ремесленник.

— Он говорит, что знает эту местность?

— Так он сказал.

— Пусть войдет.

Акавья предстал перед Хагой и поклонился, сопровождая поклон движением руки от колен до груди и от груди до головы.

— Откуда ты?

— Издалека, *беим*⁴, из села Султания, что около города Конья.

— Как тебя зовут?

— Мустафа, мой господин.

— Ты не армянин?

— *Муслим, хамдулла*⁵.

— А что привело тебя сюда?

¹ Доброе утро (турецк.).

² *Зерар юк* (турецк.) — не беда.

³ *Тенекеджи* (турецк.) — жестянщик.

⁴ *Беим* (турецк.) — мой господин.

⁵ *Муслыманин, слава Аллаху* (турецк.).

- Нужда. Ради хлеба пришел, мой господин. Ищу благословения Аллаха.
- А где твои родители?
- Нет у меня. Я с детства сирота. Родня вся бедная. Жива бабка, мать моей матери. Всю жизнь я скитаюсь.
- Когда ты был в этой деревне?
- Месяца три назад.
- Сколько ты здесь пробыл?
- Помнится, три или четыре недели.
- Знаешь местных жителей?
- Знаю. Тех, кого видел на улицах. В домах мало бывал. Армяне здесь. Все армяне.
- Но местных девушек ты несомненно знаешь всех. Не так ли?
- Девушек? Убереги меня Аллах. У меня нет с ними дел. Издали я на них смотрю. Какие могут быть у меня дела с девушками?
- Которая тут самая красивая?
- Прошу прощения, мой господин. Клянусь вам, я в этом ничего не понимаю. С девушками у меня нет никаких дел, тем более с армянскими. Кто я такой, чтобы знать их? Все работы, какие бей захочет, я знаю. Все я делаю. А еще я умею варить. Бабушка учила меня варить. Я был помощником *ахчи*¹ в Конье. А еще я умею толковать сны. Хорошо отгадываю. Расскажи, господин, мне свой сон и я, с помощью Аллаха, его растолкую. Чистая правда.
- Слава Аллаху, ты все знаешь. А чего ты хочешь, Мустафа?
- Ничего, мой господин. Прикажи работать, буду делать все, что тебе угодно. Все, что пожелаешь. Захочешь — буду варить, захочешь — стирать. Все делаю.
- Дай ему хлеба, маслин и немного меда, — приказал Хага своему слуге Несифу. И продолжал расспрашивать:
- А где ты ночуешь?
- Где придется. У источника. Возле роши. В хане.

¹ *Ахчи* (турецк.) — хозяин харчевни.

— Ночуй возле нас. Напой лошадей. Принеси воды, помоги Несифу.

— Спасибо, мой господин, благодарю тебя.

Под вечер Хага с друзьями отправился на прогулку. На некотором расстоянии за ними следовали Несиф и Акавья.

Акавье стоило немалых усилий разыгрывать роль пришедшего человека, ни с чем не знакомого и никого не знающего. И местные жители старались скрывать свое удивление при виде Акава, расхаживающего с турками. Вартан всех предупредил, чтобы к Акавье не подходили и не здоровались с ним.

Компания поднялась на гору. Здесь в роще возле озера находилось кафе, окруженное цветочными клумбами. Хага с приятелями уселся за высоким столом, курил кальян и пил арак, а Несиф и Мустафа сидели в углу на низеньких скамеечках и прихлебывали кофе. Мустафа рассказывал Несифу разные истории, которые тот слушал с явным удовольствием.

Словно между прочим он сказал:

— Три месяца назад я был в этом селе. У армян тогда был праздник. Хороший праздник. Было много девушек. Самые красивые девушки здесь — Сатиник, Гохарик, Анахит и Неват. Так, я слышал, их звали.

— Анахит? Ты сказал Анахит?

— Да. Так, мне кажется, они говорили.

— Это она и есть. Какая она из себя?

— Ну... Волосы светлые. Красивая девушка. Полная, в теле. Но потом я видел ее в Ядишир, что возле Коньи.

— Что ты говоришь, Мустафа?

— Да. Несколько недель назад я видел ее там. Не знаю, что она там делала. Но я узнал ее, клянусь тебе.

Несиф вскочил и подошел к Хаге.

— Слава Аллаху, Мустафа знает Анахит. Он видел ее.

— Что? Когда он ее видел? Откуда он ее знает?

Тотчас позвали Акавью. Хага долго его допрашивал, выпытывая подробности. Тот продолжал разыгрывать простодушного недалекого парня, называя приметы,

не оставлявшие сомнения, что речь идет об Анахит. Да, он видел ее... Анахит... на юге... Вблизи Коньи... И с ней два армянских парня. Но когда он заговорил с нею и сказал: "Я помню тебя, ты из Гюзилика, я видел тебя на празднике", — она почему-то отрицала и сказала: "Нет, ты ошибся. Я не была в Гюзилике".

— Но я-то знаю, что видел ее здесь.

— *Аферин, Аферин!*¹ — воскликнул радостно Хага. Он был в отменном настроении. — Это она... Правда, что ее увезли отсюда... Но нас хранит Аллах, и он подо-слал к нам этого Мустафу. Мустафа, Мустафа! Вот тебе *меджидие* за добрые вести.

— Какие вести? Не знаю, что я такого сказал... Премного благодарен, премного благодарен.

Хага начал расспрашивать Акавью о дороге в Ядишир, и тот подробно описал ее, указав, что она проходит через горы Ардус-даг и что до Ядишира можно добраться дней за десять. И турки тут же порешили: завтра рано утром отправиться в путь. Идти, нигде не задерживаясь.

Утром люди увидели: нет на холме шатров, и даже следа не осталось от незванных гостей. Пусть эти проклятые также бесследно исчезнут с лица земли!

Когда Акавья по приказу Хаги пошел нанимать коня, он успел сообщить Вартану обо всем, что он с Божьей помощью сделал.

В пути Хага заботился о том, чтобы Мустафа сытно ел и пил, сколько его душе угодно, но тот, жалуясь на боли в желудке, отказывался от мяса и сам готовил себе легкую пищу. Хага велел, чтобы Мустафа ехал рядом с ним, выказывал ему различные знаки внимания, был любезен и обещал большую награду, когда они поймут Анахит.

— Дай Бог, дай Бог! — отзывался Акавья, подымая глаза к небу.

Пять дней Акавья уводил турок все дальше и дальше в горы, а на шестой случилось такое, что у него по-

¹ *Аферин* (турецк.) — возглас одобрения.

темнело в глазах — словно солнце померкло в небесах. Пришлось ему притвориться больным, дабы немного задержаться и попытаться найти выход из того положения, в которое он попал. Что же произошло?

Достигнув города Кыршехира, остановились они в лучшем заезжем дворе, и тут Хага повстречал своего земляка и приятеля (родился он в городе Бафра, что на севере страны).

Не замедлив отпраздновать встречу, турки уселись за трапезу, и за разговором выяснилось, каким путем собирается следовать Хага в Ядишир. Приятель Хаги удивился и решительно высказался против такого маршрута — дорога эта очень трудная, утомительная и опасная. Есть другой путь, правда более длинный и тоже нелегкий, но менее опасный. Это путь, которым следуют все. Что это ему вздумалось карабкаться по горным тропкам? Хага, однако, настаивал на своем, заявив, что всецело полагается на Мустафу.

Позвали Акавью и спросили, что он думает о другой дороге.

— Я знаю этот путь, о котором говорит эффенди, но ведь он гораздо длинней.

Снова начали спорить и порешили на том, что приятель Хаги пойдет вместе с ними. Он готов быть их проводником, лишь бы они не подвергали себя опасностям и испытаниям.

Акавья вынужден был замолчать, отдав себя всецело в Божьи руки. Его трясло как в лихорадке, мысли путались, но он и виду не подавал, что чем-то взволнован и продолжал играть роль беспечного глуповатого парня.

Весь тот день Акавья чувствовал себя бедолагой, попавшим в гнездо скорпионов. Он боялся, что рухнет все воздвигнутое им здание. Ведь если Хага благополучно прибудет в Ядишир и спросит про Анахит — выяснится, что никто никогда ее здесь не видел. Зато Акавью жители Ядишира знают прекрасно, так что весь его обман сразу раскроется, и не избежать ему тогда смерти.

— Отец небесный, почему ты меня оставил? Почему ты привел сюда этого злосчастного эффенди, который спутал все мои карты?

Обессиленный и подавленный, Акавья улегся в постель и обратился к Богу с горячей молитвой. Его уста сомкнуты и безмолвны, но сердце открыто и бодрствует. Милосердный Господь пошлет ему помощь с небес и укажет путь к спасению. "Из теснины зывал к Тебе я, Господи...¹". Нет времени долго думать, завтра утром они отправятся в путь...

Вечером его внезапно осенила мысль, подобно звезде засиявшая во мраке. Акавья вскочил и зашагал в сторону главной улицы. Войдя в лавку благовоный, он принялся жаловаться на страшную бессоницу, лишившую его сна и здоровья. Уже несколько суток он не в состоянии сомкнуть глаз. Принимал лекарства, но ничего не помогает. Нет ли такого снадобья, проверенного, испытанного и безвкусного, которое, не причиняя вреда телу, позволило бы ему уснуть? Он готов уплатить за него серебряную монету, даже две и три, сколько потребуется. Акавья говорил долго и сбивчиво и показался хозяину полным невеждой и тупицей.

— Я тебе дам такое снадобье, — сказал владелец лавки, — которое совершенно безвкусно. Оно не сладко, не горько и не кисло. Положишь маленькую ложечку в кофе или другой напиток и спустя час будешь спать мертвым сном. Уподобисься бесчувственному камню, лежащему на поле. И возьму я с тебя лишь одну серебряную монету.

Акавья ответил:

— Послушай, дорогой, если я действительно засну и буду спать, завтра принесу тебе еще одну монету.

И он ушел, спрятав лекарство за пазухой. Вечером он испробовал его, всыпав четверть ложечки в чашку Несифа. Спустя час тот уснул мертвым сном и не отвечал Акавье, даже когда тот толкал и тряс его.

¹Псалмы 118:5.

Акавья хорошо знал дорогу, по которой им предстояло ехать. Он вспомнил, что на полпути до Ядиши-ра на вершине холма стоит одинокий заезжий двор. Весь следующий день Акавья молил Всевышнего об удаче и думал о снадобье, которым он на ночь напоит Хагу и его дружков.

И когда под вечер, еще до наступления сумерек, они достигли заезжего двора, план Акавьи окончательно созрел. Хозяин отвел Хаге и его спутникам две комнаты на втором этаже. Плоская крыша первого этажа служила им широким балконом.

Все вечерние часы Акавья развлекал турок веселыми историями и байками. Он прикидывался беспечным дурачком, язык его трещал без умолку, ноги пританцовывали и выделывали кренделя, а на душе было горько и тревожно.

На ужин Несиф и Акавья, как обычно, подали жареное мясо, острую похлебку, разные закуски и крепкий арак. После ужина сварили кофе, и Акавья ловко подмешал в него снадобье, а в чашку Хаги он насыпал полную ложку порошка.

Вскоре все улеглись, Хага и его дружки — в большой комнате, Несиф и Акавья — в маленькой.

Турки тотчас уснули, Акавья же обратился к Творцу вселенной с горячей молитвой.

В полночь он тихонько поднялся, прочел 121-й псалом ("... Возвожу очи мои к горам, откуда придет мне помощь. Помощь моя от Господа, создавшего небо и землю...") и тихонько вошел в большую комнату. Он поднял Хагу, как бездыханную тушу, дотащил до края крыши, стукнул посильней и толкнул вниз со второго этажа с таким расчетом, чтобы тело скатилось со скал к подножию холма. Затем он быстро вернулся в свою комнату и юркнул в постель.

Грохот разбудил постояльцев двора, и они повскакали со своих постелей поглядеть, что случилось. Велик был переполох, кто-то закричал в испуге. Стали будить дружков Хаги, Акавью и Несифа. Когда у подножия холма обнаружили изуродованный труп вель-

можи — раздались вопли и стенания. Акавья причитал громче всех, а про себя повторял: "Так да погибнут все враги Твои, Господи!"¹. Начали выяснять, как могло случиться несчастье. Сошлись на том, что Хага, видно, сильно подвыпил, захотел ночью выйти по нужде, да в темноте, не разобравшись что к чему, свалился с крыши и рухнул вниз.

Утром, после объяснения с местными властями, дружки Хаги решили отвезти труп в город Кайсеры, где имелись врачи, которые могли забальзамировать тело. Потом гроб повезли в родной город Хаги — Бафру. Акавье турки сказали:

— И ты поезжай с нами, получишь вознаграждение, ведь он любил тебя и обещал тебе большую награду.

Акавья не посмел отказаться — он продолжал играть свою роль и рассказывать всем, как ему был дорог Хага.

Две недели прошло, прежде чем они достигли Бафры, расположенной на берегу Черного моря. Главное, что огорчало Акавью, это что вся эта история совпала с еврейскими осенними праздниками. Но в Судный день он постился, у него во рту не было ни росинки, и он молил прощения у Господа за то, что пришлось осквернить святость праздничных дней. Но ведь все, что делал Акавья, он делал только ради спасения человеческой жизни, как того требует святая Тора.

После похорон Акавью позвали к жене покойника, и она одарила его пятью золотыми лирами. Акавья покинул Бафру и верхом на лошади направился обратно в Гюзилик. Дорога заняла целых десять дней.

Торопливы и сбивчивы были мысли и переживания Акавьи. Подобно ласточкам, летящим туда и сюда, порхали они взад и вперед, то камнем падая вниз, то стремительно взмывая вверх. Как его встретят в Гюзилике? Долго ли будут радоваться и веселиться? Много ли будет вопросов, восклицаний, недоумений,

¹ Книга Судей 5:31.

восторгов, хвалебных речей? Как бы то ни было, он сразу скажет им: не воздавайте хвалу Акаву! Воздавайте хвалу Господу! Если бы не Его милость, да будет Он прославлен, пропал бы Акав, сжили бы его со свету, а вместе с ним немало армян. Как он изворачивался, как боролся со всякими злыми напастями и остался цел и невредим! Кто надоумил его притворяться и лгать, хитростью и лестью втереться в доверие к негодяю? Кто дал ему для каждой невзгоды — противоядие, для каждого бедствия — якорь спасения? Благословен, пославший ему в помощь ангела своего, вызволявшего Акавью из всех бед. Кто бы мог поверить, что его язык и его уста не подведут, что его ум и сердце окажутся способными на такое великое и непостижимое дело!

Акавя предвкушал тот чудесный и волнующий миг, когда он предстанет перед Анахит! Неужели она удержится от того, чтобы обнять его при всех? А как все будут удивлены и поражены! Сподобится ли он всего этого? Такая царица — с ним, простым жестянщиком... Но люди должны признать: он ее достоин. Он отомстил за всех. Велик подвиг и велика награда. Это — геройство, и воздаяние по заслугам.

Как все это произойдет? Он явится туда и возьмет ее с собой? А ее отец и мать? Кто знает, что они собой представляют... Одобрят ли они их союз? Но они должны отдать ему Анахит — все скажут, что должны. Но что будет с его отцом и матерью? Что они подумают, когда он придет и привезет с собой невесту — армянскую девушку? Они решат, что он рехнулся. Придется долго с ними беседовать, многое объяснять, рассказывать им все, что он передумал и пережил за последние годы. Сердца их смячатся, он уверен. Но если родители и согласятся — что скажут люди? Что скажут жители Бурсы? Разве он может объяснить каждому, что с ним произошло? А может, он зря волнуется, и все пройдет гладко... Люди увидят: она приняла иудаизм — значит, она еврейка, она — как все наши девушки. А когда они узнают Анахит получше, они, конечно, скажут: это

ангел небесный — благо тебе, Акавья, тебе очень повезло.

И как солнце и звезды ходят по небу кругами днем и ночью, не останавливаясь ни на минуту, так и мысли Акавьи день и ночь безостановочно кружились в голове.

На десятый день в полдень он достиг цели своего путешествия и въехал в село. Как он и предполагал, улица тотчас, в считанные минуты, наполнилась людьми. Армяне высыпали из домов, дворов, переулков, мужчины и женщины, старики и дети, все спешили увидеть Акавью, все жали ему руки, хлопали по плечу, все уже знали о гибели Хаги, ведь гроб с телом, с "этой падалью", везли по одной из дорог, проходивших недалеко от Гюзилика.

Прибежал Вартан, бросился Акавье на шею и сказал:

— Пойдем домой, Акавья.

Акавья смотрел и удивлялся, почему среди ликующей толпы нет Анахит. И ни одна из ее подруг не вышла ему навстречу. Не в силах дольше молчать, Акавья спросил:

— А где Анахит?

— Дома поговорим, дома, Акав.

От этих слов будто ножом кто-то провел по сердцу Акавьи. Он почувствовал страшную пустоту в груди. Что случилось с Анахит? Неужели она, упаси Господи, больна? Или стряслась какая-то беда?

Когда они вошли в дом, Вартан ввел его в свою комнату и запер за собой дверь.

— Что случилось, Вартан? Душа моя трепещет, скажи мне, что с ней?

— *Силамит* — шалом тебе, Акав. Сейчас обо всем расскажу.

И он начал говорить.

— Анахит оставила тебе письмо. Она писала по-армянски, но я переведу его тебе слово в слово.

— Письмо? Но где она сама? Где Анахит?

— Мы знали, братец, что горька, как маслина, будет эта минута для тебя и для нас. Но когда ты все услышишь и хорошенько обдумаешь, может быть, ты поймешь, что такова воля Божья.

— Говори, — сказал Акавья — и не узнал своего голоса.

— Спустя десять или двенадцать дней после того, как вы уехали отсюда, в Гюзилик прибыл отец Анахит. Он ничего не знал. Мы все ему рассказали. Но прибыл он не один, а с родичем, юношей, который давно живет в Париже. Отец этого парня очень богат, он торгует драгоценными камнями. Отец Анахит Гарабит Сурохи́г несколько раз писал им, просил, чтобы кто-нибудь приехал и увез Анахит в Париж. И вот в конце концов прибыл этот парень, Радин Сурохи́г, и увидев Анахит, тотчас решил на ней жениться и забрать ее в Париж.

Много часов сидели отец, Анахит и я, вместе со старейшинами села, обдумывая и взвешивая, потому что хотели, чтобы все было справедливо. Анахит рассказала нам, что у нее на сердце. Но в конце концов мы поняли, что другого выхода нет — она должна уехать с ним в Париж. И вот почему: во-первых, мы не знали, что будет с ним, с этим Хагой. Вдруг он, разъяренный, вернется сюда, чтобы растерзать Анахит и нас всех. И как не воспользоваться такой исключительной возможностью спасти Анахит? Во-вторых, мы не могли быть уверены, что даже в том случае, если твой замысел удастся, его люди не решат отомстить, когда увидят, что Анахит пошла за тобой. Если бы турки догадались, что ты был причиной его гибели, они, конечно, вернулись бы и Анахит снова была бы в опасности. Не говоря о том, что пролилась бы кровь многих невинных людей. Но мы не хотели остаться неблагодарными, мы решили, что вот эти пятьдесят золотых лир для тебя. Вот они.

Акавья молча отодвинул руку Вартана, и тот, смутившись, продолжал:

— Анахит долго плакала. Она согласилась выйти за него против своей воли. И она оставила тебе это письмо. Я прочту его.

”Любимый Акав, чье сердце так чисто, не проклинай меня. Не думай обо мне плохо. Верно, я изменила тебе, но я не властна над собой. Отец и мать заставили меня поступить так. Я не знаю, где ты сегодня и что будет с тобой завтра. Но сердце говорит мне, что ты не сделаешь ничего плохого — ведь сердце у тебя чистое и верное. А я останусь изменницей, отплатившей злом за добро.

Я не стыжусь признаться, что люблю тебя. Я люблю тебя за твое доброе сердце. Не богатство и не покой влекут меня. Ты для меня лучше всех. Я никогда тебя не забуду. Всегда буду тебя любить, как любят тех, кто погиб и кого уже нет.

А ты прости меня, прости, ибо я не виновата. У меня лишь одно утешение — что ты простишь меня. Я ведь знаю, что ты мне веришь и не будешь думать обо мне плохо.

Анахит, которая никогда тебя не забудет”.

Вартан умолк. Акавья уронил голову на руки. Спина его согнулась, как у человека, взвалившего на себя непосильную ношу. Вартан заговорил снова, но Акавья не поднял глаз и не шевельнулся. Посмотрел на него Вартан и понял, что тот его не слышит. Вот он сидит рядом, но как будто далеко отсюда. Лицо Акавьи вдруг побagровело. Так сидел он молча и недвижимо. Вартан поднялся и вышел, притворив за собой дверь. Вернувшись он увидел, что Акавья по-прежнему продолжает сидеть, не меняя позы. Во всем доме воцарилась тишина, никто не смел поднять голос.

Наконец Акавья поднял голову и посмотрел на Вартана.

— Анахит — душа моя — добра и невинна. — Он вздохнул.

Все вы — не злые и не добрые.

Ее отец и ее мать — бедные, растерянные.

Но этот жених — плохой человек. Он безобразен.

А Бог в небесах — я не знаю, что он думает. Не знаю. Не знаю.

Сейчас я ухожу отсюда.

Он поднялся. Вартан пытался удержать его.

— Пожалуйста, повремени. Останься с нами хоть сегодня. Только сегодня, завтра уйдешь, куда захочешь. Пожалуйста, не обижай нас, Акав. Заклинаю тебя отцом твоим, матерью твоей, Богом.

Акавья ничего не ответил.

В тот же день он собрал свои пожитки, взвалил их на осла и к вечеру покинул Гюзилик. Несколько парней молча сопровождали его.

Все жители села высыпали, когда Акавья уходил. И в глазах у многих стояли слезы.

11. ТАЙНА

Когда после праздника Суккот Акавья появился в отцовском доме в Бурсе, родители не на шутку встревожились. Перемена, происшедшая в нем, показалась им столь разительной, что они совершенно растерялись. Никогда он не был таким странным и чужим. Если бы нарушилось существующее извечно чередование времен года, распался ход вещей, если бы реки потекли вдруг вспять, а солнце стало всходить на западе, и тогда удивление их было бы не столь велико.

Все старания заставить Акавью разговориться, рассказать о том, как он съездил, что с ним произошло и почему он так задержался, ни к чему не привели. Он был подавлен и не отвечал ни на какие вопросы. Казалось, уши его не слышат, уста онемели, а сердце окаменело. "Ничего не случилось. Не спрашивайте", — отвечал он прямо.

— Как же так, любимый мой сын, — говорила мать, — мне, которая тебя родила и которая тебя так любит, ты не разрешаешь спрашивать? Разве я чужая тебе?

— Не сердись, мама, и не вини меня. Я не хочу говорить. Не могу и не хочу.

Родители решили не докучать ему расспросами. Пройдет несколько дней, Акавья отдохнет, оттаает от домашнего тепла и ласки и сам заговорит. В конце концов, каждому хочется поделиться с близкими тем, что его тревожит.

Но проходили недели и месяцы, а Акавья по-прежнему молчал. И если бы просто молчал, это бы еще было полбеды, родители смирились с тем, что их сын не такой, как все. Но дело обстояло хуже. Он был явно не в своем уме, в него вселился злой дух. Может, кто-нибудь сглазил парня? А может, с ним случилось что-то такое, что потрясло и перевернуло всю его душу?

Он вел себя очень странно. Родные и друзья приходили повидать его после долгого отсутствия, но он подымался и уходил из дому и возвращался лишь тогда, когда все гости расходились. В субботние вечера, после торжественной трапезы, соседи заглядывали к ним в дом, но и тут он, не говоря ни слова, вставал и безо всяких объяснений куда-то удалялся. Нормальные люди так не поступают.

Раньше, возвращаясь домой после своих странствий, он старался как можно больше времени проводить с родителями. Сходит в синагогу, прочтет вечернюю молитву "Маарив" и возвращается домой. Теперь же его почти не видели дома, он неизвестно где проводил время и возвращался за полночь — печальный и молчаливый. Все пугало отца и мать: куда он ходит по вечерам? Чем занимается? Неужели, упаси Господи, их сын сбился с пути? Что с ним стало?

Посоветовавшись, родители и родственники решили понаблюдать за Акавьей и выяснить, с кем он встречается. Оказалось, что по вечерам он уходит прочь от еврейского квартала и сидит в кафе, что на улице мясников. В полном одиночестве сидит и курит кальян, и вид у него при этом, как у купца, чьи

корабли пошли ко дну, как у человека в глубоком трауре, не желающего ни с кем общаться.

Установив, что Акавья не занимается ничем предосудительным, родные немного успокоились, особенно отец, который не склонен был долго печалиться и любил всякое дело закончить доброй шуткой.

Родные успокоились, — но продолжали жалеть Акавью. Что за печаль терзает его сердце? Что случилось во время его последнего путешествия?

И чем больше они думали, тем меньше могли что-либо понять. Они видели, что мысли Акавьи где-то далеко, что он ко всему безразличен, даже не замечает, как он выглядит. Когда он только зашел в дом, родители удивились, что он не подстрижен и не причесан. Волосы и борода были спутаны и взлохмачены, лицо осунулось, маленькие черные глаза запали и едва виднелись из-под насупленных бровей. И хотя он был дюжим парнем, плечи его опустились, как у человека усталого и обессиленного. Отец затащил сына к парикмахеру, чтобы тот привел его в порядок. Но и после этого Акавья не обращал внимания на свою внешность и не причесывался. Он вел себя как человек, убитый великим горем. Как же все-таки заставить его заговорить?

Однажды — шла вторая неделя после его возвращения — матери показалось, что ей удалось вызвать его на откровенность. Акавья произнес лишь несколько отрывочных фраз, но она поняла, что хоть поступки его и странны, но душа чиста, как прежде. Более того, он говорил здраво и рассудительно.

В пятницу под вечер Акавья сидел у окна. Мать подала ему кофе и сама села рядом. Акавья пристально поглядел на нее и вдруг заговорил:

— Сердце мое болит, глядя на вас, мама. Морщинки на лбу и на щеках, седые волосы на висках... О!.. Ваше лицо всегда было таким свежим и нежным... Оно всегда сияло, как роза... Откуда же взялись морщинки? У меня болит сердце...

— Пусть болит сердце у того, кто желает тебе зла, — ответила мать. — Ты не должен огорчаться из-за меня. Годы делают свое. Разве я девушка? Мне уже скоро пятьдесят пять...

— Знаю. И все-таки это моя вина... Я причинил вам столько огорчений... Но теперь все будет по-другому. Я больше от вас никуда не уйду. Всегда буду с вами, чтобы вы не знали никаких забот... А господину отцу я скажу... Скажу ему так: довольно вам так тяжело работать... Теперь, в старости, он должен отдыхать и сидеть дома. Отец тоже постарел... Теперь я вижу — это моя вина... Он должен отдыхать... Иногда немного может посидеть со мной в лавке... Хватит ему натирать мозоли...

— Пусть Господь вознаградит тебя за твои речи. Пусть тебе во всем будет удача, ты заслужил... А я хочу только одного — видеть тебя довольным и счастливым. Твое счастье — моя радость и мое утешение.

В это время в дом вошел отец со свертком одежды под мышкой и корзиной с фруктами в руке. Увидев жену и сына, он тотчас принялся шутить.

— Жаль, Акавьяджи, что ты не пошел сегодня со мной в баню. Не каждую неделю бывает такая хорошая вода. Честное слово — не вода, а чистый елей. Но ты такой упрямец. Скажи, где ты приобрел столько упрямства? Может быть, в тех местах, где ты путешествовал, этот товар продается по дешевке?

В ответ на эти слова сын улыбнулся.

— Оставь его, — сказала мать. — У нас тут серьезный разговор.

— Серьезный разговор? Жена и сын, которые ведут серьезные беседы за спиной отца, наверняка хотят избавиться от него и наследовать его имущество еще при жизни. Ладно. Послушаем же, о чем вы толковали.

— Акавью огорчает то, что я так постарела... Он говорит, что у него болит сердце при виде моих морщин и седых волос...

— Вот как? Ты, небось, жаловалась ему на мою скупость... Что я всю жизнь кормлю тебя впроголодь...

— Оставь свои шутки... Акавья раскаивается в том, что так надолго покидал нас... И он, наш любимый сын, обещает, что отныне всегда будет с нами... А еще он сказал, что не даст тебе больше работать... Хватит, сказал он, отец достаточно потрудился на своем веку. Теперь он, Акавья, будет работать в лавке, а отец будет отдыхать.

— Не говорил ли я тебе, что кровь не может превратиться в водицу? И что королевские сыновья не пропадают? За добрую весть, что ты сообщила мне в канун святой субботы, я сошью тебе новое дорогое платье. Я же всегда твердил: блаженна родившая его¹. И раз уж вы завели такой разговор, я тоже хочу кое-что сказать.

С этими словами он подошел к большому сундуку и вытащил из-под груды одежды толстый кошелек, перевязанный красным шнуром. Взвесив его на руке, отец подал кошелек Акавье.

— Сын, у которого такое доброе сердце и такие благородные мысли, заслужил этот дар. Тут — двести золотых. Я копил их всю свою жизнь. Это — моя награда за годы упорного труда (еще восемьдесят монет хранятся в твоём сундуке). Эти золотые были моими, а теперь будут твоими. Возьми их, и пусть Господь, благословен Он, пошлет тебе удачу, чтобы ты преуспел во всех делах рук твоих.

— Храните их, храните их, господин отец! Большое спасибо за доброе намеренье. Но зачем мне эти монеты?

— Зачем? — переспросил отец шутливо. — Чтобы солить и мариновать. К чему годны золотые монеты? Их или поджаривают как семечки, или выбрасывают из окна, чтобы ими кормились птицы небесные...

Но Акавья вернул кошелек отцу и сказал, улыбаясь:

— Отец, я знаю им цену и понимаю, как вы добры ко мне. Но... по правде говоря... какая мне от них польза?.. Зачем они мне?

¹ Поучения предков 2:8.

— Какая тебе от них польза? — отец решил, что сейчас можно деликатно намекнуть на то, что его волнует. — Ты прав. Пока они тебе не нужны... Но скоро могут пригодиться... Может быть, завтра, может быть, послезавтра... Сегодня ты один, а завтра... кто знает... у тебя будет свой дом... семья... дети... Тогда эти красные монетки не повредят...

Отец и мать смотрели на Акавью и ждали ответа. Они надеялись увидеть на его лице добрый знак, но тут же им стало ясно, что слова отца задели больное место в душе сына. Акавья покраснел и лишь усилием воли подавил охвативший его гнев. Не хотелось ему омрачать настроение родителей и нарушать святость наступающей субботы. Ведь они хотят ему добра. И беседа их закончилась спокойно, но родители поняли, что есть в сердце Акавии такие струны, которые опасно задевать.

В ту же неделю прибыл к ним родственник издалека (его тайно пригласил отец), и как бы невзначай затеял с Акавьей разговор о хорошей невесте, что у него на примете. Прелестная газель... И приданое неплохое...

Услышал эти слова Акавья — и не смог сдержаться. Поднялся и сказал решительно:

— Говорю вам раз и навсегда — если еще когда-нибудь кто-то вздумает говорить со мной об этом — я уйду и не вернусь. Оставьте эту мысль. Я не собираюсь жениться. Если я подхожу вам такой, как я есть, — хорошо, если же нет — не надо. Выбросьте это из головы, не злите меня и не заставляйте быть непочтительным. Иначе я здесь не останусь.

Это был тяжелый удар для родителей. Они хорошо знали своего сына. Если Акавья сказал "нет" — значит кончено. Его не переупрямишь.

С того дня у них опустились руки, и они не заводили больше никаких разговоров. Но они видели, своими глазами видели, что Акавья находится во власти нечистой силы. У него тяжело на сердце и дух его в смятении. Мало того, что он одевается небрежно, поздно

приходит домой и почти ни о чем не говорит — явно пошатнулась его приверженность Отцу небесному. Он не торопится встать пораньше, чтобы успеть к утренней молитве, и не старается дневную и вечернюю молитву произносить в синагоге. Он молится торопливо, один и работает в лавке спустя рукава. Нет в нем былой радости, с которой он прежде занимался своим ремеслом.

Так прошла зима. На улице было холодно и дождливо. И холодно и тоскливо было на сердце у Акавьи и его родителей. Как зимой мало солнечных дней, так же мало было дней радости и сердечных бесед в этой семье.

Но и лето не принесло никаких изменений. Акавья вел себя как человек, несправедливо опозоренный, как неудачник, которому все постыло. Его можно было уподобить министру, которого внезапно и беспричинно сместили с поста. Он по-прежнему живет среди людей, но сердце его разбито, ибо обида его не отомщена.

Отец, мать и вся родня только и думали о том, как бы освободить Акавью от злых духов, которые пленили его.

Вначале они решили искать лекарей среди хахамов, людей ученых и знатоков Торы. Те должны были просветить его ум, открыть его сердце и — самое главное — заставить его уста заговорить. Не раз они вспоминали хахама Абрамаджи, бывшего учителя Акавьи — тот хорошо знал его норы и, если бы находился сейчас в Бурсе, то, несомненно, помог бы их сыну. Но, как и многие другие благочестивые евреи, мечтающие на старости лет жить в Святой Земле, Абрамаджи сподобился чести переселиться вместе с женой в Эрец-Исраэль, и случилось это примерно за год до возвращения Акавьи домой. Какая жалость!

Однажды, заметив, что Акавья настроен миролюбиво, мать стала упрашивать его, чтобы он согласился посетить другого хахама, жившего в их городе — Шломо Альгази, который славился своей святостью, и побеседовал с ним. Из уст этого хахама можно

услышать слова, просветляющие разум. Может быть, он даст Акавье какой-нибудь талисман или амулет и это ему поможет.

— Поверьте, мама, что я хочу стать другим, очень хочу. Но не могу. Как я могу беседовать с чужим человеком, даже если он хахам?

— А почему бы и нет?

— Потому, что о моем деле невозможно рассказать. То, что у меня на душе, я не могу открыть ни одному человеку в мире. И это самое страшное.

— А может быть, тебе и не придется рассказывать?.. Может, он сам скажет что-нибудь такое, от чего тебе будет польза.

Акавья согласился, и они пошли к хахаму. Выслушав все, что ему сообщили мать и сын, хахам сказал:

— Ясно, что его поразил дурной глаз. — И он обещал дать "проверенный и испытанный амулет". Но предварительно и он, и Акавья должны были поститься.

Когда Акавья вторично пришел к нему, хахам прочел вслух несколько отрывков из разных книг, а затем написал магический текст и тоже отдельно и внятно прочел его вслух. Этот амулет хахам положил в серебряный футляр и велел Акавье носить его на груди в течение месяца.

— Увидите, — сказал он родителям, — через месяц он потребует, чтобы его обручили с молодой девушкой.

Все это показалось Акавье весьма сомнительным. И действительно, этот амулет ни на йоту ему не помог, не уменьшил его страданий.

После этого родители стали обивать пороги знахарей, ворожей, предсказателей, короче говоря, всех, кто знается с потусторонней силой и причастен к колдовству. Но, к великому огорчению, никто из них не мог подсказать Акавье нужного средства. Так как он никому не открыл, что у него на душе, они оказались бессильны помочь ему.

К счастью Акавы и его родителей в это время в Бурсе оказался чудотворец, славный своими делами, столь же мудрый, сколь и хитрый — хахам Шимон

Акнин из Иерусалима. Эта встреча запомнилась Акавье навеки, поскольку имела для него весьма важные последствия.

Шимон Акнин происходил из знатного рода иерусалимских раввинов, и на всей его личности с ранних лет лежала печать исключительности. Во все периоды своей жизни и во всех местах, где он побывал (Акнин посетил много стран и занимал немало видных постов), всегда и везде он отличался и выделялся, то ли удастаясь высоких похвал, то ли подвергаясь жестоким преследованиям. Несомненно, в нем были искры гениальности, но известно что и гении бывают разные. Если такой человек сподобился Божьего благословения, то и он, и окружающие вкушают плоды сладкие, подобные бальзаму жизни. Если же не сподобился — и он, и окружающие вкушают плоды, что горше смерти.

Шимон Акнин всегда казался землякам человеком загадочным, с двойным дном. В нем было столько же святости, сколько и порочности. Достаточно сказать, что этот хахам, переполненный ученостью, как нескудеющий источник влагой, блестящий знаток Талмуда, был равнодушен к женщинам и не пропускал ни одного бала и увеселения с участием прекрасного пола. Отпрыск старинной богобоязненной семьи, он знался и дружил с мусульманами и другими иноверцами. Знал много языков, западных и восточных, свободно на них изъяснялся и обладал удивительным даром красноречия. Всю жизнь его преследовали неудачи, временами он попадал в такие положения, каким не позавидовал бы последний бедолага. Его расходы всегда превышали доходы, и груз долгов постоянно висел на нем, увеличиваясь из года в год. Но за ним числились и добрые дела и благородные поступки: он мог протянуть руку помощи человеку, попавшему в беду, не пожалеть ни времени, ни сил для устройства чужих дел. Он был непостоянен и переменчив, в нем причудливо совмещались крайности: даже в его внешности привлекательные черты сочетались с отталкивающими: он был

высок, но сутул и кривобок. Светлые золотистые волосы обрамляли умный высокий лоб. Ясные зеленоватые глаза, казалось, излучали сердечную доброту, но временами взгляд их пронизывал человека насквозь, и что-то жуликоватое появлялось во всем облике хахама. У него была приятная, но лукавая улыбка, а хрипловатый голос звучал вкрадчиво, напоминая нежный и мягкий рокот струн.

Во всяком случае, этот человек, оказавшийся в ту пору в Бурсе, заслуживает того, чтобы кое-что о нем рассказать.

Даже на пороге старости, когда ему перевалило за шестьдесят, он оставался таким же подвижным и деятельным, как в молодости. Ноги его не знали усталости, руки не слабели и дух не успокоился и не угомонился. Его жизненный путь напоминал тропинку, которая все время причудливо петляет среди многих извилистых и запутанных дорог. И все же он упорно стремился вперед, с какой-то одержимостью вечно куда-то спешил, но в то же время всегда твердо стоял на ногах.

Каждая значительная перемена в его жизни сопровождалась новой женитьбой. Первой его невестой была молоденькая девушка, дочь богатого тунисского еврея, поселившегося в Иерусалиме. Шимону в ту пору было двадцать пять лет, свадьба была пышной, богатой и веселой. Жениха, который слыл ученым и образованным, сведущим во многих науках, ждало большое приданое. Во время торжественного бракосочетания в присутствии многих раввинов и уважаемых людей, он произнес традиционный друш. То была речь, насыщенная талмудической мудростью, глубокая, яркая и остроумная. Будущий тесть так растрогался, его сердце наполнилось такой горячей любовью к зятю, что он тут же отписал на его имя крупную сумму — дополнительно к приданому и свадебным подаркам.

И в том же году молодая супруга отчего-то возненавидела своего мужа, удрала из дому, будто спасаясь

от хищного зверя, и упала в объятия отца и матери. Что оставалось делать, как не развести их...

Вторую жену, вдову из Италии, Шимон покорила своим красноречием. Он прожил с ней три года, в течение которых капиталы вдовы полностью растаяли. Почти без средств и с двухлетней дочкой на руках она оставила мужа.

Третья жена была с Родоса. Шимон привез ее в Иерусалим, а спустя пять лет похоронил.

Четвертая жена была из Бухары, дочь богатого старца. Акнин полюбился ему и другим членам бухарской общины за свою великую ученость, особенно после того, как в течение одного года в совершенстве овладел бухарским языком и по субботам читал в бухарской синагоге проповеди с таким совершенством, будто всю жизнь провел в Бухаре. С этой женой он прожил до конца своих дней, и она родила ему много сыновей и дочерей. Маленькие Акнины наследовали от отца девять десятых его недостатков и лишь одну десятую его достоинств...

Что искал и чего желал Шимон Акнин все дни своей жизни? К чему он стремился и чего добивался?

Не знатности и славы, не власти и почестей (их он завоевывал без особых усилий), не богатства и роскоши — они не были для него самоцелью. В сущности, требовалась ему самая малость и добивался он немногого: стакана хорошего игристого вина, что веселит сердце и горячит кровь; задорных любовных песен, будоражащих душу, а пуще всего — ласки чужеземок, любовных наслаждений или хотя бы общества красивых, милых и приятных женщин. Всеми его поступками и безумствами руководила одна эта страсть. Занятый своими любовными приключениями, он не в силах был думать ни о чем, стоило появиться на его пути хорошенькой женщине, как он забывал обо всем. Каждый, кто со стороны наблюдал за перипетиями его жизни, вынужден был сказать, что это человек неуправляемый и неисправимый. Он был подобен реке, вышедшей из берегов, звезде, вспыхнувшей на крат-

кий миг, чтобы тотчас погаснуть. Словно колесо, что катится вниз по склону горы, он без труда преодолевал все препятствия, перепрыгивал через камни, поваленные деревья. Его толкали, и он толкал других, ему преграждали путь, он отвечал тем же. Лишь в одном он был не властен — он не мог прекратить этой бешеной скачки, не мог перестать скатываться вниз.

Трудности не останавливали его — он не падал духом и не терял надежды. Подобно фокуснику на сцене, он умел и польстить публике, и, не моргнув глазом, соврать, продолжая извлекать из своих сосудов то целебные травы, то волшебные амулеты, то заколдованные камни. У него всегда имелись наготове лукавые слова, рискованные планы, ловкие проделки и сомнительные изобретения. Он умел выйти сухим из воды.

После того, как ему пришлось распрощаться с ешивой в Иерусалиме (он навлек на себя гнев, затеяв любовные шашни с негритянкой, женой сторожа), он нашел для себя новое занятие, какого до него не знал ни один местный еврей. Во время туристского сезона он стал гидом, совмещая это занятие с составлением просьб и заявлений в суд, возле которого частенько околачивался. Он изучил турецкий, арабский и французский языки. Затем он устроился в качестве переводчика в канцелярии французского консула. Спустя год он перешел на службу к английскому консулу, но вдруг почему-то вернулся к истокам и стал хахамом, обучающим подростков и юношей талмуду с комментариями, и вскоре прославился на этом поприще как человек способный и глубоко знающий Тору.

Когда ему надоело пребывание в шатре еврейской учености, он вдруг, совершенно неожиданно для всех, превратился в турецкого полицейского в форме и при оружии — явление исключительное и из ряда вон выходящее в те дни в Иерусалиме. Он не собирался довольствоваться званием рядового полицейского. Успешно продвигаясь по службе, он стал телохранителем самого иерусалимского паши. Но скоро его уво-

лили из полиции — не то он был уличен во взяточничестве, не то стал жертвой злого навета своих врагов.

Но Акнин не из тех, кто отчаивается. Он может семь раз упасть, но каждый раз отряхнется и встанет как ни в чем не бывало. На Иерусалиме свет клином не сошелся, есть другие города и страны. И он решил отправиться за границу. Так как иерусалимские раввины отказались облечь его полномочиями посланца общины¹, он стал разъезжать от своего собственного имени. Шимон Акнин несколько раз побывал в городах Турции, Мессопотамии и на Балканах. И всюду его пребывание оставляло заметный след. Иногда он возвращался, окруженный почетом, иногда ретировался, покрытый позором. В некоторых городах он в течение ряда лет был раввином общины.

Помимо всех своих достоинств и недостатков, скрытых и явных, Акнин обладал еще буйным воображением. Если ему не удавалось достигнуть чего-то в действительности, он восполнял упущенное своей неумной фантазией. Разумеется, он во время своих странствий немало повидал и пережил, но в его изложении разные "случаи", "происшествия" и "дела", превращались в дивные легенды. Когда он повествовал друзьям о своих приключениях, успехах и свершениях, это было подобно неиссякаемому и все усиливающемуся источнику²...

Будучи главным раввином Самарканда и всей Бухары (он прожил там около двадцати лет), он однажды посетил Петербург. Дабы предотвратить принятие жестокого закона, ущемляющего права бухарских евреев, необходимо было получить аудиенцию у самого царя. Шуточное ли дело — встреча с русским царем! Кому такое могло присниться? Но он, Акнин, в конце кон-

¹ В течение многих веков посланцы еврейских общин Эрец-Исраэль — Иерусалима, Хеврона, Тверии и Цфата — разъезжали по разным странам, собирая средства на нужды своих общин и одновременно осуществляя связь между отдельными еврейскими общинами и занимаясь просветительской деятельностью.

² Поучения предков 2:11.

цов силой своего ума и с помощью "высших сфер" добился всего. Царь его принял. Целый час длилась беседа. Царь был поражен чистотой и плавностью его русской речи. И в конце беседы выразил желание видеть Акнина почаще, дабы насладиться умом и красноречием такого собеседника. Он не должен ни к кому обращаться за разрешением — в любой момент, когда ему вздумается, двери дворца перед ним открыты...

Во время второй аудиенции он был приглашен к царскому столу, за которым восседали князья и княгини. И тут — это факт! — в него влюбилась княгиня Александра — царская дочь, двадцатипятилетняя красавица, образованная и умная. И с присущей ей скромностью и тактом, она устроила так, чтобы по вечерам он мог тайно посещать ее апартаменты. Это были чудесные дни... особенно ночи... Карты... Шампанское... и... умному достаточно намека...

Он пробыл в Петербурге три месяца. Тем временем вспыхнула мировая война, и дела осложнились. Но то были дни...

После войны он вернулся в родной Иерусалим, где его не видели двадцать пять лет. Он был в мантии и тюрбане раввина восточных общин, а в его волосах появилась благородная седина.

Так как прошел слух, что скоро к власти в Святой Земле придут сионисты, Шимон Акнин согласился войти в сионистский совет делегатов и взять на себя бремя власти со всей вытекающей отсюда ответственностью. Но когда выяснилось, что сионисты не собираются предоставить Акнину подобающей должности, он превратился в злейшего их врага и гонителя.

Оставив Иерусалим, он отправился в один из городов Сирии, в надежде получить место раввина. Как раз в это время там отмечалась годовщина победы союзников. Акнину поручили приветствовать власти от имени общины.

В присутствии министров и государственных мужей Франции, Англии и Италии он произнес речь. Начал он

ее прекрасными изречениями на арабском, продолжил на красивом и беглом французском, а затем перешел на английский, который прозвучал гимном победителям, и завершил свое выступление на изысканном итальянском. При этом он не употребил ни одного ивритского выражения, желая показать, что он далек от всего, что пахнет сионизмом.

Когда сирийские евреи увидели, какой блеск исходит от этого удивительного раввина, они поспешили назначить его своим главой. Благо евреям Дамаска, что им так повезло! Хвала им, что в их сети попала такая крупная рыба!

Но спустя два года после подписания с ним договора община оказалась в столь бедственном положении, что вынуждена была обратиться в государственные судебные инстанции, дабы те разобрались в неблагоприятных делах раввина. Спустя несколько лет он действительно был изгнан с должности, но французские власти обеспечили его пожизненной пенсией.

Впрочем, в Бурсу он прибыл задолго до всех этих событий. Похоронив третью жену, он решил на некоторое время покинуть Иерусалим и поразмыслить о своей дальнейшей жизни. Было тогда Шимону Акнину тридцать пять лет.

Едва появившись в Бурсе, он привлек к себе всеобщее внимание. Еще бы, красавец с вдохновенным лицом и сверкающим взором, — родом из Святого Иерусалима — как мог он оставить жителей Бурсы равнодушными?

В первую же субботу по приезде он продемонстрировал в так называемой Верхней синагоге свою ученость и незаурядный дар проповедника. Это была Суббота невесты¹, предшествующая празднику Шавуот², когда еврейский народ получил святую Тору,

¹ Называется так лишь в сефардских общинах.

² Шавуот — праздник урожая и получения Торы. Отмечается в начале лета, через семь недель после Песах.

которую уподобляют невесте. После выступления раввина слово получил иерусалимский гость Шимон Акнин.

Сладкими были его речи о святости Израиля, о том, как еврейскому народу была дарована Тора. Все от мала до велика слушали и восхищались. Говорил он на святом языке, но многое повторял и на ладино, и по-турецки, чтобы поняли простые люди и женщины. Напомнил он и о долге евреев заселять страну отцов и поддерживать знатоков Торы. "Уста его расточают жемчужины", — твердили все в один голос.

Поселился Шимон в мезонине на Башенной улице. Вскоре по всей округе стало известным имя иерусалимского ученого, который сведущ и в юриспруденции, может быть адвокатом в суде, дает полезные советы, составляет заявления, прошения и т.п. И к нему потянулся народ. Посещали его и женщины, искавшие помощи в делах религиозных, судебных, семейных и прочих.

Постепенно все убедились, что у него есть опыт в таких делах и ему сопутствует удача. Многие спорные вопросы и конфликты он помог урегулировать. Особенно прославило его дело одной богатой сорокалетней женщины, которую он спас от вечного вдовства. Девять лет назад ее муж, известный купец, отправился в Южную Америку по торговым делам и с тех пор о нем не было никаких вестей, она же осталась агуной¹.

Что же предпринял Акнин? Обстоятельно расспросив женщину о делах ее мужа, он связался с городскими властями Рио-де-Жанейро и получил от местного раввина и муниципалитета справку за подписями и печатями, в которой говорилось, что такой-то и такой-то похоронен тогда-то на таком-то кладбище. И вдова получила законное право вторично выйти замуж.

¹ Агуна (ивр.; букв. связанная) — по еврейскому закону не имеет права вторично выходить замуж до тех пор, пока не получит развода от мужа или подтверждения о его смерти.

Тогда-то родители и решили показать Акавью иерусалимскому ученому. Может быть, он, обладающий такими познаниями и таким умом, сможет заставить Акавью заговорить и убедить его жениться и создать семью.

В ту пору слава иерусалимского хахама была в зените. Родители вместе с Акавьей успели уже побывать у многих знахарей, вещунов и хиромантов, но без всякого успеха. Тревога разъедала сердца родителей, да и у Акавии на душе было сумрачно. Прошла зима, весна, скоро и лету конец, а он по-прежнему печален, озабочен, угнетен, и никто ни разу не видел его улыбающимся. Зато по ночам можно было слышать, как он вздыхает и стонет.

На следующий же день после Субботы утешения рано утром отец и сын направились на Башенную улицу и поднялись в мезонин иерусалимского хахама. Тот приветствовал их приятными и поучительными изречениями. Потом перешел к делу:

— Что вам угодно и что вас тревожит, люди добрые?

Ответил тио Хисдай:

— Да благословит вас Господь! Я пришел по делу сына, нашего единственного дорогого сына Акавии.

— Что же это за дело? Да откроет юноша сам уста свои и просветит нас.

— Это такая беда, что нет у него слов о ней поведа-ть. Он не знает, чего хочет, и ничего не может о себе рассказать.

— Вот как? Значит, он прав... Сын ваш прав. Это дело секретное... Понятно, понятно... В таком случае лучше, чтобы сын поговорил со мной наедине. Если вам угодно — да простит нас тио Хисдай и оставит наедине.

— Конечно... Конечно... Я уйду. А ты, Акавьяджи, позволь сеньору хахаму просветить тебя своим умом. Да будет на то воля Божья.

— Теперь, когда мы одни, дай свободу своему языку, брат мой Акавья, и расскажи все, что можешь.

— Пусть простит меня господин хахам, но мне не хочется рассказывать и нет у меня желания говорить. Я хотел бы только спросить... Есть нечто такое, что мне непонятно...

— Хорошо, братец, спрашивай обо всем, о чем хочешь... А я с Божьей помощью отвечу тебе в меру моих сил.

— Я очень хотел бы узнать, например, следующее. Возможно ли, что Он, Творец вселенной, благословенно имя Его, выбирает один путь, а затем об этом сожалеет? Возможно такое?

Внимательно выслушал его иерусалимский хахам, немного подумал, впери́л глаза в этого странного парня, а затем сказал неторопливо:

— Большой и важный вопрос ты задал. Из него видно, что много разных дум у тебя на сердце. И эти думы тяжким грузом ложатся на душу и причиняют тебе много страданий. Не так ли?

— Да, так. Много страданий...

— А по существу твоего вопроса — возможно ли, что Творец, благословенно имя Его, выбирает один путь, а потом об этом сожалеет, раскаивается, скажу тебе со всей определенностью: это невозможно. Ведь сказано же в нашей святой Торе: "Бог не человек, чтобы лгать, и не сын человеческий, чтобы раскаиваться. Он ли скажет и не сделает? Будет говорить и не исполнит?"¹ Но тебе, видно, кажется, что Он... как бы раскаивается... Вроде бы передумал. Но ты жестоко ошибаешься. Он не передумал... Весьма возможно, что ты сам передумал... А тебе кажется, что это Он передумал.

— Простите меня, но я не передумал... Что вы хотите этим сказать? Как это понять? Разве я передумал?

— Ты меня не понял, братец. Ты-то, разумеется, не передумал, но в каких-то мелочах, может, только

¹ Числа 23:19.

в одном вопросе, самом пустячном, ты передумал и этим все испортил.

— В одном вопросе? Что же это за вопрос? — с волнением допытывался Акавья.

— Этого я не могу тебе сказать. Ты у меня спрашивал вообще — и я тебе отвечаю вообще. Но если ты расскажешь мне о всем подробно, я тебе подробно отвечу.

— Простите, господин хахам, но я не могу рассказать подробно. Это невозможно. И нет в том нужды.

— Хорошо, пусть будет так. Нет нужды. Я, упаси Господи, не заставляю тебя говорить. Не рассказывай, оставим это дело. Может, завтра или послезавтра Всевышний, благословен Он, откроет мне свою волю. А теперь поговорим о чем-нибудь другом. Просто так.

И хахам стал расспрашивать Акавью о работе, о домочадцах, о его делах. Когда он узнал, что Акавья много лет странствовал, то затеял непринужденный разговор о тех местах, где побывал Акавья, пересыпая свою речь шутками и прибаутками, и Акавья ему на все отвечал. Спohватившись, что он уж слишком откровенен, Акавья постарался быть осторожнее и рассказывать лишь о внешней стороне событий, не вдаваясь в подробности. Потом хахам замолчал и зашагал по комнате. Внезапно остановившись, он спросил:

— Послушай, Акавья, ты только скажи мне — та, которую ты любил, была брюнеткой или блондинкой, низкой или высокой? Только это. Этого мне достаточно.

— Что? Та, которую я любил?.. Разве я сказал, что кого-то любил? Разве я упоминал что-либо подобное?

— Нет, ты не говорил и не упоминал. Это я тебе говорю. И если ты скажешь мне то, о чем я спросил — очень скоро я приведу ее к тебе.

— Приведешь ее ко мне? Как же так, сеньор хахам? Ведь она далеко. Она замужем.

— Да, да. Я знаю... Я имел в виду ее портрет. Разве ты не жаждешь увидеть ее? Я доставлю тебе ее пор-

трет — и глаза твои увидят ее такой, какая она сейчас, и сердце твое утешится. А теперь, знай, братец Акавья — все, что душе твоей угодно, я могу сделать. Разумеется, по воле Божьей и с его помощью. Без Его помощи — все старания напрасны. Он впереди, а за ним я — и тогда все можно уладить. А ты не удивляйся, что я, хахам, занимаюсь такими делами. Помимо святой Торы меня интересуют еще людские сердца. Когда я вижу опечаленного человека — мое сердце разрывается от сочувствия. Я его жалею и не могу не помочь. Поэтому я говорю тебе: верь мне, Акавья, и я сделаю все, что сказал. Я облегчу печаль, что грызет твою душу. Разве я не прав?

— Да... Вот именно... Грызет душу...

— Итак, принести тебе ее портрет?

— Но как? Разве вы знаете, где она? Кто может это знать?

— Нет ничего невозможного. Ты знаешь ее имя? Ты знаешь имя ее мужа? Ты знаешь город, где они живут?.. На этом покончим. С меня достаточно.

И он снова стал допытываться.

— Как ее зовут? Скажи мне только ее имя.

— Ее имя? Вы удивитесь... Вы очень удивитесь, когда я назову ее имя.

— Что? Я удивлюсь? Ты говоришь, что я удивлюсь? — глаза хахама засверкали. — Нет, я не удивлюсь. Я знаю... Я знаю, что она не еврейка.

— Боже милостивый! Откуда он знает? Каким образом? Живите долгие годы. Вы — пророк!

— Нет... Нет... Я не пророк. Не называй меня пророком. Но по Его воле, благословен Он, иногда мне открываются тайны... секреты... вещи удивительные...

Акавья был потрясен. В голове его была полная сумятица. Ведь он хотел услышать из уст хахама о путях Божьих — уж слишком они непостижимы... Много было превратностей в жизни Акавьи, много трудностей, но и удач было немало — с Божьей помощью, он одолел своих врагов. Всевышний надоумил его, как покончить с тем негодяем, но потом он будто

получил пощечину от Творца, благословенно Его имя. Господь бросил его на произвол судьбы, нанес рану в самое сердце. Отняв у него Анахит, Он лишил его всего. Солнце померкло на небе. И более того — Акавья это чувствовал — Бог лишил его своей милости. Он ему больше не покровительствует. И во сне он ничего не видит, ничего хорошего. Его сновидения смутны и бессмысленны. Нет в них ни намек, ни знака. Будто Господь сердится на него... Вот о чем собирался Акавья расспросить хахама. Может быть, тот просветит его разум... Чтобы он мог уразуметь волю Божью. Но от нее, от Анахит, хотя и поныне велика в его сердце любовь к ней, он давно отказался. Уже скоро год, как затерялся ее след и нет у него с ней никакой связи. Как же он может желать ее видеть? И какой в этом смысл?

Этот удивительный хахам вызвал целую бурю в его сердце. Хахам, которому все известно и все удастся, — может, он воскресит в нем надежду, просветит и исцелит его душу?

Акавья молчал, прислушиваясь к тому, что творится у него в душе, пытаясь разобраться в собственных мыслях. Хахам Шимон сидел рядом и тоже молчал, беспокойно поглядывая по сторонам. Затем он встал, вышел в коридор и отослал ожидавших его людей, сославшись на большую занятость. Вернувшись к Акавье, он сказал:

— А теперь, братец Акавья, скажи мне, если тебе угодно, как зовут эту женщину. Но если не хочешь — не говори. Если хочешь — расскажи мне все, что произошло. А если не хочешь — не надо. Я могу узнать ее имя, даже если ты мне его не назовешь. Я могу узнать, все, что произошло с тобой, даже если ты мне об этом не расскажешь. Но если ты будешь молчать — я ничем не смогу тебе помочь, не смогу тебя излечить, и все останется без перемен... Ты уйдешь от меня таким, каким пришел.

— Почему же так, рабби? — спросил Акавья испуганно. — Что за причина?

Хахам ответил ему обстоятельно и не без удовольствия:

— Вот тебе пример. Скажем, больной пришел к врачу и говорит ему: "Обследуй меня, господин доктор, и установи, чем я болен. Но я не хочу или не могу рассказать тебе о своей болезни, о том, что у меня болит и что меня беспокоит". — Что же сделал врач? Он его обследовал, прослушал, измерил пульс и нашел в его теле недуг, бывший причиной заболевания. Ведь все тела имеют одно строение и болезни у них одинаковы. Есть болезнь легких, кишок, печени и т. д. Но лекарства людям нужны разные. Ведь лекарство дается не только для тела, но и для души. А душа у каждого человека своя. Тело — это понятие материальное, плоть и кровь, нечто сущее, и тела сходны между собой. Но души вылеплены из чего-то высшего, нематериального, их истоки — в потусторонних мирах, которые покрыты тайной. И каждая душа питается из своего источника. Таким образом, ты видишь, что врач определяет заболевание, но не находит лекарства. Так и с тобой. Я могу увидеть в своем зеркале все, что с тобой произошло, и все, что произошло с ней, с этой девушкой. Но так как ты не говоришь мне, чего желает твоя душа и к чему стремится твой дух — я буду знать твое дело, но не смогу найти лекарства для твоей души.

У Акавы закружилась голова от этих речей, ослабли руки и задрожали колени. Он чувствовал себя в присутствии этого хахама как затравленный зверь, попавший в западню охотника и увидевший, что все пути к спасению отрезаны.

Акава растерянно забормотал:

— Но... да простит меня господин хахам, моя история... очень сложная... Она не обычная... Совсем не обычная...

— Разумеется, в ней есть тайны, — быстро и уверенно ответил хахам. — Я это знаю. Но ты можешь на меня вполне положиться. Такие, как я, умеют хранить секреты. Я знаю, что такое секрет, и мне из-

вестны тайны многих. Я сохранию их в глубине моего сердца до самой могилы. Вся моя сила в том, что я могу хранить тайны. Ибо если я открою хоть одну — я тотчас погублю себя. Тайны подобны мечам, ножам и острым стрелам. Если их не хранить в ножнах, футлярах и колчанах, то как, владея столькими секретами, не поразить самого себя? Именно поэтому я тщательно охраняю их. И выслушиваю лишь для того, чтобы помочь людям. А выслушав тайну, тут же хороню ее.

Тогда Акавья заговорил и чистосердечно рассказал обо всех своих скитаниях и обо всем, что ему довелось пережить с тех пор, как он впервые покинул отцовский дом и до того дня, как в него вернулся. Изредка хахам задавал вопросы, и тогда Акавья вспоминал забытые эпизоды и подробности. Хахам позволял себе лишь легкие намеки, уподобляясь человеку, осторожно всовывающему заветный ключик в замочную скважину. И двери души Акавьи широко распахнулись. Он посвятил хахама, умело направлявшего беседу, в свою тайну и рассказал ему, что всегда и во всем видел волю Творца, благословен Он, и хотел, чтобы движения его сердца и мысли были угодны Отцу небесному. Пока не появилась Анахит и не свела его с ума...

Акавья долго рассказывал, а хахам слушал, затаив дыхание, и глаза его напоминали светильник в руках человека, который медленно и осторожно продвигается во тьме. Он то ласково сжимал руки Акавьи в своих, то нежно гладил его по лицу и наконец сказал:

— Знай же, мой брат Акавья, что душа твоя — воплощение ряда великих душ. Я вижу в ней искры души Гидона бен Иоаша, известного под именем Иерубаала, богатыря Самсона и Иоава бен Цруя¹. Они трое

¹ Гидон бен Иоаш, он же Иерубаал, жил во второй половине XII века до н. э. и был пятым из двенадцати судей Израильских. Разрушил жертвенник Ваала, вызвав гнев народа, грозившего убить его. Но Гидон сказал, что если Ваал истинный бог, пусть

образуют единство. А в будущем я тебе смогу открыть еще немало удивительного.

И когда Акавья довел свой рассказ до того момента, как Анахит словно выхватили из его рук, и она навсегда исчезла, лицо хахама засияло, глаза засверкали, и он сказал Акавье много приятных и ободряющих слов. Затем, обхватив голову руками и вперив взор в стол, как кудесник, заглядывающий в глубь времен, он несколько минут молчал. Потом поднял глаза и промолвил:

— Три стадии есть в твоём деле, Акавья, и каждая, прежде чем мы ее завершим, потребует известного времени. Во-первых — я доставлю тебе портрет Анахит. Ты ее увидишь своими глазами — и возликует твое сердце. Это займет две-три недели. После того, как ты получишь ее портрет, я выясню, есть ли какие-либо нити, связывающие твои и ее знаки Зодиака. Затем мы перейдем к третьей стадии. Но все в целом, успех или неудача всего предприятия, зависят целиком от тебя и только от тебя.

— Что может от меня зависеть? Каким образом?

Хахам ответил:

— В этом деле много опасного и таинственного. Ты не имеешь права не только рассказывать кому бы то ни было о том, о чем мы сегодня беседовали, но даже делать какие-либо намеки. Ни одного слова. Да-

он сам постоит за себя и покарает его. Затем он с тремястами отборными воинами пошел войной против мидианитов, раздав своим бойцам кувшины, в которых были спрятаны горящие факелы, и шофары. Ночью люди Гидона, по сигналу шофаров, разбили кувшины и извлекли из них факелы, провозгласив: "Меч Господа и Гидона!" В стане врага возникла паника, и мидианиты, не видя врага, принялись убивать друг друга мечами. Гидон сорок лет судил евреев, отказавшись, однако, от царского звания. Богатырь Самсон был последним из судей Израильских, и история его любви к филистимлянке Далиле и трагической гибели легла в основу многих литературных и музыкальных произведений. Иоав бен Цруя был военачальником царя Давида и прославился своим бесстрашием и преданностью Давиду.

же родному отцу и родной матери. Ты скажешь им одну только фразу: "С Божьей помощью я и хахам надеюсь, что все будет хорошо". И больше ни звука. Ни единого слова и о вознаграждении, деньгах и прочем. Шимон сам пригласит отца, поговорит с ним, и скажет ему то, что имеет право сказать.

Затем он добавил:

— Само собой разумеется, расходы предстоят большие...

Хахам пояснил, что возьмет у него деньги лишь по прошествии сорока дней, сейчас же, чтобы начать действовать, ему нужны две золотые монеты. А после сорока дней он возьмет лишь то, что даст ему Акавья, сколько захочет и как подскажет ему сердце.

— Это пусть вас не тревожит, господин хахам. О вознаграждении не беспокойтесь. Деньги для меня мало значат, и я с радостью вручу вам столько, сколько смогу.

Много сердечных слов сказали они друг другу при расставании, и разошлись радостные, полные добрых надежд.

12. РАСТЕРЯННОСТЬ

Тию Хисдай, его жена и вся родня воочию убедились в том, как велика и действенна сила иерусалимского хахама — ему удалось сразу, в один день снять тяжесть, давившую на сердце Акавьи. Они удивлялись и говорили: "Смотрите, какой маг и волшебник, только раз побеседовал с Акавьей и тотчас превратил его в другого человека. Акавья вошел к нему черным, а вышел белым... Он стер печаль, омрачавшую его жизнь, как стирают тряпкой пыль со стола".

Лицо сына снова светилось радостью, он даже что-то тихо напевал, шагая по комнате — верный признак того, что произошла перемена к лучшему.

Тию Хисдай счел своим первейшим долгом пойти к хахаму и лично отблагодарить его, воздать хвалу

его мудрости и уменью. Он хотел бы также узнать, как будут развиваться события. Ведь Акавья намекнул: "Все будет хорошо, с Божьей помощью все образуется". Как это понять? Что значит "все будет хорошо?" Когда будет дан знак?

И тио Хисдай рано утром незаметно выскользнул из дома и втайне от всех отправился в мезонин хахама. Войдя в дом, он излил на Шимона поток благословений и благодарностей. Хвала его учености. Хвала его уму. Да будут благословенны все его деяния. А теперь он желал бы вознаградить хахама за все его благодеяния. Сын действительно весел, у него легко на сердце, но он ни о чем не рассказывает. Будто хранит какую-то тайну. Но он, отец, хочет прежде всего знать, сколько он обязан хахаму за его труды. Пусть хахам определит сумму, и он охотно, от всего сердца вручит ему вознаграждение. И еще ему хотелось бы узнать самое главное — а именно, соизволит ли сын дать свое согласие для брачного союза... Можно ли с ним начать разговор об одной девице... Вот что ему хотелось бы узнать.

Хахам сказал:

— Присядьте, пожалуйста, и отдохните, тио Хисдай. Я вам на все отвечу по порядку.

Хахам подал кальян, угостил его чашкой кофе и приступил к делу.

— "Начало мудрости — страх Господен"¹... Это значит, что нужно благодарить и воздавать хвалу не ему, хахаму, а Творцу, благословенно имя Его. Ибо Он — все, и все от Него. А он, хахам, не более, чем Его посланник, которому Всевышний, благословен Он, поручил действовать по Своей воле, выполнять Его повеления.

Да, положение сына сложное и запутанное. Но нет тут никаких тайн. Какие могут быть тайны?.. Он, хахам, углубившись в это дело и исследовав его, увидел и понял, что сердце Акавьи чисто, характер благо-

¹ Псалмы 111:10.

роден, но есть у него на сердце какая-то горечь. Люди называют это меланхолией.

Не всякую печаль можно назвать меланхолией. Разные люди чувствуют по-разному, и существует много разных форм меланхолии.

— Я убедился в том, что его меланхолия проистекает от ненависти к женщинам. Не то что одну какую-то определенную женщину он ненавидит — любая девица, весь женский род ему крайне неприятен. Он вообще не терпит женской близости. И есть у него такая фантазия, что если к нему приблизится женщина, то, упаси Господи, настанет его конец, он умрет. Вот что он вообразил. И нет такой силы, которая заставила бы его изменить свое отношение. Это болезнь. Душевный недуг. Он — как "росток плодоносный Иосиф", — здоровый, сильный, крепкий телом. Но у него душевное заболевание. Оно бывает от злого духа, который проникает в человека. Из-за очень сильного страха, пережитого в детстве, или от другой какой-либо скрытой причины. И от этой болезни ни один врач из франков и ни один вещун не может излечить человека. Многих она поразила, не про нас будь сказано. Много у нее жертв, которые так и не излечились. Но в моем распоряжении, с Божьей помощью, есть проверенные средства и сильные лекарства для лечения сей болезни. А в дополнение к ним лечат ее еще силой духа. Душевные болезни следует лечить силой духа, словами, оказывая определенное влияние на больного. И я, по Божьей милости, могу с корнем вырвать эту болезнь из сердца. Заверяю Его именем, благословен Он, что я искореню ее из Акавы, но для этого потребуется некоторое время. Тридцать-сорок дней. Таково мое первое условие. А второе заключается в следующем. Человек, который поражен этой болезнью, не должен знать, что его лечат. Упаси Господи, если он узнает, что им занимаются, хотят его излечить. Ибо если он только учует, то убежит от того, кто его лечит, и тогда дело неоправимо.

В этом весь секрет. Нет никаких других секретов, кроме того, что он не должен знать, что болен и что его лечат. Поэтому я с ним вообще не говорил о плате и вознаграждении. Зачем говорить об этом? Поскольку он не болен, он не нуждается ни в лечении, ни в лекарствах. Но вам-то я должен сказать, во имя чести сына, что лечение требует и расходов, и сил. Ведь я вступаю в борьбу со злыми духами, нечистой силой, бесовским наваждением и подвергаю себя опасности. Но не в моих правилах брать плату вперед в таких сложных случаях. Я возьму ее лишь после того, как отступит зло. Так я и говорю тию Хисдаю: в тот день, когда Акавья, с Божьей помощью, обвенчается со своей суженой, я возьму вознаграждение — восемнадцать золотых. Но это — между нами. Он ничего не должен знать.

Хахам замолчал и глянул на старика, чтобы проверить, какое впечатление произвели его слова.

Хисдай сказал:

— Восемнадцать золотых, говоря откровенно, это огромная сумма. Целое состояние... Но если в этом спасение и излечение сына, и мы сподобимся и поведем его под свадебный балдахин — я вручу эту сумму от всего сердца.

Когда тию Хисдай вышел, хахам довольно потер руки. Он обеспечил себе двойной гонорар. Дважды по восемнадцать золотых получит он — и от отца, и от сына. И правая рука не будет знать, что делает левая...

И он засел за письма армянину, мужу Анахит, и ей самой. Их адрес он узнал с помощью градоправителя Бурсы. Разумеется, предварительно пришлось с ним сблизиться, приглашать его в лучшие кафе и сделаться его закадычным другом. Потом уже можно было попросить его о небольшом одолжении — послать запрос в Парижскую мерию. Сей армянин, объяснил Шимон, родом из Иерусалима, и он задолжал ему крупную сумму денег. По приметам, которые были указаны в телеграмме, мерия установила

личность армянина, и через неделю хахам получил ответ с адресом Радина Сурохига.

Вот содержание письма, написанного Шимоном по-французски:

Глубокоуважаемый Радин Сурохиг!

Я, нижеподписавшийся, родной дядя, брат матери Акава, того парня из Гюзилика, который рисковал своей жизнью ради спасения госпожи Анахит. Я обращаюсь к Вам с просьбой, которую Вы сможете выполнить безо всякого труда и без серьезных затрат. Она заключается в следующем.

Акав сейчас тяжело болен, не про Вас будь сказано. Уже много месяцев, как его поразила болезнь сердца, и он не поправляется. И хотя его лечат известные врачи, не видно никакого улучшения. Много раз я беседовал с ним и спрашивал, что его так огорчает, и он мне ничего не открыл. Но в конце концов, после моих настойчивых расспросов, он сказал, что если бы увидел лицо одной женщины, даже ее портрет, возможно, выздоровел бы. Я с ним много раз беседовал на эту тему, и он мне поведал в общих чертах, не вдаваясь в подробности, так что я и поныне не знаю, в чем там было дело, что он, Акав, жертвовал собою ради спасения жизни и чести госпожи Анахит, и вдруг она исчезла, как бы улетучилась. И с тех пор он заболел.

Разными путями пытался я узнать Ваш адрес и выяснил, что Вы проживаете в Париже. А теперь я Вас умоляю, сделайте милость и пошлите для этого юноши фотографию г-жи Анахит на мое имя. А я по секрету передам ее ему.

Если в Вашем сердце есть страх Божий и вы воздаете добром за добро, не откажите в этой скромной просьбе тяжело больному человеку.

Вы, несомненно, хорошо знаете, что у него чистое сердце и только правда на его устах. Он достоин, чтобы была выполнена эта просьба — она ничтожна по сравнению с тем, что он сделал, рискуя своей жизнью ради госпожи Анахит. Не могу себе представить, чтобы

Вы могли жить в покое и благоденствии, когда тот, благодаря кому обрели Вы свое счастье, стоит на краю могилы.

Я уверен в Вашем сочувствии, в сострадании уважаемой госпожи и в том, что она воздаст хоть немного тому человеку, которому должна быть благодарна всю жизнь.

Надеюсь вскорости получить от Вас ответ. В противном случае я буду вынужден действовать иными путями.

С большим уважением и с наилучшими пожеланиями

Шимон Акнин”.

И в тот день, когда он получил фото и вместе с ним — письма от Анахит и ее мужа (но о них хахам никому ничего не сообщил и никому не стал их показывать, так как не видел в этом для себя никакой пользы), он начал подготавливать Акавью к предстоящим событиям.

— Акавья, Акавья, в тот день, когда я покажу тебе лицо Анахит, что ты мне дашь?

— Все, что вы захотите, господин хахам, все, что пожелаете.

— А если я попрошу у тебя сто золотых, ты дашь мне?

— Ста золотых нет у меня. Есть лишь восемьдесят. Это весь мой капитал. Кто хочет его получить — пусть попросит, и я отдам.

— Итак, братец Акавья, завтра принеси с собой, но только тайно, как мы договаривались, десять золотых. Достаточно десяти монет. Свет лица Анахит уже мерцает предо мною и я чувствую, что завтра нас навестит дорогая и милая гостья.

И так этот хахам еще долго распалял воображение Акавьи, вызывая в его сердце страсть и усиливая в нем желание увидеть лицо Анахит.

Назавтра в полдень, когда хахам снимал покровы с фотографии, Акавья весь трепетал. Его сердце пре-

рывисто билось, он с трудом дышал. Но вот он увидел Анахит, заснятую во весь рост.

Акавья не мог оторвать от нее глаз. Он долго и неподвижно стоял возле портрета.

Хахам получил свое вознаграждение, а Акавья стал ежедневно навещать его и смотреть на портрет Анахит, стоявший в шкафу. С такой любовью верующие христиане смотрят на иконы святых и молятся перед ними.

Так продолжалось несколько дней, пока хахам однажды не сказал ему:

— Твое дело, Акавья, сейчас вступает во вторую стадию. Ты должен знать, что я долго изучал, проверял и исследовал его, углубляясь в тайны, сокрытые в безднах, и подымаясь до высших сфер; и я установил, что не она предназначена тебе судьбою — ни раньше, ни сейчас. Отныне заканчивается история Анахит.

Акавья ответил, заикаясь от волнения:

— Разве это не удивительно, что Творец, благословенно имя Его, вдохновил меня на такие необыкновенные дела, наполнил мое сердце надеждой и... любовью, а в конце... а в конце концов вырвал мое сердце и оставил меня... бросил на произвол судьбы? Где я согрешил? В чем мой проступок? И что со мной будет? Что будет со мною сейчас?

Хахам присел и начал издалека.

— Садись, Акавья, и я объясню тебе вещи, связанные с основами мироздания. Ты только слушай внимательно и постарайся понять сущность вещей и их взаимосвязь... Знай же, братец Акавья, что с самого начала твой путь был ошибочным. Случается так, что человек заблуждается в своих мыслях и предположениях, как путник, сбившийся с пути во время странствия. Он думает, что идет по дороге, которая ведет его к цели, и вдруг обнаруживает, что это совсем не тот путь. Он шагал безо всякой пользы для себя. Что же делает человек в таком случае? Поворачивает назад

и возвращается к исходному пункту. Так должен сделать и ты.

— Я? В чем же я ошибался? Разве я не соблюдал законы Торы, не выполнял заповедей и не делал людям добра? Какие я совершил ошибки?

— Да, дела твои были хорошими и правильными. Разве кто-либо упрекает тебя в том, что ты согрешил, нарушил заповеди Торы и ее установления? Мне совершенно ясно, что ты честный, праведный и богобоязненный еврей. Но ты не познал Бога. Этим я хочу сказать, что есть в твоём сердце страх Божий, но пути небесные сокрыты от тебя.

— Да, я знаю, что я невежда, я не постиг мудрости Торы. И потому, господин хахам, я и обратился к вашей чести, чтобы вы объяснили мне... Только ради этого я пришел к вам. Я вовсе не думал о том... чтобы увидеть ее... Анахит... Но ваша милость сказала мне: "Я покажу ее тебе". Я ответил: "Хорошо". Я вам премного благодарен за то, что вы ее привели сюда... и я ее увидел... Но ведь я обратился к вашей милости затем, чтобы вы объяснили мне, зачем так поступил со мной Господь? Зачем пять лет водил Он меня по горным тропам — чтобы бросить как ненужную вещь, как черепки разбитого сосуда...

— Об этом-то я и толкую с тобой. Тебе неизвестны пути небесные. И вовсе не Он, Творец вселенной, вел тебя, и не Он тебя оставил.

— Как это понять? А кто же ведет человека на его жизненных путях? Кто охраняет его? Кто спасает его душу? Разве не Он, благословенно имя Его?

— Послушай, братец Акавья, неужели ты думаешь, что Всевышний, благословен Он, твой слуга? Что Он шагает впереди тебя по дорогам, охраняет тебя и спешит выполнить все, что тебе вздумается?

— Нет, нет. Упаси Господи! Но...

— Что "но"?

— Но... Разве не Он отец наш?.. Разве не Он влады-ка наш?.. Я не помню точно стих, но сказано, и мы это

все время повторяем: "Как отец жалеет сынов..."¹ Разве так поступает отец, как Он поступил со мною?

— А что Он тебе сделал плохого? Разве не Он дал тебе душу, силу, жизнь и заработок?... Чего же ты требуешь еще?

— Нет, упаси Господи, я ничего не требую... Я только хочу... Я хочу лишь понять...

— Что ты хочешь понять? Я же тебе все разъяснил...

— Но Творец всегда внушал мне... Он говорил мне: "Иди, Акавья, и делай то, что Я скажу тебе..." И Он внушал мне разные мысли...

— Когда Он внушал тебе? Когда Он говорил с тобой? Разве ты слышал, как с тобой говорит Господь? Когда говорил? Что говорил? Ты болтаешь вздор. Кто может сказать о себе, что с ним говорил Господь? Так может говорить наш законоучитель Моисей, Илья Пророк или человек рехнувшийся, выживший из ума. Ты не законоучитель Моисей и ты не рехнувшийся — как же ты позволяешь себе произносить такие слова? Больше так не говори. Услышат люди и скажут, что ты сумасшедший.

Акавья опустил голову. Он умолк, погрузившись в глубокую печаль.

Хахам на некоторое время оставил его в покое и наблюдал за ним искоса. Лицо Акавы выражало страдание, как будто он услышал дурную весть.

Потом хахам снова заговорил:

— Почему ты молчишь? Отчего ты так мрачен? Если хочешь, продолжим беседу — говори. Говори, я слушаю. Выскажи все, что у тебя на душе. О чем ты теперь думаешь?

— Пусть простит мне сеньор хахам... Я ведь ничтожен... Как скорлупа от ореха... Что мой ум перед вашей ученостью и перед вашей мудростью? Но то, что вы сказали, мне кажется неверным... Я не считаю, что это правильно... Простите меня, пожалуйста.

— По-твоему, я не прав?

¹ Псалмы 103:13.

— Мне кажется... что вы не правы.

— А прав ты?

— Я? Что значит сказать, что я прав? Я так не говорю... Я только спрашиваю... У меня нет мудрости, чтобы что-нибудь утверждать... Я могу лишь задавать вопросы.

— Но твой вопрос — это не вопрос. В нем нет основы. Это как здание без фундамента. Ты выдумал, будто Господь говорил с тобой и внушил тебе что-то, а потом спрашиваешь: почему Он передумал? Почему Он меня оставил? Так вот — я говорю тебе: твои слова — это кощунство... Господь тебе ничего не обещал. Он не пророчествовал перед тобой и не говорил с тобой. Ты заблуждался и блуждал все время, пять лет кряду, а доказательство правоты моих слов налицо: ты странствовал, скитался, тяжело работал, попадал во всякие переплеты — да, ты воевал, лгал и убивал, — короче говоря, творил дела непостижимые. И все — впустую и безо всякой пользы. Сплошные ошибки и невежество. Фантазии, химеры. А теперь у тебя нет ничего. Ты добивался Анахит — и не получил, а то, что мог получить — упустил. Ты несчастен. Такова правда. А все твои "помыслы" и "желания", которыми ты жил — суета и заблуждения.

Акавья побледнел, по лицу его прошла судорога. Сердце его тяжело и резко билось в груди. Акавье казалось, что хахам не говорит, а бьет его обухом по голове, бьет и бьет, и голова раскалывается от этих ударов.

Шимон между тем продолжал:

— Я люблю тебя и потому хочу открыть тебе глаза, хочу, чтобы ты увидел свою дорогу в жизни и не бродил в потемках.

Акавья перебил его:

— Нет, господин хахам. Напротив... Именно теперь глаза мои слепнут. И весь я окутан тьмой...

— Как же так, Акавья, почему?

— Потому что сейчас... Сейчас я схожу с ума... Да, схожу с ума... Я потерял свой путь в жизни.

— Ты не потерял ничего и не сошел с ума, как раз наоборот, сейчас ты обретаешь ум и опыт. Что ты говоришь? Если ты настоящий еврей и боишься Бога, подумай и скажи мне, какой смысл в твоих словах? Объясни мне, и я постараюсь понять. Только младенцы и слабоумные не отдают себе отчета в том, что говорят. Почему ты решил, что я вверг тебя в темноту?

Акавья ответил, дрожа всем телом:

— Потому что если все, что я думал и делал, было ошибкой и не было со мной Бога — что тогда я делаю на земле? Я хочу сказать: что мне вообще делать на свете? Какой смысл в моей жизни? И зачем... зачем я блуждал все эти годы?

Хахам, хотя и ожесточил свое сердце против Акавьи и был нарочито суров с ним, желая лишить его былой наивности (своего блага ради), когда услышал его дрожащий голос и увидел помертвевшее лицо, невольно сжалился.

— Послушай, Акавья, — сказал он, — сейчас я открою тебе глубочайшую мудрость, дабы успокоился твой дух и утешилось твое сердце. Ты недоумеваешь, почему Творец водил тебя все эти годы неверными путями и воздал тебе за добро злом. Упаси тебя Господи думать так. Не Он тебя вел и не Он тебя покинул. Ошибаются те, кто думает, что Господь, благословен Он, следит за каждым шагом каждого из мириад Его созданий. Это вовсе не так. Истинные мудрецы и великие раввины знают, что нет личного промысла Божьего. Тот, кто думает, что Бог управляет каждым мгновением жизни и каждым шагом всех творений, только унижает и порочит Творца, благословен Он.

В этом нет необходимости, Акавья. Он, создавший так много великого и непостижимого, не может быть зависим от желаний, страстей и причуд каждого человека, который будет говорить ему: если Ты мне сделаешь так, то и я сделаю так, а если Ты не сделаешь, то и я не сделаю. И упаси Господи думать, что если человек грешит и поступает подло, то он этим гневает и огорчает Создателя. Если бы дело обстояло

так, то это бы означало, что сила людей превышает силу Господа, и человек может Его огорчать и злить. А если человек добродетелен, дела его хороши, и он выполняет заповеди, ни в коем случае не следует думать, что этим он доставляет радость и удовлетворение Создателю. Получается, будто Творец зависит от наших дел и нуждается в добрых поступках людей. Все, что человек делает, он делает для себя и только для себя. Делает себе добро — и ему хорошо, делает себе зло — ему же самому плохо.

Акавья сидел, всем телом подавшись вперед, рот его был приоткрыт, взгляд блуждал. Временами он чуть покачивался, будто кто-то толкал его.

А хахам, увлекшись, продолжал:

— Философы утверждают, что человек обязан стремиться достичь в жизни всего, чего жаждет его душа. Именно поэтому Творец создал добро и зло, печаль и наслаждения, красоту и уродство, богатство и бедность, чтобы каждый мог брать на этом свете в меру своих сил и возможностей... Нельзя сказать, что Творец любит людей или ненавидит их, желает им добра или зла. Ибо если бы Он их любил, то поселил бы в мире, где было бы лишь благо и добро, а если бы ненавидел — наоборот, превратил бы мир в ад. Но Он создал мир и создал человека, создал зло и добро. У мудреца — "глаза его в голове его"¹. И он берет от жизни все, что может, а глупец причиняет лишь горе душе своей.

Акавья поднял руку, как человек, защищающийся от надвигающейся на него опасности, и голосом, прерывающимся от волнения, сказал:

— Удивительно! Очень странно, сеньор хахам! Не то я слышал. Когда у нас читали проповеди, наш хахам говорил, что Творец, благословен Он, дал нам добрые и дурные страсти, дабы человек боролся... всегда боролся... с ангелом-искусителем. И получал за это награду. Награду за свою борьбу. Добрые стра-

¹Экклесиаст 2:14.

ти созданы для того, чтобы подсказывать людям, что хорошо и как они должны поступать. Чтобы человек не мог сказать: Ты дал мне лишь дурные страсти, и как я, простой смертный, могу преодолеть их? Ради этого Он сотворил и добрые страсти. Так, помнится мне, говорил наш хахам. Клянусь жизнью отца!

— Благо тебе, что ты помнишь слова Торы. Это все мило и хорошо, Акавья. А теперь пойди и посмотри, кто же на самом деле прав? Чьи слова верны? Разве ты не видел нечестивцев и грешников, которые всегда дают волю своим дурным страстям, и тем не менее богаты и счастливы, и на сердце у них радостно и весело? (И тут, в подтверждение своих слов, он назвал Акавье имена некоторых богачей из их общины). И разве ты не видел честных и благородных людей, истинных праведников, которые гибнут в нищете и печали? Вот ты сам, который всю свою жизнь делал добро людям и боролся с дурными страстями — чего ты достиг? А? И знай, Акавья, что не только тебя поразило зло и не только в городе Бурсе дела превратны, но во всех странах и государствах есть десятки тысяч праведников, сердца которых чисты и непорочны, и идут они путем справедливости, а их давят, топчут, унижают, превращают в прах. А тысячи негодяев, подлецов и грешников живут в довольстве и радости, и вся их жизнь — сплошная улада.

Хахам говорил так страстно и убежденно, словно излагал свои заветные мысли:

— Потому-то и говорят философы: "О, люди, люди! Вы живете на свете всего семьдесят лет, а то и меньше. Откройте же глаза свои и узрите. Путь нашей жизни — крут и тернист, бандиты и грабители поджидают нас за каждым поворотом, и лишь немногие едут верхом, скачут легко и свободно, десятки тысяч плетутся пешком, усталые, измученные, ослабевшие. Если тебе посчастливится раздобыть коня или карету, есть шанс, что ты благополучно достигнешь цели. Но если нет — горе тебе! Ты окажешься среди пострадавших. Тебя будут теснить, топтать, бить копытами, унижать.

Стыд и боль станут твоей участью. А все слова и проповеди, которые ты слышал, Акавья...

Но тут хахам вдруг осекся, словно всадник, на всем скаку осадивший коня. Он понизил голос и сказал:

— Иди домой, Акавья. Придешь ко мне через три дня. И, пожалуйста, ни слова никому. Никому нельзя об этом говорить. Я с тобой, а ты — со мной, до тех пор пока Творец не просветит и не вразумит тебя. Могу тебе обещать, что ты уйдешь от меня спокойным и счастливым. Но знай, что если ты проговоришься и откроешь кому-нибудь хоть самую малость того о чем мы говорили, случится несчастье. Сейчас я знаю, как помочь тебе и исправить твои дела, будет очень печально, если все расстроится, когда полпути уже пройдено.

Акавья ушел от иерусалимского хахама. Он походил на человека, который во всей одежде упал в реку с сильным течением, и, хотя его вытащили, он бредет, спотыкаясь и дрожа, в голове у него хаос, а на сердце — растерянность.

13. ПЕРЕМЕНЫ

Спустя несколько дней тио Хисдай спозаранку явился в мезонин хахама. Хисдай был взволнован и напуган. Но прежде, чем он успел раскрыть рот, хахам сказал:

— Можете мне не рассказывать. Я все знаю: Акавья удручен и мрачен. Но вы не должны пугаться. Это неизбежный этап в лечении. Увидите, через неделю он успокоится и будет здоров. Положитесь на меня.

— Да, сеньор хахам, — сказал отец удрученно. — Две ночи он не спит. Ходит как тень и молчит. Жалко сына.

— Не беспокойтесь, тио Хисдай. Все будет в полном порядке. Уповайте на Создателя и на меня. Мы должны следовать далее намеченным путем. Надо

найти девушку, которая предназначена ему судьбой. Надеюсь, что не пройдет и месяца, как мы с вами будем праздновать его обручение. Скажите мне, у вас есть кто-нибудь на примете? Если вы назовете мне девушку, я выясню, суждено ли ей быть супругой Акавы, или ему предназначена другая.

— Живите долгие годы, сеньор хахам. Вы уже подумали и об этом. Премного вам благодарен. Дай Бог, чтобы мы сподобились обручения и свадьбы.

— Да, да, тию Хисдай. Вскоре сподобимся, с Божьей помощью. Так кто же эта девица?

— Есть у меня на примете три девушки... Риджина, дочь сапожника Ицхака. Красивая, высокая, приятная девица, но отец у нее человек бедный. Самое большее, что они смогут дать в приданое — это тридцать *туркасов*¹. Мы уже беседовали с родителями. Другая, Видуджа, не так хороша собой, но сердце у нее доброе, она будет хорошей женой и ни в чем не станет перечить мужу. Ее отец, тию Мордехай, продавец сладостей. Они тоже засылали к нам сватов — предлагают пятьдесят туркасов. Третья девушка наша родственница, Джинтиль, дочь Шломо Смакуфли, торговца метлами. Она... правду сказать, чернявенькая и не особенно симпатичная, зато родители дают сто туркасов. Но вся беда в том, что мы не знаем, как заставить жениха взглянуть на них... Ведь он должен выбрать, сказать, которая из них ему по душе. Мы не смеем даже заговорить об этом...

— Не волнуйтесь, тию Хисдай. Я займусь этим делом и проверю, кто его суженая. Может быть, это действительно одна из тех девушек, о которых вы говорите... В течение недели мы все выясним. Можете на меня положиться. Только нужно действовать осторожно и без шума. В делах брачных лишние разговоры ни к чему.

Узнав имена девиц, иерусалимский хахам начал переговоры с отцом каждой из них в отдельности. Он по

¹ *Туркас* — турецкая лира.

очереди приглашал их к себе и вел с ними приятные и душевные беседы, уподобляясь человеку, подающему своим друзьям благоуханные, нежные и приятные яства. Постепенно, как бы невзначай, он переводил разговор на Акавью: какой парень — богобоязненный, скромный, работяга. И деньжата у него водятся. Он, иерусалимский хахам, крепко полюбил его, потому что увидел его сердце. Редкостный человек этот Акавья. Непорочный праведник и великий труженик. Поэтому он, хахам, хочет подобрать ему такую девушку, которая была бы достойна его.

Он приглашал к себе также и девиц, присматривался к каждой, беседовал, желая разобраться в их характере и душевных качествах. А потом подвел итоги.

Первую, Риджину, умную, живую, красивую девушку он решительно забраковал. Она не подходила для Акавии, и Акавья не подходил для нее, а главное — она не устраивала самого хахама, поскольку не была настолько покорна и наивна, чтобы во всем следовать его воле и стать воском в его руках. Говорила она уверенно, рассуждала непринужденно, взгляд у нее был прямой и открытый, и хахам от нее скоро отказался.

Джинтиль была черной и тощей, как те метлы, что делал ее отец. Сердца Акавии, глаза которого видели Анахит, ей не завоевать.

Зато Видуджа была молчалива, скромна, наивна и миловидна. Они с Акавьей — вполне подходящая пара. Правда, придется еще немало потрудиться, прежде чем они станут парой.

Хахам пригласил к себе Видуджу одну, без отца, и описал ей достоинства жениха, не скупясь на похвалы. Одна беда — он очень упрям. Он вообще не хочет жениться. Он уперся как скала и невозможно сдвинуть его с места. Для него, хахама, это конечно, не препятствие. Упрямство и несговорчивость Акавии он сумеет победить. Он, хахам, решил, что именно Видуджа должна стать женой Акавии. Таково его мнение. Неизвестно, правда, такова ли воля небес, то есть,

суждено ли ей стать его женой. Он должен кое-что проверить, прежде чем дать ответ на этот вопрос. Придется провести три испытания.

— Возьми эти нити, — сказал он Видудже, — они святые, раньше они были протянуты над могилой праматери Рахили, — обмотай их ночью вокруг бедер, а утром вернешь мне.

Получив обратно "святые" нити, хахам подал Видудже платок.

— Над ним я нашептал молитвы добрым ангелам, которые ведают бракосочетаниями, — пояснил он. — Положи его на левую грудь, против сердца. Если в эту ночь тебе приснится Акавья — значит, это дело решенное, он твой суженый, и на следующий неделе будет помолвка. Если же тебе ничего не приснится — приходи ко мне под вечер, мы проведем третье испытание. Но помни, никому ни слова, никто не должен ничего знать. О первом и втором испытании можешь рассказать отцу и матери, но о третьем — никому на свете.

Под вечер девица пришла к хахаму опечаленная. Ей ничего не приснилось. Она старалась увидеть во сне Акавью, но ничего не вышло.

— Не тревожься, — успокоил ее хахам, — третье испытание откроет нам правду. Если в эту ночь тебе приснюсь я или какой-нибудь другой хахам, или если ты увидишь во сне книгу — этого вполне достаточно. Значит, Акавья будет твоим мужем.

Но сначала он, хахам, должен выслушать ее сердце, познать запах ее ноздрей и самолично измерить ее грудь.

Хахам взял кружку воды и совершил омовение рук. Затем открыл книгу, что-то почитал и возвел очи горе. Закрыв книгу и принялся шептать заклинания. Затем он измерил шелковой нитью грудь Видуджи, дотронулся до ее чресел, провел своими святыми руками вдоль бедер, шепотом призывая разных ангелов и святых. Девица все сносила молча, уверенная в действенности этого средства, а хахам своими лег-

кими, уверенными и умелыми пальцами скользил по ее телу...

Он дал ей другие нити, наказав снова обмотать ими перед сном грудь, бедра и голени.

Назавтра девица пришла к нему сияющая и смущенная. Голос ее был тих, но глаза сверкали. Да, были сновидения. Всю ночь ей снился хахам, всю ночь она пребывала с ним...

Он дал ей несколько практических советов и наставлений, как вести себя с Акавьей, чтобы его сердце всегда оставалось с ней.

Когда девица ушла, хахам послал за женихом. Акавья явился, но был рассеян и невнимателен, мысли его витали где-то далеко. Хахам обрушил на него целый водопад слов. Он нашел для Акавьи спасение. Вызволение близко. Случилось чудо. Знамение небес. Ведь браки совершаются на небесах. Если бы Акавья был сведущ в тайнописи, он бы показал ему его судьбу, обрисованную столь явно, ясно и четко, что остается лишь удивляться. И вот что начертано судьбой, слово в слово:

"Акавья, о котором ты вопрошал, юноша богобоязненный и желанный небесам. Он был подвержен многим испытаниям и с честью выдержал их. Его исправление и выздоровление определено созвездиями. Девица, его землячка, третья после братьев и первая среди сестер, девятнадцать лет от роду, родившаяся 8 сивана под знаком Блинецов, — предназначена ему в жены. Она — судьба его. Она — утешение его, она — его излечение и исправление!"

Таково веление судьбы. И хахам подробно и обстоятельно растолковал Акавье его жребий, смысл всех слов и намеков со всей их глубиной и значительностью.

— Не знаешь ли ты среди местных девиц такую, которой девятнадцать лет и которая была бы третьей после братьев и первой среди сестер?

— Нет. Не знаю. Откуда мне знать?

— А может, знает твой отец? Позову его и спрошу...

Но смотри, братец Акавья, если найдется девица, соответствующая всем этим приметам — значит, все складывается хорошо. Если ты соединишься с той, что суждена тебе судьбой — ты забудешь все, что пережил и испытал, твой жизненный путь будет счастливым, и ты сам будешь весел и радостен.

Хахам не давал опомниться попавшей в его сети добыче. Все свое красноречие, все свои лукавые замыслы, все, что ему подсказал его изощренный ум, он обрушил на бедного Акавью. Перст судьбы и чудо небесного предсказания (ведь нашлась же такая девица — Видуджа, — которая соответствовала всем приметам), пламенные речи хахама, изо всех сил старавшегося сделать эту девицу привлекательной и желанной, победили. Акавья был сломлен и покорен. Ошеломленный, он лишился и разума и воли. Десница хахама нависла над ним, как Дамоклов меч, Акавья не помнил прошлого и не видел будущего. Дух его был смущен, а все чувства взбаламучены, как вино в бочке, которую долго передвигали с места на место. Этот хахам встал стеной между ним и Богом. Тень хахама затмила небесный свет. Бог, с которым он всегда пребывал и с которым беседовал в тайниках души своей, как сын, открывающий сокровенные мысли отцу — теперь молчал. Бог безмолствовал. Ни знака, ни сновидения, ни намека.

А хахам не унимался. Бог оставил Акавью, а он, хахам, его подобрал. Как гром гремел его голос и как молния сверкали его глаза. Удивительными и загадочными были его слова, в них жили сила и нежность. Они то согревали и утешали, то пугали и леденили сердце. Мог ли Акавья устоять в этом неравном поединке и вырваться из цепких рук хахама? И что с ним будет завтра, послезавтра? По какому пути ему следовать? Что предпринять? А может быть, этот хахам прав, и Видуджа излечит и успокоит его? Конечно, это не Анахит. Видуджа даже не напоминает ее. Но она добра и приветлива. Слова, которые она произнесла, когда они отправились в дом невесты с первым визи-

том, обрадовали его и запали в душу. Когда их оставили наедине, она сказала Акавье:

— Хахам говорит, что мы с тобой предназначены друг другу небесами. Поверь, вот эти мои десять пальцев я превращу в десять свечей, чтобы освещать твой путь. Со мной ты забудешь все свои печали. В своем доме ты будешь как король во дворце. Разве не великое дело предначертание небес, благословение небес?

Так говорила Видуджа, и еще много хороших и красивых слов услышал от нее Акавья. Лицо ее зарделось и светилось, а голос успокаивал и ласкал. Она не могла сравниться с Анахит, зато она оказалась похожей на его мать.

Может быть, в ней его судьба и спасение?

... Две недели колдовал хахам над этим горшком, пока варево не дошло окончательно: на исходе Субботы утешения состоялась помолвка.

Иерусалимский мудрец собрал богатый урожай, возвращенный им в Бурсе. Он получил свою долю и от отца и от сына. И отец невесты отблагодарил его, также вручив солидную мзду. В конце месяца элула хахам отправился дальше в путь, весьма довольный собой. Акавья же к великой радости всей семьи в праздник Кушей встал под брачный балдахин.

Но пролетел медовый месяц, и Акавья стал освобождаться от чар иерусалимского хахама. Он напоминал пьяницу, который, протрезвев, встает поутру с головной болью. Когда винные пары улетучиваются, остается только горечь во рту и пустота на сердце. Акавья не чувствовал ничего, кроме тупого отчаянья. Не было больше прежнего Акавьи — сердце его было разбито, а душа разорвана на куски.

Всю зиму после женитьбы Акавья ходил, как лунатик, будто кто-то посторонний управлял его телом. Шаги его были нерешительны, как заведенный он двигался утром в мастерскую, вечером — домой. По видимости все было тихо и спокойно, все шло своим чередом, но вопль отчаяния рвался из его груди, и безутешно рыдала его душа.

В мастерской его руки привычно делали свое дело, но труд был лишен радости — она улетучилась. Работа стала бездушной, механической, лишенной всякой прелести. Работа была мертва. Акавья привык трудиться.

Все свои дни он трудился. Он любил работать, но работа никогда не была для него самоцелью. Он работал ради чего-то большего, высшего. Работа в его руках была средством, помогавшим идти навстречу тому неведомому голосу, голосу его души, голосу Бога, который звучал в сердце. Бывало, Акавья стучит молотком, режет ножницами жести, а в душе звучат песнопения, теснятся неясные надежды. За плечами у него вырастали крылья, а внутри все пело. Он не знал усталости, работал с утра до вечера и ждал следующего утра в радостной уверенности, что на него прольется великий свет. Его рабочий уголок в лавке жестяных изделий был наблюдательным пунктом. Он ждал и надеялся, много дней он ждал и надеялся. Он мечтал о Божественной длани, которая коснется его головы, и тогда ему откроется воля Божья, и он узнает, чего именно Отец его небесный ждет от Акавии.

А сейчас? На что ему сейчас эта работа? Какой в ней прок? Где тот свет, что сиял в Божьем мире и в его душе? Где те дни подъема и томления, которые вели его в горние выси?

Теперь он сидит в своем углу, опустошенный и обкраденный. Теперь он простой мастеровой, жестянщик Акавья Кордоверо. Как птица, у которой оторвали крылья, и она беспомощно ползет, изнемогая, по обочине дороги, так и Акавья переползает из одного серого бесконечного дня в другой. Измученной искалеченной птицей чувствует он себя, шагая по утрам из дома в мастерскую, а вечером — из мастерской домой.

Дома — тишина и покой. Видуджа старается выполнить свое обещание и превратить десять своих пальцев в десять свечей, чтобы освещать его путь. Но увы! Свечи эти горят напрасно. Душа его погружена во тьму. Никакой свет туда не проникает. Печаль, тоска и невыносимая боль в его сердце.

Каждый раз, когда он по вечерам возвращается домой, она стоит на пороге и ждет его. Целый день она ждет его.

— В добрый час! — говорит она тихо, когда он переступает порог комнаты. Каждый день она приветствует его этими словами. Каждый вечер он для нее самый дорогой гость. Она чутко прислушивается к каждому его вздоху, ловит каждое его слово, старается угадать малейшее желание. Низкий стол в их комнате уставлен каждый вечер такими яствами, какие обычно подают лишь по праздникам. Все сверкает чистой. Стакан прозрачен, тарелка блестит, скатерть выутюжена. А как она стряпает! Горячая ароматная похлебка и сочное жаркое, соленья и печенья, обжаренные зерна и острые восточные приправы... Так едят только богачи.

Его глаза все это видят, его уста благодарят, а в сердце его холод.

Верно, он к ней внимателен. Она ни в чем не виновата... Ни в чем нельзя ее упрекнуть. Он с ней вежлив и обходителен, но он равнодушен к ней. Его сердце кровоточит. Оно не излечилось от старых ран. Близость Видуджи не радует его, не заставляет трепетать. Не жаждет Акавья ее близости и не чувствует к ней ничего. Разве таким он был в присутствии милой его сердцу Анахит? Почему, почему отняли у него Анахит?.. Он осиротел. Он потерял Анахит, а эта, Видуджа, не нужна ему. Она пригожая, добрая, честная. Она предана ему. Но в его сердце для нее нет места.

Ни разу Акавья не сказал ей грубого слова. Он боится даже невзначай обидеть ее. Она — его жена. Его жена, но не его судьба... Пустыми и лживыми были слова хахама! Его обещания не сбылись...

Этого хахама день и ночь клянет Акавья. На него изливает он весь свой гнев. Теперь он видит, что тот хитрил и лукавил. (Многие в городе вдруг прозрели и поняли, что иерусалимский мудрец ловко обманывал их, выманивая монету за монетой). Только он, этот иерусалимский пройдоха, виноват в страшной

беде, которую Акавья обрушил на свою голову. Как злой чародей, он лишил его воли, ошеломил, обезоружил, связал по рукам и ногам, загнал в угол, а сам поспешил удрать.

О, если бы сердце Акавьи не было в таком смятении! Если бы Господь Бог не оставил его, он покорно принял бы все удары судьбы. Он смирился бы со своей долей. Если бы он знал, что его карает Отец небесный, он искал бы причины, пытался понять, в чем он согрешил, и не успокоился бы до тех пор, пока не нашел бы пути к спасению. Но речи хахама не оставили ему надежды. Бог далек. Его взор не следит за людскими делами. Он равнодушен к творениям рук своих. Каждый идет своим путем, хорош он или плох. Случается, что нечестивец гибнет за свои злодеяния, а бывает, что он преуспевает. Бывает, что праведник вознагражден, но чаще он унижен и втоптан в грязь. Да. Да. Сейчас у Акавьи открылись глаза, и он все это увидел. Теперь он поумнел и все понимает. Но как же так? Как может существовать мир без правосудия? Без правды и справедливости? Почему, почему Бог на все это закрывает глаза? Почему человека богобоязненного, любящего Творца, желающего жить по Его заветам, Он отбрасывает от себя, как разбитый горшок? Почему Господь отвел от него Свой взор? Как жить одинокому и несчастному человеку?

Подобные мысли терзали сердце Акавьи, работа валялась из рук, взор тускнел, он забывал и себя, и окружающих.

Иногда рядом с ним на низкой скамейке у входа в мастерскую сидел отец. Он лишь помогал сыну (Акавья сдержал свое слово и не позволял отцу на старости лет тяжело работать). Заметив как-то, что мысли сына витают где-то далеко, Хисдай решил пошутить:

— Нет, Акавья, ни к чему тебе пускаться в дальнее плавание. Твои корабли благополучно достигли пристани. Клянусь своей жизнью, все товары придут в целости...

Акавья как бы пробудился, пытаясь отогнать от себя терзавшие его мысли.

Так прошла зима.

С наступлением лета душа его стала трепетать, как птица, посаженная в клетку. Он рвался в горы. О, если бы он был холостяком, если бы не было этой женщины, которая каждый вечер с нетерпением ждет его возвращения! Не надо было бы без конца следить за собой, думать, как говорить, что отвечать!

Изо дня в день он умирал свой дух и подавлял свои желания. Как кот, забившись под лавку, смиренно лежит в уголке, так и Акавья сидел, скрючившись в углу мастерской. И вдруг безо всякой мысли, сам не зная, куда и зачем, он вышел в полдень (это было в понедельник) из мастерской и, подобно льву, вырвавшегося из клетки, ринулся в горы. Он шагал и шагал, дальше и дальше. Он не захватил ни посоха, ни дорожной одежды. Пять часов не останавливаясь шел он по дороге, ведущей в горы, пока вечер не застал его в одном из небольших сел. Там он заночевал. На завтра с рассветом он встал и зашагал дальше, как будто надеялся отыскать впереди на дороге что-то весьма ценное. Шагая, он не думал о том, куда держит путь и что станет делать дальше. Какая-то сила гнала его прочь из Бурсы, прочь от дома. Но следующим утром, когда взошло солнце, он уже знал, чего хочет. Да, он и впрямь идет, чтобы вернуть большую потерю. С болью в сердце и с печалью в душе он вспоминал сейчас свою молодость. Там, среди гор, притаившись, ждет его чистая, светлая, лучезарная молодость. Он направился в Дирами.

В этом селе, раскинувшемся высоко в горах, среди неприступных скал, его взору впервые открылось могучее царство вечного покоя и Божьей благодати. Туда он пойдет. Туда стремится его душа. Эти горы и долины пленили его сердце, когда он был еще мальчиком. Там он увидит юношу, лежащего в траве и молча созерцающего божественную красоту. Там он найдет себя, найдет Акавью.

Акавья нигде не хотел задерживаться, но во многих селах его узнавали и приветствовали как старого знакомого.

— Глядите, клянусь жизнью, это Акав! Смотрите, какой он стал! Настоящий мужчина! Чтоб не сглазить! А какая борода! Не парень, а лев!

Его останавливали, расспрашивали, что он делает, куда пропал, почему не показывается. Акавья вежливо отвечал, но тут же прощался и шагал дальше. Под вечер он достиг Дирами и остановился, глядя на открывшуюся его глазам долину. Он стоял молча. Сердце его трепетало, к горлу подкатил комок, из глаз хлынули слезы. Хорошо здесь... О, если бы можно было вернуть былые времена! Забыть об этой женщине, которую ему навязали, уйти от Божьего гнева! Как вернуть дни молодости, душевный покой, любовь Господа?!

...На третий день в полдень он вернулся домой. Разбитый и удрученный, как пес, что сорвался с цепи и носился на воле, а теперь пытается незаметно проскользнуть в свою конуру, шел Акавья по улицам Бурсы. Весь вид его выражал покорность, когда он молча шагнул на отчий порог. Домочадцы глядели на него, но никто не произнес ни слова, все делали вид, будто ничего не случилось. Видуджа стояла бледная и тихо приветствовала его:

— Как хорошо, что ты вернулся! Бог воздаст тебе за это долгими годами счастливой жизни.

А отец по обыкновению шутил:

— В следующий раз, когда вздумаешь пойти погулять, извести нас заранее, чтобы мы не ждали тебя напрасно и могли спокойно спать по ночам. Небольшая записка ведь денег не стоит.

Когда Акавья вошел во вторую комнату, он увидел маму. Она лежала на кровати, стоявшей в нише у окна.

— В добрый час, сын мой... — сказала она и не добавила ни слова.

Кажется, ему было бы легче, если бы его бранили и упрекали. Молчание родных было хуже всяких слов,

оно тяжестью ложилось на сердце. Его отец, мать, жена напоминали людей, которых напоили отваром полыни и заставляют делать вид, будто ничего не случилось. И их мучителем был он, Акавья.

Он и не знал, какой переполох вызвало его исчезновение. Когда он не вернулся и на вторую ночь, у матери случился сердечный приступ.

Родственники отправились разыскивать Акавью. На третий день утром гонцы вернулись и сообщили, что Акавья жив, здоров и спускается с гор. Решили ни в чем не упрекать его, чтобы не дай Бог, он не ушел снова — и без того мать была еле жива.

Акавья вернулся к прежнему образу жизни — утром шел в мастерскую, вечером возвращался домой. И так как все видели, в каком он мрачном настроении и как он осунулся, то старались во всем ему угодить и всячески выразить любовь и внимание.

17 тамуза¹ Акавья закрыл мастерскую в полдень и рано вернулся домой. Отец с матерью куда-то ушли, а Видуджа возилась по хозяйству.

Акавья сидел на кровати, стоявшей в нише у окна. Он подозвал жену и попросил ее присесть рядом.

— Послушай, Видуджа, — сказал он негромко, — я хотел бы с тобой поговорить... Я только боюсь, что ты на меня рассердишься...

— Почему, милый, я должна на тебя сердиться? Все, что ты мне скажешь, я приму как слова султана, обращенные к рабыне.

— Да, я знаю, что у тебя доброе сердце. Другой такой как ты не сыщешь. Поэтому я не хотел бы огорчать тебя... Я бы все отдал, что у меня есть, лишь бы тебе было хорошо...

¹ В этот день, согласно преданию, в 586 г. до н. э. войска вавилонского царя Навуходоносора пробili Иерусалимскую стену; в этот день в 70 г. н. э. одна из стен Иерусалима пала под натиском войск Тита. В этот день в разное время происходили и другие трагические события — были разбиты скрижали завета, греки осквернили Иерусалимский храм, установив в нем идол и т. п.

— Расскажи, что тебя мучает... Обещаю тебе, что все, что ты скажешь, я приму с любовью. Не бойся, мой милый.

— Послушай, Видуджа, то, что я хотел тебе сказать, касается любви... Ты заслуживаешь любви, Видуджа...

— Это для меня большое утешение, великое утешение. Чего еще я могу желать, кроме твоей любви?

— Нет, не могу... — Акавья застонал. Он совершенно растерялся. Как же теперь сказать ей то, что он хотел?.. О, если бы Бог помог его устам...

Немного помедлив, он продолжил:

— Я хотел тебе сказать... Я хочу избавить тебя от страдания... не хочу, чтобы ты мучилась... Ты должна жить... Увидеть настоящую жизнь... Ты это заслужила. Ты достойна счастья. Пока еще не поздно, я хотел сказать, пока у нас нет детей... Ты еще молода... Тебе только двадцать лет... Ты достойна хорошей жизни, я хочу, чтобы у тебя было будущее... Что бы ты сказала, если бы я ушел? Если бы мы разошлись?.. Я дам тебе развод... Я понимаю, это тяжело... Но это позволит тебе начать новую жизнь...

— Это все, что ты хотел мне сказать? — Она старалась оставаться спокойной, будто он не вонзил ей только что нож в сердце. — Но... я не понимаю, какая в этом необходимость... — Слезы потекли у нее из глаз, она не в силах была сдержать их. Но все-таки она справилась с собой и продолжала: — Не обращай внимания на мои слезы... Они льются сами собой... Я не хочу плакать. Я только хочу понять... Зачем это нужно? Позволь мне остаться с тобой... Если ты не хочешь, чтобы я была твоей женой, я буду твоей рабыней. Неужели я так противна тебе, что ты не в силах вынести моего присутствия?

— Нет... нет... Видуджа... Поверь, поверь мне... Не в этом дело. Ради тебя я хочу... Чтобы тебе было лучше... Чтобы ты жила счастливо...

— Я могу быть счастлива только с тобой. Есть черствый хлеб с тобой, пить воду из твоего кувшина — это мое счастье. Почему ты решил, что мне плохо с тобой?

— Не в этом дело... Ведь я вижу... Видуджа, я не выдержу, я сойду с ума... Завтра, послезавтра, через неделю... Это будет мой конец.

— Почему, почему, Акавья? Чего тебе не хватает? Отец и мать готовы отдать за тебя душу! Если не ради меня, то ради них, сжался... Скажи мне... Скажи, что у тебя на сердце? Какая печаль гложет тебя? Что случилось с тобой? Скажи — мы поможем тебе. Открой мне твою душу. Может, мы что-то делаем не так?

— Нет, что ты... Никто в этом не виноват. Ни мать, ни отец, ни ты... Я вижу, что вы страдаете из-за меня... Из-за меня страдают родители. Из-за меня страдаешь ты. А я... Я не знаю, что со мной происходит. Я только чувствую, что не хочу жить. Со мной творится что-то неладное. Я утратил Господа. Нет со мной Бога... И молюсь я так, по привычке... Хожу в синагогу, но вижу себя... брошенным... изгнанным... Господь покинул меня. Господь сокрыл от меня лицо Свое. Он за что-то сердится на меня. Он отнял у меня жизнь, отнял надежду. Он растерзал мою душу, вырвал сердце...

Молодая жена слушала и мучительно думала: "Что с ним происходит? Почему у него такие страшные мысли? Что за этим кроется?" И она осторожно спросила, как человек, который со страхом стучится в запретную дверь:

— Отчего произошла с тобой такая перемена? Ведь ты не всегда носил эту тяжесть на сердце? Что тому причиной? Ничего не бывает без причины...

Акавья молчал. Как ответить на этот вопрос? Он не может продолжать беседу. Это тайна. Он не может открыть ее жене. Но разве он сам понимает, в чем дело? В чем причина? Или нет никакой причины? Анахит он вырвал из сердца. Прежде она жила там, но теперь... Нет там Анахит... Причина исчезла. Но последствия остались. Что он может рассказать?

И тут Акавья услышал голос жены, звучащий глухо, словно из подземелья.

— Может быть, ты любишь другую? Может, это причина?

Акавья взглянул на нее, пораженный. Она спросила, и он обязан ответить.

— Послушай, Видуджа, клянусь тебе Богом, жизнью матери, что говорю правду. Только тебе откроюсь. Чтобы ты поверила. Чтобы ты успокоилась. Да, я любил. Но это было раньше. А сейчас... Сейчас... не в этом дело... Вовсе не в этом. Ее уже нет. С этим покончено. Не думай только, что я заговорил о разводе из-за нее. Нет. Мне жаль тебя... Только ради тебя... Тогда бы... Если что-нибудь со мной случится... Я буду один. Я не должен буду думать о жене...

Из глаз Видуджи лились слезы ручьем. Потом она вдруг обмякла, упала и лишилась чувств.

Акавья растерялся, выскочил во двор и стал звать на помощь. Прибежали соседи.

Когда к Видудже вернулось сознание, Акавья склонился над ней, взял ее руку и прошептал:

— Я виноват. Ты останешься со мной до моего последнего дня. Ты моя жена. Я любил другую. Но с тобой я буду всегда.

Видуджа пыталась скрыть от свекрови причину своего обморока. Она всячески успокаивала ее и уверяла, что все дурное уже позади. Но мать упорно заклинала ее сказать правду.

Когда же невестка открыла ей, какие мысли были у Акавьи, она поникла, будто ее напоили отравой. С этого часа что-то сломалось в ней. И хотя через год она держала на руках первую дочь Акавьи, у нее уже не было сил радоваться. Душа ее была измучена и истерзана. Она лежала в постели и медленно угасала, пока не отдала Богу душу, не дожив до шестидесяти лет.

Акавья чувствовал, что он повинен в преждевременной смерти матери.

С этого дня окончательно померк для него свет солнца. Беспомощный стоял он перед страшным приговором, который был ужаснее всего, что случилось с ним прежде. Его любимая и дорогая мама умерла... В бессильном отчаянье он до крови кусал губы. Все его существо восставало против страшного приговора безжалостной судьбы. Он не может принять его.

Если он, Акавья, грешен, пусть Бог карает его. Но почему должна была умереть эта святая женщина? Только для того, чтобы причинить ему боль, чтобы мучить его, Акавью, Бог лишил ее жизни? Тот не судья, кто судит так жестоко.

Нет, он не может признать справедливости этого суда. Невольно вспоминал он слова иерусалимского хахама: нет милости Божьей на Его творениях, Он не отец сыновьям своим. Разве отец может казнить невинных? Разве станет он отнимать у детей своих самого близкого человека. Нет, Он не отец. Он Бог. Его жалость — это не людская жалость, Его доброта — это не людская доброта. Человек, рожденный женщиной, не причинит другому такого зла, как боль утраты, боль смерти. Акавья не может простить Богу смерти матери. Он хочет справедливости, честного суда, и пусть ответит ему Господь из высей своих! Пусть Он найдет на его голову гнев смерти. Пусть его, Акавью, призовет к ответу! Но не на том свете. Здесь, в этом мире, где он грешил и страдал. Пусть Он тут произнесет слово Свое. Здесь Он должен судить по справедливости. Что ему, Акавье, потусторонний мир? Пусть тут призовет его Бог к суду. А пока Он молчит и не дает знака, Акавья не признает справедливости приговора.

Он скрывал свои переживания ото всех. Он нес свой тяжкий груз молча. Из уст его не вырвалось ни единого стога — он опасался за жизнь отца. Сейчас ему здоровье отца было дороже всего на свете. Не хватало ему еще и отца свести в могилу! Никогда в жизни отец не знал никакой болезни, никакого недомога-

ния, а теперь, после смерти матери, он ссутулился, сгорбился, ходит с поникшей головой, в волосах появилась седина...

Акавья не открывает отцу своих мыслей. Ради него он готов страдать молча. Он аккуратно ходит в синагогу. Он не молится и не обращается к Богу, не возносит стенаний к небесам. Уста его и сердце немы. Ни с кем он не делится своими мрачными думами. Только однажды, когда Видуджа встрети-
лась, увидев, что он сидит неподвижно и даже не слышит, что она к нему обращается, он сказал, успокаивая ее:

— Не пугайся, Видуджа, если я сижу задумавшись. Я не натворю никакой беды, никому не сделаю зла. Я всегда помню о тебе и об отце и не причиню вам боли... Но Бог.... Я требую Его ответа... У меня счет с Ним...

И, видимо, этот неоплаченный счет стал причиной первой морщины, глубоко прорезавшей лоб Акавьи...

Потекли дни, однообразные, серые, монотонные и угрюмые, без каких-либо перемен, без проблесков радости... В дом стала частенько навещаться теща, а затем и вовсе поселилась там. Она овдовела, все ее дети имели свои семьи, вот она и решила помогать дочери и утешать осиротевшую семью.

В этот траурный год душа Акавьи разрывалась от горя. Где бы он ни находился — дома ли, в мастерской, чем бы ни занимался — все рисовалось ему в самых мрачных красках, во всем был привкус горечи. А тут еще случилась неприятность — три его приятеля, которых он знал еще по кутабу, попросили у него займы денег. Крупные суммы. Они говорили с Акавьей доверительно, как со старым другом, взывали к его милосердию, просили выручить из беды и ссудить их деньгами. Каждый взял пять золотых лир. Один вернул свой долг. А два других... Да падет проклятье на их голову! Когда пришло время возврата долга, один вообще все начисто отрицал:

— Никаких денег я не брал, не видел тебя и ни о чем не просил...

О небеса, он даже не отвел глаз!..

А второй сказал:

— Верно, ты одолжил мне пять золотых лир. Верни мне золотой браслет жены, который я дал тебе в залог — и я верну свой долг...

Из-за таких негодяев гибнет земля...

Отцу Акавья ничего не сказал, чтобы не огорчать его, но с дядей поделился своей бедой. Так как у Акавьи не было ни свидетелей, ни расписки, ни векселя, ни долгового обязательства, дядя только усмехнулся:

— Скажи "ми шеберах"!¹ Пусть эти бандиты процветают и здравствуют!

Он принялся наставлять Акавью и на многое открыл ему глаза, заклиная не уподобляться ослу, который сбрасывает в пропасть драгоценный груз, обрекая его на гибель.

Обманивали Акавью и по мелочам. Занятый своими тягостными мыслями, он плохо соображал, что творится вокруг. Подавленный и беспомощный, он чувствовал себя потерявшимся ребенком.

Кончился год траура, все сняли черные одеяния, и тут вдруг в один из осенних дней в дом Акавьи пришла неожиданная и негаданная радость. Так проникает луч света в темную комнату через случайную щель — там, где его и не ждали...

В хол-хамозд² праздника Кушей в доме царила тишина. Акавья встал после дневного сна и играл с дочуркой. Видуджа вместе с матерью сидели у входа в шалаш. Отец еще дремал на своем ложе.

¹"Ми шеберах" ("тот, кто благословил") — благословение, которое произносит *габай* (староста) синагоги в честь прихожанина, вызываемого к свитку Торы.

²Хол-хамозд (иврит, букв. — праздничные будни) — дни между первым и последним днем Пасхи и Суккот, когда разрешается выполнять некоторые работы.

Кто-то постучал в дверь. На пороге стояла молодая, нарядно одетая женщина, которую сопровождал мальчик-служка. Она спросила Акавью — Акава.

Акавя вышел во двор. Увидев гостью, он воскликнул, с трудом сдерживая волнение:

— Анахит!

В полной растерянности смотрел он на нее и не знал, что сказать. Наконец, опомнившись, велел приготовить кофе и подать к столу сладости, а жену попросил одеться по-праздничному.

Гостью усадили на мягкие подушки на самом почетном месте в шалаше.

Когда вошла Видуджа, Анахит встала, протянула ей руку и дружески заговорила:

— Не утруждайте себя, пожалуйста. Я только выпью с вами чашечку кофе. В моем распоряжении всего два часа. Вечером мы едем дальше.

И взглянув на Акавью, добавила:

— Я чувствовала, что не успокоюсь, пока не повидаю тебя. Мы с мужем путешествуем по Анатолии, и я уговорила его завернуть в Бурсу...

— Я очень благодарен тебе...

— Тебе не за что меня благодарить... Я перед тобой в вечном долгу... Ты слишком много сделал для меня...

Акавя поспешил переменить тему разговора и спросил:

— Где же твой муж?

— Он остался в гостинице. Я хотела прийти к тебе одна...

И обернувшись к Видудже, продолжала:

— Твой муж — замечательный человек. Я желаю тебе, сестрица, долгих лет счастливой жизни... Не удивляйся, что я пришла сюда... Однажды он вызволил меня из большой беды. Все эти годы я мечтала повидать его — поблагодарить и попросить у него прощения...

— Да... Само собой разумеется, — сказала Видуджа. — Доброе сердце тянется к доброму сердцу. Все, кто знает Акавью, любят его...

Акавья не слышал слов жены. Он не сводил глаз с Анахит. Ему казалось, что он грезит наяву и видит дивный сон... Заметив, что Акавья смущен и растерян, Анахит старалась не дать прерваться нити беседы и говорила за двоих — за себя и за него, пока не выдохлась, как человек, взваливший на себя и свою поклажу, и поклажу друга.

Услышав о смерти матери Акавьи, с которой она мечтала познакомиться, Анахит искренне опечалилась и замолчала. Потом она вспомнила село Гюзилик, их дружную компанию... Но тут пришло время прощаться...

Уходя, она протянула Акавье запечатанный конверт и умоляла не вскрывать его до завтрашнего дня.

Когда на следующий день конверт распечатали, то нашли в нем короткое письмо, к которому была прикреплена какая-то бумажка. С письмом пошли к дяде Акавьи, человеку сведущему в мирских делах. Дядя объяснил, что Анахит просит принять от нее маленький подарок: чек на двадцать турецких лир. Во имя всего, что дорого Акавье, пусть он не откажет ей в этой просьбе.

Происшествие показалось домочадцам загадочным и удивительным. Но все попытки выудить из Акавьи какое-либо объяснение ни к чему не привели. Он упорно молчал.

В конце концов Акавья все-таки поведал отцу, что он сделал для этой армянки и как он спас ее от злодея.

Видудже он признался:

— Это в нее я был влюблен... Как видно, небесам было угодно еще раз привести ее ко мне. Я не надеялся, что увижу ее снова... Хорошо, что она явилась, теперь мне легче — как будто тяжесть свалилась с сердца...

— Я рада, что ты успокоился.

— Ты видела, какая она красивая?

— Красивая? Да... Но не очень... — сказала Видуджа.

— Не очень? Мне кажется, краше ее нет женщины на свете!

— Ты еще любишь ее?

— Люблю?.. Да, я люблю ее... Как звезду на небе... А тебя я люблю как мою жену и как мать моей дочери.

Рассказ Акавы не на шутку взволновал отца. Оказывается, сыну грозила смертельная опасность! Сколько он пережил! Воображение рисовало Хисдаю картины одна другой ужаснее. И в ту же зиму он сказал Акаве:

— Скоро, Бог даст, Видуджа благополучно разрешится от бремени и родит тебе сына или вторую дочь. Подождем год, пока малыш подрастет, а затем переедем всей семьей в Иерусалим. Сердце подсказывает мне, что лишь там, на Святой земле, я смогу обрести душевный покой и хоть немного утешиться после смерти жены. Там мы начнем новую жизнь и по милости Творца будем счастливы.

И они принялись готовиться покинуть Бурсу и отправиться в дальний путь. Видуджа родила вторую дочь, но тут занедужил отец. Им овладела странная слабость, он слег и больше не вставал. Никто не знал, что за болезнь подтачивает его силы. Он пытался ободрить домашних, уверял, что скоро выздоровеет, и тогда они тронутся в путь, но судьба распорядилась иначе.

Два месяца угасал тио Хисдай. Незадолго до кончины он позвал к себе Акавью и завещал ему:

— Когда кончится год траура, сразу же бери семью и отправляйся в Иерусалим. Я не сподобился узреть Святую землю, но мне будет утешением знать, что хоть сын мой живет там.

Спустя два года Акавя с женой и дочерьми отправился в Иерусалим. Ему было тогда тридцать пять лет.

14. В ИЕРУСАЛИМЕ

В Эрец-Исраэль они плыли морем. Акавья с нетерпением ждал того часа, когда нога его ступит на Святую землю Иерусалима. На пароходе были и другие евреи, но никто не мечтал о восхождении к Сиону так страстно, как Акавья. Ибо не только восхождения он жаждал, но и душевного обновления. Все ждали радости для сердца, но он ждал сердечного исцеления. Все считали себя сыновьями, изгнанными когда-то из отцовского дома и теперь возвращающимися к нему. Но Акавья чувствовал себя блудным сыном, которому предстоит вымаливать милость и снисхождение Отца. Так подсказывало ему его исстрадавшееся сердце.

Пароход прокладывал себе путь среди бескрайнего морского простора, упрямо рассекая волны, и Акавья мысленно прокладывал для себя путь к новой жизни. Часами сидел он на палубе, и в голове его, подобно волнам за кормой, вздымались и опускались тревожные и сладкие мысли. Если он сподобится жить на Святой земле, он должен заслужить милость Отца небесного, дабы Он примирился с Акавьей и снова явил к нему благоволение...

Как хорошо, что отец — пусть он пребывает в раю! — наказал ему переселиться в Эрец-Исраэль! Да будет он стократ блажен за то, что в душе его родилась такая мысль. Акавья понимал, что последнее желание отца — чтобы Акавья вместе с семьей перебрался в Иерусалим, — было продиктовано заботой о сыне. Только в отцовском сердце, преисполненном любви и жалости, могла родиться такая дерзкая мысль. Отец, видя Акавию в отчаянье и унынье, нашел для него чудесное исцеление.

В тот час, когда отец, мир праху его, призвал его к своему смертному одру и высказал последнюю волю, Акавию охватило глубокое волнение. И сейчас, спустя два года после того разговора, душа его трепещет и дрожит, как этот пароход. Он чувствует некий

смутный призыв, напоминающий те голоса, что звучали прежде в его сердце.

На этом пароходе, который кажется таким одиноким между водой и небом, он вновь познал былой восторг, он вновь готов покорно склониться перед Отцом небесным. В те горькие дни после смерти матери, мир праху ее, его сердце засохло, подобно дереву, корни которого лишились доступа воды, листья опадают, ветви редеют... Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не слова отца, открывшие ему новую цель в жизни.

Он стоял, опираясь на поручни, вдали от жены, тещи и двух своих дочерей, и говорил сам с собой.

Горе мне! Я взбунтовался против небес!.. Стыд заливают мое сердце, когда я вспоминаю, что дерзнул восстать против Отца небесного. Стыд и раскаянье... Я позволил себе гневаться на Господа, и уста мои произносили дерзкие речи. О, Акавья, Акавья!.. Куда привела тебя твоя гордыня! Против Творца вселенной, создавшего небеса, великие моря и явившего нам столько чудес, ты осмелился выступить... Кто ты такой, Акавья Кардоверо? Червь презренный. Жалкая песчинка. Неуч, лишенный разума. В Торе ты невежда, в мирских науках — профан. Человек с пустой головой, неразумным сердцем и спотыкающимися ногами.

... Что ты, знаешь, глупец, о путях Господних? Что знает муравей о вселенной? Кто ты и что ты по сравнению с Творцом? Разве можно равнять каплю воды и великий безбрежный океан? Как ты осмелился упрекать Господа в том, что у тебя умерла мать? Разве только у тебя одного умерла мать? Разве ты первый человек на земле? И разве не подвергались мучениям, гонениям и пыткам даже великие праведники?..

Да, он крутом виноват... Глупость и грех идут рука об руку... Он заблудился и сбился с пути, потому и пропала Божья благодать... И все же... Какой порок Господь обнаружил в нем, что позволил ему сбиться с пути и опозорить себя? И почему Творец

был милостив к нему в дни его молодости, а потом сокрыл Свои пути перед ним? Почему в его сердце пропала любовь к Господу? Да, он невежда и пути Господни неведомы ему. Там, в Иерусалиме он возьмется за изучение Торы; может быть, сведущие люди просветят его...

Как было бы хорошо, если бы ему довелось встретиться в Иерусалиме с хахамом Абрамаджи! Но он, по слухам, переселился в Хеврон. Может быть, Акавья сумеет поехать туда, дабы почтительно приветствовать своего старого учителя и побеседовать с ним. Ведь тот, кто обучал его ребенком грамоте, должен понять, что у него на душе.

А может быть, он будет учиться Торе и смирению перед Господом у других хахамов. Там, в Иерусалиме, несомненно много великих и мудрых хахамов. Но если он встретит Шимона Акнина, то поспешит поскорее удалиться от него. Этот хахам — очень странный и неприятный человек. Это он спутал в голове Акавы все мысли, омрачил его дни и перевернул весь его мир. Выходит, что и среди раввинов и хахамов есть дурные люди. Теперь Акавья поумнел. У него раскрылись глаза. Он уже не наивный юноша, готовый довериться первому встречному. Теперь он сумеет отличить солому от колосьев, дурное от хорошего. Не все, что блестит, золото. Не все фрукты съедобны. Теперь он достаточно опытен. Много на свете хитрости и обмана. Правда переплетается с ложью. Ум и хитрость идут подчас рука об руку. Есть люди, у которых язык для того и существует, чтобы скрывать мысли. На сердце у них одно, на устах другое. Когда-то он думал, что все люди стремятся к правде. Но это вовсе не так, в последние годы Акавья видел много невзгод и обмана, лести и лжи. Почему Творец создал этот мир таким? Это Его тайна. Кто может знать тайны Божьи?

Теперь Акавья понимает, что пути Господни неведомы ему. Человек не должен даже спрашивать. Нет такого человека, который мог бы постигнуть Божьи помыслы. Он один творит дела великие.

...Акавья ждет подтверждения свыше, что там, в Иерусалиме, он освятится и обновится. Одиноким, сирым, пойдет он Его стезей. Он будет предан Богу, и, быть может, Бог вернется к нему. Там, в Иерусалиме, он не станет докучать Господу своими вопросами, брюзжать и искать объяснений непостижимому. Не для невежды это. Он не будет более устремлять глаза свои к Божьим тайнам. Лишь бы Господь освятил его путь, лишь бы он мог выполнять Его волю и преданно служить Ему. Его душа так жаждет Бога. Его душа так ищет близости Творца! О, если бы Господь мог простить его! О, если бы Он перестал на него гневаться! О, если бы Он стер все его прегрешения! Только бы сподобится этого!

...Сердце ему подсказывает, что в Иерусалиме над ним засияет Божий свет. Ведь там источник света. Там — Божья обитель. Благо глазу, который узреет святой город, город праотцов, пророков и царей, город Самуила и Илияху-ха-нави, Давида и Соломона...

Искреннее и глубокое раскаяние терзало сердце Акавьи, и горячие волны печали и надежды захлестывали его, подобно тем высоким и сильным волнам, что разбивались о борт парохода, дробясь на множество брызг.

Все пассажиры — будь то евреи, христиане или мусульмане — невольно обращали внимание на рыжебородого молодого человека с бледным одухотворенным лицом. Люди с любопытством смотрели на него, но он не замечал их взглядов и, погруженный в свои мысли, молча шагал по палубе. Он ни с кем не заговаривал, ни с кем не общался, не принимал участия в общих развлечениях и лишь нетерпеливо вглядывался в горизонт.

Утром 19 ияра 5662 года по еврейскому календарю ¹ они въехали в Иерусалим.

¹ Июнь 1902 года.

На следующий день Акавья ходил по улицам Старого города, его рынкам и площадям, заходил в синагоги и молельни, и сердце его неутешно рыдало. Нет, не таким представлял он себе град Давида, святой Сион. С самого раннего детства и до дня прибытия в Эрец-Исраэль он рисовал в своем сердце виды удивительные и чарующие — Город, избранный Всевышним. Конечно, он знал, что Иерусалим лежит в развалинах, и дух Божий пребывает вместе с народом в изгнании, но сами развалины представлялись ему могучими и величественными. Его воображение рисовало место святое и страшное. Он ждал, что увидит широкие ступени, мраморные колонны, груды тесаных камней, и на всем будет лежать отпечаток былого величия. В детстве он представлял себе Иерусалим городом широких нарядных улиц, гораздо более красивых и величественных, чем улицы Бурсы и даже Стамбула. Ведь не может Иерусалим, град Божий, уступать Стамбулу! И весь город — он был уверен в этом — залит ярким божественным светом, как подобает граду, избранному Богом Израиля.

Только в одном месте — у Стены Плача — он нашел то, о чем грезил. Сердце его наполнилось великой скорбью, но и великой гордостью. В субботу утром — это был третий день их пребывания в Иерусалиме — Акавья вышел из синагоги, что на Еврейской улице, и вместе с группой молящихся направился к Стене Плача. Он шел, укутавшись в талит, и вдруг Стена открылась его взору. Он остановился. Это все, что осталось от древней святыни — от Храма. Напоминание о былом величии и о былой красе. Акавье казалось, что Стена беззвучно плачет. В душе его поднялась буря. Камни рыдают. Скорбь тысячелетий лежит на них, от верхних рядов до самых нижних. Акавья задрожал, на плечи его вдруг навалилась такая страшная тяжесть, что он с трудом устоял на ногах. В голове у него гудело, будто его оглушили ударом обуха. И когда он услышал дрожащий от волнения голос кантора, произносившего нараспев: "Вернись и сжаль-

ся над нами и над Своим Храмом...”, гнетущее чувство стыда охватило его сердце, и от почувствовал, как кровь приливает к лицу.

Лишь сейчас, впервые в жизни, он столь болезненно ощутил весь позор изгнания. Здесь, в разрушенном Отцовском доме, он постиг весь ужас бесчестия. Там, в изгнании, он, в сущности, не знал, что такое изгнание. Он жил как во сне, а сейчас вдруг проснулся.

Почему так долго длится изгнание? Почему так велика и неумолима Божья ярость? Неужели так уж грешен народ Израиля? Неужели он хуже всех других народов и племен земли?

Акавья вспомнил день 9 ава в Бурсе. Свечи погашены, люди сидят на рогожах, брошенных на пол, многие не могут сдержать слез. Тоскливый голос кантора провозглашает:

— Сегодня исполнилось тысяча восемьсот тридцать три года со дня разрушения нашего Храма и Божьего града¹. Это были тяжелые и горькие годы...

Акавья сидел в синагоге вместе со всеми, но сердце его не разрывало от боли. Молитва как молитва. Помолились, как положено, и разошлись. А здесь сама Стена рассказывает, как затянулось изгнание. Груз столетий давит на нее и на плечи тех, кто стоит у ее подножья. Поистине, страшный груз...

Эта суббота стала для Акавьи днем траура, но он нес свою печаль в одиночестве, не смея нарушить святость субботы...

И всю эту неделю, что он расхаживал по тесным и мрачным улицам Старого города в поисках помещения для лавки и мастерской, у него было тяжело на сердце.

Как-то под вечер он сидел у порога своего дома (они сняли две комнаты в углу старинного двора) и молча курил кальян. Его вид встревожил Видуджу. Фигура мужа выражала скорбь и отчаяние. Видуджа,

¹ Сефарды считают, что Иерусалимский храм был разрушен в 68 году, а не в 70-м.

от природы молчаливая и покорная, никогда не затевала разговоров ни с мужем, ни с посторонними, но тут она решилась и спросила:

— Почему ты все время молчишь, Акавья?

Он поднял на нее глаза и сказал:

— Просто так, Видуджа. Я думаю...

— Ты думаешь о лавке, которую арендовал? Разве она тебе не нравится?

— Нет, я думаю не о лавке. Лавка хорошая, удобная. Но Иерусалим... Иерусалим — вот что гнетет мое сердце...

— О чем ты?..

— Вид Иерусалима терзает меня...

— Как же так? Святой город, куда, с Божьей помощью, мы сподобились переселиться...

— Вот именно. Святой город. Обитель Божья... Посмотри, посмотри, какой он мрачный, загаженный, бедный, несчастный!.. Этот позор терзает мое сердце, я не в силах этого перенести!..

— Да, Иерусалим разрушен... И пока Отец небесный не сжалится и не пошлет на землю Мессию, он останется таким... Но те, кому довелось увидеть святыне места, должны хоть в этом найти утешение...

— Да. Западная Стена, действительно, свята и удивительна. Но больно знать, что столько долгих и горьких лет она стоит одиноко, в печали. Тысячу восемьсот тридцать три года. А вот их мечеть на Храмовой горе, которая хорошо видна с нашей крыши, — смотри, какая великолепная и разукрашенная. Она господствует над всей местностью! И какой там простор, какая чистота! Когда я вижу, что она — наверху, а наша святыня — внизу... Сердце мое плачет... Какой позор!

— Но что мы можем поделать?

— Потому-то я и молчу... Что могу я сказать, что я могу сделать?.. Один... Но Он, Всевышний, благословенно имя Его, как Он это терпит?.. Почти два тысячелетия... Можно с ума сойти. Кто знает Божьи тайны? Все покрыто мраком...

Много дней Акавья одиноко бродил по Иерусалиму, затаив в сердце страшную боль и скрывая ее от посторонних глаз. Ведь он ничего не может поделать и ничего не в состоянии понять.

Зачем же ему говорить с другими? Он не хочет никого посвящать в свои мысли и переживания. Ведь другие идут своими путями, делают свое дело и довольны жизнью, все им нипочем. Радость и покой у них на сердце, веселый смех на их устах. С кем же ему говорить и о чем говорить?

Только очень внимательный и прозорливый человек мог бы догадаться, как тяжело на душе у Акавьи. Его покой — мнимый, его радость — не настоящая. Как скорбящий сирота, прячущий свою печаль от посторонних глаз, ходил Акавья по улицам Иерусалима. Он вел себя, как все вокруг, но в глубине души ни на минуту не забывал о своей скорби. Один еврей среди тысяч евреев.

Он все время чувствовал себя сиротой, вдруг узревшим, что отцовский дом в развалинах и отцовская честь попорана.

Акавья ни на кого не обращал внимания, зато другие наблюдали за ним с любопытством и удивлением. Не раз люди останавливались и провожали его долгим взглядом. И действительно, его внешность была необычной. Прежде всего бросался в глаза цвет волос. Густая широкая рыжая борода, доходившая до самых глаз, казалась сделанной из тонких блестящих медных нитей. Густые брови нависали над горящими глазами. Узкий прямой лоб цвета потускневшей меди прорезала глубокая морщина. Нос у него был короткий и широкий, а нижняя губа слегка выдавалась вперед. Когда Акавья снимал тарбуш, можно было увидеть его продолговатую голову, покрытую копной густых рыжих волос, которые ниспадали на сильную и широкую шею. Многим, видевшим голову Акавьи, казалось, что тут произошла какая-то ошибка. Очевидно, вначале этот череп предназначался для какого-то

лесного зверя, но потом Творец передумал и, слегка изменив его, водрузил на плечи Акавыи Кордоверо.

Речь Акавыи тоже была странной. Обычные выражения, свойственные человеческому языку, чередовались у него с нечленораздельными звуками, которые издают четвероногие... К тому же Акавыя имел привычку для вящей убедительности несколько раз повторять одни и те же слова, как бы подчеркивая и усиливая их значение.

И своей одеждой выделялся Акавыя среди прочих людей. Маленький тарбуш обычно был сдвинут на затылок, обнажая густую шевелюру. Широкие шаровары, какие носили крестьяне Анатолии, поддерживал красный кушак, несколько раз обмотанный вокруг бедер.

Люди заметили, что поведение Акавыи и его манеры весьма отличаются от поведения остальных евреев. Свою лавку он снял вдалеке от еврейских улиц, в христианском квартале вблизи храма Гроба Господня. Это показалось многим очень странным. Почему еврей удаляется от своих собратьев и ищет заработка "среди них", и к тому же на той улице, где нога еврея ступает, быть может, раз в десять лет, где само название улицы режет ухо?

Вначале все думали: конец его будет печален. Не миновать Акавье разных бед и неприятностей. Разве можно держать в ладони пылающие уголья и не обжечься? Но когда спустя несколько месяцев евреи увидели, что ничего плохого с Акавией не случилось, а напротив, судя по всему, дела его процветают и он отлично зарабатывает, неудачливые предсказатели стали оправдываться: "Господь хранит простаков..."¹

Какой-то любопытный сосед спросил Акавию, почему он счел нужным удалиться от единоверцев и поставил свой заработок в зависимость от щедрот необрезанных? Зачем самому себе усложнять жизнь?

На это последовал ясный и четкий ответ:

¹Псалмы 116:6.

— Нет, братец. Не для того я сюда явился, чтобы причинять ущерб другим людям. Не могу я так поступить. Я обошел все еврейские улицы и насчитал восемь лавок жестянщиков. Более, чем достаточно. И я должен был, по-твоему, открыть еще одну? Нет. Это не нужно ни Богу, ни людям... Человек — говорю я — должен честно зарабатывать свой хлеб... Иначе и кусок не полезет в горло.

— Ты прав, Акавья. Ты совершенно прав. Но ведь там опасно. Там иноверцы, христиане. А в нашей святой Торе сказано: "И очень берегите ваши души..."¹ Там страшно.

— Чтобы я испугался? Нет, братец, я их не боюсь. Пусть они меня боятся. У меня с ними нет счетов. Чего же мне бояться?

И люди порешили, что у этого еврея мозги набекрень, потому он и ведет себя так странно.

Акавья же не сворачивал со своего пути. Он был верен себе. Опасениям и страхам не было места в сердце этого еврея. Его тревожило совсем другое — сердце его ныло, но оно ныло от того, что было пусто. Акавья жил как бы по инерции. Рано утром он вставал для первой молитвы и затем отправлялся в лавку. Вечером снова молился и возвращался домой. Он не бездельничал, не искал общества друзей и собеседников, избегал собраний, где предавались радости и веселью. Даже в синагоге, когда евреи после молитвы обсуждали новости, он лишь стоял в сторонке и молча слушал, как ребенок среди взрослых. Никто не обращал на него внимания. И так как он никогда не высказывался, его никогда ни о чем не спрашивали.

Только синагогальный служака и староста синагоги встречали его приветливо и оказывали ему уважение — именно из-за его скромности. Несколько раз, когда его вызывали к свитку Торы и в завершение произносили, как положено "Ми шеберах", он жертвовал в пользу синагоги, не называя суммы. Так обычно де-

¹ Второзаконие 4:15.

лают люди малосостоятельные, которые не могут дать много, а назвать небольшую сумму стесняются. Но когда синагогальный служка приходил к Акавье за пожертвованием, он давал ему четверть меджидие — столько, сколько давали лишь самые богатые прихожане.

И когда об этом стало известно, люди толковали:
— Этот еврей поистине чудаковат...

Так тихо, скромно и незаметно прошло лето, прошла зима и минул год после прибытия Акавьи в Иерусалим. Он никого не задевал, его тоже не трогали, но его сердечная боль не утихала.

В это время случилось происшествие, в котором Акавья оказался замешанным помимо своей воли и желания, а лишь в силу обстоятельств. Но после этого Акавья прославился и оказался втянутым в другие приключения.

Вот что случилось.

По вечерам обычно проходил по еврейским улицам араб, владелец стада. Он гнал перед собой коз и овец, выкрикивая на всех известных ему языках:

— Мильх... мильх... лиджи... халиб!¹

Хозяйки с кувшинами и кастрюлями в руках высыпали на улицу, и араб тут же доил своих коз в их присутствии (ведь молоко, купленное у *гоя*, считается трэфным, если еврей не видел своими глазами, как доили). Араб отмерял молоко специальной кружкой и разливал в приготовленные женщинами сосуды. Были продавцы щедрые, которые не скупилась и добавляли немного молока, учитывая пену, а были и скупые. Тогда женщины просили:

— Подлей еще немного! Ведь половину кружки занимает пена.

Особенно настойчивыми были ашкеназски. Но арабский язык они знали плохо.

В то время продавал молоко араб по имени Халим

¹ Молоко.

Ганам. Он не столько торговал, сколько пытался завести шашни с еврейками, заигрывал, похабничал и, склоняясь к своим козам, не столько доил, сколько заглядывал женщинам под юбки. Особенно дерзок он был с ашкеназскими, которые не понимали его слов и не догадывались о его намерениях.

Этот Халим проходил со своим стадом по вечерам и мимо двора, в котором жил Акавья. Однажды тот сидел возле окошка и пил кофе. Случайно его взгляд упал на молочника, который в эту минуту без зазрения совести обхватил за ноги молодую женщину. Она отбивалась от него и кричала, но он не унимался. На улице не было ни души.

Акавья тотчас бросился вон из комнаты, двумя прыжками перемахнул через ступени, подскочил сзади к арабу, схватил его за шиворот и отшвырнул в сторону. На ломаном арабском языке он велел ему убраться прочь. Однако тот не думал сдаваться, он счел себя оскорбленным и замахнулся на Акавью. Акавья легонько толкнул неудачливого волокиту, и тот во весь рост растянулся на земле. Тогда араб вспыхнул гневом и, громко проклиная Акавью, схватил большой камень, чтобы раскроить ему череп. Но прежде, чем он успел это сделать, Акавья схватил за рога одну из его коз, поднял ее над головой и швырнул, как тряпку, под ноги арабу. Тот не успел прийти в себя от изумления, как в него полетела вторая коза... В это время к Акавье подбежали евреи и начали умолять:

— Ради Бога, ради Бога! Что ты делаешь? Опомнись, Акавья!

Собралась толпа. Из уст в уста передавался рассказ о геройстве Акавьи.

Слушали евреи и удивлялись. Радовались и трепетали. На лицах их был написан страх, но грудь распирала гордость.

— Самсон! Богатырь Самсон!

Кто бы мог подумать, что у этого молчаливого еврея такая хватка и такая смелость.

Но он навлечет беду на себя и на всю общину. Ведь этот араб обратится к властям. Начнется следствие, пойдут допросы, суд... Ох, эти арабы!

— Глава ашкеназской общины защитит его... Ведь он заступился за честь женщины... Они должны его спасти.

В дело вмешались оказавшиеся поблизости парни из сефардской общины — сильные, мускулистые и к тому же знакомые с арабскими обычаями и нравами. Они постарались примирить драчунов.

Араб пылал жаждой мести, и язык его был подобен обоюдоострой бритве. Он покажет этому псу. Он зарежет его, как овцу при всем честном народе... Но над ним откровенно смеялись. Этот араб был подобен хромому, который бахвалится:

— Вот вскочу... Вот побегу...

Слушая истошные вопли араба, Акавья попросил, чтобы ему объяснили смысл его слов. Когда же ему перевели угрозы, он страхнул с себя державших его за руки евреев, как стряхивают шелуху, упавшую на одежду. Акавья кинулся к арабу и сказал окружавшим его парням:

— Объясните ему... Скажите ему так. Если он хочет показать свою силу, пусть выходит бороться со мной. Без властей и без суда. Сейчас же. И я согну его, как барана, и свяжу по рукам и ногам вот этим кушаком. А если хочет, пусть идет в полицию. Хорошо. Пусть идет. Сколько я просижу в тюрьме? Месяц, два, три. Но скажите ему, что когда я выйду, то переломаю ему все кости. Да, так и скажите — все! И пусть будет, что будет. Скажите ему!

Еврейские парни, стоявшие между ними, пытались смягчить смысл слов Акавьи, когда переводили их на арабский. Они выражались так, чтобы их словам можно было придать двойное толкование. Но в конце концов им пришлось дать арабу доподлинный перевод. И тот сразу смекнул, что на сей раз он столкнулся с очень странным евреем. И он умолк.

Тотчас же еврей-посредники постарались уладить конфликт и закончить спор миром. Глава ашкеназской общины возместил арабу убытки, и враги разошлись в разные стороны.

После этого некоторые евреи, славившиеся своей силой и удалью, заинтересовались Акавьей и стали искать его дружбы, они хотели затянуть его в свою компанию, но Акавья под разными предложениями исчезал, избегая их общества. Он прятался и скрывался в своем доме, как крот в норе. В конце концов те от него отстали, сочтя его гордецом и чудаком, у которого "не все дома".

Через некоторое время — в конце того же лета — Акавье пришлось столкнуться с местными раввинами.

Однажды, проходя по маленькой улочке Старого города, на которой жили в основном сефарды, Акавья услышал приглушенные вздохи и стоны. Он подошел поближе, чтобы узнать, в чем дело. Низкая дверь в широкой стене была прикрыта, но не заперта.

Акавья толкнул дверь и оказался в крохотной комнатухе, напоминавшей склеп. В углу на кровати лежал человек лет пятидесяти в дорогах, но грязных, измятых и изорванных одеждах. Короткая седая борода была неровно подстрижена ножницами. Голову прикрывал старый запыленный и грязный тарбуш. Комната была совершенно пуста, стены покрыты плесенью и кругом стояло страшное зловоние.

Акавья подошел к кровати и спросил у больного, чего он хочет.

Тот ответил:

— Ничего. Грязь... грязь... Скорей уходи отсюда, еврей, чтобы не запахнуть... — и принялся скрестить свое тело и стонать.

Акавья пытался поговорить с ним, но тот не отвечал. Повернулся к стене и молчал.

Акавья выбрался из удушающего зловония комнаты на улицу, остановил прохожего и спросил, кто живет в этом доме. Тот не знал. То же самое сказал и второй, и третий. Никто не знал этого человека. Мно-

гие, как и Акавья, лишь недавно поселились в Иерусалиме. Но вот, наконец, Акавье попался коренной житель, который охотно ответил на все вопросы.

— Об этом человеке многое можно рассказать. Его история занята и поучительна. Он был известным богачем и прибыл в Иерусалим лет двадцать назад. Сказочно был богат. Кто не знал в городе сеньора Элияху Халфона! Еще лет десять назад он смазывал свои ноги драгоценными маслами. Слуги... служанки... пиры... балы... Об этом человеке говорили, что он за свою жизнь растратил столько золота, сколько сам весит. Однако на благотворительность он не тратился, а Бога почти не вспоминал. Люди судачили о нем и всякое говорили... Рассказывали, что у него была связь с негритянкой... Кто знает? Сокрытое видит Бог, а открытое — все видят и знают ¹. У него было два сына и дочь. Когда они выросли, то пошли по стопам родителей: увеселительные прогулки, кареты... путешествия... карты и прочие развлечения. Незаметно капитал начал таять...

И в один прекрасный день дела покатились, как пустые бочки с горы вниз. Суды, аресты, распродажа имущества. Сыновья удрали за границу. Жена умерла. Дочь вышла замуж за иностранца и тоже уехала. За долги сеньор Халфон угодил в тюрьму. А когда вышел, голый и босый, запил. Не раз находили его валяющимся на улице. Но и для вина нужны деньги. А у него их не было. Негде было даже приклонить голову. Выделила ему община эту конуру для жилья. Бывало, сидит он у входа с тарелкой на коленях и просит подаяния. А теперь стал так слаб, что и сидеть уже не может. Ухаживать за ним некому. Так и гниет заживо.

— Не верю я в ад там, в загробной жизни, — закончил прохожий свой рассказ. — Зачем Всевышнему, благодисловен Он, ждать, пока человек умрет? Он может ему приготовить ад еще при жизни. Вот тут, в этом склепе...

¹Парафраз известного библейского стиха (Второзаконие 29:8).

По мере того, как прохожий рассказывал, Акавья все более мрачнел. Сердце его наполнилось жалостью к старику. "Как же так, как же так? — твердил он. — От такого богатства — к такой нищете! С таких высот — в такую пропасть... Разве Господь, благословен Он, мстит людям? Ведь это настоящая месть, даже хуже мести! Один день в аду воздаст за целый год богатой и беспечной жизни. Нет, Бог не человек, и Он не станет мстить. Евреи, которые видят, как гибнет человек, и не приходят на помощь — вот кто настоящие грешники".

Человек хотел продолжить свой путь, но Акавья удержал его за рукав.

— Как же так? Нет ни одного, кто бы сжалился над ним? Каждый идет своей дорогой — меня, мол, это не касается?

— А что может сделать простой человек? Кто может содержать больного старика? В Иерусалиме много нищих.

— А община? Разве нет у нее средств, чтобы спасти еврея?

Прохожий хотел поскорей избавиться от этого надоедливого парня и сказал:

— Если хочешь, попробайся с ними поговорить. Может быть, они помогут.

— Сейчас же пойду.

У входа в дом стоял привратник. Он преградил Акавье путь.

— Раввины сейчас наверху, они обсуждают важные вопросы.

Акавья сказал:

— Пожалуйста, прошу тебя, подымись и скажи им: один еврей хочет срочно поговорить с ними... Очень срочное дело. Так скажи.

— Иди, иди отсюда. Там сейчас сеньор Рав¹, кто ты такой, чтобы с ним говорить?..

¹ Главный раввин сефардской общины.

Акавья ответил:

— Иди и скажи — они согласятся выслушать меня.

Привратник решил отделаться от назойливого посетителя. Он поднялся, зашел внутрь здания и закрыл за собой дверь на засов.

Акавья некоторое время ждал, полагая, что привратник выполняет его просьбу.

Прошло несколько минут, и тут Акавья понял, что привратник и не думает двигаться с места. Тогда он не на шутку рассердился.

— Разве так поступают с людьми? Ты обязан доложить, что кто-то ждет и хочет поговорить.

Привратник ничего не ответил. Заглянул Акавья в щель и увидел, что тот преспокойно сидит на своем месте. Он рассвирепел и сказал:

— Знай же, ослиная голова, что если ты не доложишь, я сломаю двери.

Привратнику эта угроза показалась смешной. Ведь дверь была толстой и крепкой.

— Ломай, — сказал он со смехом.

Тем временем у входа стали собираться люди.

— Говорю еще раз — если сейчас же не пойдешь и не доложишь — сломаю дверь.

— Ломай.

Лицо Акавьи побагровело, и глаза налились кровью. Он отступил на шаг и ударил по двери ногой. Потом ударил второй раз, третий — и дверь разлетелась в щепки. Толстые доски посыпались одна за другой в разные стороны, и на свет Божий выползли скрюченные черные гвозди. Так черви выползают из земли, поднятой заступом.

Поднялся шум. Вzbесившийся привратник пытался преградить Акавье путь на лестницу. В эту минуту вышли почтенные раввины и старцы увидели, что Акавья, как разъяренный лев, крушит перила и вырывает из них железные прутья. Раввины приблизились, чтобы успокоить его.

— Что случилось? Почему ты так зол?

Акавья обернулся, но не в силах был говорить.

Вся группа — одиннадцать раввинов и сам Ришон ле-Цион¹ — вернулись в зал и уселись на свои места. А Акавья стоял перед ними смущенный.

Раввины с удивлением разглядывали этого человека с глазами, налитыми кровью, сверкавшими, как горящие уголья. Он тяжело дышал и не мог вымолвить ни слова. Наконец он немного остыл и извинился перед господами раввинами. Этот глупый привратник вывел его из себя. Затем он рассказал, как умел, может быть, не совсем складно, но вполне ясно, все, что видел в этом склепе, где живет сеньор Халфон, и попросил, чтобы ему дали денег, дабы спасти еврея из могилы, где он заживо похоронен.

Главный раввин спросил, как его зовут, откуда он родом и когда прибыл в Иерусалим.

Акавья на все по порядку ответил.

Затем его спросили:

— А кем тебе приходится этот старик? Ты его родственник?

— Нет, сеньор раввин, не родственник. Я его не знаю. Вы несомненно знаете его лучше, чем я. Сегодня впервые его увидел.

— А почему ты так торопился, что сломал дверь и вырвал железные прутья из перил?

— Прошу прощения, сеньор раввин. Я хочу спросить вашу честь: как тут можно не торопиться? Вы, наверно, не видели этого своими глазами. Если бы вы увидели, вы тоже содрогнулись бы и сделали все, что нужно, чтобы спасти его.

— А что ты хочешь сейчас?

— Чтобы мне дали наполеон², дабы я мог вынести его оттуда, купить ему новую одежду, всю старую сжечь, затем очистить и побелить комнатку и принести ему лекарства. Необходимо выделить средств.

¹ Ришон ле-Цион (Первый в Сионе) — титул главного раввина сефардской общины.

² Исканное "наполеондор", золотая монета.

ва на его содержание. Лично я из своих денег обязуюсь еженедельно давать половину нужной суммы.

— Мы окажем ему помощь. Но целый наполеон — это очень много. У общины нет таких средств.

Акавья ответил сдержанно, но твердо:

— Прошу прощения, господа хахамы. Но как это у вас нет средств? Я ведь вижу, что вы носите халаты из дорогой ткани, а у некоторых из господ хахамов золотые перстни на пальцах. Можно продать часть дорогой одежды и купить одежду попроще, продать несколько золотых колец и спасти нищих и больных.

На устах у господ хахамов заиграла улыбка, но они ничего не ответили — может быть, потому, что испугались гнева этого сильного еврея, а может быть, потому, что не нашлось у них столь же простых и убедительных слов, как у этого невежды.

Тогда заговорил Ришон ле-Цион. Его голос звучал примирительно, но властно.

— А теперь, Акавья, иди с миром и дай нам заняться нашими делами. Будешь приходить каждую неделю и получать для него пособие. Иди с Богом.

Акавья не тронулся с места. Лицо его побледнело и опечалилось.

— Иди.

— Не пойду отсюда, пока не дадите мне наполеон.

Секретарь общины рассердился:

— Убирайся немедленно, а не то придет полиция и тебя выведут с позором и посадят в тюрьму.

— Хотите — зовите полицейских, но они не сдвинут меня с места. А если придет их много — я им всем переломаю кости, и общине придется потратить много денег, чтобы лечить иноверцев. Так уж лучше вам лечить одного бедного, несчастного и больного еврея.

Тогда Ришон ле-Цион почел за благо обратить все это в шутку:

— Дайте ему один наполеон, пока он не потребовал больше... А если мы не дадим ему, я боюсь, он переломает нам кости...

— Упаси Господи. Этого никогда не случится, — сказал горячо Акавья.

Раввин продолжал в том же духе:

— Скажи, Акавья, по правде, если бы мы не дали тебе наполеона, ты бы побил нас?

— Упаси Господи, сохрани меня Бог. Если бы господин раввин отказал, я бы ... я бы избил самого себя!

— Дайте ему, дайте ему. Да сподобишься ты многих добрых дел. Хвала тебе, Акавья. Но если ты снова задумаешь какое-либо благотворительное дело, не лмай, пожалуйста, дверей и не губи еврейского имущества.

— Ваша честь не должна ставить у входа такого глупого привратника, в груди которого нет еврейского сердца, — посоветовал Акавья.

Он позаботился о больном старике, как обещал, спас его от гибели и вернул к жизни. И все, кто это видел, хвалили и благословляли Акавью, радуясь доброму делу.

Но с этого дня он не знал покоя. Когда евреи увидели, что у Акавии доброе сердце и он готов помочь чужой беде, его стали останавливать на каждом углу, рассказывать о своих горестях и взывать к его милосердию. Ведь такой нищеты, как в сефардской общине, не сыщешь во всем мире. Тот, кто не видел своими глазами, как живут в Иерусалиме евреи, тот не знает, что такое несчастье...

Рядом с четырьмя сефардскими синагогами, расположенными на десять локтей ниже уровня улицы, находились так называемые дворы, куда также надо было спускаться по ступенькам. Там жили бедняки, каждая семья занимала одну комнату. Комнаты эти были, по сути, глубокими каменными подвалами. Внутри — абсолютная темень. Ни окошка, ни форточки. Мрак и сырость. Земляной пол, каменные стены не оштукатурены.

В одну из таких, с позволения сказать, квартир Акавья зашел вместе с еще двумя евреями (один из них был тот прохожий, который рассказал историю

сеньора Элияху Халфона). Они освещали себе путь фонарем, хотя дело происходило в полдень. Но и при свете фонаря пришлось некоторое время выждать, прежде чем глаза привыкли к темноте. На полу лежали обветшалые постели, липкие от грязи. Спутник Акавы приподнял одну из рогож, покрывавших пол, и Акавя увидел червей — как в могиле. Стены толстым слоем покрывала копоть от керосина, который жгли по вечерам.

Так ходили они из подвала в подвал. В одном лежала больная женщина, в другом — крохотный ребенок рядом с матерью. В некоторых комнатах жило по пять-шесть человек. Везде стоял запах мочи и испражнений. На десять-пятнадцать семей приходился один нужник. Но запах в подвалах был хуже, чем в нужнике.

Когда Акавя вышел на улицу, он почувствовал странную слабость. У него дрожали руки и ноги. Так живут евреи... Божьи сыны в Святом Иерусалиме... Так Создатель управляет миром... Помнит ли Господь о своих творениях? Оставим сеньора Элияху Халфона, который много грешил. Но эти дети, грудные младенцы, женщины — чем они-то провинились?!

Какой невыносимый позор! Лицо Акавы пылало от боли и гнева. В самом деле, он стыдится за Иерусалим, за Божий мир, за самого Творца. Никогда прежде он не видел ничего подобного. Есть на свете нищие. Но такой нищеты, такого унижения, такого ужаса он даже представить себе не мог. Ведь это издевательство, это глумление небес над людьми...

В голове его не было мыслей и язык его онемел.

К кому обратиться? На кого надеяться? Чем он, бессильный и растерянный, может помочь? Даже если он раздаст все свои сбережения — у него было триста золотых — разве этого хватит? И если такое увидели его глаза в Иерусалиме, чего ему осталось ждать в жизни? Тайная надежда, жившая в его сердце, что в Иерусалиме, в обители Отца небесного, он найдет утешение, что здесь он почувствует былую любовь к Создателю, и Всемогущий будет благосклонен к нему,

как в дни молодости, в дни радости, что он снова услышит в сердце своем глас Божий — эта надежда исчезла... Нет ни надежды, ни утешения.

Остается надеть на себя рогожу, выйти к людям на улицу и вопить: пропадает человек на этом свете! Бог оставил людей. Нет совета, нет мудрости. Нет выхода, нет спасения...

Голова Акавы опущена, сердце болит, как у человека, вернувшегося с кладбища после похорон дорогого друга...

И тут перед его взором встали видения Анатолии — как будто кто-то сорвал повязку с его глаз. Он ясно увидел горы, долины и села, в которых приходилось ему бывать — Дирами, Сиабад, Нейарс, Гюзилик... И душа его затрепетала, будто могучая рука подняла и перенесла его в другой мир.

— Нет... нет... — тихо прошептал он самому себе, — в мире есть и то, и это... Свет и тьма. Радость и печаль. Богатство и бедность. Красота и уродство. Добро и зло. Плохо евреям, хорошо иноверцам. Почему ему дано было увидеть беспечную и сытую жизнь иноверцев и беспросветную нищету евреев в Святом граде Иерусалиме? Почему в дни молодости Создатель наполнил его сердце светом и надеждой, а теперь показывает ему такие постыдные и страшные картины? Чем он согрешил, какую совершил несправедливость? Но если он грешен, и Бог его презирает — в чем вина этих бедняков?

Он вошел в свой дом и сел на низкую скамеечку возле окна. Стол был накрыт к ужину. К нему подошли его девочки и начали ласкаться. Он отослал их и остался сидеть в одиночестве. Тяжкие вздохи вырывались из его груди то и дело.

Видуджа, которая всегда чутко улавливала настроение Акавы и умела хранить молчание, поняла, что сейчас он очень расстроен, и мысли его витают где-то далеко. Она ушла к матери. Обе женщины следили за тем, чтобы девочки не шумели.

Акавя бормотал, не замечая, что говорит вслух:

— О-о!.. После того, что я сегодня видел, можно сойти с ума! Сердце разрывается на части!

Услышав эти слова, жена осмелилась обратиться к нему с вопросом.

Акавья рассказал ей и теще все, что видел. Они принялись вздыхать и сокрушаться. Нет, ему больше не хочется жить, такая жизнь не имеет никакого смысла. Жизнь сейчас для него не дороже, чем солома в поле. Тут Видуджа не на шутку испугалась. Она хорошо знала своего мужа. Акавья не бросает слов на ветер, он не станет говорить зря. Все, что изрекают его уста, идет из глубины сердца. Она решила попытаться как-то развеять его отчаяние.

— Что такое человек, разве он может судить о делах Божьих? Разве не всюду и везде дела Его рук? Кто может знать Его тайны?

— А! Так рассуждает женщина, набравшая полный рот воды... Именно потому, что таковы дела Господни, человек не в силах этого выдержать. Не в силах и не должен. Он, Создатель, может это видеть. Человек же не в состоянии. Человек видит и не может ничего исправить, ничего! Поэтому он сходит с ума!

— Бедность и богатство, Акавья, испокон веков существуют на земле. Есть неисчислимо богатство и есть страшная нищета...

— Эх, ты, женщина! Неисчислимо богатство — кому до него какое дело? Пусть себе будет. Но страшная нищета — видеть ее и молчать человек не в силах!..

— Да, ты прав. Ты прав. Но разве ты, Акавья, в этом виноват? И разве от тебя требуют справедливого суда? Разве на тебе лежит ответственность? Бог, создавший все творения, позаботится дать каждому, что ему надо.

Услышав это, Акавья замолчал. Ему хотелось еще подумать и поразмыслить. Он смотрел через окно в ночную темень. Слова, сказанные женой, легли как камень на чашу весов, и эта чаша перевесила. Ведь жена права. Разве он несет ответственность за мир? Разве от него требуют справедливого суда? Разве он

навел порчу на людей и стал причиной их горестей и обид? Можно, право, впасть в отчаянье от одной этой мысли. Отныне он вправе сбросить с себя груз забот, размышлений и тревог. Всю свою жизнь он стремился следовать воле Создателя, услышать и сделать, идти Его путями, шагать по Его стезям, следовать за Ним, как следует раб за своим господином. А Он, пребывающий в высях, отверг его, отвернулся от Акавы. Совершенно отвернулся. Более того: Он ему плюнул в лицо. С Акавы хватит. Он сейчас не несет никакой ответственности перед Богом. Не по своей воле он уходит. Отныне он не будет более надоедать Творцу и терзать самого себя. Такова воля Творца. Кажется, именно этого Он хочет. Да будет так.

Акавя продолжал сидеть молча, так и не приронувшись к еде. Жена потихоньку развернула скатерть, накрыла все, что стояло на столе, и неслышно удалилась в укромный уголок к матери.

Еще долго сидел Акавя, опустив голову на грудь, и лицо его было мрачнее тучи. Казалось, тягостные мысли превращают голову в груз, который трудно сдвинуть с места.

Потом все стали замечать, что Акавя уже не тот, каким был раньше. Он напоминал человека, сбросившего с себя привычную одежду и облачившегося в чужую, которая ему узка и неудобна, стесняет его и делает посмешищем в глазах людей, или, напротив, слишком широка и просторна и свисает нелепо, волочится по земле, пачкается и цепляется за все, что попадается по дороге...

Акавью потянуло в общество бездельников и празднующихся, носильщиков и погонщиков ослов, невежд и бунтовщиков, он водил с ними компанию, подражал им, пил с ними кофе и арак. В синагогу он почти не заглядывал. Иногда, закрыв мастерскую, он по привычке шагал к синагоге, но войдя внутрь, тотчас вспоминал, что нет с ним Творца, и отправлялся шататься по улицам. Трудно поверить, но это было так.

И как смешно и нелепо выглядел он в глазах людей, стоявших вечерами возле синагоги, примыкавшей к его дому, когда они просили его зайти и быть десятым в миньяне, сделать богоугодное дело, а он отвечал им грубо: "Не хочу даром терять время". Каково выслушивать такие ответы? Все знали, что дело не во времени, а в желании. И поэтому они не столько его жалели, сколько осуждали. У честных евреев болела душа, когда они видели, как Акавья день ото дня отдаляется от общины и от Создателя. Ему говорили:

— Подумай, дружище, опомнись! Ты уже взрослый, солидный человек, глава семьи. Вид у тебя почтенный, носишь бороду...

Но он взял себе за правило делать все "на зло" своему Создателю — нарушать святость субботы и осквернять себя.

По субботам некоторые молодые люди не находили себе лучшего занятия, чем бродить по улицам, собираться на Немецкой площади или на улице, прилегающей к армянскому монастырю. Здесь они усаживались в тени огромных кедров, росших за оградой монастырского сада.

Но излюбленным местом их сборищ стала площадь у стены, за воротами, возле городской свалки. Это место как нельзя более подходило для нарушения святости субботы, хоть и называлось раньше площадью синагоги Рамбана¹.

Это место почему-то полюбилось нашим оболтусам и шалопаям. Снаружи, по ту сторону стены, высились огромные груды мусора. Туда ежедневно свозили отбросы со всего Старого города. А по эту

¹ Нахманид (рабби Моше бен-Нахман Геронди; абр. Рамбан; 1194 — ок. 1270), выдающийся талмудист и законоучитель, философ, каббалист и врач. Представитель консервативного направления в споре с последователями Маймонида. В 1267 г. покинул Герону (Испания) и поселился в Эрец-Исраэль. Основал в Иерусалиме синагогу, носящую его имя.

сторону валялись горы заржавевшего железа, жести, черепки и камни.

Небольшая площадка возле стены была завалена упавшими сверху зубчатыми блоками. Отсюда открывался прекрасный вид на окрестности Иерусалима. Селение Шилоах и долина Колодец Иова, гора Машхит, гора Дурного совета, Масличная гора... А дальше горы Гиладские и горы Моавские, такие издали безмятежные и чистые...

Вот на этой-то площадке собиралась молодежь по субботам и праздникам, а иногда и по вечерам. Тут велись всякие разговоры, а подчас звучали и непристойности. Тут раздавались песни, устраивались танцы и игры. Тут молодые люди демонстрировали свою ловкость и силу своих мышц.

Истины ради следует отметить, что это место полюбилось Акавье давно, задолго до его знакомства с теперешними приятелями. Когда он только прибыл в Иерусалим, он однажды случайно забрел на эту площадку и поразился открывшейся его взорам красоте. Пытаясь понять, что его так поразило, он говорил:

— Горы Анатолии гораздо выше и величественнее. Но здесь, над этими горами, витает дух Божий. Там горы зелены, покрыты лесами, красота их радует сердце человека, тут горы голы, но они словно живые. Там горы сами по себе, и сердца людские сами по себе. Тут сердце сливается с горами, и горы сливаются с сердцем. Там, когда человек бродит в горах, горы над ним высятся и умаляют его, превращают в карлика. Здесь человек возвышается над горами и словно вырастает. Там горы близки нашим глазам, здесь они близки нашим сердцам.

И тогда Акавья дал обет исходить эту землю вдоль и поперек. И тот, кто ответил Моисею и Ахарону, Элияху и Соломону среди этих гор, может быть, ответит и ему и примирится с ним. (И действительно, впоследствии Акавья исполнил свой обет и много путешествовал по стране. Но пока его занимало другое).

Приходя к стене по субботам с друзьями, Акавья был поглощен собою, стремился продемонстрировать свою силу и ловкость, с интересом наблюдал за своими товарищами, а на дела Господни не обращал никакого внимания.

Когда парни состязались в метании тяжелых камней, Акавья был тут как тут, и все вынуждены были признать, что рядом с ним они просто щенки.

Было еще и такое развлечение: Акавья укладывал самых ловких парней на площадке, просил их напрячь все мускулы и прильнуть к земле. Затем он брал их за кушак, отрывал от земли, подымал над головой и носил, как великан годовалого ребенка.

В окнах домов, примыкавших к площади, стали появляться женские лица. Девушкам и женщинам тоже хотелось поглядеть, как парни соревнуются в силе и ловкости. Кончилось тем, что сюда стали стекаться толпы народа. Многие устраивались на крышах, на балконах. Все это походило на сборища иноверцев в цирках и возле арен, где даются представления. И всегда, когда кто-нибудь из парней особенно отличался, девушки бросали победителю цветы, украшавшие их волосы, в знак благодарности и восхищения... "И предостаточно позора и гнева..."¹

... В одну из суббот парни затеяли прыгать в высоту и в длину.

Акавья стоял в стороне, а потом принялся о чем-то шептаться с подростками. Ребята выскочили в ворота и тотчас стали расчищать площадку перед стеной от камней.

Акавья вскочил на зубчатый край стены и стоял там с развевающейся длинной бородой и непокрытой головой, будто он и не еврей вовсе. Брови его были сдвинуты, а взгляд напряжен, как натянутая тетива. Он поднял руку и все замолчали. Он казался орлом, взмахнувшим крыльями перед полетом.

¹ Книга Эсфирь 1:18.

— Вы, силачи Израилевы, разве вы знаете, что такое настоящий прыжок? — заговорил он хвастливо. — Посмотрите, что такое настоящий прыжок. Вот отсюда я спрыгну вниз.

Услышав такие речи, все испугались: он хочет спрыгнуть с высоты в двенадцать локтей, если не больше. Многие парни, известные своей удачью, принялись отговаривать его:

— Не надо, Акавья, не надо! Это слишком опасно. Ни к чему, право.

А женские сердца затрепетали от страха.

— Нет! Нет! Мы не хотим! Мы не согласны! — кричали красотки.

Акавья самодовольно взирал на всех, как проказник, пугающий малышей. И еще не успели утихнуть возгласы, как он измерил взором долину, слегка согнул ноги в коленях — и прыгнул!

Тотчас все побежали к стене, чтобы узнать, что с ним. И когда люди увидели, что он встал на ноги и спокойно зашагал, целый и невредимый, из всех уст вырвался возглас: "Браво! Браво!"

Люди хлынули ему навстречу через ворота, подняли его на плечи и понесли с громкой и веселой песней. И даже почтенные бородатые евреи пустились перед ним в пляс, как пляшут на свадьбе перед невестой.

Так прославился Акавья в Иерусалиме. Он стал признанным вожакom всех местных силачей.

Но однажды, в те дни, когда все "герои улицы" так и льнули к Акавье, а он — к ним, ему пришлось совершить поступок и в самом деле геройский. Он достойно постоял за честь всей еврейской общины Иерусалима.

В низких и темных кафе на Еврейской улице по вечерам собирались носильщики, возчики, погонщики ослов, поденные рабочие. В хорошую погоду они рассаживались группками на низких скамеечках, стоявших прямо на улице, курили кальян, неторопливо потягивали кофе и беседовали о том о сем.

В одном из этих маленьких уличных кафе, возле длинного стола, предназначенного для игры в кости, частенько сидел на почетном месте араб по имени Феад. Он вел себя здесь как всевластный деспотичный князек. В высоком тарбуше на голове, сильный, широкоплечий, он с презрением поглядывал на всех прочих посетителей. Играя с приятелями в кости, он то и дело прикладывался к чаше с араком.

У него была лавка на Еврейской улице, где торговали углем, оптом и в розницу. Со всеми людьми, и евреями, и арабами, он вел себя нагло и подло. Он считал себя хозяином Еврейского квартала. Его гнев заставлял трепетать, каждую минуту можно было ожидать от него беды. Находились среди евреев люди без чести и совести, которые играли с ним в кости, всячески заискивали перед ним и старались угодить. Они льстили ему и восхищались им, от чего его заносчивость только росла. Все остальные, от мала до велика, проклинали Феада, и самое имя его произносили шепотом и с опаской.

Бедуинов, доставлявших ему уголь, он обманывал и обсчитывал. При этом осыпал их ругательствами и проклятиями, а нередко пинал ногами и бил, словно они были его рабами. Не было в Иерусалиме человека, который не боялся бы этого жестокого, коварного, сумасбродного тирана.

Почти все свое время он проводил в компании дружков, помогавших ему издеваться над беззащитными людьми. Точно хищный зверь, высматривал Феад добычу. Глаза его зорко следили за каждой проходящей мимо еврейской девушкой или женщиной, за каждым юношей, имевшим неосторожность взглянуть в его сторону. Испорченность его не знала границ. Уста непрерывно извергали всякие непристойности, а душа полна была мерзкими желаниями, как сточная канава нечистотами.

Люди старались обходить стороной лавку этого изверга, лишь бы не попадаться ему на глаза. Он устраивал засады в темных переулках, заброшенных дворах и

терпеливо поджидал жертву. Несчастные евреи, и стар и млад, вздыхали, плакали, жаловались друг другу, охали и ахали, но шума не подымали. Все боялись мести Феада, боялись его родственников, занимавших важные должности при турецких властях. Евреи привыкли терпеливо сносить любую несправедливость, любое унижение. Терпели они и Феада.

Однажды вечером после обычной игры в кости и обильных возлияний, еле держась на ногах, этот негодяй неожиданно поднялся с места, потянулся, вытащил из-за пояса большой нож и, дико зарывав и изрыгая проклятия и угрозы, двинулся в сторону сидевших возле кафе евреев. Все тотчас вскочили со своих мест и попрятались. В одну минуту все двери, калитки и ворота захлопнулись, а улицы вымерли. Увидев, что он остался в одиночестве, Феад с дикой руганью двинулся в глубь Еврейского квартала.

Утром стало известно имя несчастной жертвы гнусных страстей пьяного негодяя. Ею оказался пятнадцатилетний мальчик из ашкеназской семьи, имевший несчастье столкнуться с Феадом в одном из переулков.

Семья не имела иностранного подданства и не могла обратиться к консулу, который сумел бы потребовать наказания преступника. Евреи сидели в своих жилищах, проклинали насильника, вздыхали и плакали, но — молчали.

И все-таки нашлись на Еврейской улице парни, которые не могли снести такого позора. Они пришли к Акавье и рассказали ему о том, что случилось. У Акавьи закипела кровь. Полагаясь на защиту своих родичей, Феад не опасался ни суда, ни мести евреев. Он никого не боялся и ни с кем не считался. Совет общины и сефардский раввин не раз жаловались на Феада властям, но проку от этого не было никакого.

Акавья и его приятели долго держали совет и ломали голову, как проучить этого негодяя и насильника. В конце концов они решили: Акавья должен взять это на себя. Нужно не избить и не покалечить

его, а публично унизить на глазах у всех. Акавья вызовет его на поединок — предложит бороться с ним, и победит. Тогда Феад не осмелится больше издеваться над евреями.

Вся компания отправилась вечером в кафе и расселась возле стола, где обычно пировал Феад.

Акавья приблизился к нему и без долгих церемоний сделал знак рукой, приглашая встать. Поскольку Акавья плохо знал арабский, он обратился к Феаду по-испански:

— Вставай, бандюга, сучий сын, паршивый пес и выходи ко мне.

Араб посмотрел на Акавью с удивлением и спросил своих приятелей:

— Что это за крестин? Что он говорит?

— Скажите ему, добрые люди, — продолжал Акавья, — что если у него под штанами есть зад, пусть выходит бороться со мной. Если он меня положит на лопатки — я дам ему золотую лиру, это будет ему наградой от меня... Сможет за мой счет пьянствовать целую неделю. Если же я положу его на лопатки — я ничего не прошу, только пусть поднесет мне своими руками чашку кофе в присутствии всех... Давай-ка начнем!

И Акавья засучил рукава и заткнул края халата за пояс.

Евреи осторожно перевели слова Акавии Феаду. Этот еврей родом из Анатолии. Он здесь недавно. Всего лишь два года с нами. И он просит тебя, если ты считаешь себя сильным, выйти и бороться с ним. А условия вот какие...

— С этим ослом? С этой падалью?

— Что он сказал? — спросил Акавья.

Ему перевели слова Феада.

Акавья сдержался и ответил:

— Скажите ему, что есть еще одно условие. Если он меня уложит, я буду ежедневно чистить ему ботинки... У всех на виду... Тут. У входа в его лавку... Как раб своему господину. Но если я уложу его — я в присутст-

вии всех поставлю свою ногу ему на шею... А он своими руками подаст мне кофе.

Араб, услышав такие речи, взбесился. Он встал, давась от смеха и ярости.

— Яалла!¹ Подойди сюда, червяк, я раздавлю тебя! Акавья сказал:

— Евреи, скажите ему: мы будем бороться, а не драться. Если мы будем драться, то я убью его одним ударом. Но я хочу положить его на обе лопатки. Это все. Один раз. Если он согласен — пусть вынет из-за пояса свой нож.

Подумав, араб согласился. Он вынул нож и отнес его в лавку.

А тем временем возле кафе собралось много народу.

Араб, более высокий, чем Акавья, сделал несколько шагов вперед. Он громко смеялся, демонстрируя свое презрение к противнику. Приблизившись к Акавье, он поднял руку, чтобы схватить его за шею и разом опрокинуть на землю... Но Акавья согнулся, ускользнул от него, и в то же мгновение ухватил левой рукой его правую руку, завел ее за спину и выкрутил так, что араб взвыл от боли. Он попытался левой рукой ударить Акавью по голове, но тот опередил его, схватил также и левую руку и тоже завел за спину. Акавья пригибал Феада к земле, араб потерял равновесие и растянулся во весь рост. В ту же секунду он попытался вскочить на ноги и избавиться от Акавьи, но тщетно. Его руки были стиснуты железными клещами. Араб стал лягаться и проклинать Акавью. Акавья же, согнувшись над ним, твердил:

— Нельзя брыкаться! Это не по правилам. Мазурик ты и сын мазурика...

Затем Акавья громко запел на мотив Хафтары²:

¹Возглас удивления (арабск.).

²Отрывок из книг Пророков, который читают в синагогах по субботам и праздникам после чтения глав из Пятикнижия.

”И воспела Дебора и Барак, сын Авиноама в тот день так: Когда были беспорядки в Израиле, народ показал рвение. Славьте Господа!...”¹

Он не мог бы сказать, почему ему пришли в голову именно эти слова. Может быть, потому, что он знал Песню Деборы наизусть.

Измотав своего противника, Акавья слегка разжал руки, и араб, воспользовавшись этим, вскочил на ноги. Он хотел схватить Акавью за кушак, но тот воскликнул:

— Евреи! Шире круг!

Все попятись. Акавья обхватил араба одной рукой и начал кружиться вместе с ним, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Араб начал вопить:

— Отпусти! Отстань! Хватит!

Но Акавья все кружился и кружился, пока высокий араб вдруг не оказался в воздухе над его головой.

И тут Акавья опустил его на землю и поставил свою ногу ему на шею.

Из всех уст вырвался возглас восхищения:

— Слава Акавье! Слава!!!

Акавья приподнял араба и посадил на стул.

Лицо Феада стало белым от злости, но он продолжал смеяться.

— Это же сатана... Сам дьявол... Да, он хитрая бестия... Ловок... да... Но это не сила... Это хитрость... Видно там, в их стране, они к этому приучены... А мы здесь этого не знаем...

Услышав столь нелепое объяснение, Акавья вспыхнул и, не говоря ни слова, подошел к своему противнику, держа в руках плоский железный засов, каким запирают лавки. Длиной он был в два локтя, шириной в два пальца и с палец толщиной. Акавья поднес его к лицу арабу и сказал:

¹ Книга Судей 5:1–2.

— Если он хвастается своей силой, то пусть согнет его... Посмотрим...

Араб взял засов, проверил его, взвесил на руке и вернул Акавье.

— Это невозможно...

Тогда Акавья присел, положил засов себе на бедро и стал давить обеими руками на края. Все следили за ним, затаив дыхание. Одним концом стержня Акавья уперся в землю, а на другой стал давить обеими руками. И стержень согнулся и приобрел форму лука.

Все закричали разом:

— Самсон! Богатырь Самсон! Слава Акавье! Слава!

В порыве восторга многие стали целовать ему руки, лицо...

Так закатилась звезда насильника и негодяя Феада. Сердца евреев ликовали. С того дня Феад перестал появляться на Еврейской улице. Он затаил обиду и ждал удобного часа для мести.

Слава Акавьи разнеслась по Иерусалиму, все его уважали, любили, юноши ходили за ним по пятам. Он был Самсоном, призванным отстаивать честь и права евреев. Когда он проходил по городу, из всех окон вслед ему смотрели девушки и женщины. Но его эта шумная слава оставляла равнодушным, он искал одиночества. Он стал скрываться от друзей и поклонников. Не раз случалось, что кто-нибудь приходил к нему поговорить, пригласить в кафе или на семейное торжество, но Акавьи не оказывалось дома. А его добрая и тихая жена не могла даже сказать, где его искать. И действительно, она этого не знала. Иногда он приходил поздно ночью, а иногда исчезал на два-три дня.

Так прошла зима, а когда настали весенние дни, Акавья отправился бродить по стране, исчезая подчас на две-три недели. В каких местах он бывал и зачем туда ходил, какова была цель его странствий — этого не знала даже жена. Она знала лишь, что он со своими инструментами на плече побывал в самых отдаленных местах. Иногда он возвращался умиротворенный и

спокойный, а иногда мрачный и угрюмый. Тогда из него невозможно было вытянуть ни слова. Со своими дочерьми он был мягок и нежен, но с женой говорил, как со случайным встречным... Видуджа терзалась и горевала. Давно уже они были не мужем и женою, а соседями по дому...

Так шел год за годом.

А на шестом году их пребывания в Иерусалиме над головой несчастной женщины пронеслась новая буря. Все началось в праздник Шавуот.

15. ПАЛОМНИКИ

В первый день праздника Шавуот, после полудня, на дорогах Сиона было шумно от множества людей. Поодиночке и группами мужчины и женщины двигались по улицам и переулкам, ведущим к воротам Сиона и могиле царя Давида.

Толпа пестрела одеждами всех цветов и оттенков. Зеленые, как свежая весенняя трава, и голубые, как иерусалимское небо, развевались бархатные и атласные плащи евреев Польши и России. На головах у них красовались широкие мягкие и добротные шапки, отороченные лисьим и волчьим мехом. Золотистые платья чернокожих стройных йеменских красавиц желтели, как зрелые хлеба на полях. Там и здесь мелькали красные, как кармин, или алые, как розы, шали на плечах женщин из Туниса и Алжира. Степенно шагали бухарские евреи, облаченные в одеяния из блестящего шелка, и следом за ними — их дородные жены в полосатых платьях всех цветов радуги.

Свет радостного праздника озарял все лица. Ликование и гордость наполняли сердца: каждый из этих людей, восходящих на гору Сион, чувствовал себя отпрыском знатной династии и направлялся сейчас ко дворцу, дабы вспомнить величие своих предков, управлявших этой страной.

Когда глазам паломников открылись большие Ворота Сиона, многие замерли на месте. Молча стояли они, охваченные трепетным чувством восторга. Словно открылись их взорам таинственные и чудесные события древности, и они увидели пути-дороги, которыми шли некогда целые поколения. Печать вечности лежит на высоких каменных сводах, могучие безмолвные камни помнят дни Царства, и дух великого прошлого витает у входа. И в самом деле, ноги паломников ступают сейчас по тем самым камням, где ходили цари Израилевы Давид и Соломон, их полководцы Иоав и Бнаяху бен-Иехояда, пророк Натан... Благо глазам, что узрели это!

В потоке людей, устремившихся к царским гробницам, медленно шагают два еврея из Салоник — шестидесятилетний Исразль Альших и его сын Хананья. Рядом с ними две женщины, их жены.

У старика — невысокого ростом и сутулого — лицо наивного ребенка. Каждая морщинка так и светится мягкой улыбкой, а глаза говорят о доброте душевной и готовности прийти на помощь каждому. Сын, высокий и худой, шагает в ногу с отцом, но голова его опущена, спина согнута, будто давит на него какая-то тяжесть, на лице печать горечи.

Многие обращают внимание на эту семью — главным образом из-за удивительной красоты молодой женщины, жены сына. Зовут ее Диаманти. Прелестное, совсем еще девичье лицо дышит светлым покоем, а мягкие, мечтательные глаза лучатся добротой.

Вот они достигли могильных склепов. По узким, крутым ступенькам медленно спустились вниз, теснимые со всех сторон другими паломниками, и наконец оказались в просторном покое над усыпальницами.

Когда они вошли сюда, у них от волнения закружилась голова. Сердца учащенно бились, охваченные чувством святости и благоговения, а глаза пытливо всматривались в царящий здесь полумрак. Через окошко, забранное толстой решеткой, сюда проникал сла-

бый свет, скупое проливаясь на столбы, верхние арки и головы людей.

Медленно и осторожно передвигались паломники, робко и неуверенно ступая по полу, как бы опасаясь осквернить его прикосновениями своих ступней. Молча они оглядывались по сторонам, не смея нарушить святость места звуком своих голосов.

По указанию одного из распорядителей они остановились около железной решетки и принялись негромко читать псалмы. Внезапно услышав голос молящегося у амвона — он произносил *каддиш*, — отец и сын переглянулись. Обоим показалось, будто их осенила Божья благодать.

Когда была закончена молитва "Минха", собравшиеся задвигались, на ходу произнося стихи псалмов. Отец и сын, влекомые толпой, устремились вместе со всеми к выходу, но им казалось, будто они не шагают, а парят в воздухе. Потом они оказались у ступеней. Все четверо взяли за руки, боясь потерять друг друга, и вскоре очутились на улице.

Здесь их ослепило солнце — казалось, теперь оно светило еще сильнее, радостно приветствуя праздничную толпу. Двинувшись в обратный путь, они почувствовали, что ноги их отяжелели, теплая усталость охватила все члены, на лице выступили капельки пота, а кости запросили отдыха и покоя.

Возле дороги, на поле, огороженном низкой, местами уже разрушенной стеной, сидели под маслинами группы людей и отдыхали. И семья Исраэля Альшиха тоже уселась под одним из деревьев.

Край поля покато опускался к пустынной долине, по которой протекает река Гихон. Отсюда хорошо просматриваются окрестности Иерусалима. Внизу лежит селение Шилоах, домишки которого нависают один над другим, подобно громадным камням. Два узких окошка в стене каждого дома издали кажутся двумя темными и загадочными глазами. Вечный Иерусалим, раскинувшийся по склонам горы Мория, открывается взорам путников. Видна отсюда и Маслич-

ная гора. Далеко-далеко на юге вздымаются горы Гилада и Моава, подобно гигантскому плащу множеством складок ниспадают они в долину. Под этим плащом от чужих взоров скрываются древние тайны, трагическая история многих веков.

Пока семейство сидело и любовалось величественными видами, открывавшимися взору, мимо нескончаемым потоком шли мужчины и женщины, возвращавшиеся от царских могил. Среди них был и мужчина, одетый в плащ хахама, которого сопровождали три женщины — его жена, жена Акавы Видуджа и ее мать (сам Акавя две недели назад покинул дом, отправившись в одно из своих обычных путешествий, и до сих пор не вернулся; поэтому женщин взял с собой к царским могилам, по случаю праздника, хахам рабби Ицхак Эльazar).

Исраэль Альших взглянул на степенно шагавшего хахама, и лицо его показалось ему знакомым. Тот, в свою очередь, остановился и стал молча рассматривать Исраэля.

Первым заговорил хахам:

— Скажите, любезный, не вы ли дядя Исраэль, Исраэль Альших из Салоник? Или я обознался?

— Да, это я Исраэль, — ответил тот радостно. — А вы, господин хахам, не Ицхак ли Эльazar, наш бывший сосед по дому в Салониках?

— Я. Я и никто другой.

Исраэль подошел к хахаму, поцеловал его руку и пригласил присесть.

Отец обратился к сыну, который не мог оторвать глаз от чарующих видов святого города, и сказал ему:

— Пойди, сынок, поцелуй руку господину хахаму, нашему давнему соседу.

А хахаму он заметил:

— Может, вы помните маленького Хананика, моего сына? Это он. Тогда ему было восемь или девять лет, а сейчас... Сколько лет уже прошло?

— Я приехал сюда в 5647 году, — ответил хахам, — а теперь 5668-й¹. Уже минул 21 год. Значит, Хананье сейчас тридцать.

— Это правда, господин хахам. Ему уже исполнилось тридцать.

Исраэль рассказал, что произошло с ними в пути. В Иерусалим они прибыли лишь третьего дня, в канун праздника, так как их судно долго задержалось в море. Неторопливо беседуя, они вспоминали общих знакомых и родных в Салониках, и Исраэль охотно рассказывал о них хахаму рабби Ицхаку. А хахам поведал им о своей жизни в Святой стране и о том, что произошло с ним с тех пор, как он поселился в Иерусалиме.

Потом хахам спросил, хотят ли они навсегда остаться здесь, или приехали лишь поклониться святым местам.

— Слава Всевышнему и тысяча ему благодарностей — мы прибыли сюда навсегда, на постоянное жительство. И святость этого города поможет нам. Аминь. Говоря по правде, — отец снизил голос до шепота, и в словах его зазвучала печаль, — ради сына и его жены, ради Хананьи и Диаманти мы решили переселиться в Иерусалим. За десять лет замужества она так и не родила ребенка. Винить ее мы не можем: Диаманти чистая душа. Но и он, Хананья, ни в чем не виноват. Он как сладкий изюм. Никогда голоса не повысит. Все время сидит над книгами. Я — ваша милость знает, — можно сказать, невежда, но он, наш сын, совсем другое дело. Всегда при нем "Псалмы", "Законы Израиля" и другие святые книги. Бессеребренник, чистая душа. И специальность у него хорошая: он жестянщик. Благословенные руки. И заработок, хвала Создателю, хороший. К морскому делу не лежит у него душа. Я — вы вероятно помните — вырос, можно сказать, на морских волнах. Вся жизнь моя

¹ Соответственно 1887 и 1908 годы гражданского летосчисления.

прошла в порту. Бури, штормы, непогода мне нипочем. Вы все это знаете... Я очень люблю море, привязан к нему, а оно — ко мне. Мы с ним как два друга. Верно, верно говорю, живите долгие годы! Шутка ли сказать — пятьдесят лет вместе. Такая дружба редко бывает даже среди людей. А я, скажу вам, господин хахам, поверите или нет, понимаю голос моря. Всегда понимал, о чем говорят волны... И мог предсказать, что произойдет через час... И мне всегда казалось, что море тоже понимает меня... Господин хахам это прекрасно знает, — море хранит секреты... Знает, но молчит... Но... Что это я так разболтался?.. Ведь мы говорили о сыне... У него сердце не лежало к морю. С детства он любил тишину и покой. Синагога, *лимудино*¹ и работа в мастерской — вот вся его жизнь. А я, как любил я море, бурю и штормы, так любил я сына — за его спокойный нрав, за скромность, за доброе сердце. За то, что он расположен к Богу и к людям... И мы решили: ради него сделаем все... Ради него и ради Дияманти... Она хорошая, славная женщина... А может быть, сын страдает за мои грехи? Ведь я был человеком дела... Много чего повидал на своем веку... Может, есть у меня какой-то грех, висящий на шее, а я о нем забыл? Неужели из-за меня он страдает?.. А теперь мы уповаем на Святую Землю, все надежды возлагаем на нее. Пусть увидит Господь — и сжалится...

Хахам рабби Эльазар пытался утешить его и сказал:

— В наших священных книгах сказано: "Да не умрут отцы за детей, а дети не умрут за отцов..."². Однако кто может уразуметь тайны Господни? Но сила Эрец-Исраэль велика. Несомненно, что Святая Земля обладает чудесной силой. Бог, благословенно имя Его, услышит ваши мольбы и выполнит желания ваших сердец.

¹ *Лимудино* (ладино) — изучение Торы.

² Вторая кн. Паралипоменон 25:4.

Затем он пожелал поговорить с сыном. Тот тем временем расспрашивал людей обо всем, что открывалось его взорам.

— Ты еще многое увидишь, Хананья, — сказал хахам сыну соседа, — еще многое узнаешь о величии Иерусалима и о святости этой земли. Вы еще посетите Хеврон и могилу нашей праматери Рахель. И Шимона-праведника, и рабби Меира, и рабби Шимона-бен-Йохая... Много еще вы увидите. И да сподобимся все мы узреть, как будет отстроен наш Храм...

— Можно себе представить, как велика святость земли наших предков, — поспешил вставить свое слово отец.

— Да, да, господин хахам, — добавил сын, — это великая святость, верно сказал отец... Все это удивительно и непостижимо... Вот, например, сегодня, когда мы были у гробницы царя Давида, — я забыл обо всем на свете... Сердце человеческое мало, чтобы вместить это... Я даже не знаю, как все это выразить словами. Нет у меня подходящих слов... Не нахожу их...

— Все понятно... Понятно... — ответил хахам. — Это от радости выполнения завета... Великого завета... Шуточное ли дело — видеть все своими глазами?

— Да, господин хахам! Какая это честь! Великая честь! Человек сподобился стоять там... Стоять перед ними... Как бы в их доме... В царском дворце... Благословен Всевышний! И я убедился, что святость там как бы видишь своими глазами... Все знают, что такой святости нет нигде за пределами Святой Земли. Как бы, отец мой, лучше выразиться? Святость за границами Эрец-Исраэль, даже в синагоге, даже в святой Судный день — другая... Там кажется, что человек стоит перед далекой святыней... Тайной, закрытой... Он стоит как бы перед занавесом... У стены... Но тут святость нисходит даже на простых людей... Она рядом... Как будто в крови у тебя... Ты чувствуешь, как святость облекает тебя... Она наполняет сердце... Человек как бы окунается в святость...

— Верны, справедливы слова этого человека, — похвалил его хахам перед слушателями. — Тут святость двойная, тройная — многократная. Святость сверху и святость снизу... Благословенная святость народа и Торы...

— Но вот что, господин хахам, — снова заговорил Хананья с увлечением, — вместе с этой великой радостью человек чувствует большую печаль... И такую печаль, мне кажется, я испытал там... у гробницы царя Давида... Каждое мгновение мне казалось, что вот-вот... внезапно раздастся голос царя Давида... или царя Соломона... И голос этот скажет: "Идемте, идемте, сыновья, приблизьтесь, дорогие братья... Вот мы уже пробудились... Не печальтесь... Зачем эта печаль? Мы слышим... Мы видим ваши сердца... Мы с вами... Вот наступил час избавления... Вот он приближается... Подходите, дорогие сыновья..." — Вот такие слова, клянусь своей жизнью, мне хотелось услышать... Я ждал их, и если голос не раздался... Если не произошло чуда, значит, мы виноваты... На нас лежит вина... Мы еще не заслужили вызволения... Разве мы уже готовы и освящены для него? Ведь для вызволения нужны чистые сердца... Как белый снег... Без щербинки... Без пятнышка... Так мне кажется...

— Аман! Творец Вселенной! — взволнованно и громко заговорил отец. — Чтобы мне так жить в благополучии... Ведь то же самое, в точности то же самое, как сказал мой сын, думал и я в то время... Что вот раздастся голос... И он оповестит всех... И сердце у меня колотилось... Честное слово... И тогда я подумал: мы совершили ошибку. Мы, евреи, возвращаемся из стран изгнания, чтобы жить на Святой Земле... Да. Уж слишком все просто и гладко... Оттуда уезжаем, сюда приезжаем, как ни в чем не бывало... Разве такое возможно? Разве допустимо просто так являться к Всевышнему на Святую Землю? И я, господин хахам, решил в своем сердце: прежде всего — ритуальное омовение. Мы все должны совершить его. Затем — день поста. Затем нужно исповедаться... чтобы обно-

виться, быть чистым телом и душой. Так мы и сделаем, не давая обета...¹ Что вы скажете об этом, господин хахам?

— Очень хорошо... Это угодно Господу. Ведь сказано: "И освящайтесь и будете святы..."².

Тем временем солнце начало клониться к закату. Заалели вершины гор, края небес запылали всеми цветами радуги. Казалось, небосклон изливает на землю такое обилие красок и света ради святого праздника.

Многие из отдохавших под деревьями встали, чтобы вернуться в город. Поднялась и наша небольшая компания. Двигаясь по направлению к дому, гости рассказывали хахаму рабби Ицхаку о своем намерении нанять двухкомнатную квартиру — для отца и сына. Тот же сообщил им, что вскоре в их дворе освобождаются две комнаты, которыми он имеет право распорядиться по своему усмотрению.

— Если хотите, — сказал рабби Эльазар, — мы снова станем соседями, как когда-то в Салониках.

Было решено, что завтра они посетят двор хахама рабби Ицхака Эльазара, чтобы посмотреть освобождающуюся квартиру...

Все то время, что мужчины беседовали о святости Иерусалима и Эрец-Исраэль, Видуджа и ее мать шептались между собой, не отрывая глаз от жены сына — молодой Диаманти.

Никто из сидевших под масличными деревьями не заметил, что в ту минуту, когда произошла неожиданная встреча рабби Ицхака Эльазара с семейством Исраэля Альшиха из Салоник, на лице Видуджи и ее матери появилось выражение растерянности, изумления и тревоги. Обе даже побледнели от волнения. Видуджа прошептала матери:

¹ Евреи опасаются давать обеты, поскольку их исполнение в силу каких-то непредвиденных обстоятельств может стать невозможным.

² Левит 11:44.

— Взгляни, мама, чтобы мне так жить... Разве эта женщина — не точная копия той армянки Анахит? Она на нее похожа, как две капли воды.

— Верно, доченька. Просто удивительно, до чего похожа.

И когда женщины встали, чтобы поздороваться, мать украдкой прошептала дочери:

— Она чуть пониже Анахит. Но волосы, глаза, лицо — будто двойняшки...

Прислушавшись к беседе мужчин и узнав, что хахам рабби Ицхак Эльзар предлагает приезжим две комнаты, смежные с их квартирой, Видуджа едва не лишилась чувств. Как будто кто-то вонзил в ее сердце нож. Она почувствовала, что грядущие дни не сулят ей ничего хорошего. Оставалось лишь уповать на Творца и верить Ему свою судьбу.

— О, Боже, ты моя защита, — прошептала Видуджа. — Поступай со своей рабыней, как считаешь нужным.

16. ИСКУШЕНИЕ

С того дня, как семья из Салоник поселилась в двух комнатах, смежных с квартирой Акавы, его жена Видуджа с трепетом дожидалась возвращения мужа. Она была в полной растерянности. Что предпринять, как его встретить? Как с ним говорить? Не лучше ли ей самой завести разговор о новой соседке? Или промолчать, как говорится, "дать воде течь по своему руслу"? А если уж он сам заговорит с ней, она ответит ему словами, какие Господь вложит ей в уста.

И снова она подумала: "А все же лучше мне самой с ним заговорить как бы ненароком о новой соседке и подготовить к тому, что увидят его глаза". Да, именно так она должна поступить, дабы он не рассердился, не разгневался и не упрекнул ее за то, что она не предупредила его о предстоящей встрече. Предупредив заранее, она может предотвратить растерянность и

потрясение. Если она и ее мать были так поражены удивительным сходством этой женщины с той армянкой, что же говорить об Акавье? Да, пожалуй, лучше, чтобы она сама обо всем ему рассказала, дабы в его сердце не зародилось подозрение, что в ее душе есть чувство ревности и неприязни к этой женщине.

Ничего подобного! Видуджа к ней весьма расположена. Диаманти добрая и душевная женщина. С того дня, как у них появились новые соседи, прошли уже две недели, и за это время и Видуджа, и ее мать убедились в чистосердечии и отзывчивости Диаманти. Это имя подходит к ней как нельзя лучше: ее сердце чисто, как алмаз.

Видуджа наблюдает за ней, когда она работает по дому или беседует с людьми. Для каждого, кто к ней обращается, будь то хоть последний бедняк, у нее находится ласковое слово. Все уходят от нее довольные, благодарят и благословляют ее.

А муж ее Хананья — настоящий праведник. Он и мухи не обидит. Ни на кого не глядит, идет своим путем, и никто никогда не слышит его голоса. Он ведет себя, как святой, и каждую свободную минуту посвящает книгам.

Какая превратность судьбы! Прежде и Акавья походил на Хананью. Он был так же чистосердечен и наивен. Правда, книг он никогда не читал и от учености был далек. Но слово Божье хранил и в сердце и на устах. Когда они жили в Бурсе, да еще и тут, в Иерусалиме, он всем сердцем был привязан к Богу. Что бы он ни делал, что бы ни говорил — с ним была его святая вера, переходившая нередко в самозабвенный восторг. Он не знал греха, никогда не поступал дурно, не понимал, как можно солгать. И с ней, Видуджей, он был честен и справедлив. Прислушивался к ее словам и в доме у них царили мир и любовь.

Но теперь, в последние три года, он изменился и стал совершенно другим человеком. Он все более удаляется от нее. Возвращаясь из своих дальних таинственных поездок, не скажет ни слова приветия, ни

слова любви. Молчаливый и мрачный ходит по дому и будто опасается говорить с женой. Она стала для него чужой. И сердце подсказывает ей, что он пьет из мутного источника... Видно, ласки чужих женщин стали ему милее. Он избегает даже взгляда жены...

Как это случилось? Разве может человек сменить душу, как змея меняет кожу? Кого она должна винить? Кто отнял у нее сердце мужа? Кто заставил его свернуть на ложный путь?

Дни и ночи блуждает Видуджа в пустыне одиночества, перебирая одно за другим все события своей жизни, вспоминая то одно, то другое происшествие и пытаюсь найти объяснение обрушившейся на нее напасти.

Кто бы мог поверить, что Акавья отвернется от Бога? Он ведет себя так, будто поссорился с человеком. Вот уже три года, как он все больше и больше удаляется от Творца, от самого себя, от жены и дочерей. "Я не в ладах с Господом. Он меня оставил, и я ухожу от Него", — так он сказал однажды в присутствии жены. А другой раз, года два назад, вернувшись домой после трехнедельного отсутствия, Акавья снял со спины дорожный мешок и сказал сухо:

— Не спрашивай, где я был и что делал. Не задавай мне никаких вопросов.

Она ответила ему сдержанно и покорно.

— Я ни о чем тебя не спрашиваю, любимый. Разве в моих привычках задавать слишком много вопросов? Если захочешь — сам расскажешь. Не захочешь — я не буду настаивать. С меня достаточно того, что ты жив- здоров и вернулся домой к детям.

Акавья уселся на свое обычное место, и она подала ему кофе и кальян. Помолчав, он сказал:

— Против тебя я ничего не имею, Видуджа. Хочу, чтобы ты это поняла. Против тебя — ничего. Мой спор с Богом. Ожесточилось мое сердце против Него. Все, что Он делает со мной, несправедливо. Я не могу этого вынести. Я ясно вижу, что... что Он знать меня не хочет. Я забыт на небесах. Окончательно. И я вижу, что унижен, что пропадаю безо всякой вины. И без суда.

Ты понимаешь? Без суда! Не хочу просить Его за себя. Ладно, Он — Господь, Он — всемогущ. Он может меня погубить, уничтожить. Ладно. Пусть будет так. Но я не желаю такой жизни. Это все равно, что каждый день есть пресную и невкусную пищу. Без соли, без приправы. Ни удовольствия, ни сытости. Сколько можно жить вот так, безо всякого смысла?

Она отвечала ему осторожно, как человек, протянувший руку, чтобы сорвать цветок среди шипов:

— Откуда у тебя такие мысли? То, что ты говоришь, неверно. Все обстоит как раз наоборот: Он, благословенно имя Его, посылает тебе удачу в работе. Твой завтрашний день обеспечен. Твои деньги в твоём сундуке. Многие ищут твоей дружбы и любят тебя. С тобою твои две девочки, безгрешные голубки. И может быть, и я, твоя верная рабыня, тоже кое-что значу. Чего же Он тебя лишил? Разве только сына... Наследника... Люди могут нам позавидовать. Посмотри вокруг — сколько горестей на свете, сколько мук, болезней и бед! А мы... слава Творцу, здоровы и благополучны.

— Ты меня не понимаешь. Это неудивительно — ведь в конце концов ты женщина. Женщине не понять того, что у меня на сердце. Верно, на свете много бед, несчастий, обид, унижений... Так как же я могу быть доволен и спокоен? Велик мой счет к Творцу, а она говорит: "Чего тебе не хватает?" Я-то знаю, чего мне не хватает.

И чем дальше, тем злее становилось это безумие. От поездки к поездке, от месяца к месяцу, от недели к неделе менялось выражение лица Акавьи, портилось настроение. Он стал неузнаваем. Так одежда может сохранить фасон и форму, остаться прежних размеров, но стать совершенно иной, потеряв свою свежесть и краски.

С тех пор, как Акавья сблизился с компанией бездельников, стал нарушать святость субботы и проводить время в обществе легкомысленных женщин, он день ото дня все быстрее катился вниз. Сначала он

перестал посещать синагогу и молился дома один, торопливо и небрежно, а потом и вовсе отказался от молитвы. Отправляясь странствовать, оставлял дома талит и тфиллин.

Когда жена впервые обнаружила, что мешочек с молитвенными принадлежностями остался дома, она была в отчаянье. Ворочаясь ночью без сна на своем ложе, Видуджа думала: как же это, как он столько дней обходится без тфиллин? Когда Акавья вернулся, она по наивности принялась сокрушаться и во всем винить себя: это она не напомнила мужу про талит и тфиллин. Пусть Всевышний простит ее.

— Оставь меня в покое. Это тебя не касается. Я поступаю так, как считаю нужным, и не нуждаюсь в твоих советах. Перестань охать и вздыхать. Мне не нужен ни талит, ни тфиллин.

... Уж лучше бы разверзлась земля и поглотила ее живьем, чем услышать такое!..

Изо дня в день, занимаясь домашними делами, Видуджа все думала о своей злой доле, о горьких и печальных днях, определенных для нее свыше, днях, которые тянутся, кажется, бесконечно.

Спустя три недели после того, как новые соседи поселились в их дворе, в конце месяца Сиван, вечером явился Акавья. Взглянув на него, Видуджа почувствовала, что на сей раз он не так зол и мрачен, как обычно. Он привез подарки детям и даже ей — она не поверила глазам своим, когда Акавья молча протянул ей язму — дорогой нарядный головной платок. Она тихо вздохнула и мысленно поблагодарила Творца. Да будет Его воля, чтобы ее муж вернулся к своему Создателю, к своему дому, к своей семье. Да проявит Господь свою милость к нему и к ней и снова вернет мир в их шатер. Пусть Всемогуший поможет ей и вложит в ее уста нужные слова. Ведь известно, что жизнь и смерть — во власти языка.

Акавья умылся, сменил одежду и сел отдыхать на мягкую подушку возле окна. И тут он по собственному желанию, безо всяких расспросов принялся расска-

зывать о своем последнем путешествии. Первую неделю он работал в древней церкви неподалеку от Иерихона. Покрыл кровлю оцинкованным железом, отремонтировал водосточные трубы и застеклил окна. Знакомый греческий священник, который к нему дружески относится, порекомендовал его для этой работы. Ему хорошо уплатили. Затем он перешел реку Иордан — да, тот самый Иордан, о котором говорится в Псалмах! — и достиг высот Гилада и Кир Моава. Там кругом горы. Места очень красивые. Несколько напоминают северную Анатолию. Высокие величественные горы. Есть много источников, и в горах, и в долинах бьют ключи и текут ручьи. А какие виды!

— Такой красоты я не видел даже в Галилее, когда в прошлом году посетил могилы праведников.

— Хвала Господу, что ты доволен поездкой. И мое сердце радуется этому.

— Да. И еще случилось то, чего давно не было. Представь себе, мне приснился сон.

— Господь благ! А что тебе приснилось?

— А вот что. Я видел, как будто вернулся домой. А во дворе, рядом с нашим домом, стояли вазоны с цветами. И жасмин, и гвоздика, и розы, и лилии, и герань — все цвели одновременно. Я удивился, но тут же оказался на улице. Я гулял с друзьями, мы шли по направлению к синагоге Рамбана, что возле стены, и вдруг оказались в Бурсе! Мы гуляли там по Новой улице, возле сада. Я увидел многих знакомых. Они беседовали, но, когда заметили меня, все сразу заговорили: "Это Акавья! Теперь он святой хаджи¹. Акавья, расскажи нам о Иерусалиме — что может быть лучше рассказов о святом Иерусалиме из уст святого хаджи!"

Я присел и стал думать, о чем им рассказать. И от огорчения, что нет у меня для них подходящих слов, проснулся. Но мне кажется, что это добрый сон... Много в нем хороших примет.

¹ Паломник.

— Да, да, это ясно, — радостно подтвердила жена. — Видеть цветы — хорошо, цветы и сад в Бурсе... А то, что они сказали, что ты святой хаджи — очень хороший знак.

— Да, и я так подумал. А всего больше меня обрадовало то, что мне вообще приснился сон. Правда, сны мне часто снятся, но утром я ничего не могу вспомнить. Будто кто-то стирает все в моей памяти. Но на этот раз сон был очень ясный. Как в дни моей молодости в горах Анатолии.

— Пусть все будет к лучшему, — сказала Видуджа.

А затем она начала неторопливо рассказывать о новых соседях из Салоник, которые взяли две смежные комнаты. Старик со старухой и сын с женой.

— И представь себе, какое чудо, — сказала она, невольно понижая голос, — ты, может быть, не поверишь, когда я скажу, но увидишь своими глазами и убедишься. Поистине удивительны дела Господни. Думаю, что ты обрадуешься. Так мне кажется.

— Ты слишком длинно начинаешь, получается, как друш хахама... О каком чуде ты говоришь?

— Жена сына — ее зовут Диаманти — приятная, миловидная женщина. Но самое главное, она очень похожа... на ту армянку... На Анахит. Удивительно похожа.

Она ожидала, что Акавью взволнуют ее слова, но он продолжал спокойно сидеть на своем месте и ответил тихо:

— Похожа на Анахит... Не верю. Ты ошиблась. Это невозможно.

— Почему?

— Потому что Анахит — одна-единственная. Нет такой второй. Может, какое-то сходство и есть... Вот тебе и показалось...

Жена поспешила ответить, словно оправдываясь:

— Может, меня подвели мои глаза. Может, ты прав, мне так показалось...

— А кто ее муж?

— Он тоже жестянщик. Его мастерская рядом с большой аркой.

Подумав немного, Акавья сказал жене:

— Пожалуй, зайдем к ним и поздравим с новосельем. Я ведь только сегодня приехал. Это хороший обычай — приветствовать новоселов.

— Если хочешь, зайдем.

После ужина Акавья с женой и тещей заглянули к соседям. Отец и сын встретили их тепло и сердечно. Женщин в комнате не было. Дядя Исраэль поднялся навстречу гостям и принялся пространно говорить о своих чувствах к господину соседу. Он очень рад познакомиться, так как слышал о нем много хорошего. Ему рассказывали о геройских делах Акавьи, о его богатырской силе и о ревностном служении Богу. Хвала ему, честь и слава. Можно только радоваться, имея такого соседа.

Хананья вторил отцу. После каждой его фразы он прибавлял:

— Верно, верно. Мы много слышали о вас, да хранит вас Господь.

Потом он взобрался на стул и выдвинул фитиль большой лампы, свисавшей с потолка. Комнату залил теплый свет. Старик сказал:

— Нет радости во мраке.

Отправляясь к соседям, Акавья надеялся увидеть ту женщину, о которой говорила Видуджа. Но сейчас его вниманием завладел старик. В его голосе и улыбке было столько дружелюбия и искренности. Чем-то он напомнил Акавье отца. Внешне Исраэль и покойный отец Акавьи были разными, но между ними чувствовалось большое внутреннее сходство. Глаза старика сияли радостно и приветливо. А у сына лицо было бледным и чистым, как у святого. Он тоже был высок ростом, но сутулился. Может быть, из-за чрезмерной скромности, а может, из-за усталости.

Все уселись поудобнее и завязалась оживленная беседа. Тут вошли женщины, сначала старушка, а за нею Диаманти.

Акавья поднялся и почтительно поздоровался с хозяйкой. Но когда взору его предстала Диаманти, он протянул ей руку и замер, не в силах отвести глаз от ее лица. Он хотел что-то сказать — и не смог. Молча поклонился и сел на свое место. Чтобы скрыть свое смущение, он опустил голову и отвернулся.

В эту минуту Видуджа думала лишь об одном — как отвлечь внимание всех присутствующих от мужа. И она с жаром заговорила о чудесах японской храбрости в войне против Московии — ей недавно рассказывали об этом бывалые люди. Всегда скромная и молчаливая, она вдруг поднялась со своего места и бойко затараторила:

— Вы слышали, что люди рассказывают об этих японцах? Глаза у них раскосые, не такие, как у всех людей, а сами они крохотные, как карлики. Но такого геройства еще мир не видел. Третьего дня, в субботу, сеньоры рассказывали в синагоге, что японский солдат — один! — убил десять тысяч неприятелей! Говорят, дело было так: разыскали они среди своих японцев самого высокого, надели на него русскую форму и пустили во вражеский стан. В то время, когда все там собрались на молитву. А под одеждой у него было столько динамита, сколько только может унести человек. Он взял свечу и сам себя поджег. Да, так и сделал. Не пощадил собственной жизни и погубил всех собравшихся. Все погибли от взрыва. Такие они герои, эти японцы.

Рассказ Видуджи заставил и других вспомнить всякие истории о героизме, самопожертвовании и военной смекалке.

Видуджа делала вид, что слушает, но мысли ее были заняты Акавьей. Хорошо, что никто его ни о чем не спрашивает и он может сидеть молча. Он не отрывает глаз от Диаманти. Та не обращает на него никакого внимания, так как с интересом слушает рассказы о ратных подвигах. Но пора и честь знать — час поздний.

Они входят в свою комнату, и Акавья тихо говорит в темноте:

— Хорошо, что ты предупредила меня заранее. Иначе у меня, наверно, разорвалось бы сердце. От неожиданности.

Всю ночь Акавья ворочается с боку на бок, а жена его лежит рядом, не смея проронить ни слова. Вот он присел в темноте. Видуджа, делая вид, будто только что проснулась, говорит:

— Акавья, почему ты не спишь?

— Не могу уснуть...

— Может, хочешь арака? — спрашивает она.

— Незачем тебе затрудняться. Я сам возьму.

Он встает и действительно делает несколько глотков, но потом опять садится и сидит неподвижно.

— Ты не спишь? — снова спрашивает Видуджа.

— В эту ночь мне уже не уснуть.

— Почему?

— Мне кажется, я лишился разума.

— Может быть, ты поговоришь со мной? Поделишься своими думами? Ведь и я не могу уснуть...

— Мои мысли таковы, что их нельзя открыть никому. Но и нести их я не в силах. Я не могу отделаться от них и не могу даже разобраться в них...

Она сказала:

— Я заварю кофе — тебе станет лучше. — Встала и вышла.

Акавья выпил кофе и снова заговорил:

— Только одно я хотел бы знать: почему Он меня так преследует? За что? Не только преследует, но и издевается. Разве может Творец издеваться над людьми?

Она ответила:

— Упаси Господи! Не говори так. Ведь сказано: "И милосердие Его — на всех Его созданиях"¹.

Он тотчас ответил сердито:

— Слова!.. Не нужно красивых слов. Я не могу рассказать тебе обо всем, что у меня на сердце, о том

¹ Псалмы 145:9.

пламени, что сжигает меня и о той скверне, что у меня внутри. Одно только хочу сказать тебе: я не вижу другого выхода, кроме как бежать отсюда. Теперь же, немедленно. Одному или с семьей... А не то я совершу великий грех. Паду — и не встану. Сейчас я уже не тот Акавья.

Жена поняла, что ошиблась и плохо рассчитала. Ей казалось, что если Акавья откроет, что у него на сердце, ему станет легче и он смягчится. Но вышло не то. Он гневит Господа и терзает себя и ее. Она отодвинулась, сжалась в комок и замолчала.

С тревогой и страхом ждала она каждый день решения мужа. В его руках ее судьба. Помилует он или казнит? Долго, очень долго пришлось ждать ей приговора. Она видела, что Акавья и сам пребывает в нерешительности и не может ни на чем остановиться. В словах его нет определенности, и дела его не завершены. Она видит в них свет и тьму одновременно. Правда и ложь идут в обнимку. Подъем сочетается с падением. Когда усиливается его правая рука — слабеет левая. Вот он идет войной против мира, а вот против войны. Короче говоря, он в растерянности и сомнении.

Акавья вел себя так, будто ступал по раскаленным угольям. Семь раз на дню он прибежал из мастерской домой и снова возвращался в мастерскую. То принимался беседовать со стариком, который почти не отлучался из дому, то с нею, с Диаманти. Бывает, встанет и целый час разглагольствует невесть о чем. О, Боже, о чем он только не говорит, и как говорит! Язык Акавьи ворочается с трудом, и речь его напоминает шум жерновов, дробящих щебенку. За всю свою жизнь Видуджа не слышала от него столько слов, сколько он сейчас произносит за раз. Все, что он видел и слышал во время всех своих странствий, и все, что с ним приключилось, он спешит выложить соседям.

Акавья всячески старается ублажить их, из кожи вон лезет, чтобы потрафить им. Ведет себя не как сосед, а как единокровный брат, как преданный слуга.

И, оказывая Диаманти те или иные услуги, он чувствует себя придворным в королевском дворце.

Исключительная сердечность и преданность Акавьи заставляют соседей не замечать его неумеренных и приторных речей, адресованных, главным образом, Диаманти. Он ухаживает за ней, словно молодой парень за девушкой.

Акавья стал и слугой и домоуправителем соседей. Отправляясь на базар закупать продукты для своей семьи, непременно он приносит и большую корзину, полную всякой всячины, для них. Вначале они смущались и отказывались затруднять постороннего человека. Но Акавья убедил их, что обладает редкостным даром делать исключительно выгодные покупки. Ему все отдают за полцены. Муж Диаманти Хананья, человек робкий и стеснительный, вовсе не умеет торговаться. То, что он покупает за сто прут, Акавья — за пятьдесят.

Видуджа отлично видела, откуда берутся остальные пятьдесят прут. Муж извлекает из сундука один золотой за другим. Еще бы — ведь по сути дела он содержит две семьи — свою и соседа. Но упаси Господи, ей не жалко денег. Она даже не заикнулась о деньгах. В конце концов, это его монеты. Пусть поступает с ними, как хочет.

Скверно у Видуджи на душе, горько ей и обидно, что муж так ведет себя, но лучше, чтобы он оставался дома и транжирил деньги здесь, чем неведомо где и с кем. А кроме того, с того дня, как появились новые соседи, он снова стал посещать вместе с ними синагогу, а по вечерам гулять по ту сторону Яффских ворот с отцом, сыном и хахамом рабби Ицхаком, хозяином двора.

Акавья изо всех сил старался как можно теснее сдружиться с соседями. Нередко обе семьи ужинали вместе и вместе проводили субботу.

Но во всем этом было и некоторое утешение для жены Акавьи: она была уверена в непорочности Диаманти. Дружно и мирно жили между собой женщины.

Диаманти была богобоязненной еврейкой, скромной и честной. Не было в ее душе и тени греха. Видуджа имела возможность ежедневно наблюдать, как та ведет себя с Акавьей. Как он ни старался своим красноречием и всякими услугами добиться ее расположения — ничего не вышло. Она относилась к нему с симпатией, как к доброму знакомому, не давая повода для обид, но и не поощряя ни в коей мере его ухаживаний. Она слышала о нем много хорошего, поняла, что Акавья — человек незаурядный и требует к себе особого отношения. Он не ходит проторенными путями и не говорит, как все люди. Что касается мужа и свекора Диаманти, то они не усматривали в поведении Акавьи ничего зазорного. Старик души не чаял в братце-Акавье. Он сам в молодые годы был силачом и задирой (о его геройских подвигах не без удовольствия рассказывал рабби Ицхак Эльзар). А Хананья вообще ничего не замечал, потому что его взоры были устремлены ввысь, и каждую свободную минуту он отдавал книгам.

Других близких соседей у них не было. Хотя владения хахама рабби Ицхака Эльзара были велики и проживало в них семейств пятнадцать, если не более, расположение двора позволяло многим семьям жить, не слишком докучая друг другу.

Двор хахама рабби Ицхака Эльзара имел два выхода на две улицы. Один был темным, узким и высоким. Темень в нем была как в подземелье. Узок он был, как канава для сточных вод — не шире одного локтя. Высота же его казалась безмерной, потому что во тьме нельзя было различить свода. Второй выход вел на улицу прямо со второго этажа. Множество арок, проходов и лесенок как бы делило двор на отдельные участки. Одна квартира над сводом, а две — под ним, четыре — под аркой, а три — над нею... Рядом со ступенями главной лестницы шли другие, которые тоже вели в отдельные комнаты.

Общими для всех соседей были два колодца и три отхожих места. Все с радостью черпали воду из колод-

цев весной и с печалью — в разгар лета, так как в жаркие дни приток воды был скуден. И тут, на этом месте, не раз приходилось убеждаться в справедливости стиха: "Прорыв воды — начало ссоры..."¹. Если сосед черпал лишнее ведро — это было законным поводом для скандала.

Но в трех нужниках, расположенных в трех концах двора, никогда не было ни споров, ни ссор. Даже если приходилось дожидаться своей очереди под палящим солнцем летом и под проливным дождем зимой, никто не забегал вперед и не бранился.

Если не считать этих мест общего пользования, где люди поневоле встречались, каждый жил независимо в своем углу. Каждые две-три семьи — в своем закутке. Кроме Акавии и Исразля в их углу проживала еще одна семья, ашкеназская. Со всеми своими сыновьями и дочерьми они занимали две комнаты.

И откуда только они появились на свет Божий, эти ашкеназы? Взгляните-ка только на них, можно ли придумать что-нибудь более потешное! Пейсы болтаются во все стороны, как шеи зарезанных кур. Лица тощие, морщинистые, бороды лохматые, спины согнуты. Вечно они чем-то встревожены и все куда-то спешат. А какой у них язык! Разве это язык? И даже когда они говорят на святом языке или молятся, понять ничего невозможно, одно только невнятное клокотание, в котором с трудом удастся различить отдельные слова. Тот, кто не видел, как они молятся в своих синогогах, не видел, как умеют валять дурака взрослые люди. Ни порядка, ни святости, ни благоговения. Одни переговариваются, кричат, другие снуют с места на места, а третьи раскачиваются, будто одержимые. А их мелодии — это сплошное "ля-ля-ля" и черт знает что такое!

Конечно, каждый имеет право вести себя, как ему вздумается. Но все-таки есть какие-то вещи... Все-таки, когда живешь среди людей, нужно соблюдать чистоту

¹ Парафраз стиха 17:14 книги притчи Соломона.

и порядок... Кто может покорно снести соседство ашкеназа? Господи помилуй! Когда они чистят, они только пачкают вокруг. Когда они выходят из миквы¹ — они смердят больше, чем до погружения в воду. А от запахов чеснока, лука и селедки, которыми насквозь провоняли их квартиры, можно задохнуться.

Короче говоря, на них нечего обращать внимания. Они не из тех, кто что-то видит и в чем-то разбирается. Акавье не приходится их опасаться, когда он беседует с соседями или произносит свои монологи перед Диаманти.

Диаманти овладела всеми его помыслами и чувствами. Иногда он просто сидит возле нее и уныло молчит. Глядит на нее и молчит, как будто окаменел и не может произнести ни слова. Иногда курит свой кальян и не сводит с нее глаз. Она занята своим делом, а он о чем-то разглагольствует.

В его словах нет ничего нового. Он без конца повторяется, снова и снова говорит об одном и том же, вспоминает одни и те же шутки, короче говоря, жует, как корова, свою жвачку.

Диаманти в голубом платье выходит во двор и Акавья говорит:

— *Буэнос диас*², Диаманти. Сегодня солнце взошло на голубом небе. Слава Создателю, что управляет миром и посылает нам такой сладкий свет!

— Спасибо за *комплименто*, — отвечает она, явно не придавая никакого значения его словам.

Или, например, она сидит и перебирает горох, чечевицу или рис. Тут же появляется Акавья, садится рядом и говорит:

— О, если бы я состоял из таких маленьких частиц, как эти горошины! Ты бы проверила и отобрала все хорошее, что есть во мне, а все плохое выбросила.

¹ Бассейн для ритуальных омовений.

² Добрый день (ладино).

Если Диаманти стирает белье в лохани, тут же как из-под земли возникает Акавья и говорит:

— На месте Хананьи я бы не разрешил тебе портить руки в холодной воде. Где это видано, чтобы королева занималась стиркой? У королевы должны быть прачки.

И все в том же духе. Иногда добавит несколько фраз, иногда слегка сократит свои излияния. И все это повторяется при каждом удобном случае.

Однажды Акавья вернулся раньше обычного из мастерской. Диаманти и Видуджа сидели рядом во дворе возле забора и пили кофе. Видуджа сразу же поднялась и пошла заваривать кофе для мужа. И тогда Акавья вдруг сказал:

— Ты, наверно, считаешь меня презренным существом... Скажи мне правду...

— Что ты, Акавья? Что ты придумал?

— Я знаю. Я действительно презренное существо, я недостойн даже сидеть рядом с тобой.

— Упаси Господи! Что ты говоришь? Зачем ты унижаешь себя?

— А кто же я? Кто эта растоптанная душа, что перед тобой?

— Ты обыкновенный человек, только легкомысленный. Мужчина, который ведет себя, как юнец. Человек, который забывает, что у него есть жена и дети, и проказничает, как парнишка. Потому-то я и не принимаю всерьез твои слова, как не принимают всерьез слова ребенка, у которого глупый язык, а сердце доброе.

— Ах, — застонал Акавья, — разве ты можешь понять, что у меня на сердце. Оно давно сожжено, это сердце... всю жизнь оно горит в огне — в огне земном и огне небесном, в огне святом и в огне скверны. И тут ты появилась, чтобы спалить то, что еще осталось после пожара... Была в моей жизни одна, похожая на тебя...

Диаманти удивилась его речам, и Акавья торопливо рассказал ей про Анахит — и про свою любовь.

Она сказала:

— Тут не может быть сравнения, Акавья. Она была девушкой, а я замужем.

— Да. Я знаю. Но сердце не хочет ничего знать, оно пылает... И еще хочу сказать тебе: будь что будет, мне все равно, но я знаю, что из-за тебя я умру. У ног твоих испущу дух.

Диаманти побледнела, затрепетала и поспешила встать.

Назавтра, когда Акавья вернулся после работы, жена попросила его зайти в их комнату и закрыла дверь. Она предложила ему присесть и сказала, что хочет с ним поговорить.

Ее решительный тон удивил Акавью.

— Акавья, — сказала Видуджа, — делай со мной, что хочешь. Убей. Задуши. Разорви на части, но я обязана сказать тебе это. Я для тебя чужая. В твоих глазах я ничто. Безмозглый и бесчувственный истукан. Но ты для меня — Акавья. Акавья, который был когда-то моим. И потому я хочу сказать тебе. Ты думаешь, что безумно любишь Диаманти. Ты считаешь, что во всем свете нет любви, подобной твоей. Но на самом деле ты добьешься только того, что станешь причиной ее смерти.

— О чем ты говоришь?

— Ты объясняешься ей в любви, говоришь, что сердце твое пылает от страсти. Горе тебе, Акавья! Глаза твои слепы... Ты не хочешь видеть, сколько горя и печали в ее глазах. Ты ничего не хочешь знать, кроме своих страданий и своих страстей. Диаманти очень несчастная женщина. Ты знаешь, почему они переселились из Салоник в Иерусалим? Ты даже не удосужился спросить об этом. Ты не замечал, что она всегда печальна и удручена? Ты не задумывался над тем, почему у нее нет детей? Четыре раза она носила под сердцем ребенка, но ни разу не родила благополучно. И они приехали в Иерусалим с молитвой и надеждой. Ее муж Хананья, этот праведник, единственный сын в семье. Разве ты не слышал, как они мечтают о сыне, о наследнике... А ты ничего не видишь, ничего не хочешь знать. Сейчас она опять беременна, и вся ее душа

обращена к Творцу. Семь раз на дню она молится, умоляя о снисхождении. И в это время ты являешься со своими любовными объяснениями! На что этой чистой и святой женщине твоя любовь? Если ты и дальше будешь вести себя подобным образом, то сведешь ее в могилу, а за ней — всю семью!

Акавья слушал Видуджу, и сердце его трепетало. Слова жены пригвоздили его к стулу, они падали, как удары молота. Он чувствовал себя подавленным и пристыженным, как мальчишка, которого поймали за некрасивыми и опасными проделками.

— Верно, — сказал он, — я идиот. Я ничего не видел. Я просто сумасшедший. Ты хорошо сделала, что открыла мне глаза. Ты добрая женщина, у тебя чистое сердце... А я... я совсем сбился с пути. Я попрошу у нее прощения. И ты тоже прости меня, Видуджа...

С тех пор Акавью нельзя было узнать. Он смирил и укротил свое сердце, подобно тому, как расплавляют и сгибают железо, чтобы затем использовать по своему усмотрению. С того дня он думал лишь о благе Диаманти. Он был не в состоянии изгнать из своего сердца любовь, но постепенно это чувство изменилось и превратилось в сострадание к несчастной женщине.

С тех пор Акавья вел себя так, словно ему поручено ухаживать за тяжелым больным и он несет ответственность за его жизнь, покой и благополучие.

Акавья осторожно поговорил со стариком и выяснил, что можно сделать для Диаманти. Он приводил к ней самых лучших врачей и платил им большие деньги, но так, чтобы никто об этом не знал. Он нанял к ним в дом прислугу, чтобы Диаманти не приходилось заниматься тяжелой работой. Он уверил соседей, что эта женщина его родственница и не нуждается в оплате.

И чем больше делал Акавья для Диаманти, тем меньше он с ней разговаривал. Он старался даже не приближаться к тому месту, где она обычно отдыхала днем. С него было достаточно поймать изредка ее благодарный взгляд, дышать одним воздухом с нею.

Сердце его оживало, как оживают растения под струями живительной влаги. Да, это большое счастье дышать одним воздухом с нею. И как прекрасна Диаманти, возлежащая в углу комнаты. Она похожа на королеву, — она силой своей власти возвысила его, Акавью, и он сейчас ее придворный — он может часами беседовать с мужчинами и беспрепятственно лицезреть ее.

Так прошла зима — в надежде на Божью помощь и радость в будущем.

Но — увы! — надеждам не суждено было сбыться. Однажды в полночь поднялась буря и сильный удар грома напугал Диаманти. В ту же ночь у нее начались роды, и ребенок погиб.

Горе всей семьи не знало границ.

Снова пошли в ход всякие лекарства и травы, заговоры и амулеты — все, за что хватаются в таких случаях, как за последнюю надежду.

Акавье стало казаться, что причина несчастья в нем, в его делах и мыслях. Гром прогремел, чтобы ошеломить, потрясти, заставить встрепенуться его сердце. Он страшный грешник. Он, который оставил Творца, смел надеяться, что его оскверненные руки принесут спасение и вызволение? Он недостойн той миссии, которую возложил на себя.

Он испытывал раскаянье, боль и сострадание к бедной Диаманти. Настали теплые солнечные весенние дни. И тут возникла мысль об особом миньяне¹ — пусть десять благочестивых евреев помолятся о Диаманти на могиле праматери Рахили. Ведь и она многие годы страдала от бесплодия. После молитвы у могилы Рахили все проследуют в Хеврон, чтобы и там вознести молитвы за Диаманти у Маарат ха-Махпела — на могиле наших праотцов и праматерей.

Эту идею подал Хананья, и за осуществление ее взялся Акавья. Разумеется, он действовал так, чтобы

¹ *Миньян* — собрание (не менее десяти взрослых мужчин) для отправления публичной молитвы и некоторых обрядов.

семья Хананьи не знала, что за все он расплачивается своими деньгами.

И вот в конце месяца ияра, в воскресенье под вечер, когда дневная жара уже спала, к могиле Рахили направились десять евреев, известных своей богобоязненностью и набожностью. За ними верхом на ослах следовали тии Израэль и его сын Хананья, хахам рабби Эльазар, который дружески и любовно опекал эту семью, и Акавья. С ними были две женщины: Дيامанти и Видуджа. Вся процессия неторопливо двигалась по направлению к Бейт-Лехему.

Всю ночь перед могилой Рахили произносились молитвы и читались псалмы. "Тхинот" и "Слихот"¹ раскалывали небеса и достигали самых высоких сфер.

Мужчины стояли по одну сторону надгробия, женщины — по другую. Мужчины казались боевым отрядом, мужественно обороняющим слабых и незащищенных женщин, которые целиком доверились отваге и боевой сноровке защитников-бойцов.

Акавья всю ночь простоял, прильнув всем телом к могильному камню. Он молился за своих соседей, за себя. Он просил о снисхождении у "Царя, восседающего на престоле милосердия"². Достаточно было взглянуть на его согбенную фигуру, чтобы понять, что его молитва идет из глубины души.

Сердце Акавьи рыдало, но на глазах его не было слез. Да, воистину это была "молитва страдальца, когда он изнемогает..."³.

После утренней молитвы они немного подкрепились, десять богобоязненных евреев вернулись в Иерусалим, а четверо мужчин и женщины продолжили свой путь к Хеврону.

... Утренняя заря окрасила горы и долины в розовые цвета. Масличные деревья по склонам холмов каза-

¹"Тхинот" и "Слихот" ("Моления" и "Молитвы о прощении") — молитвы, приуроченные к определенным датам.

²Из молитвы Судного дня.

³Псалмы 102:1.

лись застывшими, заколдованными существами, погруженными в свои странные думы — не то они вспоминают прошлое, не то удивляются призрачному настоящему.

Высокое голубое небо раскинулось над головой. Живительный утренний ветерок пробегает над землей. На полях царственный покой. Путники неторопливо движутся верхом на ослах по направлению к Хеврону. Путь не близкий. Три часа нужно трястись только до прудов Соломона. Акавья едет позади всех.

Вот начал отставать хахам рабби Ицхак Эльазар. Он давно уже искал случая поговорить с Акавьей по душам. Видуджа не раз делилась с рабби Эльазаром своими тревогами, но сам Акавья словно избегал всякого разговора. Рабби Эльазар указал рукой на открывшийся их глазам простор.

— Акавья, Акавья, не кажется ли тебе, что святость разлита здесь в воздухе?

Акавья ответил:

— Верно, святость разлита в воздухе Эрец-Исраэль. Но сердце мое болит, когда я вижу эту страну такой несчастной, в плену, оскверняемой чужими. Эта мысль терзает меня повсюду. Мне довелось побывать во многих местах — и на севере, и на юге, на востоке, и на западе, у моря. И в Хевроне я был, ездил туда повидать хахама Абрамаджи. Иногда мне кажется, будто я слышу вздохи и стоны, идущие из земли. Честное слово, так мне кажется...

— Ты прав. Святая Земля рыдает и стонет. Плач Эрец-Исраэль подобен плачу народа Израиля. Он вопрошает: где ты, мать? Она вопрошает: где вы, сыны мои?

— Но я, — сказал Акавья с огорчением, — не могу понять, почему Отец небесный видит позор народа и страны и молчит. Какой смысл в том, что арабы владеют наследием Авраама, Исаака и Иакова, Давида и Соломона, а мы порабощены и унижены. И доколе?

— Пока не наступит час благоволения. Да, "время помиловать его (Сион), ибо исполнился срок"¹.

И хахам рабби Ицхак стал объяснять Акавье, что обещание Творца обязательно исполнится.

Так они неторопливо беседовали и хахам рабби Ицхак, умело переходя от одной темы к другой, заговорил наконец о самом Акавье.

— Скажу тебе по правде, Акавьяджи, я сегодня ночью с большой радостью наблюдал, как страстно и вдохновенно ты молился. Хвала тебе! Такая молитва будет принята с благоволением.

Акавья ответил:

— О, господин хахам, дай Бог, чтобы моя молитва не была напрасной...

— Почему ты сомневаешься, сын мой? Ведь сказано: "Милосердный ищет сердце"². А ты стоял перед Всевышним с открытым сердцем.

— Но в этом сердце много терний... много терний.

— Почему, друг мой, ты всегда говоришь так туманно? К чему это? Одно из двух. Если тебя что-то тревожит, если что-то омрачает твой покой — лучше высказаться. Когда человек говорит, легче помочь ему. Если же ничего такого нет — к чему эти намеки? Или ты боишься говорить со мной откровенно? Но я ведь не судья, не правитель и не министр.

— Боюсь? О страхе не может быть и речи. Я никого не боюсь. И никогда не боялся. Но теперь я избегаю говорить... из-за огорчения... и стыда. Верно, я стыжусь... самого себя стыжусь.

— Я тебя понимаю, Акавья. Очень хорошо понимаю. Но я хочу, чтобы и ты меня тоже понял. Вот теперь мы с тобой одни на этой дороге и едем ради богоугодного дела. Никто нас не слышит, и я могу говорить откровенно. Я часто думаю о тебе. "Мой сосед Акавья, — говорю я себе, — чему он подобен? — Золотой монете, которая упала в грязь. Люди видят грязь на поверхнос-

¹ Псалмы 102:14.

² Талмудическое изречение.

ти монеты и не знают ее цены. Но стоит ее немного почистить, сполоснуть — и засверкает золото. Ржавчины на золоте не бывает. Золото всегда золото”. Клянись тебе, Акавья, так я думаю о тебе.

— Премного благодарен вам, господин хахам, за ваши добрые слова. Но сам я вовсе не уверен, что монета золотая. Почему же вы, человек ученый и благочестивый, решили, что это золото?

— Сейчас объясню. Того, кому Творец, благословенно имя Его, дает такое здоровье, такие силы и такую отвагу, какие Он дал тебе — того Он любит. Такие дары даются лишь от большой любви. А если в сердце человека живет любовь к народу Израиля и к каждому еврею и он готов заступиться за нашу честь, — как ты это не раз, чтобы не сглазить, делал — значит в этом сердце сохранились искры святого пламени наших древних героев. Может быть, в тебя переселилась душа одного из наших великих праведников — кто знает. Но что же? Иногда некоторые видят в тебе, да и ты сам видишь в себе, нечто несовместимое со святостью, какой-то изъян, какой-то порок. Это не страшно! Ведь сказано в древних книгах: ”Нет на земле такого праведника, который творил бы благо и не погрешил бы”¹. Кто у нас выше и благороднее царя Давида, мир праху его? Так разве он безгрешен?

Услышав это, Акавья растерялся. Он не знал за царем Давидом никаких грехов.

— Как же так? Неужели ты не знаешь, как поступил Давид с Бат-Шевой и ее мужем Урией?

— Нет. Никогда не слышал. Плохо я знаю наши священные книги. И из-за этого тоже у меня болит сердце...

И хахам рабби Ицхак Эльзар поведал ему всю историю от начала до конца со всеми подробностями, ничего не опуская².

¹Екклесиаст 7:20.

²Однажды под вечер царь Давид ”увидел с кровли купаю-

— Умоляю вас, господин хахам, скажите мне по совести — вы все это придумали для того, чтобы успокоить меня, или есть в этой истории какая-то доля правды?

— Упаси Господи! Все сущая правда. Все, что я сказал, подробно описано во Второй Книге пророка Самуила. Ничего я не добавил и ничего не опустил. Если хочешь, когда вернемся домой, прочтем это место вместе.

— Царь Давид? Он был способен на такое? Уму непостижимо!

Акавья был ошеломлен. Ему казалось, что извечные устои рушатся на его глазах.

— Да, так оно и было. Потому-то и сказано: грех — это пятно, но, раскаявшись, можно его смыть. Грех, даже тяжкий, подобен царапине на душе. Но это не конец. Грех не губит до такой степени, что ничего нельзя исправить. Наоборот, все поддается исправлению. Ты раскаялся — и грех забыт. А за раскаянием следует обновление и очищение, как сказал сам царь Давид: "Сердце чистое сотвори для меня, Боже, и дух правый обнови во мне"¹.

Хахам рабби Ицхак умолк, утомившись от долгой беседы. И Акавья молчал. Ослы продолжали шагать, и на дороге не было слышно никаких других звуков, кроме стука копыт. Изредка навстречу путникам попадались арабы на ослах и верблюдах.

Значительная часть пути уже осталась позади. Акавья был настолько погружен в свои мысли, что совершен-

щуюся женщину; а та женщина была очень красива". Это была Бат-Шева, жена Урии, одного из воинов Давида. "Давид послал слуг взять ее; и она пришла к нему, и он спал с нею", и она забеременела. Чтобы избавиться от Урии, царь приказал своему полководцу Иоаву направить его на самый опасный участок сражения. После гибели Урии Давид взял Бат-Шеву в жены. Пророк Натан предсказал царю, что в наказание за этот страшный грех его жены будут обесчещены у него на глазах, а ребенок, которого родит Бат-Шева, умрет.

¹ Псалмы 51:12.

но забыл о попутчике. Он даже не услышал, как рабби Ицхак обратился к нему. Спустя минуту тот заговорил снова — и тоже не был услышан.

Рабби Эльазар похлопал Акавью по плечу и дружески сказал:

— О чем ты так глубоко задумался? Известно: "Много помыслов в сердце человека, но сбудется совет Господа"¹.

— Да, да, — сказал Акавья, с трудом возвращаясь к действительности, как человек, которого только что разбудили.

— Мне кажется, Акавья, ты обдумываешь то, о чем мы с тобой говорили. В твое сердце закрались сомнения?

— Сомнения? Правду вы сказали, рабби Ицхак. Будто из души моей вынули это слово. Да, я полон сомнений.

— Что тебя смущает? Откройся мне...

— Смущает?.. Да. Прежде всего меня смущают мои собственные мысли и чувства. Они таковы, что о них трудно говорить...

— Неужели, мой милый, труднее, чем о делах царя Давида?

— Об этом как раз я и думал, клянусь своей жизнью! Мне кажется, и труднее, и легче. Дела мои, понятно, не столь страшны, как та история. Страшны мои мысли. Ох, эти мысли! Царь Давид, как вы рассказали, совершил тяжкий грех. Это верно. Но с ним это случилось раз в жизни. А я грешу все время. Мои мысли встают как враги на моем пути. Всюду и всегда.

— Объясни, пожалуйста.

— Царь Давид увидел Бат-Шеву — и совратился, согрешил. А у меня грех сидит внутри, он у меня в крови, в сердце. А больше всего грешат мои глаза. Верьте мне, мои глаза нечестивы, это сама скверна!

— Чтобы никогда тебе не знать зла, Акавья! Но ты снова заговорил намеками.

¹Притчи Соломона 19:21.

— Это не намек. Это ясное и простое дело. Я все время вижу всякие непотребства. Что-то странное творится со мной. Вы хотите, чтобы я сказал более ясно? Хорошо. Я открою вам все. Поверьте, не раз, терзаясь и погибая, я хотел прийти к вашей милости и все рассказать. Но так никогда и не решился... Теперь я скажу: уже несколько лет в душе моей пылает адский огонь... Он пожирает меня... С одной стороны, казалось бы, я ищу тепла и сердечности... Но с другой стороны, это влечение... Влечение к женщине... И не к какой-нибудь одной женщине. Нет... Откроюсь вам и скажу: меня тянет ко всем женщинам... Смуглым, чернявым, светлым, рыжеволосым... К девушкам и женщинам... Какая-то ненасытная страсть... Подайте мне целый гарем женщин — и мне все будет мало... Это что-то страшное. Какое-то колдовство... Глаза мои видят не то, что есть на самом деле, а то, что они хотят видеть. Иду я, например, по улице, просто так, без всяких мыслей, и вот у входа в какой-то дом или на лестнице, что во дворе, или на балконе мои глаза замечают... женщину... Обнаженную... Да, представьте себе, ни с того ни с сего вижу я бедра... Женские бедра... А когда приближаюсь, — понимаю, что нет ничего подобного. Стоят на том месте два обыкновенных бревна...

В другой раз вижу издали такую дородную упитанную девицу. Стоит она согнувшись, обнаженная, широкозадая... Но подхожу ближе и вижу, что это на бочке висит желтая тряпка...

Или замечаю вдруг на балконе девушку. Повернулась она спиной к перилам, запрокинула голову, косы свисают вниз. Взоры ее будто обращены к небу, но в то же время, я чувствую, она шепчет: приди, приди, Акавья, душа моя тоскует и томится по тебе! Но когда подхожу поближе, вижу... С ума можно сойти! На балконе стоит щетка, какие в ходу у штукатуров, и на ней висят черные чулки!

Вы, господин хахам, скажете: вот так дурень! Ведь ты убеждался много раз, и вчера, и третьего

дня, что это один только обман, одна видимость. Мираж, дьявольское наваждение... Почему же ты веришь, и идешь, и ждешь... На это я вам отвечу: глаза мои не знают отчаянья. Всякий раз поутру они открываются с новой надеждой, хотя "и предостаточно позора и насмешки"¹.

Внутри меня сидит скверна. И да поверит мне хахам рабби Ицхак, что от великой печали в моем сердце мне хочется встать, оставить свой дом, жену, детей и отправиться в пустыню, чтобы жить там среди диких зверей. Бежать от самого себя, забыть все на свете, отдалиться от людей, от населенных мест, от Торы, от молитвы, скитаться, пока не придет мой конец и я не свалюсь, где придется...

— Зачем же так, Акавья? Как раз наоборот! Печаль в твоём сердце доказывает, что душа у тебя чистая и непорочная. Зачем же тебе жить, как живут дикие звери?

— Вы говорите, у меня чистая душа? Трудно поверить... Во всяком случае, тело мое — это тело зверя. И может быть, лучше для меня и для людей, чтобы я жил на этом свете, как дикий зверь...

— Сейчас я докажу тебе, Акавья, что ты заблуждаешься. Весьма заблуждаешься. Ведь были дни, как я слышал, когда ты жил в мире и с небесами, и с людьми. Но что-то случилось, что-то такое произошло (а что именно — этого я не хочу знать, это меня не интересует), что поколебало твою веру. Ты стал другим человеком. Но корни у тебя хорошие и крепкие. И тебе нужно только одно — вернуться к самому себе, к своим основам, к своему фундаменту, и отстроить здание заново. Ведь сказано в наших древних книгах: "Раскайся хотя бы за день до смерти!"². А ты, чтобы не сглазить, в расцвете сил, и вся жизнь у тебя впереди! Не сомневаюсь, что твое

¹Парафраз изречения из книги Эсфири (1, 18) — "и предостаточно позора и гнева".

²Поучения предков 2:15.

прошлое свидетельствует о твоём будущем, которое станет ещё более достойным!

— То, что вы слышали о моём прошлом, — верно. Великая вера пылала в моём сердце. Но за последние годы, сам не понимаю как, я стал совсем другим человеком. Не знаю, то ли потому, что ослабела в моём сердце вера, Творец покинул меня, то ли наоборот — потому что Творец оставил меня, пошатнулась моя вера. Так или иначе, но я спотыкаюсь и падаю, спотыкаюсь и падаю. Горе мне!..

— Послушай, Акавья, что я скажу. Из твоих слов и из твоих дел явствует одно — и я скажу тебе сейчас же, без обиняков: дай Бог, чтобы все отступники имели такое сердце, как у тебя. Ты не нуждаешься ни в каком специальном исправлении. Лишь раскаяние и воздержание — вот что тебе нужно. Ты должен переменить свой образ жизни...

— Что такое раскаяние, я знаю. Дважды пытался я встать на путь раскаяния. Но что значит переменить образ жизни? Как это понять?

— Я уверен, что все твои беды происходят от того, что ты дал волю своим дурным страстям. Оттого они и приняли такие размеры. Как же исправить положение? Обуздать свои страсти! Это закон: если даешь волю страстям — убиваешь себя; убиваешь страсть — воскресаешь сам. Ты спрашиваешь, что значит переменить образ жизни. Ты должен ограничить себя во всем — есть и пить ровно столько, сколько нужно для того, чтобы существовать. Не пить вина и не есть ничего, кроме самой простой и грубой пищи. Каждый понедельник и четверг следует поститься. Короче говоря, оставь все излишества и стань аскетом. Рамбам¹ сказал: между двумя крайностями лежит золотая середина.

¹ Маймонид, Моше бен-Маймон, Рамбам (1135–1204) — известный галахист, кодификатор, философ; оставил огромное литературное наследие. Главные труды: "Мишне-Тора" и "Нас-

— Я понимаю, господин хахам хочет сказать: дай обет воздержания. Не хочу задавать лишних вопросов. Пусть будет так. Я последую вашим советам.

Когда хахам Ицхак услышал из уст Акавьи эти слова, он преисполнился к нему сочувствием и долго говорил о чистоте его души. Потом он рассказал приятный и поучительный рассказ о раскаявшихся грешниках. Ведь известно, что даже полный праведник не может сравняться с раскаявшимся грешником!

Так незаметно подъехали они к постоялому двору. Все спешили и перекусили, затем двинулись дальше. В полдень они достигли Хеврона и молились у могил предков. В сердцах их была радость, а в душах — святость.

Акавья как сказал, так и сделал. Он стал настоящим аскетом. Порвал со своими друзьями, перестал посещать веселые сборища. Утром он уходил к себе в мастерскую, а вечером возвращался домой.

Какие мысли и чувства обуревали его в то время — никто не знает, кроме Всевышнего. Ведь людям известно лишь то, что видят их глаза. А все видели, что Акавья ведет образ жизни праведника. Он строго и неуклонно соблюдал все заповеди, ел и пил умеренно и не давал воли своим страстям. Если он пробовал какое-то новое блюдо, то лишь для того, чтобы произвести соответствующее благодарение; если поддерживал свою плоть, то лишь для вознесения души.

Но главное, ему удалось совладать со своим зрением. Глаза покорились ему, и взгляд их стал скромным. И самая трудная битва, которую вел Акавья с самим собой, увенчалась полным успехом. Ему удалось заставить себя почти не смотреть на Диаманти. Он мог часами находиться в обществе трио Исраэля и Хананьи — иногда и хахам рабби Ицхак присоединялся к ним — и ни разу не взглянуть на сидящую рядом

тавник колеблющихся". Стремился установить новые формы религиозной и общественной жизни.

Диаманти. Он был героем, он скрутил свои страсти, бросил их наземь и топтал ногами!

Сердце его жены Видуджи было полно счастьем, как море водой. Слава Творцу и бесконечная благодарность хахаму рабби Ицхаку Эльазару. Диаманти разделяла с Видуджей ее радость и с Акавьей — его чистую дружбу.

И когда стало известно о новой беременности Диаманти, то тихая тайная надежда поселилась во всех сердцах. Поведение Акавьи стало еще более добродетельным. Он был подобен человеку, который скопил изрядную сумму и поставил ее всю целиком на один номер — в надежде на главный выигрыш.

Так прошли семь месяцев. Но и на сей раз преждевременные роды погубили младенца. И душа болела у каждого, кто об этом слышал.

Разум отказывался понять, почему столь суров приговор судьбы по отношению к этой удивительной женщине. Сокрыты от нас пути Господни, таинственны и непостижимы Его решения.

17. СВЯТАЯ СВЯТЫХ

Печаль и безмолвие поселились в доме. Такое безмолвие охватывает поля в годы засухи, когда земля выжжена и бесплодна.

Каждый нес в своем сердце скорбь и тоску, и не было ни утешения, ни надежды. Будто онемели все уста, ибо иссякла вера. А тех, кто произносил изредка слова утешения, можно было уподобить людям, черпающим из пересохшего колодца в конце лета, когда в ведре вместо воды обнаруживают немного мутной жижи.

И во внешнем облике обитателей дома произошла горькая перемена. Тию Исразль поседел, борода его стала совершенно белой, морщины покрыли лицо, глаза потускнели.

Хананья еще больше согнулся и побледнел. Взгляд его выражал недоумение и растерянность. Казалось, он изнемогает от непосильного труда. Диаманти, перенесшая столько душевных и телесных мук, находилась в состоянии глубокой подавленности. В уголках ее рта залегли печальные морщинки, и она двигалась по дому, как тень.

Акавья страдал вдвойне — и от неутихающей страсти, и от Божьей напасти. Свет и тьма смешались в его сердце. Иногда ему хотелось разорвать цепи, которые он сам наложил на себя, повернуться спиной к Создателю, сбросить груз обязательств и почувствовать себя свободным. Он походил на человека, который тяжким упорным трудом сколотил состояние, который знал периоды подъема и упадка и вдруг обанкротился, все потерял, и нет ему больше нужды думать ни о долгах, ни о счетах. Но Диаманти удерживала его. Если он сбросит с себя бремя заповедей и обетов и свернет с пути, на который встал — он окончательно потеряет Диаманти, она отвернется от него. Так уж лучше держаться привычной стези и продолжать надеяться на Божью помощь.

Так прошло много дней. То были дни без проблеска надежды, без радости, серые, пустые дни без смысла и без цели.

Однажды утром в конце лета Акавья сидел в своей мастерской на улице Гроба Господня и занимался обычной работой. Вдруг он увидел перед собой отца Настанаса, греческого священника, и муэдзина хаджи Нимера, того самого, который с минарета ближайшей мечети провозглашал о намазе. Рядом с ними стоял почтенный арабский шейх. Все трое приветливо поздоровались с Акавьей, пожелав ему доброго утра.

Хаджи Нимер, муэдзин, иногда посещал лавку Акавьи. Случалось, что после молитвы он заходил сюда и подолгу сидел на низкой скамеечке возле входа в мастерскую, радуясь возможности побеседовать с Акавьей по-турецки. Он овладел этим языком в дни своей молодости, когда служил имамом

в турецкой армии. Отец Настанас тоже изредка заглядывал сюда, чтобы переброситься с Акавьей несколькими фразами. Сейчас он обратился к Акавье со следующими словами:

— Братец Акав, мы пришли к тебе по делу. Оставь на минутку свою работу и послушай, что я тебе скажу.

Когда все уселись, грек сказал, что благочестивый шейх, явившийся сюда вместе с ними, — один из главных старост мечети Омара. Он пришел к нему, к отцу Настанасу, чтобы узнать, есть ли тут мастер, который сумел бы отремонтировать свинцовый купол мечети. Отец Настанас сказал, что вот Акавья, с Божьей помощью, хороший мастер. В прошлом году он отремонтировал церковный купол.

— Мы пришли сейчас к тебе, чтобы спросить, не возьмешься ли ты отремонтировать купол мечети Омара?

Акавья сказал:

— Я готов взяться за эту работу. Почему бы и нет? Но нам, евреям, Тора запрещает ступать на землю Иерусалимского Храма.

Ему ответил хаджи Нимер:

— Мы знаем, что вам это запрещено. Но несколько лет назад один еврей уже ремонтировал этот купол, его звали Авраам Наниоти. За свою жизнь он ремонтировал его дважды, но сейчас его уже нет в живых. И ни разу нога его не касалась запретной земли. Двое арабов несли его до самого купола, там он взбирался по лестнице наверх и при свете большого фонаря работал всю ночь. Так же можно сделать и сейчас. Вечером, когда стемнеет, Акавью отнесут к куполу на кресле, а утром, с зарей, придут за ним.

Акавья спросил:

— Я должен работать по ночам? Почему?

Слегка смутившись, муэдзин ответил:

— Чтобы скрыть это от людей. Дабы они не возмутились...

Акавья не понял и переспросил:

— Почему люди должны возмущаться?

Немного замявшись, хаджи Нимер сказал:

— Нежелательно, чтобы правоверные видели, как еврей взбирается на вершину мечети Омара. Ночью же все делается тайно и незримо.

Акавья рассердился:

— С этим условием я не согласен. Если я буду работать, то только днем. Я не привык таиться. Нигде. Никогда. Кому нужна работа, тот должен принимать и работника.

Он сказал ясно и определенно. Но как только эти слова сорвались с его уст, он вдруг умолк и задумался — будто кто-то невидимый зажал ему рот.

В голове у него промелькнула мысль, заставившая его пожалеть о сказанном, и он добавил:

— Но поскольку эта просьба исходит от отца Наста-наса и хаджи Нимера, почтивших меня своим визитом, я готов работать по ночам. Однако при условии, что со мной будет подмастерье.

Услышав о подмастерье, араб сразу смекнул, что за этим что-то кроется.

— Нет. Только один должен работать.

Акавья возразил:

— А какая разница? Двое выполнят работу быстрее... Ведь сказано же — "вдвоем лучше, чем одному"¹.

Араб стоял на своем:

— Достаточно одного еврея. Двоим нельзя. Ни в коем случае.

Акавья сообразил, почему тот упрямится, и сказал, что хочет еще раз все обдумать. Пусть праведный шейх скажет, куда ему явиться, чтобы дать ответ.

Шейх сказал:

— Тебе нет нужды утруждать себя. В полдень я буду проходить здесь и зайду за ответом.

В полдень, когда шейх вернулся, Акавья щедро угостил его. Подавая кофе, он положил на блюдо золотую лиру и сказал:

¹Экклесиаст 4:9.

— Это за ваши труды, за то, что вы мне даете такой большой заказ. И еще прошу вашу милость походатайствовать, чтобы я мог работать с помощником.

Увидев, какой оборот принимает дело, шейх подобрел, уста его стали сладкими и из них полились ласковые слова:

— Клянусь нашим господином Мусой¹! И клянусь Аллахом, что я всем сердцем хочу выполнить желание Акавыи, однако другие старосты возражают. Но я уж постараюсь, чтобы Акавье разрешили работать с напарником. Может быть, мне удастся уговорить их, но следовало бы прежде узнать, во что обойдется весь подряд. Пусть сначала Акавья поглядит, какой ремонт требуется и во что это обойдется нам, и если окажется, что расходы не столь уж велики, старосты, я думаю, уступят и позволят ему работать с подмастерьем.

Акавья ответил ему просто:

— Из-за оплаты споров не будет. Я не гонюсь за деньгами. Пусть сам господин шейх оценит объем работы. Сколько праведный шейх укажет, столько и получим.

— Коль скоро ты ведешь себя так благородно, я воздам тебе тем же. Обещаю тебе, что ты получишь эту работу вместе со своим напарником.

В тот же вечер, едва тьма окутала город, Акавья подошел к воротам, ведущим на территорию Храма. Его уже поджидали и отнесли к куполу. Он ступил на лестницу, прислоненную к стене. При свете большого фонаря Акавья осмотрел места, нуждавшиеся в ремонте.

Вернувшись, он сказал:

— Одну ночь я буду работать вместе с напарником и еще одну — без него.

Встречу назначили на конец месяца, когда луна почти не светит и темнота такая, что работающих наверняка никто не заметит.

¹ Моисеем.

На следующий день Акавья решил поговорить с Хананьей. В полдень он запер свою лавку и направился на Еврейскую улицу к мастерской Хананьи. Акавья попросил его закрыть мастерскую, поскольку хотел обсудить все наедине и не спеша.

Они вошли в одну из пустынных улиц и уселись на завалинке. Акавья сказал:

— Братец Хананья, что ты скажешь насчет того, чтобы побывать в Иерусалимском храме и проникнуть в Святая Святых, что прямо над скалой?.. И всю ночь читать там Псалмы и молитвы? Ради Диаманти... Чтобы Господь отменил свой приговор и послал ей, наконец, ребенка.

От неожиданности Хананья заморгал и пробормотал:

— Как это, Акавья? Это же невозможно. Ведь евреям запрещено входить на территорию Храма. В земле Храмовой горы захоронены обломки Скрижалей Завета и другие святыни нашего Храма...

Акавья ответил:

— Я это знаю. Все мне известно. Но Создатель дал мне возможность доставить тебя туда без того, чтобы ты ступал по Храмовой горе. Тебя понесут на руках. Ты будешь сидеть в кресле и тебя доставят прямо к куполу, над Святая Святых. А там ты сможешь сидеть и молиться при свете фонаря от заката до восхода солнца... Во всех святых местах мы уже побывали — у могилы царя Давида, праматери Рахили и наших праотцев. Сколько раз мы молились у Стены Плача — но слова наши не достигают Бога. Но там, в Святая Святых — все будет иначе. Разве возможно, что молитва оттуда не будет принята? Ведь там первосвященник в Судный день молился за весь еврейский народ!

— Это какое-то чудо, все, что ты говоришь. У меня даже закружилась голова. Кто же понесет меня на руках? Кто позволит?

И тогда Акавья поведал ему обо всем от начала до конца. О том, что сказал ему шейх, о том, что

он сказал шейху (только о плате умолчал). Рассказал и о том, что вначале решил отказаться от работы, поскольку был разгневан словами иноверцев. Даже когда они нуждаются в еврее-мастеровом, они позволяют себе унижать его. Но тотчас в голове его мелькнула мысль: Диаманти! Хананья! И в ту же минуту он взял свои слова обратно и обусловил свое согласие тем, что с ним будет еще один еврей.

— А теперь, — сказал Акавья убежденно, — я вижу во всем этом руку Провидения. Это же явно знак небес! Подумай только, Хананья: пришли иноверцы, сами, без каких-либо просьб с моей стороны, и стали уговаривать и упрашивать меня взять на себя такую работу. И все это случилось именно сейчас. Ныне месяц Божьего милосердия, и Всемогуший надоумил меня согласиться. Разве не ясно, что это все от Бога?

Хананья ответил с трепетом:

— Такая возможность! Такое чудо! На таком месте... Там, где находился первосвященник... С того времени, как разрушен Храм, ни один еврей не сподобился стоять там. И достигнуть святыни, не оскверняя места, не ступая по земле... Как на крыльях орлов... На крыльях орлов... Это же чудесно! Удивительно! Неслыханная удача!

Сердце Хананьи преисполнилось восторгом, от избытка чувств он схватил руку Акавии и, с любовью пожимая ее, повторял:

— Есть друг, что ближе брата¹... Ближе брата...

Все обсудив, Хананья и Акавья пришли к выводу, что следует обратиться за советом к хахаму рабби Ицхаку Эльазару — пусть он научит их, как следует вести себя сейчас, исходя из законов Торы о святости и чистоте...

Домой они вернулись с сияющими лицами. Домочадцы, а особенно Видуджа и Диаманти, не могли не заметить внезапной перемены в их настроении. Они выглядели так, будто сегодня большой праздник.

¹Притчи Соломона 18:24.

И всем, разумеется, захотелось узнать причину их радости.

Акавья и Хананья прошли мимо своих жен, не останавливаясь и не вступая с ними в разговор, как подобает достойным евреям. Не станут они посвящать своих супругов в столь важные дела, пока не принято окончательное решение.

Они зашли к хахаму рабби Ицхаку и поведали ему обо всем. Слова Акавии взволновали рабби Ицхака чрезвычайно. Тотчас он принялся обдумывать это дело со всех сторон.

Прежде всего он дал Акавье и Хананье несколько советов. Во-первых — воздержание. Три дня они не должны подходить к своим женам. Ведь сказано в Торе: "Будьте готовы к третьему дню, не приближайтесь к женщине"¹. Во-вторых — омовение. Оба должны совершать ритуальное омовение дважды в день, утром и вечером, в течение двух дней. Ведь сказано: "И освяти их сегодня и завтра, и пусть вымоют одежды свои"². Если сказано "одежды", то тем более это относится к телу. А когда они окажутся на Святая Святых, Хананья, завернувшись в талит, должен прочесть все Псалмы Давида от первого до последнего, а затем в обратном порядке — так выразит он свою мольбу изменить Божий приговор. Хахам рабби Ицхак указал и другие молитвы, проверенные и испытанные, которые подходят для Хананьи, сына Эстер, и Диаманти, дочери Малки³. Сии молитвы Хананья должен прочесть в завершение, перед рассветом.

Затем мужчины рассказали обо всем своим женам, и их сердца затрепетали от святости предстоящих дел и от просветленной чистоты помыслов Акавии, которого осенила столь счастливая мысль.

¹ Исход 19:15.

² Исход 19:11.

³ Эти молитвы из стихов книги Псалмов строятся по принципу акростиха: начальные буквы стихов складываются в имена людей, за благополучие которых молятся.

В назначенный вечер, когда стемнело, Хананья и Акавья вышли из дому в белом, будто в Судный день. Молча, не торопясь, шли они по дороге, ведущей к Львиным воротам (друзья нарочно выбрали этот пустынный путь, чтобы никого не встретить). Едва они достигли больших ворот, как тотчас появились четыре араба с двумя креслами. Хананья и Акавья уселись и их понесли. Сзади шествовал еще один араб с инструментами, плавильной печью, горячими и холодными углями. Вся процессия приблизилась к стене мечети. С кресел Хананья и Акавья перебрались на приготовленную заранее лестницу и стали подыматься к нижнему краю купола. Каждый держал в руке фонарь.

Арабы пожелали им успешно трудиться и ушли.

Акавья взялся за инструменты, а Хананья завернулся в талит и раскрыл молитвенник. Но молиться он не мог. Он вдруг почувствовал страшную слабость. Сердце его так колотилось, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Акавья постарался успокоить друга. Медленно, держа за руку, повел он его по кругу купола и усадил в юго-восточной части, прямо над священной Скалой. Рядом он укрепил фонарь. Хананья уселся и начал с молитвы "Да будет Его воля", предшествующей Псалмам. Акавья не оставлял друга до тех пор, пока голос его не окреп. Тогда и Акавья взялся за дело.

Хананья вдохновенно читал стих за стихом, псалом за псалмом. Акавье его молитва казалась воркованием голубя. И сам он, согбенный, укутанный в талит, напоминал белого голубя, что спустился с небесных высот.

Лица двух мужчин, находившихся на куполе, сияли и светились счастьем, сердца их трепетали, и мерцание ночных звезд в вышине, казалось, вторило этому трепету.

Огни в окнах домов постепенно гасли. Храмовая гора и весь Иерусалим погрузились во тьму.

Акавья привычно и уверенно делал свое дело. Неземная радость, наполнявшая его душу, все ширилась. Благодетельна эта ночь, и велика заслуга Акавьи! На сей раз, кажется, все ясно: Провидение избрало его. Это примирение и прощение, о котором он так долго тщетно молил. Теперь Небеса открыли свою волю: он, Акавья, избран. Он починит купол мечети, он спасет Диаманти — ее заветная мечта исполнится, и не только это — он исправит самого себя. Когда он увидит, что ему сопутствует удача и труды его приносят желанные плоды — он со смирением покорится Все-вышнему. Если он не сподобился быть любимым, если Творец счел его недостойным этого счастья — он будет радоваться счастьем других. С него достаточно будет знать, что он причастен чудесному избавлению. Может, делать добро другим — это и есть самая чистая и великая радость.

Миновала полночь. Хананья завершил молитву.

Легкий ветерок, прилетевший со стороны моря, казалось, шепчет слова, от которых замирает душа. Надежда... Помощь... Утешение... Акавья чувствует, что дуновение, родившееся здесь, в центре мироздания, у подножья Божьего престола, понесется дальше и охватит весь мир, все земные просторы... От края до края... Тут источник всего. Тут — первопричина всех событий, происходящих во вселенной...

Хананья поднялся и направился к тому месту, где работал Акавья.

Слава ему, чьи умелые руки трудятся так искусно. Он плавит олово и свинец, льет металл и паяет, ударяет молотком и выпрямляет листы.

Хананье захотелось помочь другу, и он тоже взялся за работу.

— О Акавья, как бы мне хотелось найти такие слова, которые могли бы воспеть святость и величие этой ночи. Святая ночь на святом месте... Это превосходит все, что я пережил в своей жизни. Эта ночь сохранится в моем сердце до самой смерти.

Сказал Акавья:

— Благо тебе, братец, ведь ради тебя я удостоился этой чести.

Сказал Хананья:

— Ты — первопричина, во всем твоя заслуга.

Он умолк, а затем добавил:

— Послушай, Акавья, я обещаю, но без обета, — если мои молитвы дойдут до Святого престола и я сподоблюсь иметь сына — ты будешь восседать с младенцем на кресле Ильи-пророка во время обрезания! И я назову его не именем своего отца и не именем отца Диаманти, а Акавьей. Ты это заслужил.

Слова Хананьи взволновали Акавью. Он прекратил работу и сказал:

— Спасибо, брат. Это большая награда.

Они снова взялись за работу и трудились молча, чтобы не осквернять святого места будничными разговорами. Под утро со всех минаретов зазвучали призывы муэдзинов. Казалось, их молитвы подкрепляют молитвы Хананьи и Акавы.

Когда небо на востоке начало бледнеть, явились носильщики-арабы и вынесли друзей за пределы Храмовой горы.

С того дня все с нетерпением ждали доброй приметы — беременности Диаманти. Так царствующий дом ждет рождения престолонаследника.

Но время шло, один месяц сменялся другим, и надежда в сердцах стала слабеть, пока не исчезла окончательно. Так осенью облетают листья с деревьев, пока те не останутся стоять совершенно голыми.

Акавья считал себя причиной всех бед. Видно, оттого, что он, Акавья, присоединился к молитве Хананьи в ту ночь, над Святой Святых, мольба этого праведного человека была отвергнута. Из-за него, недостойного, проклятого небесами, не произошло исцеления Диаманти и, что хуже всего, исчезла последняя надежда.

Эти мысли терзали сердце Акавы, и он чувствовал себя повергнутым в прах. Но спасение и вызволение пришли к нему неожиданно оттуда, откуда он и не

ожидал — от самой Диаманти. С той незабываемой ночи молитвы над Святой Святых протянулась невидимая нить любви и милости от сердца Диаманти к Акавье. Это выражалось не в словах и не в поступках. Сияние ее глаз исцеляло душу Акавьи. Диаманти всегда была с ним сдержанна, скромна и молчалива. Она избегала разговоров, старалась даже не глядеть на него, ведь стоило ей невзначай взглянуть на Акавью — и он менялся в лице. То оно становилось покорным, как у овцы, которую ведут на закланье, то вспыхивало таким огнем, что, казалось, пожар охватит все вокруг. Иногда лицо Акавьи выражало детскую безмятежность, а иногда вдруг искажалось судорогами... Поэтому даже беседа с ним, Диаманти опускала глаза.

...С той памятной ночи каждый при встрече с Акавьей старался выразить ему свою любовь и уважение. Соседи угощали его всем, что появлялось у них на столе. Ради него Диаманти готовила особые блюда, подавала сласти и фрукты.

Она знала, как добра и щедра душа Акавьи, как он ей предан и как велико его желание помочь ей. И за все его благодеяния и добрые чувства она могла воздать ему лишь благодарным взглядом. Она смотрела на него так, будто пыталась проникнуть в его душу и понять, откуда там столько доброты и преданности.

Так прошел год. И чем дальше отодвигалась ночь молитвы, тем больше наполнялось горечью сердце Акавьи. Нет Судьи, нет правосудия, нет справедливости и нет воздаяния. Прав, тысячу раз прав хахам Акнин. Слова его верны и вывод справедлив. Небеса равнодушны к делам людским. Участь праведника и участь негодяя равны. Грех и проступок не влекут за собой наказания, а раскаяние не спасает. Все суета сует.

Но теперь Акавья научился держать свои мысли при себе. Не стоит тратить слов понапрасну. Если дела не помогают, то какой прок в словах!.. Он не повто-

рит прежних глупостей. Пусть его доводы остаются при нем. Его тайные мысли известны лишь ему одному. Бывая в гостях у соседей или гуляя за городом с хахамом Эльазаром, он предпочитает молчать и слушать. Пусть говорят другие. Он неколебим в своих убеждениях.

Но с ней, с Диаманти, ему необходимо поговорить. Много дней и ночей он думал об этом и решил, что не осталось иной надежды, кроме одной, последней... И если случилось теперь, что они с Диаманти оставались наедине, Акавья говорил:

— Диаманти, любимая, я должен тебе что-то сказать. Но не сейчас. Надо подождать... Не всякое время подходит для беседы. Но ты жди. Такой час настанет.

Так он говорил ей. И Диаманти хотелось узнать, что это за тайна. Она сама стала искать возможности поговорить с Акавьей по душам.

И вот такая возможность неожиданно представилась. Был день Великой субботы¹. После полудня все пошли в Большую синагогу послушать проповедь главного раввина. Диаманти осталась дома, ей нездоровилось. Она дремала, опираясь на подушки. Открыв глаза, она увидела Акавью. Он стоял у входа в нерешительности, опасаясь разбудить ее. Она позвала его:

— Это ты, Акавья? Заходи.

Он вошел и присел на стул.

— Почему ты не пошел на проповедь? Ведь сегодня Великая суббота!

— Не хочу сейчас слушать проповеди, Диаманти.

— Как же так, Акавья?

— Из-за тяжести, что давит на сердце.

— Наоборот! Если тяжело на сердце — проповедь даст облегчение.

— Не мне. Не мне...

— Да, Акавья. Я давно заметила, что что-то мучает тебя. Ты молчишь и не участвуешь в беседах...

¹ Великая суббота — суббота, предшествующая празднику Песах.

— Слова потеряли смысл. Лучше молчать...

— Но в словах нашей святой Торы — бальзам для сердца. Она наша защита и убежище.

— Бальзам для сердца... — в голосе Акавьи звучала горечь и боль. Он опустил глаза.

— Но послушай, Акавья, если мы не будем просить Творца о защите и не будем уповать на Его милость — что с нами будет? Он, благословенно имя Его, дает нам силы жить... Уповающие на него не будут посрамлены...¹

— Да, да... — ответил Акавья. — И ты повторяешь слова... Слова... Ты надеешься, Диаманти? На что ты надеешься? На кого ты уповаешь, любимая моя? Что еще можно было сделать, чего мы не сделали? Как еще можно умолять и упрашивать? Твоя вера неколебима. У тебя одна забота на сердце и одна печаль в душе. Но мое сердце, Диаманти, сокрушают стыд и позор...

— Ты говоришь, стыд и позор? Кто же мог тебя обидеть? Ведь у тебя богатырская сила и отвага. Все восхваляют твоё имя. Все тебя любят.

— Да. Верно, — поспешил ответить Акавья, — люди тут ни при чем. Ни один человек не причинил мне столько зла, сколько Бог. Но теперь, Диаманти, я все знаю, мне все ясно...

— Что тебе ясно?

— Я знаю, что т а м, на небесах ничего не известно. Ничего т а м не знают и знать не хотят. Люди отвергнуты и презираемы... Как могут небеса так унижать нас?.. Причинять такую боль?.. Так извращать Закон и правосудие?!. Нет Закона и нет Судьи! — сказав это, Акавья в отчаянье махнул рукой.

— Акавья, Акавья! О чем ты говоришь? Или ты не боишься Бога? — сказала Диаманти с ужасом. — Как ты смеешь произносить такие слова? Я никогда не думала, что ты такой... Разве может человек так рассуждать? Это богохульство...

¹Парафраз стиха "И все, уповающие на Тебя, не будут посрамлены" (Псалмы 25:3).

— И об этом я думал и понял: люди трусливы. Их бьют, а они молчат. Им плюют в лицо, они утираются и молчат. А я — я Акавья! Если я грешен — пусть Господь меня казнит. Если я ошибаюсь — пусть меня вразумит. Вот я стою перед Ним! А если я прав — почему Он молчит? Ты видишь, Диаманти, — небеса не отвечают, они не слышат...

— Горе мне! Ты позоришь Бога, Акавья! Как же так? Кто тебя сотворил, кто дал тебе жизнь? Кто дал тебе силы? Разве не Бог? Как же ты смеешь хулить Творца? Что такое человек, чтобы судить Его?

— Я червь. Жалкий червь перед Творцом. Это я знаю. Создатель — всемогущ. Он силен и беспредельно возвышен. Велики Его дела. Я любил Его всем сердцем. Может быть, не было другого человека, который любил бы Бога так, как я. Но теперь мне ясно: Бог — на небесах, а человек — на земле. Бог не думает о людях. Пути его неисповедимы и сокрыты от нас. Он не замечает человека и не хочет его знать. Человек забыт Предвечным. Человек живет сам по себе. Живет, как знает. Действует, как хочет. Идет путями, которые сам избирает. Я знаю, что это так.

— О, — сказала Диаманти, — как ты горд, Акавья. Ты все знаешь и все понимаешь!

— Возможно, я глуп. Но разве ты можешь доказать мне, что я ошибаюсь?

— И это то, что ты хотел сказать мне?

— Нет, нет. Вовсе не это.

— Так что же? Говори, теперь есть время, мы одни дома.

— Я боюсь говорить...

— Неужели это еще ужаснее, чем то, что ты уже сказал?

— Да, я боюсь, что тебе оно покажется еще более страшным...

— Что может быть страшнее?

— Ты рассердишься и будешь презирать меня...

— Значит, Бога ты не боишься, а меня боишься?

Акавья опустил глаза и долго молчал.

— Не бойся, — сказала Диаманти, — я слушала до сих пор и буду слушать дальше.

— Я думаю, что ты поймешь... У тебя есть сердце, которое все понимает. Ты должна понять, что ради тебя я говорю это. И о тебе я думаю... Вот уже три года, с тех пор, как я увидел тебя, я думаю о тебе. И только одна просьба на моих устах: не осрами меня. Не считай меня презренным и подлым.

— Презренным и подлым? Упаси, Господи! Неужели ты думаешь, что я не вижу и не замечаю всего, что ты делаешь для меня? Для того, чтобы изменить мою горестную судьбу?

— Да будет у тебя в жизни лишь одно хорошее... за твои добрые речи... — сказал Акавья, с трудом сдерживая волнение. — Одним словом ты меня воскресила. Теперь я могу говорить. Так вот... Я вспомнил все, что мы делали... Как мы боролись за тебя. И после всего этого мы остались с пустыми руками и разбитыми сердцами. Я не могу больше этого видеть... Сердце мое разрывается на части. От любви. От жалости. От верности тебе. И я подумал: три года я принадлежу тебе. Все мои мысли только о тебе. Что ты скажешь, если я исправлю то, чего не мог или не захотел исправить Бог? Я сам. Своей силой. Своей кровью. От меня у тебя наверняка будет сын. Моя сила — это дар небес. Это все, что у меня есть. Может быть...

Акавья взглянул на Диаманти и осекся. Она побледнела, будто ее ударили по голове.

Он снова заговорил — торопливо, боясь, что его перебьют. Он напоминал человека, стоящего перед властелином и умоляющего сохранить ему жизнь. И прежде, чем его поведут на казнь, он спешит высказать все, что у него на душе.

— Может быть, все то, что со мной случилось в жизни, и все, что я претерпел за долгие годы — это только ради тебя... Может быть, двадцать лет, двадцать пять лет я подвергался испытаниям, чтобы... прийти к тебе... и исправить твою судьбу... Спасти тебя и спасти себя... И я совершу великое исправление...

— Акавья, Акавья, да сохранил нас Господь!.. Ты сошел с ума? Или пьян? Что ты говоришь?.. Как ты можешь вести со мной такие речи?!

— Я не пьян. И нет у меня низких мыслей. Только любовь в моем сердце и жалость. И я говорю тебе: это не будет грехом. Это не грех. Это исправление. Небеса тайно повредили, и небеса тайно исправят. Может быть, я посланник небес. Для благого дела. Для святого дела. Для святейшего из самых святых. Почему тебе, нежной голубке, чистой, как снег, нужно растратить свою жизнь впустую? Почему такому удивительному цветку, как ты, увядать без плода, без утешения, без опоры? Разве для тебя скучная, тоскливая и постыдная старость? Это — истинный грех, это — преступление.

Диаманти выпрямилась и сказала сдержанно, но твердо:

— Уходи, Акавья... Оставь меня. Ты — не человек. Я не знаю, кто ты. У тебя сердце человека и сердце сатаны. Ты дракон... Человек и дьявол... Ты милосерден и ты жесток. Ты чист и наивен и ты ужасен. Прошу тебя — уходи. Оставь меня одну. Иди с миром.

— Я уйду, уйду, — сказал Акавья, подымаясь.

— И пусть милосердный Господь просветит твое сердце... Пусть он покажет тебе, где правда и где добро.

Отвергнутый, поверженный в прах, покинул Акавья квартиру Диаманти.

18. СМЯТЕНИЕ

Не думал и не предполагал Акавья, что за его разговором с Диаманти в Великую субботу последуют события столь ужасные, что всякий, кто услышит о них, будет потрясен, и смятение охватит город.

Не думал Акавья, что Диаманти может быть так сурова с ним. Разве человек, говорящий правду, заслуживает такого унижения? Ведь от любви к ней он говорил. Из жалости к ней. Верно, то, что он сказал,

трудно принять. Но ведь ей ничего не стоило заставить его замолчать. Ведь ее слово для него закон, ее слово для него — царский указ. Разве он не делает все, что она захочет, разве не спешит выполнить любое ее желание?

Правда, Диаманти ни одной живой душе не сказала про их беседу и по-прежнему была сдержанна и приветлива. Но именно оттого, что она оставалась такой спокойной и рассудительной, Акавья чувствовал себя поверженным в прах.

Настали дни Пасхи. Незаметно было, чтобы Диаманти сердилась на Акавью. Правда, она избегала садиться с ним рядом за столом и не вступала в разговоры, но была, как всегда, мила и дружелюбна. Вместе с Видуджей она навещала друзей и знакомых, и когда женщины возвращались, Акавья подолгу беседовал с женой, пытаясь выведать, не открыла ли ей Диаманти их разговора в день Великой субботы. Но в конце концов он убедился, что жена ни о чем не слышала и не догадывается.

Но тотчас после Пасхи Акавья прослышал, что Хананья собирается поменять квартиру. Диаманти уверила мужа, что порог их дома — причина всех несчастий, на нем лежит проклятье, и пока они не покинут этого места, не видать им ни счастья, ни радости.

Желание Диаманти решено было исполнить без промедления, хотя мухарам¹ наступал лишь через полтора месяца. Сняли квартиру возле синагоги стамбульцев и на третий день после Пасхи перебрались на новое место.

Акавья чувствовал себя как путник, внезапно застигнутый в дороге бурей. И особенно тяжело ему было оттого, что он сам накликал это несчастье на свою голову. Но что он мог сделать?

Не станет же он высмеивать опасения Диаманти, не откроет людям, в чем истинная причина ее внезапной

¹ Мухарам (турецк.) — сезон заключения арендных договоров.

неприязни к этому дому. Он должен молчать. Упаси Боже о чем-либо заикнуться! Даже собственной жене он не может ничего сказать.

Злое отчаянье душило Акавью. Он перестал работать, лавку вовсе не открывал, дома не находил себе места, да и на улице не знал, что делать. Иногда ему хотелось встать, пойти к соседям и сказать им:

— Неблагодарные вы люди! Пусть будет по-вашему, и порог вашего дома заколдован. Но не следовало ли все-таки, прежде чем покидать его, посоветоваться с вашим соседом Акавьей? Ведь ваши несчастья всегда были его несчастьями. Может быть, он хочет быть вашим соседом и на новом месте? Разве подобает приличным людям действовать за спиной человека, который был вам ближе брата?

Он готов был даже сказать, что все эти разговоры про порог — не что иное, как хитрость, придуманная для того, чтобы избавиться от него, Акавии...

Но когда он вспоминал, что Диаманти никому не открыла его позора, не обмолвилась и словом про их беседу, то понимал, что самое лучшее для него — молчать. Вскоре, однако, им снова овладевало непреодолимое желание перевернуть вверх дном весь мир — ведь по своей натуре он не мог скрывать ни своих мыслей, ни чувств, ни желаний.

И вот в ту пору, когда он был одержим гневом и отчаянием, пришла Диаманти и несколькими словами загасила пламя в его душе, как кувшин воды гасит пламя костра. Диаманти попросила Акавью помочь ей перенести корзину с посудой на новую квартиру.

— Послушай, Акавья, — сказала Диаманти, когда они оказались на улице. — Я вижу, ты сердишься, и твоя печаль меня огорчает. Но ты должен меня простить. Не из-за того, что я пренебрегаю тобой, мы перестали быть соседями, а из-за того, что я боюсь сама себя. Те слова, что ты сказал тогда, причинили мне много страданий. Каждую ночь меня мучают страхи и бессоница. И если бы мы не перестали быть соседя-

ми — я бы непременно заболела и уже никогда не поправилась. А разве ты желаешь моей смерти? Поэтому я подумала: пусть расставание с тобой будет платой за мою жизнь. Я тебе благодарна за все, что ты делал для меня, и прощаю тебе те слова, что ранили мое сердце. И ты прости меня за то, что я так поступила.

Акавья ответил дрожащим от волнения голосом:

— Что я могу сказать в ответ на сладкие, как мед, слова, произнесенные этими устами? Разве я достоин разговаривать с тобой или ходить рядом? Разве может уголь находиться рядом с алмазом? Нет, ни в коем случае! Могу ли я допустить, чтобы из-за меня тебе было худо? Уж лучше мне умереть! Я буду твоей купительной жертвой. Живи и здравствуй, а я — человек конченный.

Когда они приблизились к новой квартире, Диаманти пыталась утешить Акавью еще несколькими ласковыми словами. Обратно он шел один, с опущенной головой, разбитым сердцем и такой тяжестью во всем теле, будто возвращался после целого дня изнурительной работы.

Смотреть на пустые комнаты соседей и темные окна было для Акавии настоящей мукой. Даже Девятого ава, в день гибели Иерусалимского Храма, он не испытывал такой горечи, как в ту ночь, когда Диаманти впервые не было под одним кровом с ним. Лежа без сна, он понял, что не станет больше жить в этом дворе. На завтра же он нанял квартиру на другом конце Еврейской улицы.

Не успел еще Акавья как следует обосноваться на новом месте — прошло всего несколько дней после переезда, — как произошел ужасный случай в том доме, где он раньше жил.

Несчастье обрушилось на иерусалимских евреев, как гром среди ясного неба.

Однажды утром все были потрясены, узнав, что ночью в тот дом, где прежде жил Акавья, проникли грабители и зарезали нового жильца вместе с женой,

а их детей — двух мальчиков и девочку — ранили кинжалом. Соседи, выскочившие на крики, тоже были ранены. Бандиты пробрались во двор по крышам, а в комнату залезли через маленькое окошко под потолком. Человек, который поселился здесь, пожилой штукатур Иосеф-Нахман большую часть года был без работы и постоянно бедствовал.

Двор хахама рабби Ицхака наполнился людьми. Евреи со всего города стояли и в ужасе смотрели на следы страшного преступления. Как объяснить эту резню? Что могли воры найти в квартире такого бедняка? Если они искали золота, то напрасно, если же это была месть, так ведь все знают, что у штукатур не было врагов — ни среди арабов, ни среди евреев. Человек он был тихий, почти ни с кем не знался. Как же объяснить то, что произошло?

Услышав страшную весть, Акавья тоже пошел в свой бывший дом, где еще три дня назад сам ночевал. Когда он своими глазами увидел залитые кровью трупы штукатур и его жены и раненых детей, сердце в нем перевернулось, и он лишился дара речи.

Кто раскроет истинную причину страшного злодеяния?

Явились представители власти, составили протокол происшествия и забрали на допрос всех, кто жил в этом дворе. Некоторых продержали несколько дней под арестом. И хахам рабби Ицхак, и Акавья, и ночной сторож — марокканский араб — тоже были вызваны в полицию, их тоже допрашивали и задержали на несколько дней, но потом отпустили, как и прочих, ввиду отсутствия каких-либо улик.

Прошла неделя, другая, дело стало понемногу забываться, но Акавья продолжал думать о нем. Загадочность кровавого преступления тревожила его, не давала покоя. Мрак, которым было окутано это дело, казался слишком подозрительным. Тревожные догадки терзали душу Акавьи, а мысли сверлили мозг подобно мышам, грызущим пол под покровом

ночи. Чем согрешили эти несчастные, погибшие от ножа убийцы? Кто осудил их на смерть? Почему все произошло именно в его бывшей квартире? В том самом углу, где стояла его кровать? Сердце подсказывало Акавье, что причина трагедии в нем. Но кто, кто истинный убийца? Акавья напоминал глухого, который видит, что люди разговаривают, но не знает, о чем они говорят.

Власти, хоть и занимались этим делом и вели допросы, но на самом деле вовсе не стремились найти виновников преступления. Их вполне устраивало, чтобы тайна так и осталась нераскрытой.

Акавья не мог с этим смириться. Куда бы он ни шел, что бы он ни делал, днем и ночью страшная картина убийства стояла перед его глазами. Почему, почему еврейская кровь проливается безнаказанно? Нет покоя его душе. Днем он нигде не находил себе места, ночью он ворочался на своем ложе и не мог уснуть.

И чем больше размышлял Акавья об этом деле, тем крепче становилась его уверенность в том, что бандиты хотели зарезать не штукатур, а его, Акавью. То были не воры, не грабители, а наемные убийцы. И нанял их негодяй Феад. Тот самый Феад, которого три года назад Акавья сделал посмешищем в глазах десятков людей. Он затаил злобу и все эти годы мечтал о мести. И вот теперь, когда старое происшествие забылось, он счел, что наступил подходящий момент для расправы с Акавьей.

Теперь Акавья не сомневался, что это дело рук Феада. Во-первых, за неделю до убийства он исчез из Иерусалима. И после убийства его не видели ни на улицах, ни в лавке. Акавья выяснил, что именно в эти дни Феад побывал в нескольких отдаленных деревнях. Во-вторых, когда Феад наконец вернулся в Иерусалим и сидел со своими друзьями-евреями в кафе, слушая рассказ о таинственном ночном убийстве, жертвой которого стал бедный штукатур Иосеф-Нахман и его семья, он очень удивился. "Где,

где это случилось? — спросил он растерянно. — На какой улице?” А когда ему объяснили, где находится этот дом, он спросил: ”А разве это не дом Акавьи?” Ему ответили: ”Верно, он там снимал квартиру, но переехал, а его квартиру занял Иосеф-Нахман”.

Услышав это, Феад умолк, но все заметили, что он смущен.

Акавья поделился своими подозрениями с руководителями еврейской общины. Нужно обо всем рассказать властям, дабы негодяя привлекли к ответственности. Но раввины не согласились с Акавьей, они сказали, что среди градоправителей у Феада влиятельные родичи, и они не дадут этому делу огласки, найдут способ замаять его, так что нечего и начинать его. Пользы не будет никакой, а вред несомненный. И хахамы дали Акавье добрый совет — держать язык за зубами и не болтать лишнего.

Услышав этот ответ, Акавья рассвирепел. Горе общине, у которой такие руководители, и горе руководителям, которые так управляют общиной! Несчастны евреи, которые так живут и так умирают! Что думает Отец небесный, и почему Он ничего не замечает и не жалеет крови своих детей?!

Если раввины не собираются ничего предпринять, он будет действовать сам. В один прекрасный день Акавья обошел одиннадцать домов, и собрал одиннадцать евреев, известных своей физической силой и ревностным служением народу. То были грузчики и погонщики ослов. Он предложил им собраться за городской стеной — на Масличной горе.

В темноте, при слабом свете лунного серпа сидел Акавья в одиночестве возле кладбищенской ограды и ждал приглашенных. Они приходили по одному или вдвоем. Появился Масеуд Туфаль — староста грузчиков, человек горячего нрава и твердого слова; Элизер Галанти, которого все любили за ясный ум и приятные речи. Каждый из собравшихся был известен в городе, каждый чем-то отличился, доказал свою силу и отвагу.

Когда все сошлись — вместе с Акавьей их было двенадцать, — Акавья вытащил большую корзину с пирогами и крутыми яйцами. Со дна корзины извлек бутылку крепкого ароматного арака. Известно, что арак помогает желудку переваривать пироги.

Глотнув арака и отведав угощения, евреи принялись гадать, что же такое задумал Акавья, зачем пригласил их сюда, к древнему кладбищу, и угостил, как угощают в синагогах на богоугодных трапезах.

Акавья попросил у всех прощения за беспокойство. Он пригласил их именно сюда, потому что то, что он собирается сказать — это тайна. И прежде, чем они разойдутся, каждый должен торжественно поклясться, что никому не скажет о том, что услышал здесь.

— Любимые братья, все вы знаете Акавью — простого еврея, скромного жестянщика. Вы также знаете, что я не могу говорить складно и красиво. Я не хахам, что произносит друш. Но сердце мое сгорает от обиды и позора. А раз так, то я сказал себе: ты должен, Акавья, посоветоваться с людьми, у которых еврейские сердца, и они болят, когда задевают честь нашего народа.

Вы, братья, знаете, что этот негодяй Феад хотел убить меня, мою жену и моих детей. Это ясно. А те несчастные убиты по ошибке, безо всякой вины и безо всякой причины. С той минуты, как я это понял, я не нахожу себе покоя. Ночью я вскакиваю с постели, будто меня ужалил скорпион. С тех пор, как мои глаза увидели невинно пролитую кровь, я знаю, что должен найти убийцу. И теперь, когда я понял, что это Феад, я не могу молчать. Не могу больше нести этот груз и молчать. Я мог бы сразу отомстить негодяю. Я могу убить этого бешеного пса с такой же легкостью, как выпить стакан воды. Но я должен посоветоваться с вами. О себе я не думаю и не забочусь. Я должен его уничтожить. Но я боюсь, что эти нечестивцы начнут мстить из-за меня другим евреям. Вот что меня тревожит, вот что меня удерживает. Потому-то я и позвал вас. Что вы мне посоветуете? У вас горячие сердца, так подскажите, что мне делать и как. И вот что

еще я хочу сказать. Многое я передумал и много путей мысленно испробовал. Ведь уже несколько недель эти мысли преследуют меня неотступно, но я хочу раньше выслушать ваш совет, узнать ваше мнение.

Кто-то ему ответил:

— Верно говоришь, Акавья. Если ты сделаешь, как задумал, эти нечестивцы отомстят всем нам, и многие погибнут из-за тебя. Это ясно. И потому этот путь непригоден.

— Мы это знаем, — сказал другой, — и Акавья это знает. Но он же просит совета. Что делать? Разве допустимо, что этот выродок безнаказанно проливает еврейскую кровь?

Сказал третий:

— Его надо уничтожить, но тайно. Действовать надо хитро.

Акавья ответил:

— Нет, братцы. Только не тайно. Открыто, при всем честном народе, чтобы знали, что кровь евреев будет отмщена. Какой смысл убивать его тайно?

Всем захотелось высказаться, все говорили горячо, взволнованно, хвалили Акавию за его преданность народу, но все так или иначе повторяли то, что уже было сказано. Тогда поднялся Элизер Галанти.

— Вы сейчас напоминаете птиц в клетке, — сказал он. — Они прыгают туда-сюда, туда-сюда -- и не находят выхода, потому что дверца закрыта. Если Акавья убьет его открыто — мы навлечем на себя большую беду, и прольется кровь многих невинных жертв. Если он это сделает тайно — невелик прирост для евреев. Скорее всего, мы навредим сами себе. Не будет никакой пользы и ничего не изменится, потому что никто не будет знать, что мы отомстили, и иноверцы снова будут издеваться над евреями. Так что я не вижу выхода.

Затем Элизер обратился к Акавье:

— Мне кажется, братец, ты что-то задумал. Главного ты еще не сказал. Ведь все, о чем тут толковали, было ясно с самого начала. Но мы об этом деле думали ма-

ло, гораздо меньше, чем ты. Скажи нам, что ты решил. Зачем нам расходиться с пустыми руками и с тяжелым сердцем?

Акавья, который внимательно слушал все, что говорилось, поднялся и сказал:

— Послушайте, друзья, что я вам скажу. Элиэзер — самый благоуханный цветок нашего братства, я — его раб и слуга. У него чуткая душа. Поверьте мне, братья. Я говорю лишь то, что чувствует мое сердце. Он видит его, как на ладони. Он знает, что оно задумало. Он понимает его тайны. Сейчас, когда Элиэзер открыл, что таится в моем сердце, я расскажу вам обо всем.

И Акавья заговорил быстро и горячо, он был очень взволнован. Но так как он говорил сбивчиво и невнятно, его несколько раз перебивали и просили повторить сказанное. И он повторял и повторял. Его слушали в полной тишине. Под конец он открыл главное:

— День за днем я думаю об этом деле. Я рассказал вам лишь самую малость из того, что передумал, и мне кажется, я нашел решение. Я решил выбрать двенадцать человек — по числу колен Израилевых. И вот вы все здесь, мои братья. Я сказал себе: созову их, поговорю и узнаю, что у каждого на сердце. Если увижу, что сердца их горячи и пылают в них святое пламя любви к народу Израиля и ревностного желания постоять за его честь — тогда открою им то, что задумал. Если же нет этого пламени — то мы поговорим, выскажемся и разойдемся по домам. Каждый вернется к своим делам.

И вот теперь, когда Элиэзер коснулся сокровенных тайн моего сердца, я скажу вам: я хочу создать братство. Братство двенадцати. Все мы братья, у всех нас одно сердце. Нашей целью будет месть иноверцам за нашу поруганную честь. Кто бы он ни был — араб или турок, простолюдин или знатный министр, офицер или чиновник — если он издевается над евреями, притесняет и унижает их, а тем более убивает — он падет от наших рук! Ни один изверг не будет ходить по земле спокойно. ”Свершать

мщение над народами!”¹ Вершить справедливый суд! И будет у нас кто-нибудь главным. Его приказ — закон. Если кто попадет в тюрьму или погибнет — все остальные заботятся о его семье. У всех у нас — один карман. Все, что у нас есть, все, что мы зарабатываем, должно идти в пользу нашего братства. Ни одна живая душа не должна ни о чем знать. Но это — только начало. А потом начнем подбирать добрых людей — смелых, надежных, с чистым сердцем и сильными руками. Наше братство будет расти. Шаг за шагом — и мы станем большим, сильным, сплоченным отрядом. И мы вернем нашему народу утраченную честь и станем, как все народы. Если вам нравится моя мысль — я сразу же вношу в казну нашего братства все, что у меня есть — сто пятьдесят золотых лир. А главным пусть будет у нас Элизер Галанти. Он — самый подходящий. Нет среди нас более верного и более разумного. А я — его слуга. Его правая рука. Пойду, куда меня пошлет. Сделаю все, что прикажет.

А теперь я скажу об этом бандите Феаде. Если вы согласны, чтобы я его казнил публично, я так и сделаю. Братство позаботится о моей жене и детях. И в случае моей гибели, и в случае заключения в Акко². Если появится другой изверг и будет измываться над евреями, его казнит кто-нибудь из вас. Вот так. Когда они поймут, что возмездие неизбежно, они испугаются. Надо, чтобы их обуял смертельный страх!

Когда Акавья кончил, все заговорили:

— Хорошо говорил! Мы знали, что Акавья богатырь и стоит на страже нашей чести. Но по-настоящему узнали его только сейчас.

Масеуд Туфаль, который был на голову выше всех, воскликнул:

— Акавье — слава! В его сердце горит богатырский огонь наших предков. И этим огнем он зажег нас всех. Я чувствую, как пылает мое сердце. Сейчас мы видим,

¹ Псалмы 149:7.

² В Акко находилась старинная тюрьма.

что души наших предков живы. В Акавью вселилась душа богатыря Самсона! В нем горит огонь его мести!

Снова стали говорить о братстве. Кто-то спросил:

— А как оно будет называться? Наше братство должно иметь имя.

Но Акавья об этом не думал. Тогда Элизер Галан-ти, лучше других знавший Тору, сказал:

— Назовем наше братство "Щит Давида".

Все закричали в один голос:

— Правильно! Лучшего названия не придумать. Слава братству "Щит Давида"!

Все были согласны, чтобы возглавил братство Элизер Галанти. Элизер встал и произнес настоящую речь. Закончил он ее словами:

— Сегодня великое братство основано в Израиле. "И да будет с нами милость Господа Бога нашего!"¹. И да будет нам помощь от "Бога сотворившего небо и землю!"². Но помните, что для успеха нашего дела нужны верность и молчание. На сегодня хватит, пора расходиться. Время от времени мы будем собираться, чтобы обсуждать и решать все дальнейшие дела.

Акавья вынул свой мешочек с тфиллин, и каждый поклялся на них хранить в тайне все, о чем говорилось.

В темноте все направились через львиные ворота к Храмовой горе. На душе у всех было легко и радостно. И когда они неспеша подымались в гору, то казались призраками, что бродят по ночам среди иерусалимских развалин.

Назавтра Акавья утром вышел из дома и направился в свою мастерскую. Навстречу ему попался синагогальный служака. Поровнявшись с Акавьей, он остановился и сказал с особой значительностью:

— Ты приглашен к сеньору раввину.

Акавья удивился и спросил:

¹Псалмы 90:17.

²Псалмы 115:15.

— А что случилось? "Никому не давал я денег в рост и мне никто не одалживал"...¹

Тот ответил:

— Ничего не случилось. Просто сеньор раввин хочет с тобой поговорить.

— Ладно. Скажи, что приду.

— Сеньор раввин хочет видеть тебя сейчас. Иди со мной.

— Что значит "сейчас"? Мне нужно купить кое-что на базаре.

— Сеньор раввин сказал, что ты обязан явиться к нему немедленно — именем святой Торы.

Услышав это, Акавья умолк. У него разом иссякли все слова, а в душе зашевелились тревожные предчувствия.

Когда Акавья вошел в здание общины, его сразу повели к Ришон ле-Циону — высокому старику, неторопливо шагавшему по комнате. У раввина было чистое и приятное лицо. Длинная и широкая седая борода ниспадала на грудь мягкими прядями. На Первом в Сионе был роскошный шелковый халат, на голове красовался высокий тюрбан.

Когда Акавья вошел, раввин остановился. Акавья, опустив голову, с выражением покорности поцеловал ему руку.

Раввин уселся в большое кресло и сказал Акавье:

— Садись, сын мой.

Акавья присел на стоявший напротив стул. Раввин заговорил:

— Я пригласил тебя, Акавья, втайне от всех. Ты видишь, я ничего не сообщил раввинату и никому другому, а сам решил поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Да воздаст тебе Господь, наш учитель. В чем же дело?

— Ты знаешь, в чем дело... Ты сам знаешь...

— Нет, господин мой. Не знаю. Как я могу знать?

Раввин заговорил дружески:

¹Иеремия 15:10.

— Ты честный еврей, Акавья. Мне давно известно, что ты хороший человек и у тебя доброе сердце. И верно: твои намерения хороши. Но дела твои нежелательны. В глазах Божьих они нежелательны. И вообще нежелательны. Мы знаем, что несчастье с Иосефом-Нахманом... произошло из-за твоего легкомыслия... Но все это мы замалчиваем и закрываем на это глаза. Однако последние твои дела хуже прежних. И о них мы молчать не будем...

— Какие дела, мой учитель? Я что-то не понимаю...

— Не к чему притворяться, Акавья... Ты все прекрасно понимаешь. Я имею в виду то, что произошло вчера. Об этом союзе, о вашем братстве я говорю... Такие дела могут привести к гибели всей общины... Или ты в самом деле хочешь погубить еврейскую общину Иерусалима? Что бы ты ни думал по этому поводу, я тебе повелеваю: немедленно все прекратить, все эти опасные дела. Забудь и не вспоминай больше, все забудь. И не смей ничего делать по своей воле... без нас. Берегись, Акавья, берегись! Ты хочешь раздуть пожар, в котором мы все погибнем!..

Акавья был ошеломлен и подавлен. Лицо его померкло и осунулось. Он пробормотал:

— Но... как... Я хотел бы узнать... Как это стало известно вашей милости? Откуда? Каким образом?

— Ты напрасно спрашиваешь. Достаточно того, что ты сознался. И я обязываю тебя поклясться перед открытым свитком Торы в синагоге, что ты раскаиваешься и все это оставляешь...

Акавья сидел, уронив голову на грудь. Он походил на осужденного на казнь, стоящего перед палачом, который сейчас отрубит ему голову. Он был не в силах произнести ни слова.

А раввин продолжал говорить, доказывать и убеждать, и слова его, мягкие, как елей, причиняли боль, как уколы меча.

— Почему ты молчишь, Акавья? "Много мыслей в сердце человека..." Какие же мысли сейчас у тебя? Скажи мне.

Акавья поднял руку, словно умоляя немного обождать.

Раввин замолчал. Акавья продолжал сидеть в той же позе, как человек, которому открылось нечто такое глубокое и сокровенное, что он боится шевельнуться, чтобы не спугнуть мысль. Наконец Акавья встал и сказал твердо:

— Вы видите, господин раввин... кто я? Прах под вашей ногой... Прах и не более того... Ничтожество... Вы можете раздавить меня... А я... Я ваш приказ выполняю... Не отклонюсь ни вправо, ни влево... Но только при одном условии, если вы сообщите мне... Знайте — если вы мне скажете, что небеса все открыли вашей милости... или что вам было такое видение во сне — я не поверю. Не поверю. И не подчинюсь вашей чести. Вы действуйте, как знаете, а я буду делать по-своему. Но если вы мне скажете, кто из товарищей открыл нашу тайну — я сразу все прекращу и расскажусь... Братство отменяется... Какое братство, если нельзя верить людям — чего стоят все наши слова и какой смысл в нашей жизни... Все рушится...

Ришон ле-Цион оказался в трудном положении: с одной стороны — бездна, с другой — крутая гора... Он смутился.

Акавья не сводил с него горящего взора, будто хотел проникнуть в тайники сердца этого человека. Скажет ли он ему правду?..

Теперь раввин молчал и размышлял, а Акавья ждал.

Раввин провел рукой по лицу, словно отгоняя тяжелые мысли, и сказал:

— Скажу тебе правду, Акавья: не во сне мне приснилось и не небеса открыли мне это... Этого тебе достаточно?

— Да, достаточно, сеньор раввин... живите долго и в довольстве. Пусть будет так... Я пойду... — и он хотел поцеловать руку раввина.

— Обожди, сын мой... Поклянись... Ты должен дать клятву. Ты обязан поклясться.

— Какая нужда в клятве? Я даю слово. Поверьте, я не изменю ему.

— И все же я хочу, чтобы ты дал клятву.

— Какую клятву, мой учитель?

— Что ты распускаешь это братство и никогда не будешь собирать других. Что ты будешь избегать ссор с неевреями и, главное, что оставишь в покое этого негодяя Феада, дабы он не навел гибели на Божью общину. Во всем этом ты должен поклясться перед раскрытым свитком Торы в синагоге.

Акавья ответил:

— Да будет ваше благоденствие вечным! Во всем я готов поклясться, но только не в том, что оставлю Феада. Он заслужил смерти, и я вот этими руками его прикончу! Так велит Закон...

— Молчи, невежда! Что ты понимаешь в Законе!

— Тысячу раз прошу прощения, учитель. Все, что вы мне сказали, я принимаю и не отступлю от ваших слов ни на волосок. Но этот бандит, который убил отца, мать, детей и замыслил убить меня и мою жену — как он может оставаться безнаказанным и спокойно ходить по земле? Как он может продолжать ходить по Еврейской улице? Как можно видеть его и молчать? И зачем молчать? Ударьте меня своей сандалией по голове, но объясните, зачем молчать? Почему вы все молчите? Так вы заступаетесь за еврейскую кровь? Таковы повеления Торы? Я знаю: ваша милость страшится за общину. Вы правы. Но я сам отомщу за невинно пролитую кровь и сам понесу наказание. Пусть моя жизнь будет искупительной жертвой за еврейскую кровь. Своей жизнью я могу распоряжаться, как хочу.

Раввин говорил сдержанно, он старался убедить Акавью, что человек не вправе творить самосуд. Уголовное право — сложная и запутанная вещь. Даже великий Синедрион во времена Храма остерегался выносить смертные приговоры. А он, невежественный и малограмотный еврей, — как он смеет брать на себя такое страшное решение?

Но Акавья стоял на своем:

— Или привлечете к суду этого негодяя, или я сам отомщу за невинно пролитую кровь.

Сердце подсказывает ему, что он прав. И от своих слов он не отступится.

Ришон ле-Цион понял, что Акавью не удастся ни убедить, ни переспорить, и повелел ему предстать перед судом раввина.

Долго мучились раввины с Акавьей, многие пути и способы они испробовали, пытаясь заставить его изменить свое решение, но безуспешно. Три дня заседал суд. Раввины говорили с Акавьей мягко и снисходительно, как с маленьким упрямым, они рассказывали ему всякие поучительные истории и притчи, полагая, что таким образом удастся убедить его. Но он твердо стоял на своем, будто не с ним говорили и не его уши все это слушали.

Мудрые раввины, знатоки Торы, изливали на него изречения глубокие и проникновенные, и Акавья слушал, добросовестно сясь понять их суть. Но в его устах не было ни слов Торы, ни разумных ответов, а лишь одно:

— Или вы подадите в суд или я сам буду его судить.

Он повторял эти слова, ничего не добавляя и не умаляя. Все речи раввинов были подобны волнам, которые с шумом и гневом набегают на скалу, а затем откатываются назад. И сколько бы волны не молотили скалу, они не могут сдвинуть ее с места, и им остается только беспомощно откатываться назад.

Потом посыпались угрозы: его передадут властям как человека, опасного для общества. Его подвергнут отлучению. Попросят турок изгнать его из Иерусалима.

Но и тут у Акавии был готов ответ.

— Горе всем нам, если господа раввины стали доносчиками! Как низко мы пали! Теперь я вижу, что евреям не стоит жить на земле! Мало того, что все спокойно взирают на убийцу, мало того, что некому защитить невинных, наши раввины готовы отдать еврея на растерзание! Если вы подвергнете меня отлуче-

нию — это ничего не изменит. Ведь я ничего не прошу у людей. Пусть никто не приближается ко мне. Я ничего не потеряю. Не осталось здесь людей.

И сказав это, он вдруг запнулся, потому что подумал о Диаманти. Ведь и она не сможет с ним общаться... Но потом решил: так или иначе, но он уже не верит ни в Божью помощь, ни в помощь людей!

Даже если его выдворят из Иерусалима, он все равно вернется сюда и исполнит свой долг...

Три дня заседали раввины. А на четвертый день постановили: подвергнуть Акавью отлучению! Они думали: он не понимает, что значит отлучение. Когда он убедится в невыносимой тяжести этого наказания — он передумает и раскается.

И в ближайшую субботу глашатай суда раввината сильным и зычным голосом провозгласил во всех синагогах и молельнях:

— Хей сеньор хахам! От имени нашего почетного главы, учителя и раввина Ришон ле-Цион, да хранит его Господь, и от имени Суда справедливости доводится до сведения всей общины, что человек по имени Акавья Кордоверо, по профессии жестянщик, подвергается отлучению и отстраняется судебным приговором от каких-либо сношений с единоверцами. Запрещается любому из общины Израилевой находиться в пределах четырех локтей от него до тех пор, пока он не раскается.

И каждый, кто берег свою душу, удалялся от него.

И в той синагоге, где молился Акавья, появился глашатай. Увидев его, люди захотели узнать, что случилось в городе, о чем их оповещают публично.

И когда они услышали слова глашатая, молча посмотрели на Акавью, пошептались с недоумением, думая, что произошла ошибка. Не могли они поверить своим ушам.

Акавья же снял с себя талит, не торопясь сложил его и направился к выходу. И когда он шел, некоторые поспешно пятились, страшась оказаться в пределах четырех локтей от человека, подвергнутого отлучению.

Он вышел из синагоги, не склонив головы, как человек, многие годы отдавший своему делу и уходящий в почетную отставку.

19. МАТЬ МЕССИИ

Невозможно описать все, что произошло в те дни, когда над Акавьей висело проклятье отлучения. Именно о таких случаях сказано: "Слава Божья — утаить дело"¹.

Покинутый всеми Акавья держался дерзко, говорил непочтительно и творил дела, которые никому не делают чести. Но мы не станем распространяться об этом. Ведь известно, что о человеке нельзя судить по поступкам, которые он совершает в минуту отчаяния. Многие евреи — бедняк Элияху Халфон, Элизер Галанти, Масеуд Туфаль и другие, известные отвагой и физической силой, не могли смириться с приговором и ежедневно и ежечасно донимали раввинов требованиями пересмотреть дело и восстановить справедливость. Они не успокоились, пока на двадцать второй день с Акавьи не сняли отлучение. Надо сказать, что к тому времени негодяй Феад покинул город. Одни говорили, что он отправился паломником в Мекку и Медину, другие утверждали, что он и вовсе отправился на тот свет... Но так или иначе, причина раздоров исчезла, раввины отменили отлучение, и нет нужды задерживаться на этом.

Но и после того, как миновали ужасные дни, и община перестала относиться к Акавье, как к зачумленному, на сердце у него было тяжело и горько. Он продолжал пренебрегать заповедями и оставался не в ладах с Творцом.

А самым мучительным для него оказалось отношение Диаманти. Она не желала знать Акавью. И так как он ни в чем не мог упрекнуть эту благочестивую

¹Притчи Соломона 25:2.

и непорочную женщину, то ему оставалось лишь казнить самого себя.

После всех событий, доставивших столько страданий Акавье (и увлекших в свой водоворот и других — так бурное течение увлекает за собой камни), иерусалимские евреи были рады наконец вздохнуть спокойно. Жизнь вошла в свою колею. Один Акавья не находил себе места. Его тянуло к Диаманти. Он не мог жить без нее. Он должен был хотя бы видеть ее. Но бывшие соседи совсем перестали знаясь с Акавьей. Когда он был подвергнут отлучению — это было понятно. Но как только отлучение было снято, друзья и знакомые, люди достойные и богобоязненные, поспешили к нему, чтобы порадоваться вместе и восстановить старую дружбу. И только семья Альших не показывалась.

Такое странное поведение не могло не волновать Акавью.

Сердце его сгорало от гнева на соседей и от любви к Диаманти. Он был полон сострадания к ней, но обида делала его безжалостным и жестоким.

Он постоянно боролся с желанием навестить к соседям и взглянуть на Диаманти. Но нужно отдать ему справедливость: его останавливал страх повредить Диаманти, растревожить и огорчить ее, причинить ей боль и страдание.

Война Акавьи с самим собой длилась целых три месяца.

Однажды, 8 элула, когда у евреев принято посещать кладбище на Масличной горе, Акавья направлялся в свою лавку. Он шел и мысленно подводил итог всему, что с ним случилось. Он вспоминал то одно, то другое и вдруг сообразил, что прошло уже сто двадцать дней с тех пор, как семья Альших переехала на новую квартиру. Значит, ему удалось победить свою страсть. Он сдержал обещание, данное Диаманти. Он может гордиться собой — ведь он даже ни разу не приблизился к тому месту, где жила теперь Диаманти, не искал даже случайной встречи. И если

он не может вырвать ее из своего сердца, то он вырвет это сердце из своей груди. Да! Вот этими самыми руками!..

Ни один человек не подозревал, сколько упрямства и силы воли потребовалось Акавье, чтобы выстоять в этой битве. Только Всемогуший — если Он заглядывает в людские сердца — знает, какое это тяжелое сражение. Ведь оно ведется втайне, без единого звука и слова, и победа в нем не приносит ни славы, ни радости. Многие ли люди способны выдержать такое?

Приблизившись к лавке, Акавья почувствовал, что у него нет ни малейшего желания открывать ее. Пусто и тоскливо было на улице, пусто и печально было на сердце у Акавьи.

Он вернулся домой и уселся у окна. Жена подала ему кофе и кальян. Внезапно Акавья сорвался с места, будто на нем загорелась одежда, и торопливо зашагал по улицам Старого города. Он долго шел куда глаза глядят, заглянул на рынок, а затем увязался за гончаром, который тащил на спине мешок со своими изделиями.

Акавья вспомнил, что ему нужен кувшин, и решил, что как только гончар остановится, купит кувшин и пойдет домой. Но гончар, пройдя всю улицу, стал спускаться по широким ступеньям к Большой синагоге. Акавья следовал за ним. Он шел, ни о чем не думая.

Было десять часов утра...

Спустившись по лестнице, гончар вошел в один из дворов, Акавья — за ним. Возле входа в синагогу, внизу, стояла Диаманти. В одной руке она держала ведро, в другой — кувшин. Она собиралась войти в здание синагоги и набрать воды из большого колодца. В нем всегда была холодная и чистая вода.

Их взгляды встретились, и Акавья застыл на месте, будто его пригвоздили к земле. Его широко открытые глаза были пусты, а сердце колотилось, как у перепуганного мальчугана. Диаманти глядела на него снизу

вверх, и в ее глазах сиял свет всей вселенной и отражалось все самое прекрасное, что есть на земле. Вероятно, так смотрит человек, обратив взор к небу и воздавая в горячей молитве хвалу Богу, когда ему внезапно являются чудесные видения. Но язык ее был скован, и она не знала, что сказать.

Диаманти молча опустила голову, и лицо ее залил румянец.

Акавья набрался смелости и сказал:

— Доброе утро, моя царица!

— Доброе утро, братец. Что здесь делает Акавья в это время?

— Я не знал, куда иду, поверь мне. Не знал, что у меня на душе. И сам того не ведая, оказался здесь.

— И я. Несколько минут назад я не думала, что пойду сюда за водой. Может быть, от того, что я осталась одна в доме, мне вдруг захотелось набрать холодной воды. Все наши и соседи пошли на кладбище. Я осталась одна. Ключи от синагоги и от колодца хранятся у нас, потому что наш сосед — синагогальный служака. Вот я и решила набрать воды...

— Дай я понесу твои ведра...

Они вошли в синагогу. Поклонились Божьему храму и направились в дальний конец здания, за колонны. Здесь сумрак прорезали солнечные лучи, косо падавшие сквозь зарешеченное окошко под самой кровлей. Железная плита, прикрывавшая колодец, была на замке. Акавья открыл его и стал черпать холодную воду. Струйки воды стекали по жестяному желобу, как расплавленное серебро. И синие глаза Диаманти лучились серебрянным светом. Внезапно из-под крыши синагоги тоже хлынул яркий солнечный свет, будто прорвались небесные сферы, и весь мир оказался затоплен лучами.

Перед глазами Акавьи словно шелковые нити начали сплетаться золотые лучики. Он перестал черпать воду. Ведра были полны, как его сердце, из которого рвались тысячи слов. И он стал высекать из своего сердца слова сияющие и яркие, как лучи солнца.

Он опустил руку на плечи Диаманти, будто хотел ощутить эти лучи.

Диаманти сказала, вся трепеща:

— Акавья, ты говоришь, как во сне. Подумай, Акавья...

А он продолжал:

— Святость наполняет мое сердце. Творец, благословенно имя Его, говорит с нами из этого потока света. Я слышу глас Божий. Свет, свет...

— Акавья, ты меня целуешь. О, горе мне... Акавья...

— Ты — любимая дочь Творца, ты у Него одна. Еще не было среди Его творений такой жемчужины, как ты. Разве может Отец сердиться на свою любимую дочь?

— Акавья, Акавья, я твоя рабыня. Ступни ног твоих я буду целовать. Поддержи меня. Выведи на улицу. Ослабли мои руки. Мои ноги подгибаются. Пожалей меня, любимый...

— Святые ангелы тебя охраняют. Клянусь тебе, мы сейчас увидим их. Я не проживу и года, если мы не увидим их сейчас...

— Акавья, Акавья, ты добр... У тебя чистое сердце... Прошу, не надо... Ты хочешь разрушить мироздание. Рухнет вселенная... Горе мне... Остановись, Акавья! Наступи на шею сатане!

— Господь, благословенно имя Его, читает во всех сердцах. Он знает все тайны. Он повелел, Он сказал нам: "И люби Господа Бога твоего всем сердцем, всей душой..."¹. И я — я люблю Бога. Всем сердцем и всей душой... И дочь Его, единственную, я люблю...

— Ты сильный, Акавья... Кто может сравниться с тобой?.. Если ты падешь — мне не устоять. Ты увлечешь меня с собой... Мы попадем в преисподнюю. Я люблю тебя, Акавья, зачем же ты меня губишь?.. Помни, Акавья, ты меня губишь, ты убиваешь мою душу...

¹ Второзаконие 6:5.

— Пусть падет это на голову врагов и ненавистников! Тебя не коснется беда. Ты чиста, как ангел. Ты свята, как наши праматери. Я это знаю, и Творец это знает. Он все знает.

— Я погибла, Акавья. Я пропащая... Я потеряла себя...

— Ты не погибла, упаси Господи и ничего не потеряла. Зачем так говорить? Теперь самое время находить. Ты найдешь себя. И я найду себя. И между нами будет Творец.

— Остановись, Акавья! Знай, что если ты причинишь мне зло — я брошусь в этот колодец. И если сегодня ты меня остановишь, я сделаю это завтра. Я клянусь именем Божиим. Я поклялась!

Услышал эти слова Акавья — и задрожал, — такая была в них сила. Он разжал свои объятия и отступил, пристыженный и посрамленный. Диаманти стояла бледная как смерть.

— Теперь, — сказал Акавья, — я погиб. Ничего у меня не осталось на свете. Настал мой конец.

— Нет, Акавья, да убережет тебя Господь. Ты одолел и победил сатану. Ты спас себя и меня. Мы спаслись от преисподней. Бог на небе увидит наши страдания. Иди с миром, в добрый час.

— Диаманти, ты святая, ты ангел небесный. Скажи, ты не сердишься на меня? Или ты меня ненавидишь?

— Пусть полюбит тебя Господь, как я люблю тебя. Иди в добрый час. Иди, Акавья.

Он прислушался к звучанию ее слов, и ему показалось, что голос исходит из самого пространства синагоги. Может быть, глас Божий взывает к нему из этого святого храма?

Акавья вышел на улицу и зашагал, как лунатик, не зная, куда. словно невидимые руки подталкивали его в спину.

Через несколько дней до него дошел слух, что с Диаманти неладно — много часов подряд стоит она в углу своей комнаты, уставившись в стену и не говоря

ни слова. И никакие старания родных добиться от нее ответа не помогают. Акавья тотчас послал жену проведать семью Альших. Вернувшись, она подтвердила все, что говорили люди.

Спустя несколько дней Диаманти видели бродящей по улицам. Рассудок ее помутился. Она накладывала себе на живот под платье всякие тряпки и объясняла каждому встречному, что она беременна... И должна родить Мессию. Она, именно она, родит Мессию. Она мать Мессии...

Эта весть ошеломила Акавью. Он чувствовал себя так, будто его побили камнями. Но известно, что слова ранят сильнее, чем удары камней. Ведь эта казнь никогда не прекращается. Даже после того, как слово сказано, оно продолжает бить и терзать.

Акавья не осмеливался пойти взглянуть на Диаманти. "Сердце знает свою горечь..."¹ Горе ему, он во всем виноват. Горе ему, его руки сделали это!

Жизнь Акавии потеряла всякий смысл. Он не мог думать ни о работе, ни о заработке, ни о еде, ни о питье. Дни его проходили в мучительном безделье, а ночью он не мог сомкнуть глаз. Он чувствовал, что и сам сходит с ума. Но никому он и словом не обмолвился о том, что в его сердце.

Горечь, разъедающая душу, как яд. И это награда им обоим за то, что они не согрешили... Так воздали им небеса... Сокрыты пути Господа! Акавья и не думал, что все может так обернуться. Много страданий посылал ему Господь, но это превосходит все, превосходит все...

Диаманти поместили в лечебницу далеко за городом.

Теперь у Акавии осталось одно-единственное желание: увидеть ее. А потом будь что будет. Что он станет

¹Притчи Соломона 14:10.

делать и что ждет его — он не знает. Это и не важно. Огонь горит в его груди и пожирает его душу — он должен увидеть Диаманти.

Высокая ограда, как крепостная стена, окружает больницу. Там, за оградой, Диаманти. Она принцесса, попавшая в плен. Туда нельзя войти и оттуда никто не выходит.

Несколько дней Акавья бродил возле лечебницы, пока не решился подойти к привратнику. Тот был родом из восточных стран, и Акавья заговорил с ним на ладино. Получив несколько динаров, привратник стал любезнее и согласился устроить Акавье встречу с Диаманти.

В условленный день Акавья стоял у железных ворот больницы. Наконец подошел привратник и провел Акавью в сад, где его уже ждал служитель. По дорожке они направились в глубь сада. Служитель безо всяких опасений вел Акавью к зданию лечебницы: в этот час здесь не было ни врача, ни администратора, ни канцеляриста.

— Послушай, — сказал Акавья, — я думаю, мне лучше взглянуть на нее из какого-либо укрытия, чтобы она меня не заметила. Если она увидит меня, она начнет волноваться и это повредит ее здоровью.

Служитель покачал головой.

— Не беспокойся, этого не случится. Она ничего не помнит и никого не узнает. Ни родных, ни врачей. У нас тут есть разные больные... Есть тихие, а есть такие, что на всех набрасываются. Некоторые без конца разговаривают, а другие целыми днями молчат. Некоторые быстро приходят в себя, а некоторые находятся у нас годами. Есть такие, что вылечиваются, а есть совсем безнадежные. И эта женщина — жаль ее красоты — как раз из таких, нет для нее лекарства. Она останется безумной до самой смерти.

Акавья слушал и чувствовал, что ноги его слабеют и отказываются идти.

— Откуда ты знаешь? Так сказал врач?

— Так говорят все врачи — и самый главный, и его помощники.

— И ничего нельзя сделать? Но почему, почему такое несчастье? Неужели врачи не знают, в чем дело?

— Врачи-то знают. Главный сказал так: это оттого, что много лет она думала только об одном: она была бездетной и страстно желала иметь ребенка. И вот разум ее помутился. Но почему это случилось именно теперь, врачи еще сами не знают. Может, была какая-то причина... Вот ее комната.

Он приоткрыл дверь.

Акавья увидел пустую, тускло освещенную комнату. Диаманти он заметил не сразу: она сидела у стены за кроватью, поджав под себя ноги.

— Она любит прятаться, — сказал служитель, — почти все время сидит вот так в углу...

Они подошли ближе. Диаманти смотрела прямо перед собой и даже не повернула головы. Акавья стоял молча.

Служитель позвал ее по имени, и она подняла голову. Широко открытыми глазами она посмотрела на Акавью. Такого взгляда никогда раньше у нее не было. Страшная мука была в этом взгляде.

Акавья замер и не смел шелохнуться.

Долго глядела на него Диаманти, потом прошептала что-то невнятно и тихо застонала.

Сильный и бесстрашный Акавья задрожал.

— Все, — сказал он, — теперь я пойду.

Он вышел из палаты и торопливо зашагал к воротам. Служитель с трудом поспевал за ним.

Покинув лечебницу, Акавья пересек шоссе и начал взбираться по склону горы. Он шел так, будто его кто-то преследовал.

На закате он остановился и произнес вслух:

— Нет, я не сойду с ума. И не покончу с собой... Не доставлю этой радости моим врагам... Нет! Но

Ты, Господь, пребывающий в небесах, знай, что я
выхожу из Твоего подчинения. Я больше не хочу
знать Тебя. Я, Акавья! Живой и свободный человек!..

С тех пор напрасно дожидается его жена. День про-
ходит за днем, неделя за неделей, а он все не возвра-
щается.

И по сей день его нет...

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....

458

СОДЕРЖАНИЕ

ИЕХУДА БУРЛА	5
1. Акавья расстается с Торой	9
2. Акавья в горах	15
3. Так сказал Акавья	21
4. Проповедь о тфиллин	25
5. Любовь, ремесло, геройство	33
6. Томления Акавьи	50
7. Скитания	69
8. Во сне и наяву	97
9. Анахит	123
10. Спасение и скорбь	155
11. Тайна	176
12. Растерянность	200
13. Перемены	213
14. В Иерусалиме	235
15. Паломники	269
16. Искушение	278
17. Святая святых	307
18. Смятение	323
19. Мать Мессии	341

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1–2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Гершль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. Элиэзер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ

39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ МО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. СТАТЬИ ОБ ИУДАИЗМЕ. Сборник
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник.
69. СКОПУС. Антология
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛБОА

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ.**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:**

**П. Я. 21650,
ТЕЛЬ-АВИВ, ИЗРАИЛЬ.**

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ

Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. **АГГАДА.** Перевод с иврита. (Перепечатывается с издания 1922 г.)

Сборник легенд, рассказов, притч и изречений Талмуда и Мидрашей, отредактированных и снабженных комментариями составителей.

Ханох Бартов. **ПРИТВОРЩИК.** Роман. Перевод с иврита.

Автор — современный израильский прозаик. Книга, написанная в лучших традициях приключенческого жанра, знакомит читателя с "одним из героев и одной из жертв нашего времени". Человек, которого при загадочных обстоятельствах находят лежащим без сознания на шоссе, становится объектом запутанного и полного сюрпризов расследования.

ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ К ВОЗРОЖДЕНИЮ. Сборник статей.

Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля. Пер. с иврита.

С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе. (Перепеч. с изд. 1907 г., С.-Петербург).